INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2022, Том 5, №8

Подписано к публикации: 22.11.2022

Главный редактор журнала

Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор*
Авакян Рубен Осипович *(Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор*
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Белоцеркович Денис Валерьевич *(РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент*
Бирюков Павел Николаевич *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Василевич Григорий Алексеевич *(Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Сергей Владимирович *(РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Федор Петрович *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Глебов Игорь Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Громов Владимир *Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор*
Джалилов Эльвис Алимович *(РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент*
Жамулдинов Виктор Николаевич *(Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент*
Захарова Светлана Александровна *(РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент*
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович *(Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор*
Кириллова Ирина Александровна *(РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент*
Коваленко Вадим Николаевич *(РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор*
Кожевников Олег Александрович *(РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент*
Коршунова Ольга Николаевна *(РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор*
Лазарева Лариса *Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор*
Машовец Асия Океановна *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент*
Мельников Николай Николаевич *(РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент*
Минязева Татьяна Федоровна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Миронов Анатолий Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Михайлова Екатерина Владимировна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник*
Мишина Наталья Вячеславовна *(РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент*
Мустафаева Айтен Инглаб *(Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор*
Небратенко Геннадий Геннадьевич *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Николайченко Виктор Викторович *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,*
Остапович Игорь Юрьевич *(РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент*
Пешкова Христина Вячеславовна *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Русинова Вера Николаевна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Сумачев Алексей Витальевич *(РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор*
Халифаева Анжела Курбановна *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Числов Александр Иванович *(РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор*
Файзиев Шохруд Фармонович *(Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент*
Флоря Евгений Константинович *(Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент*
Шатковская Татьяна Владимировна *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Шошин Сергей Владимирович *(РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент*

«International Law Journal» включен в список ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru
Сайт: http://ilj-journal.ru
© International Law Journal, 2022

Содержание

Шишов А.В., Мартыненко К.А., Пивень А.В.
ВАЖНОСТЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 9-11

Конопляникова М.В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ 12-16

Краснов А.А.
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ
ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ 17-22

Крохина Ю.А.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПЛАТЕЖНЫХ РЫНКОВ: СУЩНОСТЬ
И ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 23-29

Кальгина А.А., Литвинова Д.В.
РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА CESSIO BONORUM НА
ПРИМЕРЕ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСВА РЕМБРАНДТА 30-37

Тронина Е.Г.
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЕЕ СУБЪЕКТОВ ПО ВОПРОСАМ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ 38-42

Сангулия А.Д.
МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА В КОНЦЕПЦИИ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА М.Н. КАПУСТИНА 43-46

Сорокин А.В.
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДВОКАТОВ
В РАЗНЫХ ВИДАХ АДВОКАТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ 47-50

Ярмонова Е.Н.
ЖЕНЩИНЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК
СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛОК 51-56

Бархо В.Ю.
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ АКТОВ 57-60

Мамиев А.Г., Цаликова М.Б.
ДОГОВОР ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ
ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ 61-66

Бавин Д.Е., Кузьмина К.С., Буянова Д.А.
ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО
ПРАВА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО
ПРАВА И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 67-70

Петров А.В., Горбатова М.К.
О РОЛИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА 71-75

Гилева Н.С.
ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА
В РОССИИ: НАРУШЕНИЕ ИЛИ СПАСЕНИЕ? 76-79

Лопанова А.П., Елизарова А.А.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЯХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 80-86

Талайковская Я.В.
СТАНОВЛЕНИЕ КОНСУЛЬСКОГО ИНСТИТУТА В РОССИИ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 87-92

Шатохина Е.Д.
ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ (ЧАСТЬ 1) 93-97

Ачитуева Ю.В.
К ПРОБЛЕМЕ ИЗЪЯТИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 98-102

Бусыгин А.А.
БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО, В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН 103-107

Гилева Н.С.
ПРАВОВАЯ НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ СУРРОГАТНЫХ МАТЕРЕЙ И ИХ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 108-112

Иналкаева К.С., Иналкаев А.А.
К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА И ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 113-116

Цветикова Т.В., Оксамытный В.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ 117-122

Янике Е.А.
РЕЖИМ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОБЫЧИ НЕФТЕГАЗОВОГО СЫРЬЯ 123-127

Александров А.Ю., Байтрукевич Е.С., Марченкова Е.А.
ИНСТИТУТ ВСТРЕЧНОГО ИСКА: ТЕОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 128-132

Плугарь Д.М., Васильева А.В.
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ 133-143

Гетман И.Б.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ 144-149

Захарова И.В.
АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 150-154

Лапко Г.К.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕНОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ 155-159

Посельская Л.Н.
ИНТЕГРАЦИОННАЯ РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И СРЕДСТВ В ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ 160-165

Рузаева Е.М.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 166-171

Чумакова О.В., Дрокин В.О.
КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХОЛДИНГОВЫХ СТРУКТУРАХ 172-177

Балашов И.Б., Вишканич Л.
К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И НЕЗАВИСИМОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ХОРВАТИЯ 178-188

Герасимова Л.А.
СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, ПРИВЛЕКАЕМОГО ДЛЯ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ ПО ДЕЛУ О СОУЧАСТНИКАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 189-193

Магомедова Е.А., Денисов И.М., Воробьева М.О.
СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ РЕЖИМЫ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 194-198

Худяков В.В., Черкасов Р.И.
ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО. БДИТЕЛЬНОСТЬ – ЗАЛОГ ЗАЩИЩЕННОСТИ 199-203

Чумакова О.В.
ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 204-208

Батова О.С., Шалыгина И.С.
К ВОПРОСУ О НАДЕЛЕНИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СТАТУСОМ ОРГАНА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА 209-214

Гибадуллин Т.Д.
СОВЕТ ЕВРОПЫ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 215-219

Одинцова Е.В.
ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 220-224

Васенёв М.И., Любенко Ю.В.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ 225-233

Contents

Shishov A.V., Martynenko K.A., Piven A.V.
THE IMPORTANCE OF MATERIAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS 9-11

Konoplyanikova M.V.
TRANSFORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA 12-16

Krasnov A.A.
FOREIGN EXPERIENCE IN REGULATING THE LEGALITY OF CAUSING HARM WHEN DETAINING A PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME 17-22

Krokhina Yu.A.
DIGITALIZATION OF PAYMENT MARKETS: ESSENCE AND BACKGROUND OF LEGAL REGULATION 23-29

Kalgina A.A., Litvinova D.V.
DEVELOPMENT OF THE CESSIO BONORUM INSTITUTE ON THE EXAMPLE OF REMBRANDT'S BANKRUPTCY PROCEDURE 30-37

Tronina E.G.
THE CONSTITUTIONAL BASIS FOR THE DELIMITATION OF POWERS OF STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS SUBJECTS ON THE MANAGEMENT OF THE EDUCATION SYSTEM 38-42

Sangulia A.D.
METHODOLOGY OF THE STUDY OF LAW IN THE CONCEPT OF GENERAL THEORIES OF LAW BY M.N. KAPUSTIN 43-46

Sorokin A.V.
FEATURES OF SOCIAL INTERACTION OF LAWYERS IN DIFFERENT TYPES OF LAWYER'S FORMATIONS 57-50

Yarmonova E.N.
WOMEN OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AS SUBJECTS OF CIVIL LEGAL TRANSACTIONS 51-56

Barkho V.Yu.
CRIMINAL LAW GUARANTEES OF BINDING JUDICIAL ACTS 57-60

Mamiev A.G., Tsalikova M.B.
LEGAL SERVICES CONTRACT: QUALIFYING FEATURES AND LEGAL QUALIFICATION 61-66

Bavin D.E., Kuzmina K.S., Buyanova D.A.
THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW AND THEIR PLACE IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL LAW 67-70

Petrov A.V., Gorbatova M.K.
ON THE ROLE OF LEGAL AWARENESS IN THE LEGAL SYSTEM OF SOCIETY 71-75

Gileva N.S.
LEGALIZATION OF PARALLEL IMPORTS IN RUSSIA: VIOLATION OR SALVATION? 76-79

Lopanova A.P., Elizarova A.A.
ON THE QUESTION OF LEGAL GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS IN THE CONDITIONS OF THE DEVELOPMENT OF COMPETITIVENESS IN THE PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS 80-86

Talaikovskaya Ya.V.
THE FORMATION OF THE CONSULAR INSTITUTION IN RUSSIA AND THE FEATURES OF ITS EVOLUTION AT DIFFERENT STAGES OF RUSSIAN STATEHOOD 87-92

Shatokhina E.D.
GENESIS OF THE DOMESTIC INSTITUTE OF THE RETURN OF A CRIMINAL CASE FOR ADDITIONAL INVESTIGATION (PART 1) 93-97

Achitueva Yu.V.
ON THE PROBLEM OF SEIZURE OF NARCOTIC DRUGS BY OPERATIONAL UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION 98-102

Busygin A.A.
BALANCE OF INTEREST OF TRUSTEES IN CONSUMER BANKRUPTCY 103-107

Gileva N.S.
LEGAL INSECURITY OF SURROGATE MOTHERS AND THEIR SPOUSES IN THE RUSSIAN FEDERATION 108-112

Inalkaeva K.S., Inalkaev A.A.
TO STUDY THE ISSUES OF THE FEDERAL STRUCTURE AND ORGANIZATION OF PUBLIC POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION 113-116

Tsvetikova T.V., Oxamytny V.V.
IMPLEMENTATION OF LEGAL CULTURE IN THE ORGANIZATION OF STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION 117-122

Yanike E.A.
THE REGIME OF ENVIRONMENTAL AND LEGAL REGULATION OF THE EXTRACTION OF OIL AND GAS RAW MATERIALS 123-127

Alexandrov A.Yu., Baitrukevich E.S., Marchenkova E.A.
INSTITUTE OF COUNTERCLAIM: THEORY, PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT 128-132

Plugar D.M., Vasilyeva A.V.
SOME ACTUAL PROBLEMS OF HOUSING RIGHTS OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR LEGISLATIVE REGULATION 133-143

Getman I.B.
ACTUAL PROBLEMS OF COUNTERING HUMAN TRAFFICKING 144-149

Zakharova I.V.
ADVOCACY: LEGAL PROBLEMS OF REPRESENTATION IN CIVIL PROCEEDINGS 150-154

Lapko G.K.
PROBLEMATIC ISSUES OF SYSTEMATIZATION OF THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE PROVIDING FOR LIABILITY FOR CAUSING DEATH 155-159

Poselskaya L.N.
THE INTEGRATION ROLE OF FORENSIC METHODS AND TOOLS IN OBTAINING INFORMATION ON CRIMES COMMITTED USING COMPUTER TECHNOLOGY AND THE INTERNET 160-165

Ruzaeva E.M.
THEORETICAL FEATURES OF THE PUBLIC SERVICE SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION 166-171

Chumakova O.V., Drokin V.O.
CORPORATE GOVERNANCE AND CORPORATE CONTROL IN HOLDING STRUCTURES 172-177

Balashov I.B., Vishkanich L.
ON THE THIRTIETH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE INDEPENDENT REPUBLIC OF CROATIA 178-188

Gerasimova L.A.
STATUS OF THE PERSON AGAINST WHICH CRIMINAL CASE SELECTED IN SEPARATE PROCEEDINGS IN CONNECTION WITH THE CONCLUSION WITH HIM OF A PRE-JUDICIAL COOPERATION AGREEMENT INVOLVED TO GIVE TESTIMONIES IN THE CASE OF PARTNERS IN A CRIME 189-193

Magomedova E.A., Denisov I.M., Vorobyova M.O.
SPECIAL TAX REGIMES AS A PLATFORM FOR THE SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION 194-198

Khudyakov V.V., Cherkasov R.I.
TELEPHONE FRAUD. VIGILANCE – THE KEY TO SAFETY 199-203

Chumakova O.V.
THE ORIGIN OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF CAPITAL CONSTRUCTION IN RUSSIA: PRE - REVOLUTIONARY PERIOD 204-208

Batova O.S., Shalygina I.S.
TO THE QUESTION OF DELEGATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES WITH SEPARATE STATE POWERS IN GUARDIANSHIP AND PATRONAGE SPHERE 209-214

Gibadullin T.D.
COUNCIL OF EUROPE AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE 215-219

Odintsova E.V.
FEATURES OF DIGITALIZATION OF MODERN ENFORCEMENT PROCEEDINGS: LEGAL ASPECT 220-224

Vasenyov M.I., Lyubenko Yu.V.
CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE LAW OF THE UNITED STATES OF AMERICA 225-233

ВАЖНОСТЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Шишов А.В.,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
Мартыненко К.А., старший следователь,
Следственный отдел по г. Клин главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Московской области,
Пивень А.В., кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация*: уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает определения понятия «вещественное доказательство», указывая только открытый перечень предметов, которые могут относиться к вещественным доказательствам. Такое положение дел создает на практике проблемы и вопросы, связанные с отграничением вещественных доказательств от иных доказательств. Положения ст. 81 УПК РФ предусматривают понятие «иные предметы и документы». Исходя из этого положения, можно сделать вывод, что вещественные доказательства представляют собой любое доказательство, которое способствует обнаружению преступления, а также установлению обстоятельств по делу.*

Ключевые слова*: вещественные доказательства, доказывание, уголовное преследование, производство по уголовному делу*

THE IMPORTANCE OF MATERIAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shishov A.V.,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
Martynenko K.A., Senior Investigator,
Investigative Department for the city of Klin of the Main Investigative Department
of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Moscow Region,
Piven A.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract*: the criminal procedure legislation of the Russian Federation does not provide for the definition of the concept of "material evidence", indicating only an open list of items that may relate to material evidence. This state of affairs creates in practice problems and issues related to the separation of physical evidence from other evidence. The provisions of Article 81 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provide for the concept of "other items and documents". Based on this provision, it can be concluded that physical evidence is any evidence that contributes to the detection of a crime, as well as the establishment of circumstances in the case.*

Keywords*: material evidence, proof, criminal prosecution, criminal proceedings*

Исходя из самой природы и основных характеристик вещественных доказательств, очевидно, что их следует признать материальными следами преступной деятельности, поскольку они принимали участие в совершении преступления, подвергались преступному воздействию, могли перемещаться, изменяться или быть созданными в результате совершения преступления [11, с. 322]. Доказательственное значение имеют не только физические характеристики предмета материального мира, но и также изменения, которым они были подвергнуты в результате преступления. Поэтому можно сделать вывод о том, что источниками доказательственной информации служат вещественные доказательства, которые представлены в естественной форме.

В науке существует множество мнений относительно понятия и содержания вещественных доказательств. С одной стороны, к вещественным доказательствам принято относить материальные объекты, которые содержат следы преступления [3, с. 312]. С другой стороны, вещественные доказательства представляют собой материальные носители доказательственных данных [12, с. 325]. Помимо этого, вещественные доказательства рассматриваются как предметы окружающей реальности, которые имеют на себе следы преступления. Такие следы осматриваются, изымаются, фиксируются в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме [9, с. 228].

Наиболее приемлемой представляется определение, согласно которому, вещественными доказатель-

ствами по делу являются объекты материального мира, обладающие свойствами доказательственной информации. Для наиболее подробной характеристики вещественных доказательств следует обратить внимание на такой признак как объективность. Признак объективности вещественного доказательства предусматривает, что создание сведений, которые содержит вещественное доказательство происходит в целях, которые не зависят от воли или желания человека. К примеру, орудие преступления имеет на своей поверхности следы в виду объективно сложившейся ситуации, а не потому что такие следы пожелал оставить преступник [5, с. 258].

При этом, рассмотрение вещественных доказательств как предметов не позволяет отразить всех сведений. Важной особенностью вещественных доказательств является то, что она информация о событии преступления, носителями которой они являются, содержится не в открытом виде, а должна быть считана путем исследования материального носителя. В отсутствие связи между информацией и материальным носителем невозможно сделать вывод о том, при каких обстоятельств был обнаружен и изъят предмет [7, с. 281].

Для вещественных доказательств предусмотрена форма и содержание. Содержанием вещественных доказательств является признаки и следы, свойства, имеющие отношение к преступлению. Данные свойства и признаки напрямую отобразились на предмете, доступны для восприятия, могут быть обнаружены при проведении осмотра. Установление наличия данных сведений является основанием для отнесения предмета к вещественным доказательствам. Если предмет не содержит сведений о доказательственных фактах по делу, то он утрачивает свое доказательственное значение. Кроме того, если не будет установлена история предмета, он не будет являться вещественным доказательством по делу [4, с. 33].

К особенностям вещественных доказательств следует отнести таких их признаки, которые связаны с тем, что вещественные доказательства представляют собой объективную информацию, представленную в материальном виде, данная информация должна быть зафиксирована в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Поиск и обнаружение вещественных доказательств осуществляет специально уполномоченными органами, которые проводят производство по делу. Вещественные доказательства предусматривают прямое воссоздание фактов, которые имеют значение для дела [12, с. 327].

Таким образом, положения уголовно-процессуального законодательства содержат только общие сведения о вещественных доказательствах, которые позволяют установить, что тот или иной предмет является вещественным доказательством. Учитывая обобщенные характеристики вещественных доказательств, которые были представлены в различных научных исследованиях, в качестве вещественных доказательств необходимо рассматривать предметы материального мира, которые имеют непосредственную связь с событием преступления, являются носителями следов преступления, надлежащим образом отражены в протоколе, а также изъяты и оформлены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Началом досудебного производства считается момент получения сообщения о преступлении, а его окончанием является направление уголовного дела прокурором в суд для рассмотрения по существу. Процесс доказывания начинается с возбуждения уголовного дела. Методы собирания вещественных доказательств обладают отличительными чертами, зависят от стадии уголовного процесса. Вещественные доказательства по делу должны отвечать критериям, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством для всех доказательств по делу. Допустимость вещественного доказательств определяется соблюдением порядка его получения [6, с. 90-92].

Субъекты доказывания условно могут быть разделены в зависимости от того, чьи интересы они представляют. Необходимо учитывать уголовно-процессуальный статус лиц, участвующих в деле, отсутствие у них личной заинтересованности в рассмотрении дела, наличие должностных полномочий, позволяющих проводить следственные мероприятия. Нарушением уголовно-процессуального законодательства является участие в процессе доказывания одновременно нескольких следователей в отсутствие следственной группы. Полномочиями по собиранию и закреплению доказательств по делу обладает следователь, в производстве которого находится уголовное дело. При наличии следственной группы полномочиями по собиранию доказательств обладают все ее участники [1].

Согласно мнению различных ученых, полномочия субъектов, которые принимают участие в собирании доказательств, различны, основаны на неоднородных должностных обязанностях [8, с. 291]. Данное положение относилось ранее к государственному обвинителю, который был наделен полномочиями по сбору доказательств в рамках осуществления уголовного преследования. Ранее государственный обвинитель имел право принимать участие в следственных действиях. На сегодняшний день прокурор лишен таких полномочий [2].

Вещественные доказательства могут быть получены в результате освидетельствования. Освидетельство-

вание проводит следователь в порядке ст. 179 УПК РФ. При освидетельствовании лица противоположного пола, если такое освидетельствование предусматривает обнажение, должен присутствовать врач. Если освидетельствование проводится в суде, для него предусмотрен такой же порядок. Ошибки, связанные с исследованием вещественного доказательства судом связаны в основном с отсутствием необходимой информации для разрешения дела, а также с отсутствием тщательной проверки, построением неверных выводов на основании исследованных доказательств. Предупреждение подобных ситуаций предусматривает проведение организационных мер, направленных на усовершенствование уголовно-процессуального законодательства, а также расширение доказательственной базы уголовного судопроизводства.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам (вместе с "Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам"): Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 № 449 // Собрание законодательства РФ, 18.05.2015, № 20, ст. 2915.

3. Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М., 2019. С. 312.

4. Костенко Р.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе // Современное право. 2006. № 2. С. 33.

5. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособ. М., 2019. С. 258.

6. Мамедов Р.Я. Вещественные доказательства и их допустимость в уголовном судопроизводстве России. Исторические аспекты использования вещественных доказательств // Закон и право. 2016. № 6. С. 90 – 92.

7. Михлин А.С. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. М., 2019. С. 281.

8. Османова Н.В. Институт подследственности в досудебном уголовном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 291 с.

9. Попова Н.А. Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов.: Саратовский юридический институт МВД РФ, 2017. С. 228.

10. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. М., 2020. С. 339.

11. Уголовный процесс: учеб. для студентов и преподавателей вузов / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова. М., 2016. С. 322.

12. Уголовный процесс: учеб. для студентов и преподавателей вузов. М., 2016. С. 325.

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 01.07.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF, 24.12.2001, № 52 (ch. I), st. 4921.

2. Ob uslovijah hranenija, ucheta i peredachi veshhestvennyh dokazatel'stv po ugolovnym delam (vmeste s "Pravilami hranenija, ucheta i peredachi veshhestvennyh dokazatel'stv po ugolovnym delam"): Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.05.2015 № 449. Sobranie zakonodatel'stva RF, 18.05.2015, № 20, st. 2915.

3. Belkin A.R. Teorija dokazyvanija: nauch.-metod. posobie. M., 2019. S. 312.

4. Kostenko R.V. Veshhestvennye dokazatel'stva v ugolovnom processe. Sovremennoe pravo. 2006. № 2. S. 33.

5. Lazareva V.A. Dokazyvanie v ugolovnom processe: ucheb.-prakt. posob. M., 2019. S. 258.

6. Mamedov R.Ja. Veshhestvennye dokazatel'stva i ih dopustimost' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii. Istoricheskie aspekty ispol'zovanija veshhestvennyh dokazatel'stv. Zakon i pravo. 2016. № 6. S. 90 – 92.

7. Mihlin A.S. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. otv. red. V.I. Radchenko. M., 2019. S. 281.

8. Osmanova N.V. Institut podsledstvennosti v dosudebnom ugolovnom proizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2019. 291 s.

9. Popova N.A. Veshhestvennye dokazatel'stva: sobiranie, predstavlenie i ispol'zovanie ih v dokazyvanii: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov.: Saratovskij juridicheskij institut MVD RF, 2017. S. 228.

10. Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Ugolovnyj process. M., 2020. S. 339.

11. Ugolovnyj process: ucheb. dlja studentov i prepodavatelej vuzov. pod red. N.S. Manovoj, Ju.V. Franciforova. M., 2016. S. 322.

12. Ugolovnyj process: ucheb. dlja studentov i prepodavatelej vuzov. M., 2016. S. 325.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Конопляникова М.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Аннотация: *местное самоуправление играет важную роль в построении современной России, позволяя воплощать в реальность идеи федерализма. Местное самоуправление представляет собой реализацию принципа народовластия в Российской Федерации путём передачи народу права самостоятельно управлять местными территориями и решать вопросы местного значения. Посредством осуществления муниципальной власти народ решает вопросы организации основ управления на местах, что позволяет повысить эффективность правового регулирования в государстве.*

Представление интересов народа осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях организации власти. Важной задачей современного государства является создание правового базиса для эффективного развития местного самоуправления. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Следовательно, органы местного самоуправления являются самостоятельными.

Однако модель местного самоуправления постоянно меняется и дополняется. В рамках настоящей статьи автор анализирует, как изменился институт местного самоуправления с момента его зарождения в рамках российской правовой системы. В частности, выявляется место местного самоуправления, а также анализируется как изменялась система его организации.

Ключевые слова*: местное самоуправление, государственная власть, модель управления, органы государственной власти*

TRANSFORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Konoplyanikova M.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow Region Branch of the Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Abstract: *local self-government plays an important role in the construction of modern Russia, allowing the ideas of federalism to be realized. Local self-government is the implementation of the principle of democracy in the Russian Federation by transferring to the people the right to independently manage local territories and resolve issues of local importance. Through the exercise of municipal power, the people decide on the organization of the foundations of local governance, which makes it possible to increase the effectiveness of legal regulation in the state.*

Representation of the interests of the people is carried out at the federal, regional and local levels of government organization. An important task of the modern state is to create a legal basis for the effective development of local self-government. Local self-government bodies are not included in the system of state authorities. Consequently, local self-government bodies are independent.

However, the model of local self-government is constantly changing and being supplemented. In this article, the author analyzes how the institution of local self-government has changed since its inception within the framework of the Russian legal system. In particular, the place of local self-government is identified, as well as the analysis of how the system of its organization has changed.

Keywords: *local self-government, state power, management model, public authorities*

Трансформация правового регулирования выступает обычным процессом для всех институтов, в том числе и для института местного самоуправления. Важнейшим документом, с принятием которого связывают появление института местного самоуправления в России, считается Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», вступивший в силу в апреле 1990 года. Именно данный закон подчеркнул, что органы местного самоуправления выделяются из системы органов государственной власти. Среди важнейших вопросов, закреплённых в данном законе, можно отметить установление принципов независимости и самостоятельности органов местного самоуправления, которые были регламентированы ст. 4 Закона. Из административной вертикали государственной власти были выведены Советы, а также исполнительные органы. В частности, были уничтожены отношения зависимости между местными органами и государственными органами исполнительной власти, которая выражалась посредством принятия последними обязательных для муниципальных органов решений.

Однако указанный Закон имел и ряд недостатков, которые стали очевидными по прошествии времени. Главным таким недостатком является то, что он не разграничил чётко компетенции органов государственной власти и муниципальных органов, а лишь определил критерии, которыми необходимо руководствоваться при разграничении компетенции.

В дальнейшем конкретизация положения органов местного самоуправления в российской правовой системе имела место после принятия Закона РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР». В рамках данного закона была решена важная проблема – самостоятельность органов местного самоуправления была не только провозглашена, но и были предусмотрены определенные механизмы реализации такой самостоятельности.

Впоследствии модель местного самоуправления была модернизована Указом Президента РФ от 26.10.1993 №1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации». Данный указ прекращал деятельность местных Советов. Также важно отметить, что данный указ фактически прекратил действия Закона 1991 года о местном самоуправлении.

В дальнейшем принципы местного самоуправления были закреплены в Конституции РФ 1993 года. Сразу после принятия Конституции сторонники самостоятельности местного самоуправления начали подготовку нового федерального закона об основах местного самоуправления в России. Однако данный закон не был принят сразу: законопроект был трижды принял Государственной Думой и дважды отклонен Советом Федерации. Проблема решилась преодолением Государственной Думой вето Совета Федерации после чего закон был подписан Президентом РФ. закон получил название Федеральный закон №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», вступивший в силу 1 сентября 1995 года. Однако в период с осени 1993 года до принятия нового закона местное самоуправление в стране фактически отсутствовало, что привело к тому, что власть на местах была сосредоточена в руках административных органов. С принятием нового закона о местном самоуправлении начался процесс укрепления муниципальной власти в России.

Новый закон позволил построить совершенно новую систему местного самоуправления в соответствии с нормами и принципами, закрепленными в Конституции РФ. При этом юридическая техника, использованная в данном законе, была на высоком для 1995 года уровне, что свидетельствует о тщательной проработке модели местного самоуправления.

В центре такой модели организации местного самоуправления находился принцип многообразия форм реализации права на местное самоуправление, что позволяло обеспечить реализацию конституционных прав граждан. Конструкция закона позволяла формировать различные модели местного самоуправления с учётом социального и экономического уровня развития государства. Важно отметить, что практика свидетельствовала о многочисленных случаях нарушения прав граждан, которые были вызваны укрупнением муниципальных образований и потерей тесной связи между органами местного самоуправления, и населением муниципального образования. Кроме того, Закон 1995 года так и не определил с точностью вопросы местного значения, что приводило к искажению модели муниципальной власти.

Пиком развития местного самоуправления в России считается 1998 год, когда Россия ратифицировала Европейскую Хартию местного самоуправления. Однако сложившаяся экономическая ситуация поставила под удар не только существование системы местного самоуправления, но и всего государства как такового. Именно поэтому было решено начать детальную проработку разграничения полномочий между государственными и муниципальными органами.

В отношении муниципальных полномочий было принято решение об их разделении на два уровня – поселенческий и районный. Это послужило толчком к принятию нового закона – Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который был подписан 06.10.2003 г. Данный закон был призван, среди прочего, решить уже давно назревший вопрос о разграничении собственности на федеральную, региональную и муниципальную. Кроме того, необходимо было определить схему владения, пользования и распоряжения природными ресурсами. При этом эти задачи должны были быть решены в кратчайшие сроки, так как нерациональное формирование состава объектов муниципальной собственности приводила к неэффективному управлению муниципальным имуществом.

Также Закон 2003 года установил точные формы непосредственного осуществления гражданами местного самоуправления. Кроме того, в ходе реформы 2003 года на федеральном уровне была определена одинаковая для всех регионов система территориальной организации местного самоуправления.

Последнее изменение модели местного самоуправления имело в 2020 году во время осуществления масштабной конституционной реформы. В рамках данной реформы, в частности, были внесены изменения в главу 8 «Местное самоуправление», которые во многом изменили устройство муниципальной власти в

России. Данные новации предполагают осуществление значительных преобразований, затрагивающих многие аспекты сферы местного самоуправления, в том числе территориальные и финансовые основы муниципальной власти, формы осуществления населением местного самоуправления [1].

Изменения были внесены и в ст. 132 Конституции РФ, которая теперь гласит, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Следовательно, в настоящее время органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему государственного управления. Однако встаёт вопрос о соотношении положений ст. 12 и ст. 131 Конституции РФ. Так, ст. 12 устанавливает, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Публичная власть представляет собой вид власти, осуществляемой открыто для общественности и в ее интересах. Публичная власть направлена на установление правил организации управления обществом и основных правил функционирования государства. Из указанного следует, что, само по себе, закрепление органов местного самоуправления в системе органов публичной власти не приводит к утрате независимости и самостоятельности данных органов.

Создание единой системы органов публичной власти направлено на организацию более детального взаимодействия между различными уровнями осуществления власти в государстве. При этом самостоятельность органов местного самоуправления не исключается [2]. Введение данного изменения в Конституцию направлено лишь на обеспечение скоординированности действий органов государственной власти и органов местного самоуправления с целью создания наиболее благоприятных условий для управления обществом и государством. Включение органов государственной власти и органов местного самоуправления в единую систему позволит создать единую систему управления обществом, что, в конечном счете, служит средством обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина. Следовательно, положения ст. 12 и ст. 131 Конституции РФ не противоречат друг другу, а лишь дополняют свое содержание, устанавливая более расширенное толкования муниципальной власти в Российской Федерации.

Так, ст. 131 Конституции РФ дополнена ч. 1.1, которая гласит, что органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом. Закон об общих принципах организации МСУ также устанавливает случаи участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления. Так, ч. 2 ст. 36 Закона об общих принципах организации МСУ устанавливает, что законом субъекта Российской Федерации могут быть установлены учитываемые в условиях конкурса требования к уровню профессионального образования и (или) профессиональным знаниям и навыкам, которые являются предпочтительными для осуществления главой муниципального района, муниципального округа, городского округа, городского округа с внутригородским делением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления. Из указанного следует, что органы государственной власти наделены правом установления квалификационных требований к главе муниципального образования.

Однако закрепление данного положения на уровне Конституции показывает, что в России в настоящее время имеет место процесс вмешательства органов государственной власти (в большей степени органов государственной власти субъектов РФ) в деятельность органов местного самоуправления, что, в конечном итоге, может привести к тому, что местное самоуправление станет частью государственной власти на региональном уровне.

В соответствии с Федеральным законом от 08.12.2020 №394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» публичная власть представляет собой власть публичных органов [3, 5]. Закон о Государственном Совете еще раз закрепил единство федеральных и региональных органов государственной власти, а также органов местного самоуправления посредством создания единой системы органов публичной власти. Однако данное положение не означает, что указанные органы потеряли свою самостоятельность. Несмотря на это, по нашему мнению, излишнее вмешательство органов государственное власти в деятельность органов местного самоуправления может нарушить самостоятельность последних.

Сущность конституционной реформы относительно правовой регламентации властных структур в государстве состоит в совершенствовании организации публичной власти. Именно поэтому в Конституцию РФ активно внедрились понятия публичной власти и ее системы.

Конституция РФ устанавливает, что местное самоуправление осуществляется в рамках муниципальных образований, виды которых установлены законом. Большое значение при определении границ муниципальных образований имеют исторически сложившиеся границы, а также традиции и обычаи народов, проживающих на данной территории. Внутренняя организация органов местного самоуправления опреде-

ляется населением с учётом общих принципов, которые закреплены в Конституции РФ и в Федеральным законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Исследователи отмечают, что местное самоуправление уже давно фактически входит в систему государственного управления. Однако до внесения поправок в Конституцию РФ данное положение не было закреплено на законодательном уровне. Такое закрепление положения муниципальной власти необходимо для укрепления властных структур в государстве в целом [4].

В связи с внесенными в Конституцию РФ изменениями, 16.12.2021 в Государственную Думу РФ поступил законопроект №40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Он призван полностью заменить действующий ныне Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Многие положения данного законопроекта фактически дублируют Закон об общих принципах организации МСУ. Однако законопроект предполагает переходный период до 1 января 2028 г., который необходим для обеспечения финансовой и технической возможности создания единой системы публичной власти.

Законопроект предполагает построение одноуровневой системы местного самоуправления. В частности, предлагается оставить такие виды муниципальных образований как городской округ, муниципальный округ и внутригородская территория города федерального значения. Важно отметить, что нововведения не повлияют на социальные программы и не повлекут закрытие социальных учреждений.

Важные изменения предлагаются в области избрания главы органа муниципального образования. Так, выборы могут проходить тремя основными способами: в формате прямых выборов, представительным органом из своего состава, либо представительным органом из числа предложенных главой региона кандидатур, в этом случае он также будет главой местной администрации. В отношении представительного органа установлен единственный способ его формирования – муниципальные выборы.

Среди положительных моментов можно отметить ужесточение ответственности глав муниципальных образований.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о продолжающемся реформировании местного самоуправления в Российской Федерации и встраивании его в вертикаль государственной власти [5].

Литература

1. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/ (дата обращения: 16.10.2022)

2. Колесников А.В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. № 7. С. 44 – 49.

3. Конопляникова М.В. Понятие и сущность государственного контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 10. С. 15 – 17.

4. Конопляникова М.В. Развитие местного самоуправления в России в свете конституционных поправок // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: сборник материалов всероссийской научно-теоретической конференции, 15 апреля 2022 г. (Московский областной филиал МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя) / Под общей ред. С.Г. Куликовой, М.В. Конопляниковой. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2022. 265 с.

5. Селихова О.Г. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов органов местного самоуправления в предмете прокурорского надзора: проблемы практики // Современный ученый. 2021. № 1. С. 277 – 282.

6. Щепачев В.А. Конституция Российской Федерации 2020 г.: местное самоуправление в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 37.

References

1. Federal'nyj zakon ot 8 dekabrja 2020 g. № 394-FZ «O Gosudarstvennom Sovete Rossijskoj Federacii». Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/ (data obrashhenija: 16.10.2022)

2. Kolesnikov A.V. Mestnoe samoupravlenie kak jelement edinoj sistemy publichnoj vlasti. Obrazovanie i pravo. 2020. № 7. S. 44 – 49.

3. Konopljanikova M.V. Ponjatie i sushhnost' gosudarstvennogo kontrolja. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2006. № 10. S. 15 – 17.

4. Konopljanikova M.V. Razvitie mestnogo samoupravlenija v Rossii v svete konstitucionnyh popravok. Pravo, obshhestvo, gosudarstvo: problemy istorii, teorii i praktiki: sbornik materialov vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, 15 aprelja 2022 g. (Moskovskij oblastnoj filial MosU MVD Rossii imeni V.Ja. Kikotja). Pod obshhej red. S.G. Kulikovoj, M.V. Konopljanikovoj. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ja. Kikotja. 2022. 265 s.

5. Selihova O.G. Antikorrupcionnaya ekspertiza normativno-pravovyh aktov organov mestnogo samoupravleniya v predmete prokurorskogo nadzora: problemy praktiki. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 1. S. 277 – 282.

6. Shhepachev V.A. Konstitucija Rossijskoj Federacii 2020 g.: mestnoe samoupravlenie v edinoj sisteme publichnoj vlasti. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 12. S. 37.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Краснов А.А., аспирант,
Кубанский государственный университет

Аннотация: *вопрос о допустимости причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление занимает особое положение в правовом государстве, поскольку определяет вектор взаимоотношений государства и личности, правомочия уполномоченных лиц по поддержанию законности и правопорядка, пресечению преступлений. Правовая регламентация данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, несет на себе груз негативного исторического наследия, что существенным образом искажает и содержание законодательной регламентации и правоприменительной практики. Поиск путей оптимизации нормативной регламентации причинения вреда при задержании лица, совершившего преступления обуславливает обращение к аналогичному опыту зарубежных государств. В рамках статьи автор представил результаты компаративистского исследования уголовно-правовых источников более пятнадцати государств (Австралия, Азербайджан, Беларусь, Болгарии, Великобритания, Казахстан, Канада, Италия, Латвия, Молдова, Норвегия, Сан-Марино, Турция, Узбекистан, штат Техас, штат Нью-Йорк, США, Швеция, Франция). По итогам исследования определено, что наблюдаются существенное различие законодательных концептов в законодательстве государств общей и континентальной систем права. Помимо этого, значительным своеобразием отличается правовая регламентация причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в государствах ближнего зарубежья. Автором определены основные направления оптимизации содержания ст. 37 УК РФ, а именно, уточнение субъектного состава; включение помимо объективного, так же субъективного критерия оценки правомерности причинения вреда; закрепления условий правомерности применения оружия.*

Ключевые слова: *задержание, правомерность, компаративистский метод, арест, причинение вреда, оружие, потерпевший, сотрудник правоохранительных органов, имплементация, преступник*

FOREIGN EXPERIENCE IN REGULATING THE LEGALITY OF CAUSING HARM WHEN DETAINING A PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME

Krasnov A.A., Postgraduate,
Kuban State University

Abstract: *the question of the admissibility of causing harm during the arrest of a person who has committed a crime occupies a special position in the rule of law, since it determines the vector of relations between the state and the individual, the powers of authorized persons to maintain law and order, and to suppress crimes. The legal regulation of this circumstance, which excludes the criminality of the act, bears the burden of a negative historical legacy, which significantly distorts the content of legislative regulation and law enforcement practice. The search for ways to optimize the normative regulation of causing harm during the arrest of a person who has committed a crime leads to an appeal to the similar experience of foreign states. As part of the article, the author presented the results of a comparative study of criminal law sources from more than fifteen states (Australia, Azerbaijan, Belarus, Great Britain, Kazakhstan, Canada, Italy, Latvia, Moldova, Norway, San Marino, Turkey, Uzbekistan, Texas, New York, USA, Sweden, France). Based on the results of the study, it was determined that there is a significant difference in legislative concepts in the legislation of the states of the common and continental systems of law. In addition, the legal regulation of causing harm during the detention of a person who has committed a crime in the states of the near abroad is distinguished by a significant originality. The author defines the main directions for optimizing the content of Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely, clarification of the subject composition; the inclusion, in addition to the objective, as well as the subjective criterion for assessing the legitimacy of causing harm; fixing the conditions for the legality of the use of weapons.*

Keywords: *detention, legality, comparative method, arrest, harm, weapon, victim, law enforcement officer, implementation, criminal*

В концептуальных реалиях современного общества признающих паритетными как интересы общества, так и интересы отдельной личности, достаточно дискуссионным выступает вопрос о правомерности причинения вреда при задержании правонарушителя. Правовая регламентация названного подинститута в России отличается фрагментарностью, что формирует серьезные правоприменительные проблемы как на уровне уголовно-правовой квалификации причинения вреда при задержании преступника, так и в сфере противодействия преступности, в аспекте вопроса о границах полномочий сотрудников правоохранительных органов при пресечении и недопущении правонарушений.

Как известно, одним из эффективных способов оптимизации национального права является имплементация положительного опыта международного и зарубежного законодательства. В этой связи следует обратиться к иностранным источникам права, устанавливающих юридические признаки правомерности задержания преступника. Предваряя детальный анализ указанной группы норм права следует сразу обратить внимание на то, что в зарубежном законодательстве отсутствует унифицированный подход к их закреплению. Так, в источниках уголовного права целого ряда государств отсутствуют самостоятельные положения о причинении вреда при задержании (Австрия, Германия, Испания, Польша, Швейцария, Эстония). В тех же странах, где подобная правовая конструкция нашла закрепление, наблюдается диаметральность подходов к определению ее правовой природы и границ правомерности причинения вреда при задержании.

Обращает на себя внимание, что пристальное внимание урегулированию вопросов правомерности причинения вреда при задержании правонарушителя уделено в государствах общей системы права (Великобритания, Канада, США). Так, согласно действующей статьи №3 Закона Великобритании «Об уголовном праве и уголовном законодательстве» [1] действующего с 1967 года и раскрывающий положения о том, что человек (как гражданин так и лицо без гражданства или гражданин другого государства) может использовать свою физическую силу, которая в дальнейшем будет являться допустимой для осуществления им интересов законного ареста правонарушителя или подозреваемого лица застигнутого в совершении противоправных действий, или во время оказания помощи такому аресту. Единственное основание в таких случаях для полного исключения уголовной ответственности по действующему законодательству – это реальные действия и реальная защита именно публичных и частных интересов любых лиц от наступления возможного преступного посягательства. Действующий в настоящее время уголовный кодекс Канады в нормативно-правовой норме статьи 25 содержащейся в Главе «Защита лиц, управления и обеспечения соблюдения закона» которая содержится в части I то есть «Общая часть» [2] раскрывает уникальные фрагменты содержащиеся в изучаемой норме, согласно которой именно частное лицо как озвучивает законодатель оправдывается в применении такого размера или объема применяемой физической силы, как это в действительности необходимо для реализации применения меры связанной с арестом, если оно действует в рамках разумного и основанного на законе описываемого правила [3, с. 303].

Как и для других зарубежных государств для американского законодателя стоит сложная дилемма отграничения необходимой обороны от причинения вреда при задержании преступника. Решение указанного вопроса осуществлено в зависимости от субъекта причинения вреда. Для применения положений о правомерности причинения вреда при задержании определяющим выступает то обстоятельство, что его причиняет третье лицо, наделенное специальными полномочиями по пресечению преступлений. Так, согласно статьи 35.30 УК одного из штатов Нью Йорка, служащие полиции или иные должностные лица в пределах своих полномочий, имеющие права наблюдательного характера за соблюдением общественного порядка в ходе производства или предпринимаемой попытки ареста… в полной мере могут применить физическую силу тогда и в такой степени, когда и настолько, как они разумно полагают не выходя за рамки законодательной инициативы и это им необходимо, чтобы произвести качественные действия в виде ареста…» [4, с. 25]. Сходные же правовые условия прописываются и легально закреплены в существующей уголовно-правовой норме статьи 9.51 УК Штата Техас а именно данные признаки раскрываются при «Аресте и обыске», согласно которым действующий сотрудник правоохранительного органа или лицо, действующее в присутствии и в соответствии с указаниями такого сотрудника правоохранительного органа, оправдано на основании реализуемых уголовно-правовых норм применяет такое насилие в отношении другого лица в случаях и в таких допустимых пределах, в которых, как такой деятель разумно полагает. При этом такое насилие является тотчас необходимым для производства или содействия аресту или обыску, или для предотвращения побега после применения процессуальных действий в виде ареста… » [5, с. 110-11]. Однако, как следует из приведенных положений, в отличие от УК штата Нью-Йорк право на арест делегировано в штате Техас и обычным гражданам. Данное положение развивается в части Б ст. 9.51 УК штата Техас согласно которого, применение насилия в отношении другого частного лица с целью его ареста будет правомерным и со не

сотрудников правоохранительных органов, при обязательном соблюдении целого ряда условий: 1) применение насилия «тотчас необходимо»; 2) предупреждение о применении насилия в отношении лица, подвергнутого аресту; 3) пределы применения насилия обусловлены целью – осуществить арест; 4) цель и основания ареста заведомо известны лицу, подвергаемому аресту, или когда объявление цели и оснований ареста не представляется разумно возможным. Вместе с тем, УК штата Техас безапелляционно исключает правомерность применения насилия при оказании сопротивления аресту или обыску (ст. 9.31 УК штата Техас). В указанной норме содержится специальная оговорка – «даже если такой арест или обыск были незаконными…». В рассматриваемом источнике права определены условия правомерности причинения смерти при аресте, согласно нормативным предписаниям, условия правомерности в данном случае лежат в плоскости соблюдения следующих требований: 1) необходимость незамедлительного применения насилия для пресечения уклонения от ареста; 2) арест применяется в отношении лица, совершившего преступление против жизни либо покушение на него; 3) опасность для жизни или здоровья (причинение тяжкого вреда) лицам, осуществляющего арест (ст. 9.31 УК штата Техас). Интересными представляются положения данного источника уголовного права относительно правомерности причинения вреда при пресечении побега из мест лишения свободы. Исходя из содержания ст. 9.52 «Предотвращение побега из-под стражи» УК штата Техас для пресечения побега допустимо применения насилия, вплоть до причинения смерти, при условии, что его целью выступает задержание лица, применение насилия выступает единственно возможной и необходимой мерой пресечения побега и для задержания.

Столь детальная регламентация вопроса правомерности причинения вреда при задержании являет собой позитивный опыт, поскольку установление нормативных границ деятельности сотрудников правоохранительных органов и приравненных к ним лиц, в рамках силового противодействия при сопротивлении их законным требованиям, дает правовую основу соблюдения прав всех лиц, вовлеченных в ситуацию ареста или задержания. Для полицейских понимание границ правомерности своих действий, для лиц, совершивших преступление, осознание последствий при неповиновении законным требованиям, для третьих лиц – безопасность повседневной жизни.

В ряде государств континентальной системы права так же осуществлена регламентация вопросов причинения вреда при осуществлении должностными лицами своих законных правомочий. Так, в отличие от американского законодатель Норвегии не проводит четкого водораздела между необходимой обороной и причинением вреда при законном задержании. Оба названных обстоятельства регламентируются в параграфе 48 УК Норвегии, где условия правомерности причинения вреда как при необходимой обороне, так и задержании описаны в едином ключе. Отличие указанных обстоятельств, исключающих преступность деяния, обусловлено лишь субъектом причинения вреда. Специальный субъект причинения вреда при задержании и аресте закреплен и в УК Швеции [6, с. 320]. В гл. 24 указанного источника права описаны две ситуации правомерного причинения вреда: при побеге или оказании силового сопротивления со стороны лиц, заключенных под стражу, и в отношении лиц, оказывающих сопротивление законным требованиям сотрудника правоохранительного органа.

В унисон уголовным законам других европейских государств УК Сан-Марино в ст. 43 так же закрепляет правомочие должностного лица на применение средств физического принуждения для преодоления сопротивления, оказываемого законному действию властей или воспрепятствования насилию, направленному против этих властей [7, с. 54]. Согласно же ст. 40 УК Сан-Марино причинение вреда при исполнении долга или законного распоряжения властей не наказуемо. Исключение уголовной ответственности распространяется и на случаи причинения вреда при исполнении незаконного распоряжения, при отсутствии в нем явно выраженных признаков преступного характера. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в отличие от американского законодательства, применение оружия для задержания или ареста запрещено. Случаи применения оружия ограничены исключительно пресечением совершаемого насильственного преступления. Аналогичное положение закреплено и в ст. 122-4 УК Франции. Относительно применения оружия, соответствующие развернутые положения содержатся и в УК Италии, которые транслируют о применении служебного оружия или иного средства физического принуждения [8, с. 163].

По такому же пути идет и турецкий законодатель, закрепляя в ст. 49 УК Турции право специально уполномоченных сотрудников правоохранительных органов на причинение вреда при задержании подозреваемых или обвиняемых в преступлении. В указанной норме закреплены следующие основания причинения вреда: 1) исполнение предписания закона или приказа, отданного уполномоченной инстанцией, выполнение, которого является служебной обязанностью; 2) вынужденная в ситуации, вызванной необходимостью защиты от противоправного посягательства как на свою личность и честь, так и другого; 3) вынужденная в ситуации, вызванной необходимостью предотвращения серьезной и реальной

опасности, угрожающей самому лицу или другому лицу, которую иначе невозможно было бы предотвратить [9, с. 60-61]. Таким образом, причинение вреда в указанных обстоятельствах будет обладать признаками правомерности если: основано на законе или легитимном приказе; является служебной обязанностью; носит вынужденных характер; достижение цели защиты личности и чести [10]. Причинение вреда в данном случае допускается исключительно для пресечения преступного посягательства.

Более широкий субъектный состав освобождения от ответственности при причинении вреда при превышении мер по задержанию предусмотрен в государствах ближнего зарубежья. Это характерно для государств с советским прошлым, как отражение широкой вовлеченности населения в общественную жизнь в том числе и правоохранительную деятельность. Так в УК Болгарии [11] в ст. 12а, правомерно причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для передачи органам власти и предотвращения возможности совершения им нового преступления, если задержать его другими средствами не представлялось возможным и не было допущено превышения необходимых и предусмотренных законом мер. В УК Беларуси так же помимо специально уполномоченных лиц, право на задержание предоставлено и гражданам, о чем содержится специальное указание в ч. 3 ст. 35 УК Беларуси. Условиями правомерности причинения вреда в данном случае, согласно ч. 1 ст. 35 УК Беларуси [12] выступают: цель в виде основного мотива задержания для передачи органам власти; если у лица имеется установленный факт реальной возможности и попытки скрыться от органов предварительного следствия и органов суда [13].

Обладает своеобразием более широкое закрепление границ правомерности мер по задержанию УК Узбекистана [14], поскольку в нем применение силы обусловлено не только задержанием лица, подозреваемого в совершении преступления, но и в отличие от всех изученных в ходе исследования уголовных законов зарубежных государств – правонарушения (ст. 39 УК Узбекистана). Вряд ли следует признать удачным данное законодательное положение, поскольку общественная опасность правонарушения не позволяет признавать обоснованным причинения вреда здоровью и тем более жизни, лицу его совершившему, даже и при оказании им сопротивления. Помимо этого, в рассматриваемом источнике содержится указание на то, что «при оценке правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, учитываются его действия по избежанию задержания, силы и возможности задерживающего, его душевное состояние и другие обстоятельства, связанные с фактом задержания».

Такие концептуальные основы дают возможность говорить о том, что компаративистское исследование зарубежных уголовных законов свидетельствует о перспективности и практической обоснованности обособления такого самостоятельного основания, исключающего преступность деяния, как – причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Несмотря на разность подходов к его регламентации в американском и европейском законодательстве, следует признать их рациональность в той или иной мере. Перспективным представляется закрепление в законодательстве США права на применение оружия в целях защиты от нападения преступника и задержания его при аресте или побеге из мест лишения свободы. Обращает на себя внимание, что обоснованность и необходимость применения насилия любой степени тяжести обусловлено субъективной оценкой ситуации ареста или задержания самим субъектом применения насилия. Это важное положение, которое отсутствует в законодательстве России, поскольку в ст. 37 УК РФ оценка правомерности причинения вреда при задержании ставится в зависимость от объективных критериев – «обстоятельства задержания», «обстановка». Такое указание в отечественном законодательстве существенно сужает границы правомерности причинения вреда при задержании преступника и исключает учет субъективного критерия оценки ситуации задержания. Особенно спорно такое законодательное регулирование в аспекте предоставления права на задержание любым субъектом. В отношении круга лиц, которым предоставлено право на применение мер задержания так же следует обратить внимание на положительный опыт государств ближнего зарубежья в законодательстве которых, в отличие от ст. 37 УК РФ содержится прямое указание на возможность применения мер по задержанию как со стороны уполномоченных должностных лиц, так и со стороны потерпевших и иных лиц. Особого внимания заслуживают положения уголовных законов Сан-Марино и Италии о правомерности применения оружия. Подобные указания отсутствуют российском уголовном законе, что существенно сужает границы правовой регламентации правомерности причинения вреда при задержании преступника. Вызывает интерес так же указание азербайджанского уголовного закона на то, что применение насилия при задержании будет правомерным лишь при условии, если иные предпринятые меры не дали желаемого результата.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что обобщение зарубежного опыта регламентации легальной правомерности причинения вреда любой тяжести при обоснованном задержании лица застигнутого или при совершении преступления или после совершенного преступного деяния открывает новые возможности для оптимизации коррелирующих положений отечественного законодательства и должен быть учтен в обозримом будущем, как необходимое условие формирования правовых основ гражданского общества в России.

Литература

1. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права: Перевод с английского / Под ред. Б.С. Никифоров: пер. А.С. Никифоров М.: Прогресс, 1969. 303 с.
2. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Т. 9. № 11. P. 2226 – 2233.
3. Уголовный кодекс республики Казахстана (с изменениями и дополнениямиипо состоянию на 12.09.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0
4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.07.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353
5. Уголовный кодекс Италии. Общая часть и преступления против государства / Вступ. ст. и пер.: Ципия А.Г. М., 1991. 163 с.
6. Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984
9. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.07.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923
10. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб., 2002.
11. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Т. 11. № 1. С. 96.
12. Уголовный кодекс Турции. СПб., 2003.
13. Краснов А.А., Чичагов М.Т., Васильев А.М. Крайняя необходимость и возможные способы ее совершенствования // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 56.
14. Уголовный кодекс штата Техас / Под ред. И.Д. Козочкина. СПб., Юридический центр Пресс. 2006.

References

1. Primernyj ugolovnyj kodeks (SShA). Oficial'nyj proekt Instituta amerikanskogo prava: Perevod s anglijskogo. Pod red. B.S. Nikiforov: per. A.S. Nikiforov M.: Progress, 1969. 303 c.
2. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society. International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. T. 9. № 11. P. 2226 – 2233.
3. Ugolovnyj kodeks respubliki Kazahstana (s izmenenijami i dopolnenijamiipo sostojaniju na 12.09.2022 g.) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0
4. Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki (utverzhden Zakonom Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 30 dekabrja 1999 goda № 787-IQ) (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 08.07.2022 g.) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353
5. Ugolovnyj kodeks Italii. Obshhaja chast' i prestuplenija protiv gosudarstva. Vstup. st. i per.: Cipija A.G. M., 1991. 163 c.
6. Ugolovnyj kodeks Latvijskoj Respubliki. SPb.: Jurid. centr Press, 2001.
7. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus' ot 9 ijulja 1999 goda № 275-Z (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 13.05.2022 g.) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984
8. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus' ot 9 ijulja 1999 goda № 275-Z (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 13.05.2022 g.) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984

9. Ugolovnyj kodeks Respubliki Moldova ot 18 aprelja 2002 goda № 985-XV (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 29.07.2022 g.) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923

10. Ugolovnyj kodeks Respubliki San-Marino. SPb., 2002.

11. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the rus-sian educational system. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. T. 11. № 1. S. 96.

12. Ugolovnyj kodeks Turcii. SPb., 2003.

13. Krasnov A.A., Chichagov M.T., Vasil'ev A.M. Krajnjaja neobhodimost' i vozmozhnye sposoby ee sovershenstvovanija. Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2022. № 85-8. S. 56.

14. Ugolovnyj kodeks shtata Tehas / Pod red. I.D. Kozochkina. SPb., Juridicheskij centr Press. 2006.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПЛАТЕЖНЫХ РЫНКОВ: СУЩНОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Крохина Ю.А., доктор юридических наук, профессор,
Московский государственный университет им. Ломоносова

Аннотация: *статья посвящена выявлению предикатных факторов, способствующих цифровизации платежных рынков и обуславливающих потребности их правового обеспечения. Цифровые технологии кардинально меняют образ современного государства, его основных экономических и правовых атрибутов. Наиболее значимое влияние информационные системы оказывают на платежно-расчетный сектор, который охватывает функционирование не только кредитных, страховых и иных финансовых организаций, но и всех хозяйствующих субъектов, а также физических лиц.*

Изучение соотношения понятий «платежный рынок» и «национальная платежная система» позволило аргументировать вывод о том, что платежный рынок является частью финансового рынка, представляет собой более широкое понятие в сравнении с понятием «национальная платежная система», институционально включая в себя и потребителей платежных услуг. Процессы цифровизации платежных рынков оказывают наибольшее влияние на развитие финансового и гражданского законодательства в данной сфере.

Главной миссией нормативно-правового упорядочения национальной платежной системы следует считать обеспечение цифровизации оборота российского рубля, ускорение и повышение эффективности управления общей денежной массой, удешевление расчетных услуг и регулирование курса рубля. Важной задачей выступает легализация расчетов и иных платежных услуг в электронной форме в независимом режиме от международных платежных систем.

Изучение динамики информационных технологий на платежном рынке выявило общественные отношения, требующие превентивного правового регулирования: доминирование безналичных расчетов; экспансия электронной коммерции; цифровизация банкинга; возрастание сделок по слиянию и поглощению организаций платежного рынка.

Ключевые слова*: платежный рынок, финансовый рынок, национальная платежная система, цифровой банкинг, безналичные расчеты, цифровизация расчетов, цифровые платежные технологии*

DIGITALIZATION OF PAYMENT MARKETS: ESSENCE AND BACKGROUND OF LEGAL REGULATION

Krokhina Yu.A., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Lomonosov Moscow State University

Abstract: *the article is devoted to identifying predicate factors that contribute to the digitalization of payment markets and determine the needs of their legal support. Digital technologies are radically changing the image of the modern state, its main economic and legal attributes. Information systems have the most significant impact on the payment and settlement sector, which covers the functioning of not only credit, insurance and other financial organizations, but also all business entities, as well as individuals.*

The study of the relationship between the concepts of "payment market" and "national payment system" made it possible to argue the conclusion that the payment market is part of the financial market, is a broader concept in comparison with the concept of "national payment system", institutionally including consumers of payment services . The processes of digitalization of payment markets have the greatest impact on the development of financial and civil legislation in this area.

The main mission of the regulatory and legal streamlining of the national payment system should be considered to be the digitalization of the circulation of the Russian ruble, the acceleration and improvement of the management of the total money supply, the reduction in the cost of settlement services and the regulation of the ruble exchange rate. An important task is the legalization of settlements and other payment services in electronic form in an independent mode from international payment systems.

The study of the dynamics of information technologies in the payment market revealed social relations that require preventive legal regulation: the dominance of cashless payments; expansion of e-commerce; digitalization of banking; an increase in mergers and acquisitions of payment market organizations.

Keywords*: payment market, financial market, national payment system, digital banking, cashless payments, digitalization of payments, digital payment technologies*

Активное развитие цифровых технологий и их внедрение в технологичные платежные системы требуют оперативного и качественного правового регулирования, а также экономико-юридических мер воздействия со стороны регулятора – Банка России.

По подсчетам экспертов ежегодно движение товаров, работ и услуг на возмездной основе обеспечивается почти 500 трлн платежных операций. Около 3% платежей совершается в наличной форме, остальные – в безналичной. Из этого количества более 80% расчетов приходится на предпринимательскую деятельность в рамках операций B2B (бизнес-бизнесу) [17]. Сумма коммерческих расчетов более чем в 5 раз превышает мировой ВВП [18].

Российский рынок платежей уже сейчас демонстрирует высокий уровень проникновения современных технологий. В то же время продолжается активное построение новой цифровой инфраструктуры: Системы быстрых платежей (СБП), Цифрового профиля, Единой биометрической системы (ЕБС) и других инициатив, что открывает новые возможности для дальнейшего развития отрасли.

В связи с тем, что на законодательном уровне нет определения платежного рынка, полагаем необходимым изучить соотношение понятий «платежный рынок» и «национальная платежная система» [15, 5]. Важный критерий дифференциации определен Банком России в «Стратегии развития национальной платежной системы на 2021-2023 годы». Согласно позиции регулятора в понятие «национальная платежная система» входят элементы: регулирование, инфраструктура и поставщики платежных услуг. В то время как понятие «платежный рынок» включает в себя инфраструктуру, поставщиков и потребителей платежных услуг.

Исходя из документов, официально опубликованных Банком России, можно сделать вывод о том, что платежный рынок представляет собой более широкое понятие в сравнении с понятием «национальная платежная система», институционально включая в себя и потребителей платежных услуг. Следует заметить, что Банк России не проводит различий между платежным рынком и рынком платежных услуг, используя данные термины в едином значении.

Термин «платежный рынок» следует отличать от понятия «финансовый рынок» [13, 1]. Законодательно не определено, что понимается под финансовым рынком. Однако Центральный банк в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» определяет, что «финансовый рынок представляет собой систему экономических и правовых отношений, связанных с использованием денег в качестве средства накопления и платежа, обращением финансовых инструментов, а также культурно-деловая среда, в которой действуют участники финансового рынка». Из данного определения следует, что платежный рынок является частью рынка финансового.

Принимая во внимание трактовку платежного рынка, данную Банком России, то для понимания сущности рассматриваемой категории необходимо выделить его участников. К ним относятся:

- поставщики платежных услуг в лице кредитных организаций и иных поставщиков небанковского сектора;
- пользователи платежных услуг, представляющие как частный сектор (физические и юридические лица), так и государство.

Особое место в создании условий для функционирования финансового рынка в целом и рынка платежных услуг в частности занимает Центральный Банк Российской Федерации, который вследствие концентрации широких полномочий получил название мегарегулятора [3].

Таким образом, платежный рынок является частью финансового рынка и представляет собой совокупность поставщиков и потребителей платежных услуг, действующих в рамках инфраструктуры, деятельность которых регулируется Банком России.

На наш взгляд, платежный рынок возможно определить как систему упорядоченного множества организаций, обеспечивающих посредством обмена данными достижение общей цели плательщиков или получателей денежных средств по обслуживанию денежных или кредитных требований. Современная коммерческая деятельность характеризуется почти полной цифровизацией действий в платежном сегменте.

Основным критерием эффективности функционирования платежного рынка следует считать выполнение денежных расчетных операций с минимальными издержками всех участвующих субъектов (плательщик, получатель, организация – посредник). В этой связи полагаем, что платежный рынок правомерно отождествлять с платежной системой.

Платежная система является мультиэлементной структурой. Исследователи включают в нее различные финансовые инструменты, банковские операции и межбанковские переводы средств [4]. ФЗ «О национальной платежной системе» в ст. 3 закрепляет следующую дефиницию национальной платежной системы – «совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с законодательством Российской Федера-

ции, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры, операторов услуг информационного обмена, иностранных поставщиков платежных услуг, операторов иностранных платежных систем, поставщиков платежных приложений (субъекты национальной платежной системы)». Следует согласиться с А.А. Ситником, что подход законодателя оказался в определенной степени локализованным – его возможно применить исключительно для дальнейшего нормативного регулирования и осуществления надзора за субъектами платежных отношений. Всей многоаспектности национальной платежной системы законодательная категория не отражает [10].

Общим признаком всех элементов платежной системы следует считать направленность на функционирование денежного обращения. В этой связи надежная работа платежной системы и каждого ее элемента в отдельности выступает важным условием экономической безопасности государства и должна обеспечиваться эффективным правовым регулированием.

Российский платежный рынок имплементировал практически все инструменты платежных операций и способы их цифровизации [7]. На международном уровне имеется понимание важности регулирования платежных рынков экономико-правовыми методами, в числе которых генеральное место занимают стандарты разработки и функционирования платежных систем.

В Российской Федерации, как и в большинстве зарубежных стран, благодаря цифровым технологиям функционируют и нормативно обеспечены две группы платежных операций – сегмент оптовых платежей *(wholesale payments)* и сегмент розничных платежей *(retail payments).* Первый блок применяется в межбанковских операциях и расчетах на финансовом рынке. Второй – на потребительском рынке и в предпринимательских расчетах [16].

Оптовые платежи совершаются в гораздо меньшем количестве, но они критически важны для функционирования всего платежного рынка и в силу этого наиболее урегулированы законодательством и обеспечены цифровыми технологиями. В последние несколько лет розничный сектор демонстрирует уверенную тенденцию по вытеснению наличных денег и переходу на безналичные расчеты. Осуществляемые через банковские переводы и в силу этого объективно требующие цифровой формы.

В целях выяснения специфики цифровизации платежного рынка и особенностей правовых регуляторов этого процесса рассмотрим основные инструменты розничных расчетов в безналичной форме.

Наиболее востребованными цифровыми платежными услугами в России, как и во всем мире, являются механизмы прямого дебетования (direct debit transfer). Это расчетные операции, направленные на списание денежных средств с банковского счета плательщика, но акцептуемые их получателем. Владелец счета заранее дает согласие на оплату каких-либо товаров, работ или услуг посредством списания средств с его счета. В России подобные платежи применяются. Например, при расчетах за услуги операторов сотовой связи, ЖКХ, при совершении регулярных платежей по банковским кредитам и т.д.

Следующим по приоритетности в расчетах выступают финансовые механизмы на основе платежных карт. В потребительском секторе экономике наибольшим спросом пользуются кредитные и дебетовые карты. Данные технологии расчетов тотально цифровизированы, в силу чего обеспечивается удобство их использования. На платежном рынке России расчеты по картам вытесняют из оборота наличные денежные знаки.

Высокий темп распространения показывают инструменты на основе электронных денежных переводов *(electronic funds transfer, EFT).* Такой механизм функционирует посредством прямых кредитовых и прямых дебетовых переводов. В научной литературе отмечается, что в современных условиях электронные платежные инструменты наиболее активно используются потребителями и предпринимателями в странах с высокими доходами. Государства с низким уровнем доходов этот механизм задействуют редко [2].

Самостоятельным видом расчетов в безналичной форме следует считать платежные технологии на основе чеков. Однако количество операций с данным инструментом стабильно снижается. Такая тенденция справедливо объясняется слабой подверженностью процессам цифровизации, что делает чеки неудобными и дорогостоящими для использования современными потребителями [17, 18].

Поступательное развитие цифровых технологий внедряет на платежный рынок современные инновационные платежные инструменты. Одновременно увеличивающийся спрос на подобные технологии и процесс их реализации обуславливают совершенствование имеющихся и создание новых цифровых продуктов. Сущность инновационных платежных продуктов заключается в том, что субъект открывает расчетный счет в кредитном учреждении, кладет на него определенную денежную сумму и далее с этого счета совершает расчеты и платежи с помощью цифровой инфраструктуры, имеющейся у обслуживающей финансовой организации. Как правило, используются банкоматы и POS-терминалы.

Понимая возрастающую роль инновационных платежных инструментов, Банк международных расчетов разработал следующую их классификацию.

1.Бесконтактные платежи, оцифрованные по технологии *NFC (Near Field Communication)* выполняющие расчеты через мобильное оборудование с помощью платежных карт.

2.Интернет-платежи, опосредуемые одной из следующих цифровых технологий:

А) он-лайн банковские счета;

Б) электронные денежные средства.

3. Мобильные платежи, подразделяющиеся на следующие цифровые инструменты:

А) мобильные расчеты, опосредуемые ординарным банковским счетом;

Б) расчеты через мобильного оператора, подразумевающие включение стоимости оплачиваемого товара (услуги) в стоимость платы за мобильную связь;

В) расчеты с заранее авансированных счетов.

4. Выставление и признание счетов в электронной форме. Такая цифровая технология опосредует два способа осуществления платежей:

А) выставление получателем денежных средств электронного счета плательщику;

Б) выставление плательщиком электронного счета в пользу получателя.

Отдельные исследователи отрицают прогрессивный характер инновационных платежей, полагая, что они являются всего лишь новыми формами реализации расчетных правоотношений [19]. Отчасти соглашаясь с такой позицией, целесообразно поддержать мнение В.В. Антропова о том, что изначально многие цифровые инструменты были разработаны для личного использования при контактных платежах (например, кредитные и дебетовые карты). Однако в современных условиях такие технологии опосредуют удаленные трансакции через интернет, что позволяет радикально модернизировать способы акцептования платежей, добавляя к каналам передачи информации различные информационно-коммуникационные и мобильные сети. Согласимся с цитируемым автором, что примерами подобных услуг выступают платежи, выставляемые и проверяемые с помощью мобильных телефонов *(m-payments)*и электронное выставление счетов *(e-invoicing)* [2].

Ускорение процессов цифровизации платежных рынков обусловило стремительное развитие финансового и гражданского законодательства в данной сфере. Во многих зарубежных странах, в том числе в странах Европейского Союза, платежно-расчетные отношения были интегрированы в национальные или межгосударственные платежные системы.

В России фундаментом для создания стабильной и сбалансированной нормативной базы по регулированию рынка платежных услуг стало принятие Федерального закона от 27.06.2011 №161-ФЗ «О национальной платежной системе» [9]. Наряду с ГК РФ он образует ядро правового регулирования платежных технологий, в том числе процесса их цифровизации. Целью правового регулирования цифровизации платежного рынка следует считать гармонизацию и унификацию правовых норм, фиксирующих отношения в платежных системах. Российского правовое регулирование имплементировало лучшие практики зарубежного правотворчества, но с учетом специфики отечественных информационных и финансовых отношений. О.Б. Сиземова отмечает, что Банк России как основной разработчик нового правового регулирования, не воспринял дефиницию национальной платежной системы Комитета по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов. По мнению Российского регулятора трактовка зарубежных финансовых органов носит слишком широкий характер, состоит из множества дифференцированных элементов, что неминуемо привело бы к дисбалансу с имеющимся правовым регулированием расчетно-платежных отношений [8].

Основной целью правового обеспечения национальной платежной системы следует считать обеспечение цифровизации оборота российского рубля, ускорение и повышение эффективности управления общей денежной массой, а также удешевление расчетных услуг и регулирование курса рубля. Российское правовое регулирование платежного рынка направлено на функционирование расчетов и иных платежных услуг в электронной форме в независимом режиме от международных платежных систем.

Не смотря на очевидно прогрессивный характер рассматриваемого Закона, следует согласится, что он имеет ряд существенных недостатков [8], препятствующих в том числе эффективному процессу цифровизации платежного рынка. Так, Закон не детализирует перечень органов федеральной исполнительной власти, уполномоченных осуществлять нормативное регулирование платежных систем. Значительные сложности в правоприменительной деятельности создает определение правовой природы электронных денежных средств.

Наибольшие проблемы внедрения цифровых технологий в платежных услугах создает отсутствие системности правового регулирования данного сегмента финансового рынка. Безусловно, что основой регулирования расчетно-платежных отношений, цифровых технологий выступает ГК РФ. Однако основной цивилистический закон не поименован в ст. 2 «Нормативно-правовое регулирование отношений в националь-

ной платежной системе» ФЗ «О национальной платежной системе», равно как по его тексту отсутствуют отсылочные нормы к ГК РФ. Подобная ситуация позволяет исследователям предположить отсутствие правовой связи между данными законами [9]. Уникальностью правового регулирования платежного рынка выступает синергия ФЗ «О национальной платежной системе» и ГК РФ через нормативные правовые акты Банка России. Первоначально функцию «связующего звена» выполняло Положение о правилах осуществления перевода денежных средств от 19 июня 2012 г. № 383-П. В настоящее время контекстуальность двух фундаментальных регуляторов платежного рынка обеспечивается Положением Банка России от 29.06.2021 № 762-П (ред. от 25.03.2022) «О правилах осуществления перевода денежных средств». Неординарность такого подхода взаимодействия главенствующих законов в сфере регулирования рынка платежных услуг отмечается и в научной литературе [6].

Представляется, что правовая регламентация процесса цифровизации платежного рынка должна основываться на беспробельном и неколлизионном взаимодействии законодательных актов, соответствующего фундаментальным экономико-правовым принципам цифровизации денежных отношений: мгновенность доступа к платежной системе, безопасность и непрерывность перевода денежных средств, совершение платежей в режиме реального времени.

Проведенный анализ развития информационных технологий на платежном рынке позволяет прогнозировать следующие тенденции, требующие опережающего и эффективного правового регулирования:

1)дальнейшее вытеснение наличных денег безналичными платежами. Кроме очевидного удобства для потребителя, рост безналичных платежей обусловлен эпидемиологической ситуаций в мире. Наличные купюры способны переносить вирусы и бактерии, что отталкивает потребителей от их использования.

Например, по данным *BCG* за вторую волну пандемии COVID-19 в 2020 году в таких традиционно лояльных к наличным расчетам странах, как Германия. Италия и Япония использование бумажных купюр сократилось на 30%. В России использование наличных денег в 2020 году сократилось в два раза.

Расширению сферы безналичных расчетов способствуют и факторы, обусловленные их цифровизацией: более высокие лимиты бесконтактных трансакций и скорость.

2)расширение электронной коммерции как по сферам товаров (услуг), так и по количеству потребителей.

3)дальнейшая цифровизация банковских операций и услуг кредитных организаций, максимальное дистанционное управление денежными средствами, торговое финансирование.

4) увеличение сделок по слиянию и поглощению организаций платежного рынка, что обусловлено необходимостью обслуживать большое количество цифровых операций в едином процессе. По данным ЦБ РФ, на финансовом рынке и платежном в частности, существенно увеличивается роль нефинансовых организаций. Они разрушают монополию банков на посреднические услуги в сфере платежей. Вместе с тем остается нерешенным вопрос правовой регламентации взаимодействия между ординарными финансовыми организациями и компаниями финтеха. Эксперты прогнозируют два варианта: кооперация или раздел платежного рынка между названными структурами [14]. Отсутствует позиция законодателя относительно правового статуса финтех-компаний и можно ли их относить к участникам платежного рынка [11].

Выявленные перспективы цифровизации платежного рынка России показывают направления совершенствования законодательства в данной сфере, а также в смежных отраслях. Так, Д.В. Трофимов отмечает негативную зависимость расширения сферы безналичных расчетов и повышение розничных цен на реализуемые товары (работы, услуги). Такая тенденция объясняется установлением банками-эквайерами комиссии по операциям с платежными картами, которую розничный продавец компенсирует за счет включения в цену своей продукции [12]. Приведенный пример показывает необходимость модернизации правовой базы в сфере цифровизации расчетных операций в системном единстве с антимонопольным законодательством.

Литература

1. Алексеев П.В., Звонова Е.А. Развитие концептуальной модели формирования общего финансового рынка государств – членов Евразийского экономического союза // Банковское право. 2020. № 4. С. 44 – 51.

2. Антропов В.В. Мировой рынок розничных платежей в формирующейся цифровой экономике: современные тенденции и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15 (1). С. 82 – 90.

3. Антропцева И.О. Цифровой контролер как субъект публичного финансового контроля // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 57 – 64. Ларионова Е.С. Принципы регулирования платежных систем как инструмент снижения правового риска их функционирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 90 – 102.

4. Идрышева С.К. Электронные платежи и электронные деньги: правовые основы и отдельные коллизии в правовом понимании терминов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 1. С. 68 – 85.

5. Кудряшова Е.В. Национальная платежная система: значение и цели правового регулирования // Финансовое право. 2020. № 8. С. 12 – 15. Баракина Е.Ю. Финансово-правовые аспекты внедрения систем распределенного реестра в национальную платежную систему // Финансовое право. 2019. № 3. С. 11 – 15.

6. Олиндер Н.В. Особенности правового регулирования электронных расчетов // Предпринимательское право. Приложение "Бизнес и право в России и за рубежом". 2013. № 3. С. 42 – 44.

7. Рождественская Т.Э. Правовой механизм реализации Базельских принципов банковского надзора в Российской Федерации: Монография. М.: Юркомпани, 2011. 204 с.

8. Самигулина А.В. Гармонизация законодательства, регламентирующего секторальную структуру финансового рынка России // Право и экономика. 2017. N 9. С. 5 – 15.

9. Сиземова О.Б. О нормативных источниках в механизме правового регулирования межбанковских расчетов // Банковское право. 2015. № 4. С. 35 – 41; № 5. С. 30 – 36.

10. Ситник А.А. Надзор в национальной платежной системе // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11. С. 74 – 83.

11. Тропская С.С. Финансовый рынок в условиях развития цифровой экономики (финансово-правовой аспект) // Финансовое право. 2018. № 8. С. 28 – 33.

12. Трофимов Д.В. Финансовые технологии в сфере розничных платежей: тенденции развития и перспективы в ЕС и России // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 48 – 63.

13. Турбанов А.В. Финансовое право и финансовый рынок // Финансовое право. 2020. № 10. С. 7 – 12; 2021. № 1. С. 10 – 16.

14. Усоскин В.М., ВБелоусова.Ю., Козырь И.О. Финансовое посредничество в условиях развития новых технологий // Деньги и кредит. 2017. № 5. С. 14 – 21.

15. Хоменко Е.Г., Тарасенко О.А. Национальная платежная система Российской Федерации и ее элементы: монография. Москва: Проспект, 2017. 176 с.

16. Cirasino M., Garcia J. A. Measuring payment system development. The World bank, 2008. P. 37.

17. Mellyn K. Broken markets: a user's guide to the post-finance economy. New York, 2012. P. 58.

18. Scott H. The importance of the retail payments system. Harvard Law School Program on International Financial Systems. 2015. P. 3. URL: htttps://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/16883011/hal-scott – mastercard-retail-payment-systems.pdf; sequence=1

19. Weimert M., Saiag A. COVID-19 and European retail payments. Oliver Wyman: A Marsh & McLennan Company, 2021.

References

1. Alekseev P.V., Zvonova E.A. Razvitie konceptual'noj modeli formirovanija obshhego finansovogo rynka gosudarstv – chlenov Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza. Bankovskoe pravo. 2020. № 4. S. 44 – 51.

2. Antropov V.V. Mirovoj rynok roznichnyh platezhej v formirujushhejsja cifrovoj jekonomike: sovremennye tendencii i perspektivy. Jekonomika. Nalogi. Pravo. 2022. № 5 (1). S. 82 – 90.

3. Antropceva I.O. Cifrovoj kontroler kak sub#ekt publichnogo finansovogo kontrolja. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. № 4. S. 57 – 64. Larionova E.S. Principy regulirovanija platezhnyh sistem kak instrument snizhenija pravovogo riska ih funkcionirovanija. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. № 2. S. 90 – 102.

4. Idrysheva S.K. Jelektronnye platezhi i jelektronnye den'gi: pravovye osnovy i otdel'nye kollizii v pravovom ponimanii terminov. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2021. № 1. S. 68 – 85.

5. Kudrjashova E.V. Nacional'naja platezhnaja sistema: znachenie i celi pravovogo regulirovanija. Finansovoe pravo. 2020. № 8. S. 12 – 15. Barakina E.Ju. Finansovo-pravovye aspekty vnedrenija sistem raspredelennogo reestra v nacional'nuju platezhnuju sistemu. Finansovoe pravo. 2019. № 3. S. 11 – 15.

6. Olinder N.V. Osobennosti pravovogo regulirovanija jelektronnyh raschetov. Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom". 2013. № 3. S. 42 – 44.

7. Rozhdestvenskaja T.Je. Pravovoj mehanizm realizacii Bazel'skih principov bankovskogo nadzora v Rossijskoj Federacii: Monografija. M.: Jurkompani, 2011. 204 s.

8. Samigulina A.V. Garmonizacija zakonodatel'stva, reglamentirujushhego sektoral'nuju strukturu finansovogo rynka Rossii. Pravo i jekonomika. 2017. N 9. S. 5 – 15.

9. Sizemova O.B. O normativnyh istochnikah v mehanizme pravovogo regulirovanija mezhbankovskih raschetov. Bankovskoe pravo. 2015. № 4. S. 35 – 41; № 5. S. 30 – 36.

10. Sitnik A.A. Nadzor v nacional'noj platezhnoj sisteme. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 11. S. 74 – 83.

11. Tropskaja S.S. Finansovyj rynok v uslovijah razvitija cifrovoj jekonomiki (finansovo-pravovoj aspekt). Finansovoe pravo. 2018. № 8. S. 28 – 33.

12. Trofimov D.V. Finansovye tehnologii v sfere roznichnyh platezhej: tendencii razvitija i perspektivy v ES i Rossii. Voprosy jekonomiki. 2018. № 3. S. 48 – 63.

13. Turbanov A.V. Finansovoe pravo i finansovyj rynok. Finansovoe pravo. 2020. № 10. S. 7 – 12; 2021. № 1. S. 10 – 16.

14. Usoskin V.M., VBelousova.Ju., Kozyr' I.O. Finansovoe posrednichestvo v uslovijah razvitija novyh tehnologij. Den'gi i kredit. 2017. № 5. S. 14 – 21.

15. Homenko E.G., Tarasenko O.A. Nacional'naja platezhnaja sistema Rossijskoj Federacii i ee jelementy: monografija. Moskva: Prospekt, 2017. 176 s.

16. Cirasino M., Garcia J. A. Measuring payment system development. The World bank, 2008. P. 37.

17. Mellyn K. Broken markets: a user's guide to the post-finance economy. New York, 2012. P. 58.

18. Scott H. The importance of the retail payments system. Harvard Law School Program on International Financial Systems. 2015. P. 3. URL: htttps://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/16883011/hal-scott – mastercard-retail-payment-systems.pdf; sequence=1

19. Weimert M., Saiag A. COVID-19 and European retail payments. Oliver Wyman: A Marsh & McLen-nan Company, 2021.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА CESSIO BONORUM НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСВА РЕМБРАНДТА

Кальгина А.А., кандидат юридических наук, доцент,
Литвинова Д.В.,
Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: *в XVII веке купцы часто несли большие убытки, и признавались банкротами, так как успех их предприятия зависел от большого количества внешних факторов: погодные и рыночные условия, пиратство и так далее. В отличие от художников, успех которых полностью зависел от них самих, а именно от их умения и таланта. Поэтому, большая часть художников, в тот период времени, были относительно финансово устойчивы. Однако, Рембрандт Харменс ван Рейн будучи одним из самых известнейших художников Нидерландов, талант которого был признан еще его современниками, являлся несостоятельным должником. Главная задача исследования: рассмотреть процесс развития института cession bonorum в средние века, на примере процедуры банкротства Рембрандта. В ходе исследования было установлено, что Рембрандт вероятнее всего являлся мелочным предпринимателем, который использовал нормы права Нидерландов в своих стратегических бизнес – целях, прямо не нарушая их. В основной части статьи детально излагаются причины и обстоятельства банкротства Рембрандта. За два месяца до подачи заявления о признании банкротом (cessio bonorum), художник передал право собственности на дом своему сыну. Предполагается, что Рембрандт совершил данное юридическое действие для того, чтобы: 1) защитить себя от судебного преследования кредиторов и тюремного заключения; 2) создать фиктивную задолженность перед своим сыном, чтобы он был признан главным кредитором. Данное действие Рембрандта было признано социально неприменимым поведением, и поэтому дом художника был включен в конкурсную массу и продан. Cessio bonorum не освобождал банкрота от уплаты своих долгов в будущем. Поэтому Рембрандт заключил договор об учреждении товарищества со своим сыном и Хендрикье Стоффелс. Согласно условиям договора, художник соответствовал критериям полного товарища, который обязан нести ответственность по его обязательствам, однако его ответственность прямо ограничивалась соглашением. Таким образом, будущие работы художник пытался защитить свои работы от требований кредиторов.*

Ключевые слова: *банкротство, Рембрандт, cessio bonorum, несостоятельность, конкурсное право, банкротное право*

DEVELOPMENT OF THE CESSIO BONORUM INSTITUTE ON THE EXAMPLE OF REMBRANDT'S BANKRUPTCY PROCEDURE

Kalgina A.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Litvinova D.V.,
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: *in the XVII century, merchants often suffered large losses and were declared bankrupt, since the success of their enterprise depended on a large number of external factors: weather and market conditions, piracy, and so on. Unlike artists, whose success completely depended on themselves, namely on their skill and talent. Therefore, most of the artists, at that time, were relatively financially stable. However, Rembrandt Harmens van Rijn, being one of the most famous artists of the Netherlands, whose talent was recognized by his contemporaries, was an insolvent debtor. The main objective of the study is to consider the process of development of the institute of cession bonorum in the Middle Ages, using the example of Rembrandt's bankruptcy procedure. The study found that Rembrandt was most likely a small–time entrepreneur who used the norms of Dutch law for his strategic business purposes, without directly violating them. The main part of the article details the reasons and circumstances of Rembrandt's bankruptcy. Two months before filing for bankruptcy (cessio bonorum), the artist transferred ownership of the house to his son. It is assumed that Rembrandt performed this legal action in order to: 1) protect yourself from prosecution of creditors and imprisonment; 2) create a fictitious debt to your son so that he is recognized as the main creditor. This action of Rembrandt was recognized as socially inapplicable behavior, and therefore the artist's house was included in the competitive mass and sold. Cessio bonorum did not release the bankrupt from paying his debts in the future. Therefore, Rembrandt signed a partnership agreement with his son and Hen-*

drikje Stoffels. According to the terms of the contract, the artist met the criteria of a full partner who is obliged to bear responsibility for his obligations, but his responsibility was directly limited by the agreement. Thus, the artist tried to protect his future works from creditors' claims.

Keywords: *bankruptcy, Rembrandt, cessio bonorum, insolvency, bankruptcy law, bankruptcy law*

В золотой век голландской живописи художники вступали в различные гильдии и объединения, которые не только подтверждали профессиональный статус художника, но и предоставляли художникам определенную финансовую стабильность, за счет поддержания высоких цен на их работы. Чаще всего, банкротами признавались художники, которые проживали в тех регионах, где художественные гильдии не обладали сильным влиянием, или же вовсе отсутствовали. Рембрандт был одним из тех художников, которые не стремились вступать в какие – либо объединения [1, с. 234].

В 1625 году, Рембрандт основал собственную мастерскую в городе Лейден. У него было много учеников, среди них был и Герард Доу, ставший известным на весь мир нидерландским художником [2]. Уже в тот период времени, работы Рембрандта стоили тысячи гульденов, и это без учета платы за обучение, которую выплачивали ему его ученики.

В период с 1648-1655 гг. доходы Рембрандта резко сократились по ряду причин: 1) он стал меньше писать портретов, хотя портреты на заказ являлись самым прибыльным способом заработка художника, таким образом объем его работы, в целом, сократился; 2) общий экономический спад после Первой англо-голландской войны, из-за чего спрос на предметы роскоши резко сократился; и 3) снижение социального статуса Рембрандта, вызванного его романтическими отношениями с женщинами более низкого социального класса, одна из которых судилась с ним за нарушение обещания жениться [3].

Однако, несмотря на сокращение доходов Рембрандта, его привычка к ведению роскошного образа жизни оставалась неизменной. В 1639 году, он приобретает в ипотеку достаточно большой дом в Амстердаме [4, с. 285].

Рембрандт заключил договор купли – продажи, составленный нотариусом, согласно которому, художник приобретал дом за 13 000 гульденов [5, с. 271]. Договором были установлены следующие условия по выплате денежной суммы: в 1639 году, Рембрандт был обязан дважды совершить выплату в размере 1200 гульденов в течение года, а в 1640 художник должен был выплатить 850 гульденов. Оставшаяся часть долга должна выплачиваться художником в течение следующих «5-6 лет, как он пожелает», но с условием, что годовая процентная ставка составит 5% годовых [6, с. 12].

Если бы художник разумно инвестировал, полученные от продажи своих работ, деньги в быстро развивающуюся сферу обрабатывающей промышленности, то вероятнее всего, он без особых затруднений погасил бы ипотеку [7, с. 4]. Вместо этого, Рембрандт ведет роскошный образ жизни и наполняет свой новый дом предметами роскоши, которые не обладали высоким потенциалом прибыли.

Помимо этого, Рембрандт пытался восстановить значимость своей репутации, как художника. Для этого он тратил непомерные деньги на выкуп собственных картин по всей Европе, зачастую по завышенным ценам, накапливая таким образом дополнительные долги [8, с. 71]. Фактически, он пытался создать искусственный дефицит на арт рынке, что сделало бы его работы более желанным объектом коллекционирования для купцов и иных потенциальных покупателей.

Когда художник был вынуждены решать проблемы, связанные с финансами, он последовательно принимал скоропалительные меры, порождавшие для него новые проблемы. Если кредиторы требовали уплаты долга, Рембрандт вновь брал деньги в кредит в другом месте, и погашал только ту часть долга, которую кредитор требовал немедленно погасить, а остальную часть нового кредита он тратил на свои нужды.

Например, в 1653 году, Рембрандт должен был немедленно внести 7 000 гульденов, когда общая сумма долга составляла 8 100, в счет погашения ипотеки на дом. Он быстро занял 9 000 гульденов в другом месте и, вместо того чтобы погасить этот долг сразу, в полном объеме, он выплатил кредиторам только 7 000, которые они немедленно запросили [9, с. 54]. Неясно, что случилось с оставшимися 2 000 гульденами. Пренебрежительное отношение художника к своим финансовым долгам, в конечном счете негативно отразилось на его репутации и подорвало доверие его кредиторов, что впоследствии привело Рембрандта к судебным разбирательствам.

В середине 1650-х годов художник, используя терминологию его современников начал совершать «тайные сделки», которые с трудом вписывались в рамки закона [10, с. 94].

В частности, он пытался ликвидировать свои активы, не уведомив при этом своих кредиторов. По слухам, два арт-дилера, от лица Рембрандта, пытались продать одну из его картин, с условием, что о сделке не будет уведомлен ни один из кредиторов художника [11, с. 5]. Вероятнее всего сделка сорвалась, когда покупатель пытался оплатить уже безнадежную задолженность Рембрандта [9, с. 57].

В 1656 году, за два месяца до начала добровольной процедуры банкротства (cessio bonorum), Рембрандт передает правовой титул на дом, приобретенный в ипотеку, своему четырнадцатилетнему сыну Титусу ван Рейну [9, с. 68]. Очевидно, художник надеялся, что кредиторы не смогут обратить взыскание на имущество, которое отныне принадлежало его сыну.

С точки зрения, юридической техники того времени такая сделка была законной, но «это настолько противоречило обычаям и общепринятой практике, что такое поведение было признано незаконным» [9, с. 69].

Правовой институт cessio bonorum сформировался в Древнем Риме. «Cessio bonorum позволяла несостоятельному должнику добровольно передать свое имущество кредитору в целях возмещения его долга» [12, с. 49].

При применении cessio bonorum должник не подвергался моральному осуждению со стороны общества, так как главная цель данного института заключалась в демонстрации «императорской милости по отношению к несостоятельным должникам», что позволяло им «избегать тюремного заключения» [13, с. 316].

В период средневековья, многие европейские государства, при использовании правового института cessio bonorum, в отношении должника применялись санкции, касающиеся не только его имущества, но и его личности.

Так, во Франции, лицо, признанное несостоятельным должником, было обязано носить зеленый колпак всю свою жизнь, иначе кредиторы имели право арестовать его и посадить в долговую тюрьму [14, с. 77]. Помимо колпаков, несостоятельные лица стояли у позорных столбов, а в «иных местах за ними бежали мальчишки с криком и свистом, таща пустые мешки и кошельки» [15, с. 18].

Согласно норме права, действующей в городе Лейден, в 1501 году: «лицо, допускается к cessio bonorum только с условием, если оно будет стоять в нижнем белье, на возвышенности, перед городской ратушей, в течение часа в полдень, на протяжении нескольких дней» [16]. Однако, к моменту рассмотрения дела о банкротстве художника, данное правило, предусматривающее ритуал, являющийся механизмом пристыжения банкрота (несостоятельного лица), вышло из употребления [17, с. 1879].

В последствии, кредиторы начали самостоятельно публиковать и распространят фотографии неплатежеспособных должников [18, с. 23]. Однако власти запретили возникшую практику, так как, по их мнению, она вызывала скандалы, которые приводили к убийствам, кражам и иным незаконным действиям [19, с. 21].

В XVII веке, в Нидерландах ритуалы, пристыжающие честь и достоинство должника больше, не применялись. Предположительно, данное законодательное изменение связано с тем, что в этот период времени, банкротами зачастую признавались купцы, которые занимали высокое социальное положение [9, с. 71].

Немецкий юрист Ульрих Зациус (1461-1536) писал, что должник, знавший о том, что он не сможет погасить ранее принятые долговые обязательства, и при этом берет на себя новые, действует добросовестно, если должник действительно был убежден, в том, что благодаря своему упорному труду он сможет расплатиться позже [19, с. 16].

В этой связи, многие банкроты, допущенные до процедуры cessio bonorum гордились этим [17, с. 1878].

Однако позднее, юристы изменили свою позицию, и теперь, если должник брал на себя новые долговые обязательства, будучи на тот момент уже неплатежеспособным, означало, что такой должник действовал злонамеренно и недобросовестно [19, с. 16]. Эта же позиция применялась и в отношении расточительных должников [20, с.796]. Фактически, они признавались ворами и заслуживали тюремного заключения [21, с. 682-683].

Должник проходивший cessio bonorum также не мог быть заключен под стражу. Корнелис Матиас ван Ньюстад – первый профессор права в университете города Лейдена, ставший в 1602 году председательствующим советником Верховного суда Голландии и Зеландии [22, с. 126], написал в своем научном труде о том, что: «цель cessio bonorum заключается в том, чтобы лишенных благ должников не наказывали дополнительно, путем их помещения в тюрьму, которая опорочила бы их социальное положение вновь» [23, с. 112].

Несмотря на прогрессивные реформы, проведенные в законодательстве о банкротстве, в Нидерландах, религиозные учреждения поддерживали идею проведения ритуалов, направленных на порицание личности должника, нарушившего Библейские заповедих [17, с. 1874].

В ту эпоху, кальвинистская церковь проводила различия между несостоятельным лицом, которое считалось «невиновным горемыкой» (faillissement) и банкротом, который стал неплатежеспособным в связи с «введением в заблуждение и совершением мошеннических действий» (bankroet) [9, с. 69].

В случае с Рембрандтом, церковь скорее признала бы его банкротом, так как он, на протяжении длительного периода времени, оставлял свои долги неразрешенными. Однако, исходя из описаний яркой личности художника, социальная стигматизация навряд ли принесла бы ему какие – либо неудобства [5, с. 272].

В июле 1656 года, Рембрандт направил заявление в Верховный суд Нидерландов о признании его несостоятельным должником [24].

В заявлении было указано, что неплатежеспособность художника наступила в связи с «потерями в торговле, включая понесенные потери и убытки в море», при этом подчеркивается, что заявитель был «честным, но неудачливым должником» [6, с. 18].

В действительности, такие формулировки были стандартными, и не отражали фактических причин, из – за которых Рембрандт стал неплатёжеспособным должником [25, с. 445].

Путем обращения в суд, художник планировал распределить свои активы среди кредиторов, с условием, что они более не будут вправе предъявлять к нему иски [10, с. 97].

Вероятно, Рембрандт «знал, что его коллекция произведений искусства и поделок не покроет все долги перед кредиторами, но он также не проявлял особой озабоченности о предоставлении справедливого возмещения своим кредиторам» [10, с. 97]. Скорее всего, художник обратился в суд с целью не только получения защиты от судебного преследования кредиторов, но и во избежание возможного тюремного заключения.

Вместе с тем, существует и иная теория, объясняющая действия Рембрандта, связанные с передачей титула на дом своему сыну. Согласно составленному умершей женой художника – Саскии ван Эйленбюрх-Рембрандт завещанию, часть дома, приобретенного в ипотеку, должна была перейти по наследству к их сыну – Титусу ван Рейну.

Титус ожидал вступления в права наследования (в наследственную массу входила половина всего совместного имущества его родителей), которое наступило бы, если бы Рембрандт вновь женился или же, если бы он умер [26, с. 40]. До наступления описанных событий, Рембрандт оставался, полноправным владельцем всего имущества наследодательницы (в том числе, и дома), а также сохранял за собой узуфрукт.

В результате, Титус являлся одним из главных и преференциальных кредиторов Рембрандта, благодаря условиям, содержащимся в завещании Саскии. Поэтому, в случае признания Рембрандта банкротом, сначала он должен был бы выплатить долг своему сыну [26, с. 40].

В 1647 году, после смерти Саскии, ее семья настояла на проведении описи всего имущества, которое ей принадлежало [27]. Согласно составленной описи, оценочная стоимость имущества составила 40 750 гульденов. Однако, позже Верховный суд Нидерландов скорректировал стоимость до 20 000 гульденов [28].

Предполагается, что Рембрандт искусственно завысил стоимость своих активов, так как если разделить стоимость дорогостоящего совместного имущества, художник должен был бы выплатить своему сыну 20 375 гульденов, что превышает стоимость ипотеки за дом, равной 13 000 гульденам.

Таким образом, Рембрандт добивался признания его банкротом, с целью освобождения его от долговых обязательств, путем перераспределения своего имущества Титусу, своему преференциальному кредитору, благодаря намеренному завышению стоимости активов, которые должны были бы перейти к его сыну, как к наследнику.

Если бы данная схема была реализована, то художник просто передал бы часть своего имущества своему сыну, а фактические кредиторы не получили бы причитающихся им по праву выплат.

Будучи формально признанным банкротом, Рембрандт избавился бы от всех своих долговых обязательств, а также смог бы повторно вступить в брак с Хендрикье Стоффелс от которой, в 1654 году у него родился незаконный ребенок [24].

Как и положено, в случаях банкротства, суд назначил попечителя из Палаты по контролю за имущественной массой должника (Chamber of Insolvent Estates), который реализовывал имущество Рембрандта в интересах кредиторов [29].

Доподлинно неизвестно удалось ли художнику, в ходе инвентаризации, проводимой попечителем скрыть какое-либо имущество. Согласно базовым правилам ius commune, должнику разрешали оставить только нижнее белье [19, с. 18].

Питер Ван дер Аа (1530-1594) – профессор права Левенского католического университета, расположенного в Бельгии, утверждал, что должник, проходя через процедуру банкротства, может сохранить простую одежду, при этом необходимо было руководствоваться соображениями гуманности (humanitate ductus), и учитывать социальный статус каждого отдельно взятого должника [30, с. 140].

Помимо humanitate ductus внимание уделялось и экономическим аспектам, связанным с процедурой банкротства. В частности, немецкий юрист, служивший в Имперском надворном совете в Вене – Андреас фон Гейл (1526-587), писал о том, что не должны подлежать конфискации инструменты и орудия труда [18, с. 326].

Такое исключение из правила, позволит должнику производить новые товары и, благодаря этому, он сможет быстрее выполнить свои обязательства перед кредиторами [19, с. 19].

Многие искусствоведы считают, что Рембрандту, в ходе проведения процедуры банкротства, все же удалось скрыть некоторое имущество, так как в описи имущества не содержалось сведений о печатных пластинах, которые художник использовал для создания эстампов.

Несмотря на то, что печатные пластины являлись предметом, необходимым для осуществления профессиональной деятельности Рембрандта, данный предмет подлежал взысканию, что подтверждается описями имущества других художников, проходивших процедуру банкротства [10, с. 97].

Исследователи также отмечают, что в описи Рембрандта не содержится информация о его собственных гравюрах, хотя произведения других художников из художественного альбома Рембрандта были должным образом описаны [10, с. 97].

Установлено также, что в 1658 году, Рембрандт продал в Курпфальце (территория, находящаяся вне юрисдикции попечителя; ныне территория Германии) скульптуру, которая не была включена в конкурсную массу [10, с. 98]. Данное обстоятельство, также косвенно подтверждает, что художнику удалось скрыть какую – то часть имущества от попечителя.

В любом случае, какие бы цели не преследовал Рембрандт, проходя процедуру банкротства, он искусно использовал законодательные положения Нидерландов, в свою пользу.

Палата по контролю за имущественной массой должника, проанализировав предполагаемое поведение Рембрандта, касательно передачи права собственности на дом его сыну, решило предпринять меры, во избежание дальнейших злоупотреблений со стороны несостоятельных лиц.

В результате несмотря на то, что сделка изначально была признана законной, было установлено, что она носила «лживый характер», поэтому согласно новым правилам, был введен запрет на совершение такого рода сделок [10, с. 98].

Далее, Палата по контролю за имущественной массой должника, аннулировала сделку по переходу права собственности от художника к его сыну, на основании того, что данная сделка носила «явно уклонистский» характер [10, с. 98], и 1 февраля 1658 года, дом Рембрандта был продан [24].

Имущество Рембрандта также было реализовано с нарушениями. Согласно закону, приоритет имели кредиторы, займы которых были официально зарегистрированы в магистратах. Однако, некоторые кредиторы художника обладали большим политическим влиянием, и поэтому именно они получили выплаты первыми, а оставшаяся незначительная сумма распределялась среди оставшихся кредиторов [9, с. 80]. Несмотря на это, многие основные кредиторы Рембрандта остались без выплат [9, с. 88].

Дело о банкротстве было не единственным случаем, когда Рембрандт пытался использовать нормы права в своих интересах, при этом прямо не нарушая законодательные положения.

В частности, в 1660 году, после признания художника несостоятельным, он заключил соглашение со своим сыном и Хендрикье Стоффелс (являвшейся его моделью и возлюбленной) об учреждении полного товарищества [1, с. 245].

Данный договор был зарегистрирован у нотариуса, и предусматривал, что Титус ван Рейн и Хендрикье Стоффелс, будучи товарищами, будут подчиняться руководившему товариществом Рембрандту. Художник, в свою очередь предоставлял жилье и оказывал поддержку, а также имел право инвестировать в товарищество, но при этом не обладал его долей [6, с. 20]. Условия этого соглашения были необычными даже для того времени.

Как правило, в полном товариществе можно было работать по найму. Однако если наемный сотрудник инвестировал в полное товарищество, то в таком случае, он брал на себя предпринимательский риск, и становился товарищем, ответственным за долг предприятия [31, с. 469]. Условие, согласно которому Рембрандт, являлся инвестором и главным участником товарищества, который отвечал за его управление, но, вместе с тем, не признавался полным товарищем, явно было направлено на защиту художника от требований кредиторов [6, с. 20].

В результате, дело о несостоятельности Рембрандта изменило правовые основы Нидерландов о банкротстве, так как наказание предусматривалось за сокрытие информации об активах, а не за сам факт неплатежеспособности лица.

Философы XVII века, занимающиеся вопросами морали, писали, что торговцы должны просто и честно объявить о начале cessio bonum. Прежде всего, они не должны были скрывать активы [17, с. 1882]. Практика сокрытия активов от попечителя по банкротству была описана в недвусмысленных выражениях как «исходящая от сатаны» [17, с. 1882].

Таким образом, голландцы изменили представление об институте банкротства, и прохождение лицом данной процедуры более не являлось порочным действием, в отличие от нарушений правил, согласно которым она должна осуществляться.

В Европе же, заявление лица о признании его несостоятельным все также носило негативный характер, что явно не соответствовало представлениям развитого торгового и промышленного общества Нидерландов о cessio bonum [6, с. 1883].

Литература

1. Alpers S. Rembrandt's enterprise: the studio and the market. University of Chicago Press, 1995.
2. Rembrandt Biography. Rembrandt Research Project. URL: https://www.rembrandtresearchproject.org/biography/ (дата обращения: 16.10.2022).
3. Chronology 1636-1650. Rembrandt myself. URL: http://www.mystudios.com/rembrandt/rembrandt-dates-1636-1650.html (дата обращения: 16.10.2022)
4. Delphi Complete Works of Rembrandt van Rijn (Illustrated) – Delphi Classics, 2014. P. 1007.
5. Packwood David. “Rembrandt, money and art by Paul Crenshaw” // Art History. 2008. № 31.2. P. 270 – 274. URL: https://www.academia.edu/8098869/REMBRANDT_MONEY_AND_ART_by_Paul_Crenshaw (дата обращения: 16.10.2022)
6. De Ruysscher D. et al. Rembrandt’s insolvency: The artist as legal actor // Oud Holland-Journal for Art of the Low Countries. 2021. Т. 134. № 1. P. 9 – 24.
7. Desborde R., Marshall K. P. Rembrandt Versus Van Gogh: A Qualitative Contrast Study Applying a Visual Arts Valutation Model. 2015. URL: https://digitalcommons.kennesaw.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1048&context=ama_proceedings (дата обращения: 26.10.2022)
8. Gershman Z. Rembrandt: The" I" Witness // Arion: A Journal of Humanities and the Classics. 2011. Т. 19. № 2. P. 65 – 91.
9. Crenshaw P., van Rijn R.H. Rembrandt's bankruptcy: the artist, his patrons, and the art market in seventeenth-century Netherlands. Cambridge University Press, 2006.
10. Logan Beirne B. Painted into a Corner: Rembrandt's Bankruptcy Today // J. Transnat'l L. & Pol'y. 2008. Т. 18. P. 90 – 107.
11. Montias J.M. A secret transaction in seventeenth-century Amsterdam // Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art. 1996. Т. 24. № 1. P. 5 – 18.
12. Глинка Г.Г., Шварц О.А. Исключения из конкурсной массы при банкротстве физического лица в России и США: сравнительно-правовое исследование // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 4. С. 48 – 59.
13. Kaser Max, Das Römische Zivilprozessrecht. (Handbuch der Altertumswissenschaft, Band x, 3, 4.) Munich: C. H. Beck, 1966.
14. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. 1871.
15. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 568.
16. Simon van Leeuwen, Manier Van Procederen In Civile En Criminele Saken 104 (Leiden/Rotterdam, 1666).
17. James Q. Whitman, , The Moral Menace of Roman Law and the Making of Commerce: Some Dutch Evidence (1996), 105 YALE L.J. 1841.
18. Gaill A. Practicarum observationum, Lib. I, Obs. X. P. 23.
19. Druwé W. Dignity and Cessio Bonorum in Early-Modern Dutch Learned Legal Literature // Max Planck Institute for European Legal History Research Paper Series. 2016. № 2016.
20. Zoesius H. Commentarius ad Digestorum, ad D. 42.3, nr. 11. P. 796.
21. Perezius A. Praelectiones, ad C. 7.71, nr. 8. P. 682 – 683.
22. A.J. van der Aa, K.J.R. van Harderwijk and G.D.J. Schotel (eds.), Biographisch woordenboek 58 der Nederlanden, Haarlem, J.J. Van Brederode, 1868. Vol. 13.
23. Neostadius C. Utriusque Hollandiae, Zelandiae, Frisiaeque, Curiae Decisiones, ‘s Gravenhage, Joannes and Daniel Steucker, 1667, decisio curiae Hollandiae.
24. Chronology 1651-1669. Rembrandt myself // URL: http://www.mystudios.com/rembrandt/rembrandt-dates-1651-1669.html (дата обращения: 17.10.2022)
25. De Groot 1939 (note 8). Vol. 1. P. 327 – 328 (3.51).
26. Bosman M. Rembrandt’s insolvency: A critique // Oud Holland-Journal for Art of the Low Countries. 2022. Т. 135. № 1. P. 40 – 47.

27. The inventory of Rembrant and Saskia's property (1647). URL: http://remdoc.huygens.knaw.nl/#/document/remdoc/e4557 (дата обращения: 19.10.2022)

28. Weixuan Li, Review of Rembrandts plan: De ware geschiedenis van zijn faillissement, Oud Holland Reviews, April 2020. URL: https://oudholland.rkd.nl/index.php/reviews/32-review-of-machiel-bosman-rembrandts-plan-de-ware-geschiedenis-van-zijn-faillissement (дата обращения: 18.10.2022)

29. Archives of the Chamber of Insolvent Estates. UNESCO Memory of the World Register. URL: https://felixarchief.antwerpen.be/api/wcm/file/5de5faca-f5f1-4eb9-b0af-8b936d2e8e0f (дата обращения: 26.10.2022)

30. Vanderanus P. De privilegiis creditorum commentarius, Antwerp, Johannes Bellerus, 1560.

31. Zimmermann R. The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition, Oxford 1996. P. 1312.

References

1. Alpers S. Rembrandt's enterprise: the studio and the market. University of Chicago Press, 1995.

2. Rembrandt Biography. Rembrandt Research Project. URL: https://www.rembrandtresearchproject.org/biography/ (data obrashhenija: 16.10.2022).

3. Chronology 1636-1650. Rembrandt myself. URL: http://www.mystudios.com/rembrandt/rembrandt-dates-1636-1650.html (data obrashhenija: 16.10.2022)

4. Delphi Complete Works of Rembrandt van Rijn (Illustrated) – Delphi Classics, 2014. P. 1007.

5. Packwood David. "Rembrandt, money and art by Paul Crenshaw". Art History. 2008. № 31.2. P. 270 – 274. URL: https://www.academia.edu/8098869/REMBRANDT_MONEY_AND_ART_by_Paul_Crenshaw (data obrashhenija: 16.10.2022)

6. De Ruysscher D. et al. Rembrandt's insolvency: The artist as legal actor. Oud Holland-Journal for Art of the Low Countries. 2021. T. 134. № 1. P. 9 – 24.

7. Desborde R., Marshall K. P. Rembrandt Versus Van Gogh: A Qualitative Contrast Study Applying a Visual Arts Valutation Model. 2015. URL: https://digitalcommons.kennesaw.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1048&context=ama_proceedings (data obrashhenija: 26.10.2022)

8. Gershman Z. Rembrandt: The" I" Witness. Arion: A Journal of Humanities and the Classics. 2011. T. 19. № 2. P. 65 – 91.

9. Crenshaw P., van Rijn R.H. Rembrandt's bankruptcy: the artist, his patrons, and the art market in seventeenth-century Netherlands. Cambridge University Press, 2006.

10. Logan Beirne B. Painted into a Corner: Rembrandt's Bankruptcy Today. J. Transnat'l L. & Pol'y. 2008. T. 18. P. 90 – 107.

11. Montias J.M. A secret transaction in seventeenth-century Amsterdam. Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art. 1996. T. 24. № 1. P. 5 – 18.

12. Glinka G.G., Shvarc O.A. Iskljuchenija iz konkursnoj massy pri bankrotstve fizicheskogo lica v Rossii i SShA: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes». 2015. № 4. S. 48 – 59.

13. Kaser Max, Das Römische Zivilprozessrecht. (Handbuch der Altertumswissenschaft, Band x, 3, 4.) Munich: C. H. Beck, 1966.

14. Malyshev K.I. Istoricheskij ocherk konkursnogo processa. 1871.

15. Karelina S.A. Mehanizm pravovogo regulirovanija otnoshenij nesostojatel'nosti. M.: Volters Kluver, 2008. S. 568.

16. Simon van Leeuwen, Manier Van Procederen In Civile En Criminele Saken 104 (Leiden/Rotterdam, 1666).

17. James Q. Whitman, , The Moral Menace of Roman Law and the Making of Commerce: Some Dutch Evidence (1996), 105 YALE L.J. 1841.

18. Gaill A. Practicarum observationum, Lib. I, Obs. X. P. 23.

19. Druwé W. Dignity and Cessio Bonorum in Early-Modern Dutch Learned Legal Literature. Max Planck Institute for European Legal History Research Paper Series. 2016. № 2016.

20. Zoesius H. Commentarius ad Digestorum, ad D. 42.3, nr. 11. P. 796.

21. Perezius A. Praelectiones, ad C. 7.71, nr. 8. P. 682 – 683.

22. A.J. van der Aa, K.J.R. van Harderwijk and G.D.J. Schotel (eds.), Biographisch woordenboek 58 der Nederlanden, Haarlem, J.J. Van Brederode, 1868. Vol. 13.

23. Neostadius C. Utriusque Hollandiae, Zelandiae, Frisiaeque, Curiae Decisiones, 's Gravenhage, Joannes and Daniel Steucker, 1667, decisio curiae Hollandiae.

24. Chronology 1651-1669. Rembrandt myself. URL: http://www.mystudios.com/rembrandt/rembrandt-dates-1651-1669.html (data obrashhenija: 17.10.2022)

25. De Groot 1939 (note 8). Vol. 1. P. 327 – 328 (3.51).

26. Bosman M. Rembrandt's insolvency: A critique. Oud Holland-Journal for Art of the Low Countries. 2022. T. 135. № 1. P. 40 – 47.

27. The inventory of Rembrant and Saskia's property (1647). URL: http://remdoc.huygens.knaw.nl/#/document/remdoc/e4557 (data obrashhenija: 19.10.2022)

28. Weixuan Li, Review of Rembrandts plan: De ware geschiedenis van zijn faillissement, Oud Holland Reviews, April 2020. URL: https://oudholland.rkd.nl/index.php/reviews/32-review-of-machiel-bosman-rembrandts-plan-de-ware-geschiedenis-van-zijn-faillissement (data obrashhenija: 18.10.2022)

29. Archives of the Chamber of Insolvent Estates. UNESCO Memory of the World Register. URL: https://felixarchief.antwerpen.be/api/wcm/file/5de5faca-f5f1-4eb9-b0af-8b936d2e8e0f (data obrashhenija: 26.10.2022)

30. Vanderanus P. De privilegiis creditorum commentarius, Antwerp, Johannes Bellerus, 1560.

31. Zimmermann R. The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition, Oxford 1996. P. 1312.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТОВ ПО ВОПРОСАМ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ

Тронина Е.Г., кандидат политических наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация: *в статье рассматриваются приоритетные направления и современные тенденции конституционно-правового регулирования системы образования в контексте взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Подчеркивается, что качество процесса управления образованием напрямую определяет эффективность решения актуальных задач государственной политики в данной сфере.*

Делается вывод о том, что заложенный Конституцией РФ характер распределения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами является важнейшим условием согласованного функционирования органов, входящих в единую систему публичной власти, одним из базовых принципов федеративного устройства государства, а также важным фактором стабильности и сбалансированности федеративных отношений. Установление федеральными органами государственной власти единых правовых основ образования при одновременном закреплении полномочий субъектов Российской Федерации и максимальном учете образовательных потребностей и специфики ее субъектов в данной сфере является важнейшим условием успешного достижения национальных целей развития, эволюции российской системы образования в соответствии с приоритетами государственной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: *Конституция, система образования, воспитание, федеративное устройство, субъекты федерации, федеральные государственные образовательные стандарты*

THE CONSTITUTIONAL BASIS FOR THE DELIMITATION OF POWERS OF STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS SUBJECTS ON THE MANAGEMENT OF THE EDUCATION SYSTEM

Tronina E.G., Candidate of Political Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract: *the article discusses the priority directions and current trends in the constitutional and legal regulation of the education system in the context of interaction between federal public authorities and public authorities of the subjects of the Russian Federation. It is emphasized that the quality of the education management process directly determines the effectiveness of solving urgent problems of state policy in this area.*

The conclusion is made that the nature of the distribution of subjects of competence and powers between the Russian Federation and its subjects, laid down by the Constitution of the Russian Federation, is the most important condition for the coordinated functioning of bodies that are part of a single system of public power, one of the basic principles of the federal structure of the state, as well as an important factor in the stability and balance of federal relations. The establishment by federal state authorities of a unified legal framework for education, while consolidating the powers of the subjects of the Russian Federation and taking into account the educational needs and specifics of its subjects in this area is the most important condition for the successful achievement of national development goals, the evolution of the Russian education system in accordance with the priorities of the state policy of the Russian Federation.

Keywords: *Constitution, education system, upbringing, federal structure, subjects of the Federation, federal state educational standard*

Управление сферой образования является приоритетным направлением государственной политики в современной России, так как ее качество напрямую определяет степень эффективности решения важнейших социальных задач – от реализации системы государственных гарантий конституционного права каждого на образование в Российской Федерации, до обеспечения ее общественно-политической и экономической стабильности, государственного суверенитета, единства и национальной безопасности. Закладывая базис правового регулирования во всех сферах общества, нормы Конституции РФ имеют первостепенное значение для функционирования современной системы образования, закрепляют основополагающие принципы и

приоритеты ее развития, ценностные ориентиры воспитания юных поколений, основы управления образовательными отношениями.

Современные тенденции их конституционно-правового регулирования оказывают решающее влияние на осуществляемую в данной сфере нормотворческую деятельность и развитие правовых механизмов реализации стратегических задач государства. С учетом его федеративного устройства принципиальное значение имеет обеспечение сбалансированности исключительных полномочий федеральных органов государственной власти в вопросах управления системой образования и возможностей самостоятельной реализации функций в данной сфере субъектами Российской Федерации.

Перспективы успешной реализации национальных целей развития нашего государства с учетом глобальных вызовов и трансформаций мирового порядка в значительной степени связаны с практическим воплощением принципов государственной политики в сфере образования, высоко оцениваемом законодателем как «общественно значимое благо», определяемом как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения" в целях удовлетворения не только образовательных потребностей самого человека, семьи, но и интересов всего общества, государства [1]. Широкое понимание образования позволяет сравнить его с мощным стратегическим ресурсом, необходимым как для развития общества в целом, так и жизнедеятельности конкретного человека, стимулом и точкой опоры для полноценного развития и совершенствования личности, проявления и развития ее потенциала, самореализации и удовлетворения интересов, необходимым инструментом социализации. Отсюда исходит подчеркиваемая законодателем неразрывная связь и взаимообусловленность в рамках образовательного процесса воспитания и обучения, причем с акцентом именно на первый компонент, на необходимость решения приоритетной задачи всестороннего и гармоничного развития личности каждого обучающегося, формирования благоприятных условий для его самоопределения и социализации.

Согласно законодательному определению, образование следует также отождествлять с определенным результатом, а именно «совокупностью приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенциями определенных объема и сложности», степенью «интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1]. Вместе с тем, образование следует рассматривать как целостную, логически связанную систему, каждый из элементов которой – от федеральных государственных образовательных стандартов, образовательных программ и органов управления образованием всех уровней до участников отношений в сфере образования (в том числе образовательных организаций, педагогических работников, обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся и др.), – испытывает на себе прямое или опосредованное воздействие принципов государственной политики в сфере образования (ст.2).

Развивая конституционные основы ее регулирования, данные принципы определяют характер и основные начала функционирования российской системы образования, отражают ее базовые ценности, стратегию и магистральные направления развития. Логично, что к данному ряду федеральное законодательство относит приоритетность, всеобщность и доступность образования, его открытый, гуманистический и светский характер (в государственных и муниципальных образовательных организациях), обеспечение права на образование в течение всей жизни человека и свободу выбора при его реализации, демократический характер управления образованием и автономию образовательных организаций, а также единство образовательного пространства на территории Российской Федерации как самого крупного в мире федеративного государства с наибольшим количеством и разнообразием субъектов.

Реализация этих универсальных, действующих в масштабах всего государства принципов правового регулирования и основ государственной политики в сфере образования является важнейшим условием формирования единого образовательного пространства, которое, как думается, выступает одним из важнейших факторов гармонизации и укрепления федеративных отношений, общественной интеграции и государственного единства России. Сочетание единства императивных по своему характеру требований с установлением в законодательно допустимых пределах свободы и многообразия выбора вариантов их реализации создает благоприятную почву для построения сбалансированной системы правового регулирования системы образования, соответствующей букве и духу конституционно-правовых установлений. Так, примером такого подхода к управлению системой образования является содержание п. «е» ст.71, относящей установление единых правовых основ системы воспитания и образования к сфере ведения Российской Федерации, а также п. «е» ст. 72 Конституции РФ, согласно которому общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики отнесены к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [2].

Думается, такое распределение полномочий обусловлено самим характером сферы совместного ведения, в рамках которой происходит согласование интересов, целей, возможностей и средств федерации и регионов в рамках и пределах полномочий, определяемых на основе норм Конституции РФ путем законодательного регулирования и (или) заключения договоров о разграничении полномочий, а также соглашений между федеральными и региональными органами исполнительной власти. Разноуровневый характер управления образованием предполагает необходимость конкретизации функций различных органов власти, эффективное решение вопросов их субординации и взаимодействия.

С этой целью в нормах ФЗ «Об образовании в РФ» разграничиваются полномочия федеральных и региональных органов государственной власти в сфере образования (ст.6), уточняется перечень полномочий Российской Федерации, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации в данной сфере (ст. 7), определяется область их самостоятельных полномочий (ст. 8), а также органов местного самоуправления в сфере образования (ст. 9) [1]. Характерно, что к компетенции федеральных органов государственной власти относится установление базовых основ функционирования отечественной системы образования, в том числе формирование и реализация единой государственной политики, государственных и федеральных целевых программ, проектов в данной сфере, организация предоставления высшего образования, включая гарантированность права его бесплатного получения на конкурсной основе, а также предоставления дополнительного профессионального образования. Кроме того, сюда отнесено правомочие по обеспечению получения общедоступного и бесплатного общего и среднего профессионального образования, дополнительного образования детей в федеральных государственных образовательных организациях.

Сбалансированный подход к решению вопросов финансирования демонстрирует утвержденная Правительством РФ государственная программа Российской Федерации "Развитие образования", регулирующая вопросы субсидирования из федерального бюджета российских регионов, софинансирования их расходных обязательств, в том числе при реализации государственных программ субъектов Российской Федерации [5]. Примером столь необходимой сегодня масштабной поддержки грантами из федерального бюджета деятельности прогрессивных российских университетов, осуществляющих наиболее эффективные практики научно-исследовательской, инновационной и образовательной деятельности, способствующих достижению национальных целей развития, а также росту всех параметров привлекательности регионов России, является реализация программы «Приоритет 2030» при активном участии Министерства науки и высшего образования [6].

Приоритетное, жизненно важное для общества значение сферы образования обуславливает необходимость полномочий по государственной регламентации образовательной деятельности, неотъемлемыми компонентами которой выступают процедуры ее лицензирования, аккредитации и федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования. При этом, функции лицензирующего органа реализуются, прежде всего, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим контроль и надзор в сфере образования, а также региональными органами исполнительной власти, исполняющими переданные полномочия Российской Федерации в данной сфере.

Органы государственной власти субъектов федерации обладают в законодательно установленных пределах возможностью конкретизации в своей нормотворческой и управленческой деятельности федеральных норм и требований применительно к условиям и потребностям конкретного региона с учетом его специфики. Данное положение подтверждает практика Конституционного Суда РФ, подчеркивающего, в частности, необходимость правильного соблюдения норм Конституции РФ о совместном характере полномочий Российской Федерации и ее субъектов по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе в вопросах воспитания и образования. В свою очередь, это «предполагает обязанность субъектов Российской Федерации в рамках предоставленной им регулятивной компетенции конкретизировать механизмы реализации права на образование с учетом региональных особенностей при обязательном соблюдении конституционных требований о соответствии законов субъектов Российской Федерации федеральным законам (статья 76, части 2 и 5) и допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом (статья 55, часть 3), а также возможность устанавливать на региональном уровне дополнительные гарантии права на образование» [7].

Благодаря такому взвешенному подходу обеспечивается функционирование отечественной системы образования на основе единых принципов, целей и ценностей, а также максимальный учет условий и потребностей каждого региона, «защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства» [1]. Вместе с тем, с учетом принципа приоритета федерального права, целесообразным представляется наделение именно органов государственной власти Российской Федерации функцией установления основополагающих и системообразующих норм в

сфере воспитания и образования. Данные органы должны осуществлять решающее управленческое воздействие на эти сферы путем установления их единых правовых основ, задавать и обеспечивать магистральные направления их развития в соответствии с целями государственной политики, применять ресурсный потенциал для интеграции и укрепления образовательного пространства. Так, в частности, этому способствует реализация нормы ч. 5 ст. 43 Конституции РФ об установлении Российской Федерацией федеральных государственных образовательных стандартов.

Таким образом, заложенный Конституцией РФ характер распределения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами является важнейшим условием согласованного функционирования органов, входящих в единую систему публичной власти, а также одним из базовых принципов федеративного устройства государства, одним из ключевых факторов стабильности и сбалансированности федеративных отношений. Установление федеральными органами государственной власти единых правовых основ образования является важнейшим условием успешного достижения национальных целей развития, эволюции отечественной системы образования в соответствии с приоритетами государственной политики Российской Федерации при максимальном учете образовательных потребностей и специфики ее субъектов, наделенных соответствующими законодательно установленными полномочиями.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/15956ae575273a483e753fc119fb41fc4c37f846/

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2018 г. № 884 «Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/6c9bc4f66210ee317ff39e861276f36e/; Постановление Правительства РФ от 15 июня 2018 г. N 682 "Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://minobrnauki.gov.ru/about/powers/

4. Нацпроект «Образование» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https:// https://edu.gov.ru/national-project

5. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 20.05.2022) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" [Электронный ресурс]. Режим доступа.
URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/243ffe2b5b775b82de79b9fe9b475662f9334361

6. Приоритет 2030 – лидерами становятся [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://priority2030.ru/commission

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 N 39-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И.И. Пикулина" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358195/

References

1. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 14.07.2022) "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 25.07.2022) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/15956ae575273a483e753fc119fb41fc4c37f846/

2. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution

3. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 ijulja 2018 g. № 884 «Ob utverzhdenii Polozhenija o Ministerstve prosveshhenija Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/6c9bc4f66210ee317ff39e861276f36e/; Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 ijunja 2018 g. N 682 "Ob utverzhdenii Polozhenija o Ministerstve nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii" [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: https://minobrnauki.gov.ru/about/powers/

4. Nacproekt «Obrazovanie» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: https:// https://edu.gov.ru/national-project

5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.12.2017 N 1642 (red. ot 20.05.2022) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Razvitie obrazovanija" [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/243ffe2b5b775b82de79b9fe9b475662f9334361

6. Prioritet 2030 – liderami stanovjatsja [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: https://priority2030.ru/commission

7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.07.2020 N 39-P "Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 chasti 1 stat'i 61 i chasti 5 stat'i 67 Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" v svjazi s zhaloboj grazhdanina I.I. Pikulina" [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358195/

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА В КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА М.Н. КАПУСТИНА

Сангулия А.Д., старший преподаватель,
Абхазский государственный университет, Республика Абхазия

Аннотация: *автор статьи рассматривает методологию изучения права в концепции общей теории права выдающегося русского правоведа второй половины XIX века Михаила Николаевича Капустина. Основным лейтмотивом взглядов теоретика права М.Н. Капустина на природу юридического знания, по мнению автора статьи, становится догматическая методология, которая носит интегративный (синтетический) характер. Догматический метод, согласно М.Н. Капустину, представляет собой не метод изложения материала общей теории права как учебной дисциплины, а методологию познания права, состоящую в изучении права целью которого является знание об универсальных и неизменных идеях и принципах, составляющих закономерности правовой действительности. В статье определяется степень влияния идеи общей теории права этого теоретика на теорию общего права Н.М. Коркунова. Автор отмечает, что заслугой М.Н. Капустина является обоснование необходимости общей теории права, которая наиболее научную форму получила в творчестве Н.М. Коркунова, заложивший основы новой юридической науки. Идея общей теории права М.Н. Капустина является вехой не только в эволюции российского, но и всемирного правоведения, выражая общие тенденции его развития. Эта идея должна рассматриваться как идея новой методологии, сочетающей в себе основные способы познания права конца XIX века.*

Ключевые слова: *право, правоведение, общая теория права, методология, энциклопедия права, юридическая догматика*

METHODOLOGY OF THE STUDY OF LAW IN THE CONCEPT OF GENERAL THEORIES OF LAW BY M.N. KAPUSTIN

Sangulia A.D., Senior Lecturer,
Abkhazian State University, Republic of Abkhazia

Abstract: *the author of the article examines the methodology of studying law in the concept of the general theory of law by the outstanding Russian jurist of the second half of the XIX century Mikhail Nikolaevich Kapustin. The main leitmotif of the views of the legal theorist M.N. Kapustin on the nature of legal knowledge, according to the author of the article, is the dogmatic methodology, which is integrative (synthetic) in nature. The dogmatic method, according to M.N. Kapustin, is not a method of presenting the material of the general theory of law as an academic discipline, but a methodology of knowledge of law, consisting in the study of law, the purpose of which is to know about universal and unchangeable ideas and principles that make up the laws of legal reality. The article determines the degree of influence of the idea of the general theory of law of this theorist on the theory of general law of N.M. Korkunov. The author notes that M.N. Kapustin's merit is the justification of the need for a general theory of law, which received the most scientific form in the work of N.M. Korkunov, who laid the foundations of a new legal science. The idea of the general theory of law by M.N. Kapustin is a milestone not only in the evolution of Russian, but also of world jurisprudence, expressing the general trends of its development. This idea should be considered as the idea of a new methodology that combines the main ways of understanding the law of the late XIX century.*

Keywords*: law, jurisprudence, general theory of law, methodology, encyclopedia of law, legal dogmatics*

Развитие теоретической юриспруденции непосредственно связано со становлением методологии изучения права, эффективность которой в достижении объективного знания о праве всегда выступала в качестве основного критерия научности. Так, возникновение правоведения как научного способа изучения права определялось обоснованием метода, дающего возможность получения объективного, достоверного знания о праве, который был призван нивелировать субъективность исследования, посредством исключения оценочных суждений, опосредуя положения учений их рациональным обоснованием.

Если начало современной теоретической юриспруденции восходит к Новому времени, то есть, ко времени формирования науки права как специализированной деятельности, направленной на выработку и систематизацию знаний о правовой действительности, то важно отметить, что именно в этот период было понято значение научной методологии в решении задач познания. Разработка универсального метода стало руководящей идеей сциентизма, так как именно метод составлял основное содержание научного знания. Эта эпоха дала миру два направления теоретического мышления – рационализм и эмпиризм. Так, обосно-

ванный Декартом и получивший форму принципа «Мыслю – следовательно, существую», рационалистический метод уже вскоре нашел себе альтернативу в эмпиризме, состоящем в признании опыта единственным источником достоверных знаний (Ф. Бэкон). В правоведении, осознавшем в те времена значение методологии для достижения объективных знаний о праве, это своеобразно выразилось в правовых учениях, создавших первый теоретический пласт современной теоретической юриспруденции.

Гуго Гроций (1583-1645) разработал рационалистическую методологию познания права. Право, по его мнению, «означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом» [1, с. 68]. «Разумность» есть главный методологический принцип философии права Гроция, рассматриваемый как главный источник достоверных знаний о нем. Очевидно, прав П.И. Новгородцев, полагавший, что значение естественно-правового учения голландца состоит в том, что он придал особое значение методологии познания права, разработав ее рационалистическую версию [2, с. 119].

Необходимость опытных знаний о праве и, соответственно, значение эмпирической методологии для теоретической юриспруденции было понято английскими философами, оставившими большой след в его развитии. В первую очередь речь идет о правовой теории Дж. Локка, по-своему интерпретировавшему сам принцип «разумности», дополнивший изучение права обилием исторических примеров, игравших роль эмпирического фундамента исследования. Главные идеи мыслителя – идея первобытного договора, народного суверенитета и разделения властей - обоснованы не только рационалистически, но и ссылками на исторический опыт.

Учитывая, что особенности метода научного исследования определяются особенностями изучаемого объекта, следует констатировать факт, что методология теоретических исследований права во многом зависит от правопонимания, от ответа на вопрос о сущности права, интерпретации его возникновения и функционирования в обществе. То есть некоторая идея права должна предшествовать его научному познания, впоследствии обогащаясь новым содержанием. В этой связи рационализм и эмпиризм были рождены, с одной стороны, идеей естественного права, с другой стороны, идеей его государственной природы. Дальнейшая эволюция теоретической юриспруденции, так или иначе, была связана с симбиозом данных основополагающих идей и методологий, найдя развитие в исторической школе права, юридическом позитивизме, которые часто вступали в компромисс с идеей естественного права.

Новый этап эволюции правоведения, относящийся ко второй половине XIX века, дал яркие образцы теоретико-правового творчества в России, где была предпринята попытка преодоления противоположностей указанных подходов к праву в рамках нового учения – общей теории права. Создателем общей теории права считается Н.М. Коркунов, заложивший основы новой юридической науки, индуктивно интегрирующей в себе все отрасли правоведения того времени, на основе общего знания о праве. Однако у него есть предшественник, который гораздо раньше высказал идею общей теории права в своей работе «Теория права (юридическая догматика)», изданной в 1868 году [3].

Следует согласиться с общей оценкой теоретико-правового творчества М.Н. Капустина, данной одним из исследователей: «… М.Н. Капустин не создал авторской правовой теории, но в своем учении он последовательно проводит собственный взгляд на природу правовых явлений, на предназначение права. Позитивный вклад М.Н. Капустина в общее учение о праве велик и он сохраняет свое значение и для современного правопонимания, правотворчества» [4, с. 11]. Не создав своей концепции общей теории права, М.Н. Капустин, тем не менее, создал ее идею, обосновав мысль о необходимости этой науки, которая должна представлять собой не конгломерат начал различных юридических дисциплин, но систему знания со своим предметом, задачами и методологией. То есть, можно сказать, что М.Н. Капустин был одним из первых, кто со всей определенностью теоретической формы поставил проблему создания этой науки, как необходимого исторического этапа развития правоведения. При этом именно методология становится основным лейтмотивом его взглядов на природу юридического знания. Такую обоснованную им методологию, очевидно, следует назвать догматической.

Догматический метод принято рассматривать как последовательное изложение исходных положений какой-либо теории, не подвергаемых сомнению, аксиоматически принимаемых как истинные. В юриспруденции этот метод отождествлялся с систематическим изложением норм действующего (позитивного) права, исключающего рассмотрение их социального ценностного содержания [5]. В силу того, что данные метод ориентирован на анализ юридической формы, включая формально-логические способы анализа, его принято называть формально-догматическим методом. Но учитывая то обстоятельство, что всякая научная теория базируется на некоторой совокупности исходных положений, необходимо сказать, что догматизм присущ науке как таковой. Не случайно в переводе с греческого это слово означает учение, доктрину. По

этой причине догматизм присущ и правовой науке, которая также основывается не некоторой совокупности положений, включая понятие права, правового факта, принципов права, правоотношения и пр. С точки зрения М.Н. Капустина догма в праве и есть наука, а догматический метод представляет собой систематическое изложение ее основополагающих идей, в контексте которых и следует рассматривать каждую совокупность знаний, существующих в правоведении.

Отличительной особенностью методологии М.Н. Капустина является то, что, оставаясь на почве позитивизма и, соответственно, признавая целесообразность характерного для того времени использование юриспруденцией методов естествознания, в основе которых, по его мнению, лежит примат опыта, он, в то же время, указывает на наличие в праве априорных начал, полагает необходимым изучение конкретно-исторического содержания права. Такая компромиссная позиция выражается в признании необходимости включения в состав права не только позитивных норм, но и идеи права (естественного права), изучения его в историческом контексте. Поэтому общая теория права, по его мнению, должна интегрировать в себе не только догму права, но и философию права, историю догм права (историю правовых учений), историю права и политику. Такая интеграция не есть механическое соединение наук, имеющих разные предметы и задачи, она возможна лишь на основе изложения начал, дающих основание всем этим наукам – это и есть наиболее общее знание о праве. Поэтому общую теорию права он называет юридической догматикой, а используемый ей метод – догматическим. М.Н. Капустин подчеркивает, что «догматика должна определить общую идею права и его существенные формы, равно как существо и формы общества; указать приложение этой идеи в различных юридических и политических науках, общее содержание этих наук и связь между ними; наконец определить историческое понимание идеи права» [6, с. 18].

Общая теория права, согласно теоретику, не может ограничиться изучением лишь фактов, она должна интерпретировать эти факты в связи с идеей права, что позволит ей познать всеобщую закономерность в этой сфере. «Теория права имеет положительное содержание, - пишет М.Н. Капустин, - она обращается только к жизненным силам и к установленному для них общественному порядку. Основываясь на наблюдении, на исторических и статистических данных, теория права не видит в них безусловного принципа, а возводит их к идее, отыскивает общие законы и условия жизни и развития человеческих сил в органическом их сочетании» [6, с. 22].

Задача общей теории права состоит в не только и не просто в отыскании общих оснований всех правовых явлений, она должна найти эти основания в самой правовой жизни, только тогда она будет иметь научное значение. Так, ее задача – «…определить объективное право в его основной идее и в юридических институтах и субъективное право в различных юридических отношениях» [6, с. 28].

Таким образом, мы видим основные черты догматической методологии этого интересного теоретика права М.Н. Капустина. Прежде всего, следует указать на интегративный (синтетический) характер его метода, выражающийся в двух аспектах: во-первых, в установке на единство правоведения, обусловленного едиными началами правовой жизни, что и обуславливает необходимость общего учения о праве, представляющего собой систематическое изложение этих начал, не навязываемых правовой действительности, а извлекаемых из нее; во-вторых, общее учение о праве возможно лишь на основе сочетания в себе основных моделей правопонимания и методов исследования, прежде всего, эмпирического и рационального, а также исторического методов. Догматический метод, согласно М.Н. Капустину, представляет собой не метод изложения материала общей теории права как учебной дисциплины, а методологию познания права, состоящую в изучении права целью которого является знание об универсальных и неизменных идеях и принципах, составляющих закономерности правовой действительности.

В контексте изложенного необходимо сказать, что идея общей теории права М.Н. Капустина, квинтэссенцией которой, очевидно, является не только задача получения наиболее общего знания о праве, но и создание общей методологии, является вехой не только в эволюции российского, но и всемирного правоведения, выражая общие тенденции его развития. Эта идея должна рассматриваться как идея новой методологии, сочетающей в себе основные способы познания права конца XIX века. В дальнейшей истории русского правоведения будут приняты и другие попытки решения той же задачи, некоторые из которых, возможно, являются более удачными. Но следует признать тот факт, что началом этой линии эволюции отечественных учений о праве была юридическая догматика М.Н. Капустина.

Литература

1. Гроций Г. Оправе войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 68.

2. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 119.

3. Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). М.: Катков и К^0, 1868. 392 с.
4. Яковлев А.В. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 11.
5. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд-во братьев Башмаковых, 1911. 698 с.
6. Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). М.: Катков и К0, 1868. С. 18.

References

1. Grocij G. Oprave vojny i mira. Tri knigi, v kotoryh ob#jasnjajutsja estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava. M., 1956. S. 68.
2. Novgorodcev P.I. Lekcii po istorii filosofii prava. Novgorodcev P.I. Sochinenija. M.: Ra-ritet, 1995. S. 119.
3. Kapustin M.N. Teorija prava (juridicheskaja dogmatika). M.: Katkov i K0, 1868. 392 s.
4. Jakovlev A.V. Gosudarstvenno-pravovye vozzrenija Mihaila Nikolaevicha Kapustina: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. M., 2014. S. 11.
5. Shershenevich G.F. Obshhaja teorija prava. M.: Izd-vo brat'ev Bashmakovyh, 1911. 698 s.
6. Kapustin M.N. Teorija prava (juridicheskaja dogmatika). M.: Katkov i K0, 1868. S. 18.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДВОКАТОВ В РАЗНЫХ ВИДАХ АДВОКАТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ

Сорокин А.В., адвокат,
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Областная адвокатская контора Нижегородской областной коллегии адвокатов

Аннотация: *в представленной статье выявляются ключевые особенности социального взаимодействия адвокатов в различных адвокатских образованиях. Указывается, что в качестве правовой основы данного взаимодействия выступает законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре. Системный анализ основных адвокатских образований показывает, что социальное взаимодействие наиболее полно осуществляется в рамках коллегии адвокатов, в то время как более изолировано адвокатская деятельность осуществляется в адвокатском кабинете. Сформулирован вывод о том, что адвокатская деятельность непосредственно связана с поддержанием и развитием социальных контактов внутри того или иного адвокатского образования, а умение выстраивать данные контакты весьма положительно влияет на взаимодействие адвокатов друг с другом, внутри одного адвокатского образования и между адвокатскими образованиями регионов. Модель социального взаимодействия адвокатов получила название уровня социальной вовлеченности адвокатов, что также можно рассматривать с точки зрения корпоративности. Выявлено, что основным направлением развития корпорации на ближайшую перспективу в целях усиления сплоченности и взаимодействия адвокатов, является необходимость увеличения количества и качества форм и методов дополнительного образование адвокатов, активное использование форм работы с малыми и средними группами и более активное включение в работу членов адвокатских бюро, увеличение количества совместных мероприятий и повышение качественной вовлеченности адвокатов в региональные и федеральные спортивно-массовые мероприятия.*

Ключевые слова: *адвокат, адвокатское образование, социальный контакт, взаимодействие, корпоративность*

FEATURES OF SOCIAL INTERACTION OF LAWYERS IN DIFFERENT TYPES OF LAWYER'S FORMATIONS

Sorokin A.V., Lawyer,
National Research University Higher School of Economics,
Regional Law Office of the Nizhny Novgorod Regional Bar Association

Abstract: *the presented article reveals the key features of the social interaction of lawyers in various legal entities. It is indicated that the legal basis for this interaction is the legislation on advocacy and advocateship. A systematic analysis of the main legal formations shows that social interaction is most fully carried out within the framework of the bar association, while advocacy is more isolated in a lawyer's office. The conclusion is drawn that advocacy is directly related to the maintenance and development of social contacts within one or another legal education, and the ability to build these contacts has a very positive effect on the interaction of lawyers with each other, within the same legal education and between lawyer educations of regions. The model of social interaction of lawyers is called the level of social involvement of lawyers, which can also be considered from the point of view of corporatism. It was revealed that the main direction of the development of the corporation in the near future in order to strengthen the cohesion and interaction of lawyers is the need to increase the number and quality of forms and methods of additional education of lawyers, the active use of forms of work with small and medium groups and more active involvement of members of law firms in the work, an increase in the number of joint events and an increase in the quality of lawyers' involvement in regional and federal sports events.*

Keywords: *lawyer, lawyer education, social contact, interaction, corporatism*

Декларируя адвокатуру в Российской Федерации как профессиональное сообщество, как самостоятельный и крайне важный институт гражданского общества, исключенный из системы государственной власти, законодательство об адвокатуре особое внимание уделяет двум аспектам – самостоятельности и независимости каждого отдельно взятого адвоката и единства, корпоративности и взаимодействии адвокатского сообщества в целом. Такое двойственное правовое положение адвоката обусловлено особым правовым статусом лица и спецификой выполняемой работы.

Наличие прочных социальных связей внутри адвокатской корпорации предполагает актуальность исследования форм и особенностей социального взаимодействия адвокатов внутри адвокатских образований. В связи с этим, стоит перейти к сравнению уровня и степени социального взаимодействия адвокатов с коллегами в каждом из видов адвокатских образований.

Основа правового регулирования многих сфер профессиональной деятельности адвоката, безусловно, раскрывается в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее Закон) [1] и «Кодексе профессиональной этики адвоката» [2]. Закон закладывает не только правовые основы и процедуру приобретения статуса адвоката, декларирует его права и обязанности, но и раскрывает нам формы адвокатских образований, подчеркивает их особенности.

Всецело учитывая независимость и самостоятельность адвоката, его свободу профессиональной деятельности, законодатель в ст. 21 Закона в качестве варианта процессуальной организации работы предусматривает возможность учреждения адвокатского кабинета. Работа в адвокатском кабинете предполагает в большей степени самостоятельную, индивидуальную работу адвоката. Место работы в адвокатском кабинете является изолированным от других помещений и организаций, а сам адвокат в своей ежедневной подготовительной и офисной работе представляется более изолированным от коллег, в связи с чем, он выпадает из социального взаимодействия с адвокатами. Учитывая отсутствие прямого, ежедневного взаимодействия с коллегами и обозначая адвокатуру, прежде всего, как корпорацию, закон устанавливает дополнительное ограничение на учреждение кабинета – для осуществления деятельности в форме адвокатского кабинета: стаж работы должен составлять не менее 3-х лет. Осуществление трудовой функции в рамках адвокатского кабинета представляет собой ситуацию минимального ежедневного социального взаимодействия в рамках корпорации и определенную степень изолированности адвоката.

Первую малую социальную группу в адвокатской среде представляют адвокатские бюро, которые создаются двумя или более адвокатами и в среднем состоят из 3-7 членов-партнеров, заключивших партнерский договор и дополнительного персонала, который может обеспечивать выполнение технических задач. Данная форма образования предполагает наличие тесных, доверительных межличностных взаимодействий между ее участниками [8]. Как правило, созданию объединения предшествует длительное знакомство партнеров друг с другом, взаимное вовлечение партнеров в участие по групповым гражданским, административным или уголовным делам. Основанием объединения является профессиональная сфера деятельности, а целью – повышение эффективности оказания правовой помощи, расширение клиентской базы, разделение функциональных обязанностей и безусловно – увеличение потенциального дохода от трудовой деятельности. Дополнительным мотивационным инструментом объединения является стремление иметь в группе профильного узкоспециализированного специалиста в конкретной области права, а также разделение функциональности группы по всевозможным критериям: глубокий анализ судебной практики или составление убедительных письменных документов и позиций, эффективное ведение переговоров, стрессоустойчивость при работе по уголовным делам или, например, эффективное ведение дел в суде и т.д. [13].

С юридической точки зрения, взаимному объединению и усилению внутренних связей способствует необходимость подписания или присоединения к партнерскому соглашению каждого из его членов. В соглашении предусматривается распределение функционала и зон ответственности партнеров бюро, урегулирование порядка принятия важных решений и распределение вознаграждения.

Дополнительное особое объединение адвокатов-партнеров в рамках бюро обусловлено и самой спецификой данного вида образования. Согласно ст. 23 Закона ведение дел в бюро осуществляется управляющим партнером или партнерами совместно, договор с доверителем заключается не с конкретным адвокатом, а с адвокатским бюро в целом, что предполагает совместную работу всех его участников и неделимую совместную ответственность за качество оказанных услуг.

15 апреля 2021 года Федеральной палатой адвокатов РФ были опубликованы статистические данные по видам адвокатских образований. Так, по состоянию на 2020 год, из 75 196 действующих адвокатов 22 154 человек осуществляют деятельность в форме адвокатского кабинета, а количество зарегистрированных адвокатских бюро составляет 889. Большая же часть адвокатов – 48 872 человека [5, 12], что составляет 65% от общего числа действующих адвокатов, состоят в членах коллегии адвокатов [3]. Среднесписочная численность коллегий адвокатов составляет от 30 до 100 адвокатов, а в рамках коллегии функционируют адвокатские конторы, численность которых обычно составляет от 10 до 30 человек [4].

Рассматривая коллегию адвокатов и функционирующие в ее рамках адвокатские конторы как наиболее популярную форму адвокатских образований, следует подчеркнуть ее безусловные плюсы [14]:

1. Социальная группа среднего размера в 10-30 человек объедена на профессиональной основе, руководствуется едиными законами и стандартами осуществления адвокатской деятельности и содержит в своем составе лиц с абсолютно разными специализациями работы, находящимися в разных возрастных категори-

ях и имеющими разный профиль. Для одних работа в адвокатуре – это начало юридического пути после окончания образовательного процесса и прохождения стажировки, для вторых – это следующий этап развития в юридической сфере после работы в юридических отделах государственных, муниципальных или частных компаний, а кто-то, приходя в адвокатуру, уже несет за плечами гигантский опыт работы в следственных органах, прокуратуре или судебной системе.

2. Разноплановость каждого из адвокатов при этом никак не влияет на его самостоятельность и независимость, в отношениях с доверителем каждый адвокат выступает отдельно. В рассматриваемой социальной группе устойчивые группы межличностного предпочтения скорее являются исключением, чем правилом. В группе строго поддерживается принцип равноправия, реальное лидерство в группе отсутствует. Как форма реализации социального управления, формально присутствует заведующий адвокатской конторой и председатель коллегии адвокатов. Однако вертикальная система властных и зависимых взаимоотношений отсутствует, сфера деятельности руководства направлена исключительно на решение вопросов организационного характера (содержание помещений адвокатских контор, организация документооборота, хранение документации, обеспечение дополнительного образовательного процесса и т.д.).

3. Ежедневное пребывание в коллективе коллегии позволяет лицу круглосуточно находиться в центре обсуждения и решения юридических задач. Ежеминутное обсуждение юридических коллизий, изучение и трактовка судебной практики, обмен проектами процессуальных документов, консультирование с адвокатами, имеющими реальный опыт работы в соответствующих силовых структурах, корпорациях и судах, помощь при составлении правовых документов и обмен опытом ведения судебных дел и контактами экспертных учреждений, оказывают колоссальную помощь в работе даже для опытных адвокатов. А для новых членов коллегии такая обстановка способствует максимально быстрой адаптации в коллективе и профессии, позволяет начать работу в мягком режиме путем совместного участия в процессах с более опытными адвокатами и является отправной точкой для формирования собственной клиентской базы.

4. Возможность оперативного подключения к совместной работе по делам с множеством эпизодов или множественным гражданским спорам нескольких коллег позволяет адвокатам повысить эффективность и комфорт работы. Коллектив коллегий адвокатов и адвокатских контор характеризуется особой сплоченностью и взаимовыручкой, способствует быстрому и эффективному профессиональному росту, служит опорой и вместе с тем, подпитывает самостоятельность деятельности адвоката [10].

Определяя корпоративность как ключевой фактор функционирования института адвокатуры, адвокатское сообщество осуществляет деятельность, направленную на расширение сферы взаимодействия. Особую роль в создании и поддержании социального взаимодействия на внешнем уровне, за пределами адвокатских коллегий, играют два фактора – реализация системы непрерывного обучения и повышения квалификации и организация проведения спортивно-массовых мероприятий в рамках корпорации как на региональном, так и на федеральном уровне [9].

Профессиональное дополнительное обучение адвокатов зависит от стажа и составляет не менее 30 часов ежегодно. Палаты адвокатов субъектов РФ организуют обучение в малых и больших группах (от 30 до 500 человек). Среди лекторов представлены действующие и пребывающие в отставке судьи судов общей юрисдикции и системы Арбитражных судов РФ, представители государственных и муниципальных органов, государственные судебные эксперты и узкоспециализированные эксперты и специалисты частных организаций. При этом образовательный процесс представляет собой не только изложение лектором подготовленного материала, но и длительное совместное обсуждение заявленных тезисов, дискуссии, выявление сложных, неоднозначных ситуаций и непосредственное взаимодействие адвокатов как с лектором, так и между собой [11].

Не может не радовать и ежегодное увеличений количества и качества проводимых спортивно-массовых мероприятий среди адвокатов, среди которых чемпионаты как командным видам спорта (футбол, баскетбол, эстафеты, боулинг, кросс и др.) так и личные зачеты (шахматы, шашки, бильярд и др.) [7]. Реализация таких мероприятий позволяет дополнительно укрепить взаимоотношения между адвокатами и адвокатскими образованиями на основе общности личных интересов и предпочтений [6].

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что вся трудовая деятельность адвоката неразрывно связана с систематическим поддержанием и развитием социальных контактов внутри корпорации, а со временем работы адвоката она расширяется от ограниченного круга членов адвокатского бюро или коллегии адвокатов, до взаимодействия с иными адвокатскими образованиями как в пределах одного субъекта, так и в формате всей страны. Уровень социальной вовлеченности адвокатов в корпорацию двигается по нарастающей от адвокатского кабинета к адвокатскому бюро и к коллегии адвокатов. С точки зрения корпоративности, наличия и поддержания прочных социальных взаимосвязей и их качественных характеристик предполагается, что предпочтительней является функционирование значительной части адвокатов в качестве членов

коллегий. А основным направлением развития корпорации на ближайшую перспективу в целях усиления сплоченности и взаимодействия адвокатов, является необходимость увеличения количества и качества форм и методов дополнительного образование адвокатов, активное использование форм работы с малыми и средними группами как на уровне адвокатских контор, так и на уровне коллегий, более активное включение в работу членов адвокатских бюро, увеличение количества совместных мероприятий и повышение качественной вовлеченности адвокатов в региональные и федеральные спортивно-массовые мероприятия.

Литература

1. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ.
2. «Кодекс профессиональной этики адвоката», принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003, ред. от 15.04.2021.
3. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ, https://fparf.ru
4. Официальный сайт Палаты адвокатов Нижегородской области, https://apno.ru
5. Сведения о составе адвокатского сообщества в Российской Федерации за 2020 год, 15 апреля 2021 г. https://fparf.ru/practical-information/statistics/obshchaya-chislennost-advokatskogo-soobshchestva-rossii
6. Репортаж о праздновании 100-летия НОКА. https://apno.ru/press-tsentr/100-let-noka/47374-reportazh-o-prazdnovanii-100-letiya-noka
7. Чемпионат по футболу ФПА РФ. https://fparf.ru/news/fpa/futbolnye-batalii-v-saranske-zaversheny
8. Добреньков В.И., Кравченко А.И.Социология: Краткий курс. М.: Инфра-М., 2018. 231 с.
9. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологических исследований. М.: Изд-во МГУ, 2017. 860 с.
10. Казаринова Н.В. и др. Социология: учебник для вузов. М.: NOTA BENE, 2018. 269 с.
11. Кравченко А.И. Общая социология: учебное пособие для вузов. М.: Юнити, 2017. 479 с.
12.Магомедова Е.А., Воробьева М.О., Зайцева М.А. Адвокатура как институт гражданского общества: проблемные аспекты // Современный ученый. 2021. № 4. С. 313 – 318.
13. Лавриненко В.Н. Социология. М.: Проспект, 2015. 328 с.
14. Павленок П.Д., Савинов Л.И., Журавлев Г.Т. Социология: учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2016. 734 с.

References

1. Federal'nyj zakon «Ob advokatskoj dejatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» ot 31.05.2002 № 63-FZ.
2. «Kodeks professional'noj jetiki advokata», prinjat I Vserossijskim s#ezdom advokatov 31.01.2003, red. ot 15.04.2021.
3. Oficial'nyj sajt Federal'noj palaty advokatov RF, https://fparf.ru
4. Oficial'nyj sajt Palaty advokatov Nizhegorodskoj oblasti, https://apno.ru
5. Svedenija o sostave advokatskogo soobshhestva v Rossijskoj Federacii za 2020 god, 15 aprelja 2021 g. https://fparf.ru/practical-information/statistics/obshchaya-chislennost-advokatskogo-soobshchestva-rossii
6. Reportazh o prazdnovanii 100-letija NOKA. https://apno.ru/press-tsentr/100-let-noka/47374-reportazh-o-prazdnovanii-100-letiya-noka
7. Chempionat po futbolu FPA RF. https://fparf.ru/news/fpa/futbolnye-batalii-v-saranske-zaversheny
8. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I.Sociologija: Kratkij kurs. M.: Infra-M., 2018. 231 s.
9. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Metody sociologicheskih issledovanij. M.: Izd-vo MGU, 2017. 860 s.
10. Kazarinova N.V. i dr. Sociologija: uchebnik dlja vuzov. M.: NOTA BENE, 2018. 269 s.
11. Kravchenko A.I. Obshhaja sociologija: uchebnoe posobie dlja vuzov. M.: Juniti, 2017. 479 s.
12.Magomedova E.A., Vorob'eva M.O., Zajceva M.A. Advokatura kak institut grazhdanskogo obshchestva: problemnye aspekty. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 4. S. 313 – 318.
13. Lavrinenko V.N. Sociologija. M.: Prospekt, 2015. 328 s.
14. Pavlenok P.D., Savinov L.I., Zhuravlev G.T. Sociologija: ucheb. posobie. M.: Dashkov i K, 2016. 734 c.

ЖЕНЩИНЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛОК

Ярмонова Е.Н., кандидат юридических наук,
Филиал Кубанского государственного университета в г. Армавире

Аннотация: *в статье предпринята попытка представить систему авторских рассуждений о статусе женщин в России как субъектах гражданско-правовых сделок. Проблемным аспектом статьи является анализ данного аспекта правового статуса женщина на длительном историческом периоде, что существенно затрудняет подобный анализ. Актуальность и практическая значимость данной статьи заключается в проведении комплексного анализа такого аспекта правоспособности женщин как сделкоспособность в истории России. В статье рассмотрена сделкоспособность женщин в период с IX в. по XX в. Рассмотрение такого анализа в рамках одной статьи приводит к ограниченности возможностей полного раскрытия проблемы и позволяет проанализировать только основные моменты. К числу важных вопросов в рассматриваемой сфере следует отнести регулирования прав женщин при заключении сделок на уровне всего государства и на уровне отдельных регионов. В настоящей статье, автором предпринята попытка научного анализа и критического осмысления проблемы исследования ответственности женщин по заключаемым ими сделкам. Отдельное внимание уделяется изучению правовой регламентации векселеспособности женщин в дореволюционный период.*

Ключевые слова: *правовой статус женщины, сделки, сделкоспособность, вексель, векселеспособность*

WOMEN OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AS SUBJECTS OF CIVIL LEGAL TRANSACTIONS

Yarmonova E.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Kuban State University in Armavir

Abstract: *the article attempts to present a system of author's reasoning about the status of women in Russia as subjects of civil law transactions. The problematic aspect of the article is the analysis of this aspect of the legal status of a woman for a long historical period, which significantly complicates such an analysis. The relevance and practical significance of this article is to conduct a comprehensive analysis of such an aspect of women's legal capacity as transactionability in the history of Russia. The article considers the bargaining power of women in the period from the IX century to the XX century. Consideration of such an analysis within the framework of one article leads to limited opportunities for full disclosure of the problem and allows you to analyze only the main points. One of the important issues in this area should include the regulation of women's rights when concluding transactions at the level of the entire state and at the level of individual regions. In this article, the author has attempted a scientific analysis and critical understanding of the problem of the study of women's responsibility for the transactions they make. Special attention is paid to the study of the legal regulation of women's promissory note in the pre-revolutionary period.*

Keywords*: legal status of a woman, transactions, ability to deal, promissory, promissory note*

Рассматривая исторические свидетельства с самого древнего времени, можно видеть разнообразные примеры когда женщины участвовали в гражданско-правовом обороте и заключали гражданско-правовые сделки. Такие примеры мы можем видеть в различных источниках, например, в берестяных грамотах. Берестяные грамоты дают нам примеры, когда женщины занимались ремеслами, ростовщичеством, оказывали услуги и заключали другие сделки.

На Руси женщины занимались изготовлением поделок из глины, пряли, шили и выполняли другие виды работ. Пример подобной ремесленной деятельности можно увидеть в грамоте N125, которая дает нам возможность увидеть взаимоотношения между матерью и сыном. Женщина будучи портнихой дает сыну поручения по покупке ткани и рекомендует тщательно проверять качество ткани.

Важное значение имели сделки в соответствующими с которыми могли совершать женщины с недвижимым имуществом. Такие сделки были возможны, так как законодательство того времени допускало возможность для женщин владеть землей. Женщины могли продавать часть земли и использовать землю различными другими способами. Женщины могли сдавать землю в аренду, получать выгоду за счет продажи урожая и использовать другие способы «кормления» с этой земли.

Женщины могли выступать сторонами наследственных сделок являясь наследником или наследодателем, даже если в наследственную базу входит недвижимое имущество. Рассматривая примеры из грамот или других документов мы видим, что женщины могли быть владелицами земли и могли ею распоряжаться самостоятельно без контроля со стороны мужчин своей семьи. Интересный пример нам дает новгородская берестяная грамота №9, в которой мы видим требование от жены вернуть ей имущество, предоставленное отцом и другими родственниками, которое было ее собственностью, так как такое требование было бы не возможно если бы это имущество не было бы в собственности жены, а перешло бы в собственность ее мужа. В более поздний период предусматривался переход к незамужним дочерям коммерческих предприятий если в семье не было наследников мужского пола. Осуществлять предпринимательскую деятельность самостоятельно дочь могла и в последствии даже при условии выхода замуж.

Рассматривая сделкоспособность женщин, следует учитывать и мнение авторов, которые признавали как общее правило совместную собственность супругов на имущество. М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривая такую совместную собственность как имущество находящееся в распоряжении мужа. Данная точка зрения не соответствует статьям российского права, которые допускали возможность имущественных претензий супругов друг к другу. Пример споров «промежи мужем и женою о животе» дает статья Устава князя Владимира [1]. Рассматривая статья косвенно подтверждает возможность заключения сделок между супругами, так как допускает наличие между ними имущественных споров, что было бы не возможным без имущественной самостоятельности женщин от своих мужей в рассматриваемый период.

Русская Правда также дает нам возможность говорить об имущественной независимости женщин в семье, так как статья 94 Русской Правды предусматривает наследование имущества принадлежащего первой жене только ее детьми, минуя детей от второго брака. Статьи 93, 103, 106 Пространной редакции Русской Правды дает нам примеры независимости имущества женщин.

Ярким показателем раздельности имущественных прав супругов можно найти и в статьях Устава кн. Ярослава. Интересным примером можно считать установление ответственности мужа за кражу имущества у жены. Только при раздельном имуществе можно говорить о краже, так как рассматривать кражу своего собственного имущества не возможно, так как это противоречит самой конструкции данного преступного деяния.

Важным примером раздельности имущества супругов следует считать заключение сделок между мужем и женой. Такие сделки могли заключаться и по поводу недвижимого имущества. В период с XIV века по XV век, по мнению Сергеевича, можно видеть множество примеров договоров купли-продажи земельных участков, которые заключались женами со своими мужьями [2]. С начала XVII века активность женщин в заключении сделок усиливается, за этот период можно найти много различных документов, таких как купчие, дарственные, закладные, которые были подписаны женщинами самостоятельно. В XVIII веке принимается закон, который четко предусматривает, что жены могут продавать свое имущество, свои имения без получения согласия своего мужа.

Имущественный статус дворянок существенно отличался от статуса женщин других сословий в России и от статуса женщин привилегированных сословий в других странах, в том числе и в сфере заключения сделок. Они могли заключать различные сделки будучи замужем и могли свободно покупать и продавать землю. Такая ситуация имеет глубокие исторические корни и примеры такой независимости женщин при заключении сделок известны с Древней Руси. Мы видим в летописях описание успешного управления княгинями и другими благородными женщинами своим имуществом и распоряжения этим имуществом как при заключении сделок так и при составлении завещаний. На протяжении всего рассматриваемого периода неоднократно принимались нормативные акты, которые запрещали мужчинам ограничивать сделкоспособность своих жен и принуждать их к совершению сделок в отношении имущества, которое находилось в раздельной собственности супругов.

Говоря о возможности участия женщин в гражданско-правовых сделках надо учитывать, что женщинам предоставлялась возможность заключать сделки не только в личной-бытовой сфере, но и при осуществлении различных видов предпринимательской деятельности.

Примеры предоставления женщинам прав на заключение сделок без ограничений мы видим в ст. 2 Устава торгового «Право вступать в договоры и обязательства, торговле свойственные, принадлежит лицам обоего пола, Русским подданным всех состояний и иностранцам, а также товариществам и компаниям, на основании правил, изложенных в сем Уставе и в законах гражданских» [3].

Многие авторы отмечали, что на возможность быть участником гражданско-правовых сделок влиял семейный статус женщин. Женщины не состоящие в браке обладали весьма широкими правами в этой сфере. Девицы и вдовы участвовали в сделках без ограничений.

Для замужних женщин ограничения на совершение отдельных видов сделок были предусмотрены на различных этапах нашей истории. Шершеневич Г.Ф. приводит ряд случаев, в которых для заключения сделок женщинами требуется согласие их мужей. К категории таких сделок относят выдачу векселей женщинами, которые будучи замужем заключали сделки как в торговой, так и в иных сферах деятельности в которых женщины осуществили свою деятельность. В сфере личного найма действовали иные правила, так как на принятие замужней женщиной на себя обязанности приказчицы не возможно было без согласия мужа. Согласие мужа также требует и принятие на себя замужнею женщиною обязанностей приказчицы, как основанных на личном найме [4].

Заключение сделок по выполнению работ и оказанию услуг допускалось для вдов записанных в Цеховой Управе мастеров в соответствии с Уставом о промышленности, так как в случае нужды им предоставлялась возможность продолжения ремесла мужа. В этом случае они не только могли самостоятельно продолжать ремесло мужа, но и иметь учеников и подмастерьев. В этом случае вдова должна осуществлять все выплаты, которые возлагались на мастеров.

Наличие раздельной собственности у супругов и возможность женщинам самостоятельно управлять своим имуществом и извлекать из него доход давала возможность женщинам успешно заниматься предпринимательской деятельностью. Осуществляя предпринимательскую деятельность женщины не были ограничены законом Российской империи при заключении сделок.

Права на занятие предпринимательскую деятельность в ряде случаев предоставлялись только представительницам женского пола в некоторых семьях. Например, рассматривая Устав о прямых налогах, мы видим ограничение для священнослужителей и церковных причетников брать как купеческие, так и промысловые свидетельства, но такое ограничение не распространялось на их вдов и незамужних дочерей[5]. Определенные льготы, установленных для оставшихся по смерти священнослужителей и церковнослужителей вдов и незамужних дочерей по принадлежащим им торговым предприятиям и промышленным заведениям определены в Положении о государственном промысловом налоге [6].

Женщины, ставшие участницами промышленного товарищества, посредством ли самостоятельного вступления в оное, или путем уступки, или через наследование (GenG & 75), не могут освободится от принятой ими в силу вступления в товарищество обязательной ответственности ссылкой на какие либо «правовые льготы для женщин», признаваемые местными законами [7].

При анализе законодательства можно видеть такое ограничение сделкособности для женщин как ограничение в праве обязываться векселями. В более поздней редакции вексельного устава были предусмотрены ограничения на выдачу векселей таким категориям как замужние женщины без получения согласия их мужей и неотделимым девицам, если они не получили согласие своих родителей. Дальнейшее законодательство продолжило идеи ограничения вексельных прав замужних женщин.

В вексельный уставах как 1893 г. так и 1902 г. не оговорено подробно как должно быть оформлено такое согласие выдачу женой векселя. Вексельные уставы не предусматривали требования, чтобы согласие мужа было выражено в момент выдачи векселя женой. Согласие мужа может быть дано как на векселе, и отдельно, лишь бы было ясно выражено, что оно относится к данному векселю; оно может быть доказуемо свидетелями[8]. В тоже время в праве того времени присутствовало мнение, что согласие мужа не может быть доказываемо свидетельскими показаниями, как полагает Сенат [9].

В случае если на векселе была сделана мужем разрешительная надпись то в последствии не имело значение когда эта надпись была сделана. Акцепт мужем переводного векселя, выданного по его приказу, доказывает согласие мужа на передачу женою векселя другому.

Передаточная надпись на векселе, сделанная замужней женщиной без согласия ее мужа, не имеет вексельной силы и, следовательно, не устанавливает вексельного обязательства надписательницы пред векселедержателем уплатить вексельную сумму в случае неучинения в срок платежа по простому векселю векселедателем, а по переводному плательщиком [10].

Нюренберг А.М. отмечал, что нельзя рассматривать ограничение, установленное ст. 2 Устава о векселях, более широко и применять его к различным сделкам, производимых женщинами. В соответствии с Уставом о векселях устанавливался запрет на выдачу для замужних женщин или передачу векселей с оборотом на себя без согласия мужей, но нисколько не возбраняется приобретать в собственность право по векселям [11].

Выдача векселя лицом, не имеющим права обязываться векселями (женою без согласия мужа), имеет то последствие, что за векселем не признается силы вексельного права, но такой вексель не теряет силы обязательства и выдавший его не освобождается от ответственности [12].

Вексель, выданный замужней женщиной, без дозволения мужа, имеет для нее значение не векселя, а простого долгового обязательства [13]. В качестве исключительного случая, когда согласие мужа на выдачу векселя женой не требуется, можно считать случай выдачи векселя при заключении сделки мужа с женой.

Надо учитывать, что в данном случае векселеспособность жены ограничены не в полном объеме. Замужняя женщина не ограничена в векселеспособности в отношении переводных векселей. Для простых векселей действовало правило, что женщины могли их выдавать только в рамках предпринимательской деятельностью и в данном случае согласие на выдачу векселя обусловлено необходимостью получать согласие мужа на занятие предпринимательской деятельностью женой [14]. Если исходить из способности замужней женщины заниматься без одобрения мужа предпринимательской деятельностью, то в случае занятия замужней женщиной купеческой деятельностью она может самостоятельно выдавать простые векселя без согласия мужа.

Муж, в случаях обьявления его несостоятельным может давать жене право на выдачу векселя, ибо он, как несостоятельный, ограничивается только в своих имущественных правах; подпись его на векселе жены не влечет для него никаких имущественных последствий [15].

Для дочерей, которые зависимы от своих родителей предусмотрена была полная свобода на заключение переводных векселей, а когда речь идет о простых векселях то действует другое правило, так как в этом случае она может выдавать вексель только при условии, если она осуществляет торговую деятельность на законном основании [16].

Рассматривая девиц, неотделенных от родителей, как лиц, которые не могут давать векселя без согласия родителей, необходимо учитывать, что под девицами, от родителей неотделенными, следует подразумевать девиц, не получивших выдела из родительского имущества, а живущие при родителях. Это правило действует и в том случае если родители не выделяли имущество дочери, а оно было получено от третьих лиц на основании дарения, наследования или иных сделок [17]. Так же в данном случае имеются ввиду только совершеннолетние девушки, так как в противном случае они не могут самостоятельно обязываться никакими векселями.

В рассматриваемый период не только были имущественные ограничения прав женщин, но и существовали у них права, которыми не обладали мужчины. Только женщинам предоставлялись алиментные права в отношении мужа или отца, мужу такие права законодательством не предоставлялись. Жена и дочь лица, с которого присуждены выдачи ежемесячного содержания, в праве просить о признании его несостоятельным должником, вследствие накопления долга на сумму более 1500 руб. [18].

Законодательство предусматривало для незамужних женщин возможность заключения сделок с участием попечителя (советника, ассистента) [19]. В этом случае попечитель выбирался женщиной самостоятельно из лиц, которым она могла доверять.

Попечитель выступал только в качестве советчика женщины, он не отчитывался по итогам осуществления управленческой деятельности. Девушки сами заключали сделки и сами несли по ним ответственность.

Неся ответственность по своим сделкам женщины могли признаваться несостоятельными. Замужняя женщина могла признаваться недееспособной не во всех странах, например, законодательство Великобритании не предусматривало возможность признавать замужних женщин недееспособными.

Возможность заключать сделки женщинами связана с вопросам об ответственности женщин по своим долгам или долгам мужа. В России с древних времен существовала ответственность, которую следует рассматривать как совместную ответственность супругов. Взыскание по долгам мужа налагалось с древнейшего периода должно было производиться не только на имущество мужа, но и на имущество жены, что ограничивало сделкоспособность женщин. Возложение отработки долга не только на мужа, но и на его жену и детей была распространённой практикой и до XVII века предусматривалась законодательством.

Ограничения по ответственности жены по обязательствам мужа были внесены Петром I. В более поздний исторический период такие ограничения поддерживались в законодательстве, но примеры ответственности жены по долгам мужа встречались и в более поздний период.

Проведя краткий анализ возможностей женщин быть участницами сделок в России начиная с древнейших времен, можно признать, что женщины, особенно привилегированных сословий, умели довольно широкий перечень прав в этой сфере, не смотря на ограничения, которые накладывались законодательством. Право на заключение сделок в целом было предоставлено женщинам всех сословий, не только дворянкам, но и всем остальным, например, купчихам, мещанкам, крестьянкам, женам и дочерям церковнослужителей. Российские женщины имели больший объем прав, чем у женщин в других странах в рассматриваемый период. Для России было характерно сочетание зависимости женщин в личной сфере с довольно обширной свободой женщин в имущественной сфере, в том числе при осуществлении предпринимательской деятельности.

Литература

1. Чистякова О.М. Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. / Под ред. М., 1984. С. 245.
2. Пергамент О. Об имущественных отношениях супругов // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1894. ноябрь. С. 21.
3. Гессен А.М. Устав торговый (Т. XI, Ч. 2, изд. 1903 г., по Сводному продолжению 1912 года). Спб., 1914. С. 4.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. Спб., 1908. С. 47.
5. Канторович Я.А. Законы о состояниях (Св. зак. Т. IX, изд. 1899 г., по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.): с разъяснениями, извлеч. из: Кодификационной объяснительной записки к законам о состояниях, изд. 1899 г., – определений 1-го, 2-го департамента и Департамента герольдии Правительствующего Сената. Спб., 1901. С. 216.
6. Законы о состояниях (Св. зак. Т. IX. Изд. 1899 г., с дополнительными узаконениями по 1 июля 1901 г.) Составил Я.А. Канторович. Спб., 1901., 217.
7. Положение о государственном промысловом налоге. С подстатейными инструкционными разъяснениями, с подробным алфавитным указателем облагаемых и освобождаемых от налога предприятий и с приложением: извлечений из свода законов и других узаконений и распоряжений правительства. Составили Э.И. Жаковский и В.П. Погожев. Спб., 1900. С. 78.
8. Гарейс К. Германское торговое право. Краткий учебник действующего в Германии торгового, вексельного и морского права / Под ред. Н.О. Нерсесова М., 1893. С. 69.
9. Устав о векселях 27 мая 1902 года, введенный в действие с 1-го января 19003 года с законодательными мотивами и разъяснениями / Сост. А. Добровольский. Спб., 1916. С. 25.
10. Реш. Гражд. Деп. 1893, № 3. Цитируется по Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. III. Вексельное право. Морское право. 4-е изд. Спб., 1909. С. 49.
11. Устав о векселях, Высочайше утвержденный 27 мая 1902 года / Сост. Г.В. Бертгольдт. М., 1904. С. 71.
12. Устав о векселях с исправлениями и продолжениями 1906, 1908 и 1909 годов / Сост. А.М. Нюренберг. М., 1911. С. 22.
13. Устав о векселях, Высочайше утвержденный 27 мая 1902 года / Сост. Г.В. Бертгольдт. М., 1904. С. 71.
14. Устав о векселях, Высочайше утвержденный 27 мая 1902 года / Сост. Г.В. Бертгольдт. М., 1904. С. 71.
15. Цитович П. Курс вексельного права. Киев. 1887. С. 99.
16. Устав о векселях с исправлениями и продолжениями 1906, 1908 и 1909 годов / Сост. А.М. Нюренберг. М., 1911. С. 26.
17. Цитович П. Курс вексельного права. Киев. 1887. С. 99.
18. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. III. Вексельное право. Морское право. Издание четвертое. Спб., 1909. С. 51.
19. Законы о несостоятельности торговой и неторговой / Сост. Г.В. Бертгольдт., М., 1905. С. 202.
20. Опека и попечительство. Практическое руководство // Сборник действующих в Империи законов об опеках и попечительствах и об опекунских учреждениях, с разъяснениями Сената и замечаниями составителя. Спб., 1913. С. 348.

References

1. Chistjakova O.M. Rossijskoe zakonodatel'stvo H-HH vv.: v 9-ti t. Pod red. M., 1984. S. 245.
2. Pergament O. Ob imushhestvennyh otnoshenijah suprugov. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. SPb. 1894. nojabr'. S. 21.
3. Gessen A.M. Ustav torgovyj (T. XI, Ch. 2, izd. 1903 g., po Svodnomu prodolzheniju 1912 goda). Spb., 1914. S. 4.
4. Shershenevich G.F. Uchebnik torgovogo prava. Spb., 1908. S. 47.
5. Kantorovich Ja.A. Zakony o sostojanijah (Sv. zak. T. IX, izd. 1899 g., po prod. 1906, 1908 i 1909 gg.): s raz#jasnenijami, izvlech. iz: Kodifikacionnoj ob#jasnitel'noj zapiski k zakonam o sostojanijah, izd. 1899 g., – opredelenij 1-go, 2-go departamenta i Departamenta gerol'dii Pravitel'stvujushhego Senata. Spb., 1901. S. 216.
6. Zakony o sostojanijah (Sv. zak. T. IX. Izd. 1899 g., s dopolnitel'nymi uzakonenijami po 1 ijulja 1901 g.) Sostavil Ja.A. Kantorovich. Spb., 1901., 217.

7. Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge. S podstatejnymi instrukcionnymi raz#-jasnenijami, s podrobnym alfavitnym ukazatelem oblagaemyh i osvobozhdaemyh ot naloga predprijatij i s prilozheniem: izvlechenij iz svoda zakonov i drugih uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva. Sostavili Je.I. Zhakovskij i V.P. Pogozhev. Spb., 1900. S. 78.

8. Garejs K. Germanskoe torgovoe pravo. Kratkij uchebnik dejstvujushhego v Germanii torgovogo, veksel'nogo i morskogo prava. Pod red. N.O. Nersesova M., 1893. S. 69.

9. Ustav o vekseljah 27 maja 1902 goda, vvedennyj v dejstvie s 1-go janvarja 19003 goda s zakonodatel'nymi motivami i raz#jasnenijami. Sost. A. Dobrovol'skij. Spb., 1916. S. 25.

10. Resh. Grazhd. Dep. 1893, № 3. Citiruetsja po Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. III. Veksel'noe pravo. Morskoe pravo. 4-e izd. Spb., 1909. S. 49.

11. Ustav o vekseljah, Vysochajshe utverzhdennyj 27 maja 1902 goda. Sost. G.V. Bertgol'dt. M., 1904. S. 71.

12. Ustav o vekseljah s ispravlenijami i prodolzhenijami 1906, 1908 i 1909 godov. Sost. A.M. Njurenberg. M., 1911. S. 22.

13. Ustav o vekseljah, Vysochajshe utverzhdennyj 27 maja 1902 goda Sost. G.V. Bertgol'dt. M., 1904. S. 71.

14. Ustav o vekseljah, Vysochajshe utverzhdennyj 27 maja 1902 goda. Sost. G.V. Bertgol'dt. M., 1904. S. 71.

15. Citovich P. Kurs veksel'nogo prava. Kiev. 1887. S. 99.

16. Ustav o vekseljah s ispravlenijami i prodolzhenijami 1906, 1908 i 1909 godov. Sost. A.M. Njurenberg. M., 1911. S. 26.

17. Citovich P. Kurs veksel'nogo prava. Kiev. 1887. S. 99.

18. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. III. Veksel'noe pravo. Morskoe pravo. Izdanie chetvertoe. Spb., 1909. S. 51.

19. Zakony o nesostojatel'nosti torgovoj i netorgovoj. Sost. G.V. Bertgol'dt., M., 1905. S. 202.

20. Opeka i popechitel'stvo. Prakticheskoe rukovodstvo. Sbornik dejstvujushhih v Imperii zakonov ob opekah i popechitel'stvah i ob opekunskih uchrezhdenijah, s raz#jasnenijami Senata i zamechanijami sostavitelja. Spb., 1913. S. 348.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ АКТОВ

Бархо В.Ю., аспирант,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: *современное уголовное законодательство Российской Федерации регулярно подвергается различным трансформациям, в ходе которых повышенного внимания заслуживают вопросы трактовки и научного понимания уголовно-правовых гарантий, которые распространяются на обязательность судебных актов в контексте их последующего своевременного исполнения. В настоящее время имеет место экономическая нестабильность, остро ощущается дефицит федерального бюджета, практически не уменьшается численность людей с доходом ниже прожиточного минимума при отчетливо усиливающейся дифференциации населения по доходам. Сложившаяся ситуация, усложнившаяся распространением коронавирусной инфекции и проведением в 2022 году Россией специальной военной операции, требует принятия адекватных мер реагирования. Без преувеличения, глобальные масштабы преступности угрожают национальной безопасности большинства стран мира, в том числе и Российской Федерации.*

Для укрепления ее основ и стабилизации правоотношений на национальном уровне необходимо внимательно следить за практикой принятия законных и обоснованных судебных решений, а также усиленно работать в направлении их дальнейшего исполнения в рамках действующего законодательства. В этой связи целью настоящей статьи является анализ существующих уголовно-правовых гарантий, которые подтверждают и обеспечивают обязательность судебных актов в стране. Также, хотелось бы обратить внимание на то, что актуальные задачи, которые стоят перед государством, должны решаться с учетом формирования и поддержания в России нормального делового и предпринимательского климата, а также создания благоприятных условий для развития общественных отношений в правовом поле. В этой связи в работе уточняются особенности исполнения судебных актов самой различной категории в условиях применения уголовно-правовых норм в случае их преступного неисполнения.

Ключевые слова*: судебный акт, преступное деяние, исполнение судебных решений, судебная инстанция, уголовное законодательство*

CRIMINAL LAW GUARANTEES OF BINDING JUDICIAL ACTS

Barkho V.Yu., Postgraduate,
Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract: *the modern criminal legislation of the Russian Federation regularly undergoes various transformations, during which the issues of interpretation and scientific understanding of criminal law guarantees that apply to the binding nature of judicial acts in the context of their subsequent timely execution deserve increased attention. Currently, there is economic instability, the federal budget deficit is acutely felt, the number of people with incomes below the subsistence minimum is practically not decreasing, with a distinctly increasing differentiation of the population by income. The current situation, complicated by the spread of coronavirus infection and the conduct of a special military operation by Russia in 2022, requires adequate response measures. Without exaggeration, the global scale of crime threatens the national security of most countries of the world, including the Russian Federation.*

In order to strengthen its foundations and stabilize legal relations at the national level, it is necessary to closely monitor the practice of making legal and reasonable judicial decisions, as well as work hard towards their further implementation within the framework of current legislation. In this regard, the purpose of this article is to analyze the existing criminal law guarantees that confirm and ensure the binding nature of judicial acts in the country. Also, I would like to draw attention to the fact that the urgent tasks facing the state should be solved taking into account the formation and maintenance of a normal business and entrepreneurial climate in Russia, as well as the creation of favorable conditions for the development of public relations in the legal field. In this regard, the paper clarifies the specifics of the execution of judicial acts of various categories in the conditions of application of criminal law norms in case of their criminal non-execution.

Keywords: *judicial act, criminal act, execution of court decisions, judicial instance, criminal legislation*

В соответствии со ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) [1], уголовное законодательство стоит на страже охраны прав и свобод человека и гражданина, поддержания общественной безопасности и порядка, стремится к полноценной защите конституционного строя государства от каких-либо преступных посягательств. Кроме того, именно уголовный закон направлен на предупреждение преступных деяний. Учитывая важность своевременного и полноценного привлечения к ответственности виновных лиц, необходимо отметить, что каждый субъект имеет право на справедливое судебное разбирательство по уголовному делу. По результатам рассмотрения и разрешения уголовного дела суд выносит соответствующее решение – приговор. В рамках своей деятельности судебные инстанции принимают самые разнообразные акты, которые являются обязательными к исполнению. Об обязательности исполнения судебных решений свидетельствуют не только отдельные нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за процедуру их неисполнения (например, ст. 315 УК РФ), но и положения Федерального закона «Об исполнительном производстве» [2].

Немаловажную роль в определении уголовно-правовых гарантий обязательности судебных решений сыграл в свое время Конституционный Суд РФ, который в Постановлении № 20-П от 02 июля 1998 г. отметил, что правосудие должно отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное восстановление в правах [3]. Данная правовая позиция в достаточной степени соответствует ст. 6 УК РФ, где отмечается, что применяемое наказание должно соответствовать общественной опасности, личности виновного, обстоятельствам дела. В Определении от 08 июля 2004 г. № 237-О Конституционный Суд РФ также подчеркнул, что каждый вправе рассчитывать на справедливое судебное разбирательство с соблюдением установленных сроков и на основании закона [4]. Стоит полагать, что вывозы Конституционного Суда свидетельствуют о том, что обязательность исполнения судебных актов предопределяется законностью, справедливостью и обоснованностью принятия судом своих решений. Иными словами, согласно законодательству, можно требовать исполнения только тех актов суда, которые вступили в законную силу. То есть, приняты с точным соблюдением «буквы» закона. В противном случае, процесс исполнения может вызвать массу трудностей и фактически выступит предпосылкой нарушения прав и интересов лица. Следует отметить, что в действующем УК РФ содержатся квалифицированные составы преступных деяний, которые совершаются в нарушение вступившего в законную силу судебного акта. Речь идет, например, о ч. 2 ст. 169 УК РФ, которая предусматривает ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, совершение которой обусловлено неисполнением законного судебного предписания. Также в данном контексте следует упомянуть ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за участие в деятельности общественных, религиозных и иных организаций, по отношению к которым вступило законное судебное решение о запрете их деятельности.

В Определении от 5 ноября 2004 г. № 345-О Конституционный Суд РФ подчеркнул важность соблюдения гарантии судебной защиты по отношению к обвиняемым и потерпевшим [5]. В частности, в упомянутом Определении отмечается, что справедливое разбирательство по каждому уголовному делу напрямую зависит от обеспечения данных категорий участников производства правом на представление доказательств, ознакомление с материалами дела. Иными словами, суды обязаны обеспечить обвиняемых и подозреваемых соответствующими условиями на реализацию их законных процессуальных прав. В то же время, уголовно-правовые гарантии в отношении одной категории лиц не должны ущемлять права и интересы других участников судопроизводства. Например, нельзя лишить потерпевшего от преступного деяния возможности принимать участие в судебных прениях.

Если в ходе судебного разбирательства будут допущены подобные ограничения, то о законности и справедливости вынесенного судебного решения нельзя будет утверждать. Кроме того, любые необоснованные ограничения прав и законных интересов участников судопроизводства нарушают базовые уголовно-правовые гарантии, не соответствуют фундаментальным принципам уголовного права. Не имея доступа к правосудию, происходит фактическое умаление достоинства личности, не соблюдается равенство сторон, не реализуется принцип состязательности. Следовательно, обязательность исполнения судебных актов предопределяется уголовно-правовыми стандартами и гарантированными основами, без которых признать судебный акт справедливым и правосудным не представляется возможным.

В действующем УК РФ предусмотрены нормы об уголовной ответственности за неисполнение судебных актов. При этом речь идет не только конкретно о приговорах судов по уголовным делам, но и о судебных решениях по другим видам судопроизводств. Например, к ответственности по ст. 315 УК РФ могут быть привлечены субъекты, которые не исполнили решение суда по гражданскому, административному делу, экономическому или трудовому спору. Чрезвычайно много вопросов на практике возникает при применении ст.ст. 177, 315 УК РФ. В 2014 г. Управление организации дознания ФССП России в официальном письме представило разъяснение на предмет неисполнения решения третейского суда [6]. Изучив нормы

действующего законодательства, ФССП отметила, что лицо, которое не исполнило вступившее в законную силу решение третейского суда, может быть привлечено к уголовной ответственности. При этом в обязательном порядке должны учитываться признаки преступных деяний, а процесс неисполнения решения третейского суда должен сопровождаться выдачей исполнительного листа о принудительном исполнении.

В нормах ст. 157 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей, либо родителей, которые являются нетрудоспособными. Необходимо понимать, что все вопросы, касающиеся воспитания детей, судебные приставы должны решать в соответствии с порядком, предусмотренным в ФЗ №229. В ситуациях, когда один родитель или лицо, занимающееся воспитанием ребенка, не дает приставу привести в действие судебное решение, в отношении этого лица применяются соответствующие меры, предусмотренные действующим законодательством об исполнительном производстве и административных правонарушениях [7, с. 182].

Разновидность дохода или официального заработка родителей, из которого рассчитывается сумма алиментов, независимо от валюты, в которой они его получают, актуальна только для выплаты алиментов на детей, не достигших совершеннолетия. В некоторых, предусмотренных в законе, случаях суд может определить фиксированную сумму ежемесячных алиментов на детей несовершеннолетнего возраста. Чаще всего это происходит по соглашению сторон или в ситуациях, когда один или оба родителя имеют нерегулярный заработок или другой меняющийся доход [8, с. 261].

Также фиксированная сумма алиментов может быть определена в ситуациях, когда этот родитель получает доход или официальный заработок в иностранной валюте или в натуре, а также в ряде других ситуаций, предусмотренных законом, касающихся долевого отношения к доходу или другому заработку, если из него невозможно рассчитать сумму алиментов или если такая процедура ограничивает одну из сторон в ее правах или нарушает ее интересы. В вопросах применения ст. 157 УК РФ необходимо учитывать, что ежемесячное обязательство по выплате алиментов ложится на управление организацией, в которой это лицо работает. В соответствии с соглашением об уплате алиментов, заверенном нотариусом, или на основании решения органов исполнительной власти, бухгалтерия организации высчитывает указанную сумму алиментов из заработной платы или другого дохода этого гражданина и переводит эту сумму на счет лица, которое указано в качестве получателя, в срок, не позднее 3-х дней со дня получения дохода лицом, обязанным выплачивать алименты [9, с. 55].

Взыскание алиментов проводится из заработка или другого дохода лица, на которое возложены обязательства по уплате алиментов на содержание детей несовершеннолетнего возраста. Если средств для выплаты алиментов недостаточно, эта сумма удерживается из денежных средств гражданина, числящихся на счетах кредитных организаций или других банков, а также из финансовых средств, которые были переданы этому лицу в соответствии с заключенным договором с некоммерческими или коммерческими организациями, за исключением договоров, касающихся перехода права собственности. Если средств и в такой ситуации не хватает для уплаты алиментов, обозначенная в обязательстве сумма может быть обращена к имуществу этого лица. Все эти процедуры производятся строго в соответствии с действующим законодательством.

Кроме того, сокрытие или присвоение имущества, которое по приговору суда подлежит конфискации, либо же совершение иных действий по уклонению от исполнения вступившего в силу приговора также влечет наступление уголовной ответственности по ч. 2 ст. 312 УК РФ.

В УК РФ четко указано, что за умышленный отказ от обязательного приговора или судебного решения, вступившего в силу, предусматривается ответственность. Также ответственность предусматривается за вмешательство в исполнение приговора или судебного решения лица, на которое наложено административное взыскание за правонарушение, указанное в КоАП РФ и касающееся аналогичного судебного решения. В ст. 315 УК РФ регламентированы меры ответственности, которые распространяются на представителей органов государственной власти, муниципальных работников, государственных служащих, служащих коммерческих и некоммерческих организаций в ситуациях, если эти лица намеренно отказываются исполнять судебный приговор, решение или акт органов судебной власти или намеренно препятствуют исполнению решения, вступившего в законную силу. Достаточно часто привлечению к уголовной ответственности за неисполнение судебного решения предшествует совершение административного правонарушения аналогичного характера.

В завершении хотелось бы отметить, что неисполнение требований судебных актов может стать причиной наступления уголовной ответственности для виновных субъектов. В научных кругах озвучивается мнение о том, что значительные сложности в данном вопросе связаны с определением признака злостности в условиях квалификации деяний по ст.ст. 177 и 315 УК РФ [10, с. 59]. Уголовное законодательство, соответственно, не дает надлежащего определения категории злостности. В этой связи представляется целесо-

образным на законодательном уровне определить понятие злостности в соответствующих нормах УК РФ. На наш взгляд, существо злостности как уголовно-правовой категории напрямую зависит от продолжительности неисполнения должником обязанностей, которые возложены на него судом.

Таким образом, учитывая всё сказанное выше, следует отметить, что отправление правосудия является фундаментальной функцией суда, который заинтересован в справедливом и правильном рассмотрении и разрешении дела. По итогам судебного производства традиционно принимается судебный акт, который требует исполнения после непосредственного вступления в законную силу. Анализ уголовного законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что в правовой плоскости существуют уголовно-правовые гарантии обязательности исполнения судебных решений. В их число входят не только базовые цели и задачи уголовного законодательства, но и ключевые принципы, отраженные в УК РФ, а также отдельные статьи Особенной части УК РФ, которые предусматривают наступление уголовной ответственности за неисполнение судебных актов и решений.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П. Режим доступа: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30403.pdf (дата обращения: 25.10.2022)

4. Определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2004 № 237-О. Режим доступа: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32117.pdf (дата обращения: 25.10.2022).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2004 № 345-О. Режим доступа: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31109.pdf (дата обращения: 25.10.2022)

6. Письмо ФССП России от 29.08.2014 № 00043/14/51617 «О порядке применения статей 177, 315 УК РФ в случае неисполнения решения третейского суда» // СПС «Консультант Плюс».

7. Морозова И.Б., Треушников А.М. Исполнительное производство. М.: Городец, 2017. 510 с.

8. Гуреев В.А., Гущин В.В. Исполнительное производство: учебник (4-е изд., исправл. и доп.). М.: Статут, 2021. 588 с.

9. Гальперин М.Л. Исполнительное производство. Юридическая ответственность. М., Юрайт, 2019. 350 с.

10. Иванова Л.М., Прушинский Д.И., Тугутов Б.А. Определение злостности в составах преступлений в сфере исполнительного производства // Законность. 2020. № 3. С. 58 – 61.

References

1. Ugolovnyj kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 24.09.2022). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

2. Federal'nyj zakon ot 02.10.2007 № 229-FZ (red. ot 14.07.2022) «Ob ispolnitel'nom proizvodstve». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 41. St. 4849.

3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.07.1998 № 20-P. Rezhim dostupa: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30403.pdf (data obrashhenija: 25.10.2022)

4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.07.2004 № 237-O. Rezhim dostupa: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32117.pdf (data obrashhenija: 25.10.2022).

5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 05.11.2004 № 345-O. Rezhim dostupa: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31109.pdf (data obrashhenija: 25.10.2022)

6. Pis'mo FSSP Rossii ot 29.08.2014 № 00043/14/51617 «O porjadke primenenija statej 177, 315 UK RF v sluchae neispolnenija reshenija tretejskogo suda». SPS «Konsul'tant Pljus».

7. Morozova I.B., Treushnikov A.M. Ispolnitel'noe proizvodstvo. M.: Gorodec, 2017. 510 s.

8. Gureev V.A., Gushhin V.V. Ispolnitel'noe proizvodstvo: uchebnik (4-e izd., ispravl. i dop.). M.: Statut, 2021. 588 s.

9. Gal'perin M.L. Ispolnitel'noe proizvodstvo. Juridicheskaja otvetstvennost'. M., Jurajt, 2019. 350 s.

10. Ivanova L.M., Prushinskij D.I., Tugutov B.A. Opredelenie zlostnosti v sostavah prestuplenij v sfere ispolnitel'nogo proizvodstva. Zakonnost'. 2020. № 3. S. 58 – 61.

ДОГОВОР ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Мамиев А.Г.,
Цаликова М.Б., кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация: *актуальность темы обусловлена востребованностью договора об оказании юридических услуг в современном гражданском обороте, с одной стороны, и отсутствием единых подходов к пониманию юридической естества названного договора в доктрине гражданского права – с другой. В исследовании рассмотрена проблема определения понятия договора об оказании юридических услуг. В статье анализируется понятие «квалификация», рассматривается определение общего понятия квалифицирующего признака договора с точки зрения разных исследователей. Применительно к понятию квалифицирующих признаков, определяющих правовую квалификацию договора в целом, также проанализирована позиция судебной практики, а также сделан вывод об определении квалифицирующего признака договора. Проанализирован ряд определений, предлагаемых современными представителями цивилистической науки. Сделан вывод о том, что правовая природа договора об оказании юридических услуг неоднозначна. Рассмотрены основные подходы к его пониманию, выделены квалифицирующие признаки и проведен анализ правовой квалификация. Вопрос о возмездном либо безвозмездном характере договора оказания юридических услуг автор рассматривает подробно. Автор делает вывод, что первым и основным квалифицирующим признаком договора оказания юридических услуг в качестве вида договора возмездного оказания услуг выступает особенность предмета договора – деятельность, направленная на совершение исполнителем юридических актов и (или) юридических поступков. Вторым квалифицирующим признаком договора оказания юридических услуг необходимо выделить особенность субъектного состава на стороне исполнителя. Фидуциарность отношений сторон договора оказания юридических услуг является третьим квалифицирующим признаком договора оказания юридических услуг. По мнению автора, деятельность по оказанию юридических услуг может быть опосредована различными видами гражданско-правовых договоров.*

Ключевые слова: *признаки, квалификация, юридические услуги, договор об оказании юридических услуг, договор возмездного оказания услуг, договорные отношения, обязательства*

LEGAL SERVICES CONTRACT: QUALIFYING FEATURES AND LEGAL QUALIFICATION

Mamiev A.G.,
Tsalikova M.B., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract: *the relevance of the topic is due to the demand for a contract for the provision of legal services in modern civil circulation, on the one hand, and the lack of unified approaches to understanding the legal nature of the said contract in the doctrine of civil law, on the other. The study considers the problem of defining the concept of a contract for the provision of legal services. The article analyzes the concept of "qualification", considers the definition of the general concept of the qualifying sign of the contract from the point of view of different researchers. With regard to the concept of qualifying features that determine the legal qualification of the contract as a whole, the position of judicial practice is also analyzed, and a conclusion is made on the definition of the qualifying feature of the contract. A number of definitions proposed by modern representatives of civil science are analyzed. It is concluded that the legal nature of the contract for the provision of legal services is ambiguous. The main approaches to its understanding are considered, qualifying signs are highlighted and an analysis of legal qualification is carried out. The author examines the question of the paid or gratuitous nature of the contract for the provision of legal services in detail. The author concludes that the first and main qualifying feature of a contract for the provision of legal services as a type of contract for the provision of services for a fee is a feature of the subject of the contract – an activity aimed at the commission of legal acts and (or) legal actions by the performer. The second qualifying feature of the contract for the provision of legal services is to highlight the peculiarity of the subject composition on the side of the contractor. The fiduciary relationship of the parties to the contract for the provision of legal services is the third qualifying feature of the contract for the provision of legal services. According to the author, the provision of legal services can be mediated by various types of civil law contracts.*

Keywords: *signs, qualification, legal services, legal services agreement, fee-for-service contract, contractual relationship, obligation*

На современном этапе развития, особое значение по праву приобретает систематизация гражданско-правовых договоров, которая направлена на то, чтобы на практике реализовать цели правоприменения и правотворчества, а также научную цель, равно как цель повышения правосознания участников общественных отношений. Как справедливо отмечается в научной литературе, «непосредственно систематизация не может выступать в качестве самоцели» [6]. Кроме того, в литературе отмечается, что «смысл систематизации всех гражданско-правовых договоров в том, чтоб на основе оптимально выбранных критериев, дифференцировать данные договоры на группы» [7]. Соглашаясь с представленными точками зрения, стоит отметить, что систематизация, кроме прочего, должна быть основана на специфических признаках и особенностях, которые отражены в сущности материала, подлежащего систематизации. Это в полной мере действует и в отношении гражданско-правовых договоров, а под типизацией гражданско-правовых договоров в данном аспекте стоит отметить определение юридической природы договора, подлежащего исследованию, в качестве относительно самостоятельного договора или же в качестве договора, входящего в определенную типологию. Это позволяет сделать вывод о том, что в самостоятельный вид договорного обязательства или в самостоятельный тип договора тот или иной договор может быть выделен лишь на основании наличия у него квалифицирующих признаков.

Понятие «квалификация» (от лат. Qualitas – «качество» и facio – «делаю»), означает собой оценку того или иного явления в соответствии с критериями, которые были заранее определены. Как следствие, квалифицировать, означает определять или оценивать [8].

Известно, что в действующем законодательстве на современном этапе его развития нет определения понятия квалифицирующего признака договора. В то же время, в качестве квалифицирующего признака нередко понимают признак, отличающий особенности правового режима определенного договора. Ярким примером такого понимания квалифицирующего признака является позиция, в соответствии с которой, коммерческие договоры имеют такие признаки, которые не свойственны для договоров предпринимательских [9]. Также в этом аспекте стоит отметить точку зрения, в соответствии с которой, «общий смысл квалификации договора в качестве поименованного договора состоит в том, чтобы была возможность применения правовых норм, которые к нему относятся» [10].

Для понимания сущности квалифицирующих признаков договоров, стоит обратиться к анализу материалов судебной практики. Так, согласно п.47 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 г. №49, в соответствии с п. 1 ст. 307 и п.3 ст. 420 ГК РФ, к договорным обязательствам общие положения в сфере обязательств будут применяться в случае, если иное прямо не следует из правил об отдельных видах договоров, которые содержатся как в ГК РФ, так и в других актах законодательства, а в их отсутствие – иными положениями о договоре. Как следствие, в рамках квалификации договора, в целях решения вопроса относительно применения к нему правил в области регламентации того или иного вида договора (п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ), в первую очередь необходимо учитывать суть законодательной регламентации указанного вида обязательств, а также признаки договоров, которые предусмотрены законом или же иным нормативно-правовым актом, вне зависимости от наименования договора, который квалифицируется сторонами, равно как его субъектного состава или же способа исполнения. На этом фоне вполне можно сформулировать понятие квалифицирующего признака договора, под которым стоит понимать наличие особенности (равно как широкой совокупности особенностей) всего правового режима договорной конструкции, которая отражает сущность договора и которая вполне способна выделить данный договор в самостоятельный тип или в самостоятельный вид типизированного обязательства, прямо следующего из договора. Полагаем, что важность и значимость данного признака договора во многом обусловлена тем, что именно квалифицирующий признак во многом предопределяет применение к договору определенных норм права, а также его надлежащее правовое регулирование [12].

В настоящее время, в качестве юридической формы, которая опосредует отношения в сфере оказания юридических услуг, будет выступать договор об оказании юридических услуг. Несмотря на то, что такие услуги оказываются уже достаточно длительный период времени, договорная конструкция, которая применяется в указанной сфере, надлежащим образом сегодня не изучена. В частности, сегодня нет единства взглядов относительно правовой природы этого договора, а ученые-цивилисты высказывают по данному поводу совсем разные точки зрения.

Рассматривая данный вопрос более детально, отметим, что определение понятия договора об оказании юридических услуг, в законодательстве сегодня нет содержится. Однако в ч. 1 ст. 779 Гражданского кодекса РФ (далее-ГК РФ) содержит дефиницию понятия договора возмездного оказания услуг. Согласно данному определению, исполнитель по данному договору принимает на себя обязанность оказать услуги по заданию заказчика, равно как совершить ряд действий или осуществить определенную деятельность, а заказчик, в свою очередь, принимать на себя обязанность по оплате соответствующих услуг. Из смысла п. 2

ст. 779, а также общих правил гл. 39 ГК РФ явно следует, что эти правила применимы к договор об оказании самых разных услуг, а их полного и закрытого перечня в данной норме не содержится, что позволяет заключить о возможности применения таковых и к договор об оказании юридических услуг [2]. На основе данного правила в юридической литературе было предложено множество определений понятия «договор об оказании юридических услуг». Например, М.В. Кратенко под этим понятием предлагал понимать договор, в соответствии с которым, исполнитель в лице юриста обязуется оказать клиенту или заказчику профессиональное содействие в решении проблемной ситуации юридической направленности, в том числе, в форме консультирования, форме составления документов, представительства и иных [13]. Действительно, это определение видится нам наиболее емким и полным, более того, оно подробно раскрывает суть указанного договора, в то время, как весьма неоднозначным нам видится понятие «проблемная ситуация юридической направленности», так как оно, очевидно, требует дополнительных разъяснений. Полагаем, что без определения формулировки не совсем понятно выражение «профессиональное содействие». Также сама формулировка «профессиональное содействие» едва ли является корректной по отношению к данному договору.

На этом фоне также стоит рассмотреть иное определение этого договора, которое было дано таким автором, как А.А. Салчак. Исследователь отмечает, что в качестве этого договора стоит рассматривать заключенное в письменной форме соглашение, в соответствии с которым, одна сторона (в лице услугодателя), обязуется за вознаграждение осуществить в интересах другой стороны (услугополучателя) профессиональную юридическую деятельность, которая может быть выражена в форме представительства, консультирования или в форме составления документов, иных. В свою очередь, услугополучатель принимает на себя обязанность по выплате за совершение данных действий вознаграждения в порядке и размере, которые предусмотрены договором [14]. Полагаем, что именно данная формулировка является максимально полной и емкой и включает в себя изучение предмета договора и его особенностей, цели договора, а также основные обязанности и права сторон. Одновременно с этим, нельзя согласиться с тем, что форма данного договора может быть только лишь письменной, так как законодатель на ограничения такого рода не указывает. В качестве исключения выступает соглашение между адвокатом и доверителем, так как данный документ заключается только в письменной форме [4].

Можно констатировать, что в качестве первого, а также одного из ключевых квалифицирующих признаков договора об оказании юридических услуг, выступает особенность его предмета, которым является деятельность, направленная на совершение исполнителем юридических поступков или же юридических актов. В качестве второго квалифицирующего признака данного договора вполне можно выделить особенность субъектного состава, которая имеет место быть на стороне исполнителя.

В рамках данного исследования стоит указать на некоторые аргументы, которые были приведены в пояснительной записке к проекту федерального закона №273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты». В частности, было отмечено, что ст. 49 ГПК РФ в своей предыдущей редакции допускала оказание помощи в рамках представительства со стороны граждан и юридических лиц, причем речь шла о гражданах, которые могли и не иметь юридического образования или соответствующей квалификации [15]. Представляется, что это вполне закономерно порождало ненадлежащее качество услуг представителя. В то же время, в юридической литературе были высказаны некоторые сомнения относительно целесообразности внедрения профессиональной монополии, а также опасения, что монополия подобного рода будет существенно затруднять практическую реализацию прав граждан на доступ к правосудию. Однако эти опасения не были приняты во внимание в связи с тем, что профессиональная монополия во многом призвана повысить качество юридических услуг, которые оказываются гражданам, равно как юридическим лицам, а в целях гарантии доступа лиц к правосудию, необходимо и в дальнейшем развивать систему оказания бесплатной юридической помощи слоям населения, которые в таковой нуждаются.

На данном фоне положительно можно оценить то, что согласно изменениям, которые были внесены в АПК РФ и ГПК РФ в 2019 году, введены дополнительные требования к тем лицам, которые осуществляют судебное представительство. В частности, согласно ст. 49 ГПК РФ, такое лицо должно иметь высшее юридическое образование, а исключением является мировые суды и суды общей юрисдикции в первой инстанции [3]. Системный анализ этих правовых норм показывает, что признак профессионализма закреплен на законодательном уровне как квалифицирующий признак рассматриваемого договора. Полагаем, что для целей правового регулирования данный признак обладает особой важностью, в том числе, для целей регулирования вопросов ответственности исполнителя за недостатки юридической услуги, которая была им оказана. Этот признак можно заложить в основу дифференциации договора об оказании юридических услуг, так как видится возможным его деление на договор, в котором исполнителем является профессио-

нальный юрист с особым статусом (например, адвокат) или лицо без такого статуса соответственно. В свою очередь, на основании такого критерия, как характер взаимоотношения сторон, оказание услуг можно дифференцировать на оказание услуг на лично-доверительной основе (фидуциарным характером) и не обладающее таковым. Полагаем, что фидуциарный характер отношений между сторонами может быть рассмотрен через призму третьего квалифицирующего признака этого договора [16].

Представляется, что для оказания качественной юридической помощи по анализируемому договору, заказчик предоставляет исполнителю весь массив информации, который есть у него по его спорной ситуации. При ее сокрытии юридическая помощь едва ли будет качественной, но виды исполнителя в этом усматриваться не будет. Полагаем, что указанная особенность этого договора, достаточно тесно взаимосвязана с вопросом фидуциарного характера такового. Так, именно лично-доверительный характер отношений, возникших между его сторонами, предопределяет выделение отдельно взятого договорного типа в рамках договора о возмездном оказании услуг, что, однако, нуждается в более детальном правовом регулировании.

Так, в первую очередь стоит обратить внимание на то, что в целях надлежащего исполнения договорных обязанностей по данному договору, как было отмечено выше, заказчик должен передать исполнителю необходимую для этого информацию, в том числе, сообщить свои персональные данные [17]. К такой, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных», относят информацию, которая косвенно или прямо относится к физическому лицу, а при работе с такими данными должна быть соблюдена их конфиденциальность [5]. В то же время, исполнитель по данному договору, оператором персональных данных не является, так как не проводит систематический сбор информации подобного рода. Как следствие, исполнитель по договору об оказании юридических услуг осуществляет сбор такой информации не для ее обработки, а для оказания юридической услуги и применение норм ФЗ №152-ФЗ в данном случае нецелесообразно. В то же время, данную ситуацию нельзя оставлять неурегулированной, в связи с чем, объективной необходимостью является установление норм, аналогичных адвокатской тайне. В то же время, полагаем, что обязанности исполнителя и заказчика в части предоставления и сохранения информации для оказания услуг, является четвертым квалифицирующим признаком данного договора. В этом аспекте усматривается прямая корреляция между отношениями «доверитель-адвокат» и отношениями «заказчик юридических услуг-исполнитель юридических услуг» [16].

Рассматривая такой признак, как «возмездность» данного договора, стоит отметить, что в качестве фундамента для дифференциации всех договоров на возмездные и на безвозмездные, являются положения ст. 423 ГК РФ. Согласно данным положениям, в качестве возмездного признается договор, согласно которому, одна сторона должна получить плату, равно как иное встречное представление за исполнение обязанностей. В свою очередь, в безвозмездном договоре предоставление осуществляется без получения вознаграждения или встречного представления.

Является ли договор об оказании юридических услуг возмездным? Для ответа на данный вопрос стоит обратиться к названию главы о возмездном оказании услуг, которые уже в названии определены как возмездные [17]. Но по этому вопросу все-равно ведутся весьма ожесточенные дискуссии. Разрешая дискуссионность данного вопроса, полагаем, что в этом аспекте стоит учесть, что в соответствии с п. 3 ст. 423 ГК РФ, на территории нашей страны действует презумпция гражданско-правового договора, согласно которой, договор априори подразумевается возмездным, если не следует иное [1]. Однако из названия изучаемого договора и гл. 39 ГК РФ следует, что указанный договор является возмездным [2].

Также в рамках анализа юридической природы указанного договора стоит отметить, что реальность, а также консенсуальность гражданско-правового договора, всегда следует из квалифицирующих признаков такового [18]. Проводя экскурс данного вопроса, отметим, что дифференциация договоров на консенсуальные и реальные договоры соответственно, во многом основана на практическом механизме заключения того или иного договора [19]. Полагаем, что в связи с тем, что договор оказания юридических услуг выступает в качестве разновидности договора возмездного оказания услуг, он является только консенсуальным, а исключений из данного правила не предусмотрено. Это видится вполне обоснованным, так как момент заключения договора в этом случае находится в прямой зависимости от широкой совокупности факторов, а не только от передачи необходимой информации, так как в передаче указанной информации в ряде случаев нет объективной необходимости.

Также стоит отметить такой элемент правовой природы договора, как то, является ли он односторонним или многосторонним. Очевидно, что он является двусторонним, так как в его основе заложены корреспондирующие обязанности и права сторон. Кроме того, данный договор является возмездным, а значит, он не может быть односторонним [16].

В завершении стоит рассмотреть место изученного договора в системе гражданско-правовых договоров. Так, полагаем, что данный договор обладает высокой значимостью, а относится к такой группе, как воз-

мездные договоры оказания услуг [20]. Данный договор, как и договоры возмездного оказания услуг, не стоит отождествлять с договором подряда, так как во втором случае оплачивается непосредственно результат, в то время как в первом случае, что особенно актуально для договора юридических услуг, оплачивается процесс, а не только конечный результат. Именно данная особенность предопределяет тот факт, что количество и качество услуг, которые были оказаны, вполне могут рассматриваться через призму оценки качества и количества действий, которые были совершены исполнителем. Полагаем, что именно этим можно объяснить обязанность исполнителя оказать свою услугу лично, что прямо следует из ст. 780 ГК РФ, либо получить согласие заказчика на замену лица.

Также в завершении представленного исследования стоит указать на то, что юридическая природа рассматриваемого договора может быть различной, а услуги, которые в его рамках оказываются, также могут быть различными и могут быть представлены как юридическими, так и фактическими действиями. Как следствие, ограничительное толкование договорных форм оказания лицам правовой помощи едва ли представляется возможным, так как это будет создавать все основания для ошибочного толкования правовой сущности этих договоров и трудности для заключения этого договора на практике. В связи с этим, деятельность, направленная на оказание юридических услуг, может быть опосредована различными видами договоров.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 1 4-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.

4. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (с изм. от 31.07.2020) // Российская газета. 2002. № 100.

5. Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

6. Миколенко Я.Ф. О системе имущественных отношений и их правовом регулировании // Советское государство и право. 1960. № 3. С. 89.

7. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М.: Юристъ, 2006. С. 410.

8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь // Академик : сайт. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/832910 (дата обращения: 22.10.2022)

9. Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М.: Юрайт, 2010. С. 94

10. Карапетов А.Г. Савельев А.И. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 4. С. 18.

11. Бюллетень ВС РФ. 2019. № 2 / ВС РФ сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/newsletters/5342/

12. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 476.

13. Кратенко М.В. Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2005. 261 с.

14. Салчак А.А. Договор об оказании юридических услуг: особенности гражданско-правовой ответственности его участников: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 197 с.

15. Законопроект № 273154-7 Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/273154-7

16. Баранников М.С. Договорные формы оказания юридической помощи: автореф. дис. … юрид. наук. Москва, 2021. С. 199.

17. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2016. С. 220

18. Комисарова Е.Г. Единство и дифференциация в системе гражданско-правовых договоров // Подготовлено для справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2019; Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России: монография. С. 20

19. Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В. Консенсуальные и реальные договоры в гражданском праве. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 22.

20. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. первая: Общие положения. Статут, 2001 С. 476.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. st. 3301.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' vtoraja: Federal'nyj zakon ot 26.01.1996 № 1 4-FZ. Sobr. zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410.

3. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 N 138-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 18.11.2002, N 46, st. 4532.

4. Federal'nyj zakon «Ob advokatskoj dejatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» ot 31.05.2002 g. № 63-FZ (s izm. ot 31.07.2020). Rossijskaja gazeta. 2002. № 100.

5. Federal'nyj zakon «O personal'nyh dannyh» ot 27 ijulja 2006 g. N 152-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 31 (chast' I). St. 3451.

6. Mikolenko Ja.F. O sisteme imushhestvennyh otnoshenij i ih pravovom regulirovanii. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1960. № 3. S. 89.

7. Romanec Ju.V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii. M.: Jurist#, 2006. S. 410.

8. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar'. Akademik : sajt. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/832910 (data obrashhenija: 22.10.2022)

9. Puginskij B.I. Kommercheskoe pravo Rossii. M.: Jurajt, 2010. S. 94

10. Karapetov A.G. Savel'ev A.I. Svoboda zakljuchenija nepoimenovannyh dogovorov i ee predely. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 2012. № 4. S. 18.

11. Bjulleten' VS RF. 2019. № 2. VS RF sajt. URL: https://www.vsrf.ru/documents/newsletters/5342/

12. Romanec Ju.V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii: monografija. M.: Norma: Infra-M, 2013. S. 476.

13. Kratenko M.V. Dogovor ob okazanii juridicheskoj pomoshhi v sovremennom grazhdanskom zakonodatel'stve: dis. … kand. jurid. nauk. Tomsk, 2005. 261 s.

14. Salchak A.A. Dogovor ob okazanii juridicheskih uslug: osobennosti grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti ego uchastnikov: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 197 s.

15. Zakonoproekt № 273154-7 Ob osushhestvlenii predstavitel'stva storon v sudah i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/273154-7

16. Barannikov M.C. Dogovornye formy okazanija juridicheskoj pomoshhi: avtoref. dis. … jurid. nauk. Moskva, 2021. S. 199.

17. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo. Kn. tret'ja. Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. M.: Statut, 2016. S. 220

18. Komisarova E.G. Edinstvo i differenciacija v sisteme grazhdansko-pravovyh dogovorov. Podgotovleno dlja spravochnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus», 2019; Romanec Ju. V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii: monografija. S. 20

19. Haskel'berg B.L., Rovnyj V.V. Konsensual'nye i real'nye dogovory v grazhdanskom prave. 2-e izd., ispr. M., 2004. S. 22.

20. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo. Kn. pervaja: Obshhie polozhenija. Statut, 2001 S. 476.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бавин Д.Е.,
Кузьмина К.С.,
Буянова Д.А.,
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация*: настоящая статья посвящена анализу системы международного права на основе сравнения международного уголовного права и международного гуманитарного права. В нашем исследовании мы разграничиваем данные отрасли по субъектам правоотношений, определяя меру наказания в зависимости от того, преступление было совершено физическим лицом или государством. Ввиду того, что международное право – это отрасль, которая не может создаваться каким-либо конкретным субъектом правотворчества и зависит в первую очередь от международных договоров, государства договариваются о создании международных судов и иных органов – советы безопасности, международные трибуналы, которые рассмотрены в статье в рамках международного уголовного правоприменения. Создание таких органов регламентируется различными нормативными правовыми актами, такими как: Римский статут Международного уголовного суда, Статут Международного суда ООН, Женевская конвенция 1949 года и прилагаемыми к ним дополнительными протоколами. В статье мы также обозначаем соотношение международного уголовного и международного гуманитарного права и определяем взаимосвязь между ними, а также выделяем уникальные элементы каждой из этих отраслей, устанавливаем через какие правовые институты осуществляются международное уголовное и международное гуманитарное право.*

Ключевые слова: *Международное гуманитарное право, Международное уголовное право, ООН, Система международного уголовного правосудия, Международные трибуналы, Римский Статут*

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW AND THEIR PLACE IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL LAW

Bavin D.E.,
Kuzmina K.S.,
Buyanova D.A.,
Far Eastern Federal University

Abstract: *this article is devoted to the analysis of the system of international law based on the comparison of international criminal law and international humanitarian law. In our study, we differentiate these industries by subjects of legal relations, determining the measure of punishment depending on whether the crime was committed by an individual or by the state. Due to the fact that international law is a branch that cannot be created by any particular law-making entity and depends primarily on international treaties, States agree on the establishment of international courts and other bodies - security councils, international tribunals, which are considered in the article within the framework of international criminal law enforcement. The establishment of such bodies is regulated by various normative legal acts, such as: the Rome Statute of the International Criminal Court, the Statute of the International Court of Justice, the Geneva Convention of 1949 and the additional Protocols attached thereto. In the article, we also identify the relationship between international criminal and international humanitarian law and determine the relationship between them, as well as highlight the unique elements of each of these branches, establish through which legal institutions international criminal and international humanitarian law are implemented.*

Keywords: *International humanitarian law, International criminal law, UN, International criminal justice system, International Tribunals, The Rome Statute*

Международное гуманитарное право – это отрасль обычного международного позитивного права, в которую входят взаимоотношения между сторонами вооруженного конфликта в сфере применения средств, методов войны, а также их ограничение и защита военнопленных, раненых, граждан и больных во время данных конфликтов [2, с. 7]. Серьезные нарушения его правил представляют собой военные преступления, за которые отдельные лица могут быть привлечены к ответственности. Однако, если государство не желает

или не в состоянии осуществлять судебное преследование, такая правомочие переходит международным уголовным трибуналам, учреждаемые решением СБ ООН. Данная концепция определяет необходимость определить пределы насилия и возвести их в норму права.

Международное гуманитарное право (МГП) сыграло решающую роль в развитии и распространении международного уголовного права (МУП) , поскольку как обычаи войны, так и правила защиты жертв подпадают под его материальную сферу действия. Действительно, первоначальное предложение о достижении соглашения о создании международного уголовного суда было сформулировано в девятнадцатом веке с целью судебного преследования за нарушения Женевской конвенции, которая была принята в 1864 году.

В 1907 году США кодифицировали Законы и обычаи войны, применимые к войне на суше в Гаагской конвенции № IV и прилагаемые к нему Правила. Конвенция предусматривает, что обязательства, изложенные в ее правилах, являются обязательными для государств-участников, а также лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений.

В соответствии с этим, как принцип международного права была установлена и закреплена ответственность как государств, так и конкретных лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений. Это дает возможность привлечения к ответственности международными трибуналами, образованными как раз для этой миссии.

Далее в период с 1941 по 1945 г. сторонники проявили стремление произвести расследование, судить и подвергать наказанию правонарушителей во время войны.

Снова возник вопрос, а впоследствии и пришли к взаимному согласию касательно того, какие конкретные действия и бездействия будут квалифицироваться как правонарушения, и в каких случаях будут применяться меры ответственности к лицам, совершивших данные преступления. Все это нашло отражение в Лондонском соглашении и в дополнившем его Уставе Международного военного трибунала для судебного преследования и наказания главных военных преступников стран Европейской оси.

Благодаря данному уставу были упорядочены нормы международного уголовного права. Также стоит упомянуть и о создании и формировании судов, которые имели большое значение, так как увеличили результативность мер, а также зафиксировали несколько общепризнанных принципов.

Далее раскроем организацию трибуналов по ООН. В конце двадцатого века изменения в законодательстве, принятые с целью ликвидировать опасность всему миру, привели к созданию международных трибуналов, таких судебных органов, в полномочия которых входило преследование лиц, совершивших правонарушение согласно международному праву. То есть, ключевая роль данных судебных органов состояла именно в применении уже действующих норм международного уголовного права.

Соответственно, институт международных уголовных судов, целью которого является, как мы уже выяснили, преследование лиц за их противоправное поведение, когда государства не могут самостоятельно совершить данное преследование, непосредственно сопряжен с содержанием международного гуманитарного права.

В процессе развития международного гуманитарного права формировались принципы и принимались соглашения, которые применялись как раз к военным преступлениям. Правила и принципы, которые утверждались в уставах международных уголовных судов и по которым они действовали, в совокупности отражают развитие международного гуманитарного права в части международного уголовного права.

А также в таком случае немаловажно выделить непосредственную связь между объектом и целью международного гуманитарного права, и учреждением трибуналов. Их судебная практика, хотя и не является независимым законотворческим процессом, является особенно полезным дополнительным средством определения существования верховенства права, его значения и сферы его применения.

Основа различия международного гуманитарного права и международного уголовного права. Во-первых, это индивидуальная ответственность. В отличие от МГП, где ответственность за совершение международных преступлений лежит на государствах (в том числе квазигосударственных образованиях), в МУП определяется индивидуальная ответственность конкретных лиц, которые непосредственно участвовали в совершении преступления, либо отдавали приказ о совершении противоправных действий.

Нюрнбергский трибунал выделил связь между договорными и неписаными нормами МГП, табуирующими некоторые формы поведения индивида, и его установлением в качестве суда, уполномоченного осуществлять формальное правовое равновесие.

Женевская соглашение 1949 определила несколько действий равно как основательные патологии законов а также предусмотрела, то что страны-члены должны искать лиц, по некоторым предположениям осуществивших их либо отдавших распоряжение о их совершении, а также заинтересовывать их к собственным своим судам либо, в случае если они захотят, передавать их с целью тяжебного процесса в иное госу-

дарство при обстоятельстве, что что данное государство выставило в их отношении обвинительные аргументы [1]. МУТР по бывшей Югославии (МТБЮ) а также МУТР по Руанде, также трудились над принятием персональной уголовной ответственности. Данные суды совершали собственную работу на основе Римского статута МУС [3]. Статут стал составляющей интернационального права, что поначалу выверяло только лишь взаимоотношения между странами, а также в соответствии с коим только лишь страны имели возможность нести ответственность из-за реализации интернационально-противоправного действия, в том числе и в случае, если ответственность способен являться гражданской по натуре.

С другой стороны, уголовная ответственность возлагается на лиц, совершивших поступки, которые в международном праве принимаются как преступления. С другой стороны, уголовная ответственность возлагается на лиц, которые в международном праве принимаемое как преступление. Данная область непосредственно относится к лицам, что позволяет приводить к ней нормы международного права, касающиеся личности.

Несомненно, такая ответственность может быть представлена в различных формах. Беря во внимание положения Токийского трибунала, Нюрнбергского процесса, Версальского мирного договора, женевской конвенции 1949 года понятно, что ответственность за совершение противоправных деяний в военной сфере наступает не только для тех, кто их совершил, но и для тех, кто отдал приказ, повелевающий выполнить то или иное действие. В статьях МУТР, МТБЮ и Римском статуте выделяются 2 формы ответственности: за исполнение и за указание.

Кроме того, персональная ответственность по уголовным делам наступает не только за действие, но и за умышленное или по неосторожности бездействие.

Образами поведения, наказуемого из-за бездействия, являются: Ограничение права заключённого на беспристрастный суд и умышленное убийство (отказ в еде или помощи).

На самом деле, эта форма ответственности как в теории, так и на практике возлагается на военоначальников и других должностных лиц, которые игнорируют необходимые и разумные меры для избежания либо подавления совершения незаконных действий подчинёнными.

Хотя персональная уголовная ответственность по военным основаниям считается принципом единого интернационального права, закрепленная в различных договорах (Версальском мирном договоре и в Уставе Нюрнбергского трибунала), не следует выпускать из виду, что преступления, названные в первом и рассматриваемые вторым, были отступлением от законов и обычаев войны, осуществлённых намеренно во время войны. Конвенция 1949 года, проведённая в Женеве и дополнительные протоколы к ней расширяют область использования на каждый международный вооруженный конфликт, но не определяет, что преступления такого характера могут совершаться в национальных вооруженных конфликтах.

В связи с этим прецедентное право международного уголовного трибунала особенно весомо для установления сферы использования и осуществления международного гуманитарного права ввиду того, что он стал первым, призванным преследовать такие преступления.

В 1993 году СБ ООН принял резолюцию 827, которая поддерживала устав МТБЮ. По этому поводу своё мнение высказали США, которых поддержали Великобритания и Франция, о том, что в уставе прописываются обязательства, характерные для международного гуманитарного права, нежели для международного уголовного права.

Такая позиция означала, что нормы, прописанные в уставе МТБЮ могут распространять сферу своих действий не только на межгосударственные вооруженные конфликты, но и на национальные вооруженные конфликты, невзирая на то, что статья 3 и доп. протокол 1977 регулируют такие конфликты и ограничивают определённые виды поведения.

Однако правила Протокола II применимы к конкретному виду вооруженного конфликта, который не является международным по своему характеру: конфликт обязан происходить на территории Высочайшей Договаривающейся Стороны. А участниками боевых действий должны быть регулярная армия с одной стороны и повстанческие движения, которые под ответственным командованием осуществляют такой контроль над частью территорий для того, чтобы они имели возможность проводить слаженные и согласованные военные действия и осуществлять Протокол. Однако, статья 3 предписывает, что она используется в случае вооруженного конфликта немеждународного (национального) характера, происходящего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, без каких-либо дополнительных условий, оставляя сферу ее применения открытой к интерпретации.

Можно сделать вывод, что ситуации, к которым он применяется, не ограничиваются ситуациями, упомянутыми в Протоколе II, в том числе и невзирая на то, что установленные права и обязанности представляют собой минимум, который обязана применять каждая сторона в конфликте.

Соотношение положений МГП и МУП. На основании вышеизложенного можно сказать, что данные отрасли имеют непосредственную связь между собой, и достаточно сложно их разорвать, поскольку в центре внимания международного гуманитарного права находятся отношения между государствами в вопросе ведения войн, а международное уголовное право распространяет своё действие на отношения того же характера, но в отношении конкретных лиц и совершённых ими преступлений, а также немеждународные конфликты.

Конечно же, в первую очередь уголовная ответственность является юрисдикцией национальных правовых систем, вместе с тем, не всегда государства берут на себя ответственность, или не могут отправлять правосудие ввиду определённых обстоятельств по делам международного характера (терроризм) или внутригосударственным, вроде повстанческого движения, в таком случае решением подобных дел занимается Международный уголовный суд, который как раз и является олицетворением международного уголовного права и занимается решением подобного рода вопросов.

Положения международного гуманитарного права и положения международного уголовного права схожи, однако масштаб несколько отличается. Сфера регулирования отношений МГП имеет больший масштаб по субъекту нежели в МУП, поскольку МГП в первую очередь ориентируется межгосударственные отношения и права человека в рамках войны, а уголовное право рассматривает частные случаи и лиц – участников правоотношений.

Литература

1. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml

2. Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и дополн.. М.: "Юстицинформ", 2011. 396 с. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/batyr_va_mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo/

3. Римский статут Международного уголовного суда 1 июля 2002 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf

References

1. Zhenevskaja konvencija ot 12 avgusta 1949 goda o zashhite grazhdanskogo naselenija vo vremja vojny. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml

2. Batyr' V.A. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: uchebnik dlja vuzov. 2-e izd., pererab. i dopoln.. M.: "Justicinform", 2011. 396 s. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/batyr_va_mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo/

3. Rimskij statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda 1 ijulja 2002 goda. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf

О РОЛИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

Петров А.В., кандидат юридических наук, доцент,
Горбатова М.К., кандидат юридических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация: *правосознание рассматривается в статье как особая, разновидность правового мышления, отличная от правового практического мышления. Правосознание появляется как продукт разрешения противоречия между правовой действительностью, предстающей в качестве проявления сущностных элементов права и правовой реальностью, предстающей в качестве его непосредственного бытия. Из генезиса правосознания выводятся его основные цели, состоящие в понимании параметров правовой действительности и продвижения к этим параметрам правовой реальности. Главными формами, реализующими задачи правосознания, становятся юридическая наука и юридическое образование, а непосредственным объектом воздействия – правовое практическое мышление.*

Ключевые слова: *правовая система, правовая действительность, правовая реальность, правовое практическое мышление, правосознание*

ON THE ROLE OF LEGAL AWARENESS IN THE LEGAL SYSTEM OF SOCIETY

Petrov A.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Gorbatova M.K., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: *legal awareness is considered in the article as a special kind of legal thinking, different from legal practical thinking. Legal consciousness appears as a product of resolving the contradiction between legal reality, which appears as a manifestation of the essential elements of law and legal reality, which appears as its direct existence. From the genesis of legal consciousness, its main goals are derived, consisting in understanding the parameters of legal reality and moving towards these parameters of legal reality. Legal science and legal education become the main forms implementing the tasks of legal consciousness, and legal practical thinking becomes the direct object of influence.*

Keywords: *legal system, legal actual fact, legal reality, legal practical thinking, legal awareness*

Если посмотреть на широко представленные в современной российской юридической литературе определения правовой системы общества и ее структуры, то наиболее признаваемым будет ее состав в виде собственно права (под которым чаще всего имеется ввиду совокупность закрепленных государством юридических норм), правовая практика (под которой чаще всего имеется в виду судебная практика и правоприменительная деятельность других органов) и правосознание. Наиболее рельефно это показано в работах Карташова В.Н. [1], Синюкова В.Н. [2] и других авторов.

На первый взгляд такой подход вполне логично вписывается в теоретические конструкции общей теории права и соответствует отражаемому в этих конструкциях объекту. Но сам такой подход и итоговая теоретическая конструкция становятся весьма проблематичными в логическом плане при сопоставлении правосознания с другими элементами правовой системы общества.

Во-первых, право, как бы оно не понималось в деталях основных юридических концепций, несомненно является продуктом человеческого мышления, особого рода человеческого сознания, которое обычно определяется как правосознание. Тогда получается, что, с одной стороны правосознание находится в самом праве как его неотъемлемая внутренняя часть, с другой стороны, позиционируется как отделенная от права внешняя самостоятельная часть правовой системы общества.

Тоже самое обнаруживаем и при сопоставлении правового сознания с правовой практикой. Очевидно, что правовая практика, будь то профессиональная правоприменительная работа или простая реализация права – продукт осознанной деятельности людей, человеческого мышления, обычно именуемого правосознанием. Здесь также получается, что, с одной стороны правосознание находится в самой правовой практике, является его внутренним элементом, с другой стороны, позиционируется как отделенная от правовой практики внешняя самостоятельная часть правовой системы общества.

Можно, конечно, и дальше затушевывать проблему, обозначая всякое связанной с правовыми явлениями сознание правосознанием, но это не устраняет логического противоречия данной позиции. Не может одно и то же явление быть внутренним элементом содержания чего-либо и в то же время быть внешним фактором

по отношению к этому содержанию, как не может нечто быть органом организма человека и в то же время быть внешним к этому организму предметом.

Это противоречие ставит под сомнение позиционирование роли правосознания как источника формирования права и правовой практики. Если правосознание есть лишь внешнее по отношению к юридическим нормам и правовой практике явление, то оно никак не может быть внутренним источником их продуцирования. С дугой стороны несомненно, что именно сознание человека творит юридические нормы и правовую практику. Тогда что это за сознание?

Разобраться в этом вопросе вряд ли поможет обычно избираемый путь экстраполяции философских положений и утверждений о том, что есть общественное сознание, отражающее общественное бытие, и есть автономная сфера правового бытия, которой соответствует правосознание как часть общественного сознания [3]. Этот путь, необходимый на первоначальной этапе, не дает итогового понимания природы и роли правосознания, поскольку правосознание появляется не потому, что общественное сознание созерцает разные объекты, в том числе и правовые.

Общественное сознание на самом деле это симбиоз, интегрированная сумма различных видов сознания: экономического, политического, морального, правового, религиозного и др. Эта сумма, интегрируясь, обретает некоторые общие свойства, которые исследуются философией, и которые важны для понимания ее отдельных частей, но они не раскрывают особенностей каждой частей общественного сознания.

Будем исходить из достаточно очевидной посылки о том, что существование правосознания определяется потребностями самого правового бытия, появляясь как результат развития его внутренних потенций. Основываясь на ней, попытаемся решить ключевой для статьи вопрос, почему появляется и зачем существует правосознание как особый вид, разновидность, форма общественного сознания.

Прежде всего обратим внимание на то, что правовое бытие существует как бы в двух ипостасях: в виде правовой действительности и в виде правовой реальности. Правовая действительность и правовая реальность – это одно и тоже правовое бытие, но пребывающие в несколько разных формах существования. Позволим пока что предположить, а затем последовательно доказать, что появление и генезис правосознания как особого вида правового мышления обусловлены противоречием между правовой действительностью и правовой реальностью, а основная роль правосознания состоит в разрешении, снятии этого противоречия.

Правовая действительность представляет собой сторону или аспект правовой системы общества, в которой реализована, уже проявлена сущность права. Сущность права, как и сущность других общественных явлений, составляет социальная воля. Эта воля основана на особых правовых потребностях общества, представлена волей гражданского общества посредством воли доминирующих на данном этапе исторического развития социальных групп, имеет свои особые цели – упорядочения общественных отношений путем достижения баланса и гармонии интересов основных субъектов социальной жизни. Эти параметры определяют особенности социальной воли в праве и делают ее волей правовой.

Правовая воля как сущность права реализует себя в необходимом содержании права, в закономерной связи элементов права, через которые правовая воля последовательно достигает своих целей. Это содержание включает в себя процессы формирования юридических норм, их согласования и систематизации, реализацию юридических норм через определение статуса субъектов права, возникновение на основе юридических фактов и осуществление правоотношений, установление фактов правонарушений и реализацию отношений юридической ответственности. Итогом действия правовой воли, замыкающим цикл содержания права, является правопорядок, в котором достигаются цели правовой воли.

Связанное внутри себя закономерностями и последовательным движением от одного элемента к другому, это содержание существует исторически м актуально в разных формах или видах, образуя в совокупности сферу правовой действительности. Еще раз подчеркнем, что действительным здесь является лишь то, соответствует сущности права, направлено на воплощение в жизнь целей правовой воли. Можно сказать, что правовая действительность есть сфера адекватного проявления сущности права.

Вместе с тем правовая воля обретает содержание, формы и формирует закономерности в рамках конкретной социальной системы, взаимодействуя с другими ее подсистемами: экономической, политической, идеологической и др. При этом интересы, особенно экономические и политические часто явно доминируют над остальными, искажая закономерное движение других подсистем и приводя, в частности, к деформациям правовой системы.

С другой стороны, содержание, формы и закономерности права – это продукт сознания и воли конкретных людей, живущих в определенную историческую эпоху, имеющих данный уровень мышления, свои субъективные интересы и цели. Их сознание запрограммированно на эти цели и действия по созданию пра-

вовой системы коррелируются в соответствии с ними, направляясь отнюдь не всегда в сторону проявления действительного в праве.

Поэтому в непосредственном бытие правовая действительность, испытывая в процессе проявления влияние разнохарактерных внешних и внутренних сил никогда не предстает в абсолютно чистом виде, как четко сформированное существенное содержание, формы и закономерности. Конкретная жизнь права это всегда смешанный поток существенного и несущественного, необходимого и случайного, закономерного и стихийного. Обозначим эту сферу правовой реальностью, понимая, что в ней есть ядро – правовая действительность, но ядро, существующее, функционирующее вместе с различного рода аномалиями права, отклонениями от сущностно закономерного [4].

Правовая система на любом этапе ее исторического существования предстает прежде всего как правовая реальность. Но в обществе, стремящемся к социальному прогрессу, правовая реальность обнаруживает явно выраженную потенцию, стремление к преобразованию в правовую действительность. Эта потенция обусловлена тем, что цели правовой воли и миссия правовой системы в целом могут быть адекватно реализованы только необходимым и закономерным путем.

Напротив, в стагнирующих общественных системах объем накопленных аномалий либо обычно нарастает, охватывая все новые юридические блоки. В итоге это неизбежно приводит к неспособности правовой воли адекватно реализовать себя в содержании и формах права и, соответственно, достигать заложенных в ней целей. Неадекватная урегулированность или неурегулированность требующих этого социальных связей усугубляет кризисные явления в иных подсистемах и обществе в целом.

Нужно понимать, что даже при оптимальном состоянии социальной системы, движение правовой реальности к состоянию правовой действительности наталкивается на значительные трудности объективного и субъективного характера. Невнимание к ним приводит к тому, что вроде бы разумные устремления в сфере правовой реальности заканчиваются результатами далекими и не в лучшую сторону от заданных целей.

Начнем с того, что в самой правовой реальности нет каких-либо особых меток, которые обозначали бы отнесенность тех или иных юридических явлений и процессов к проявлениям сущности права и признание их необходимыми. Как нет и явных обозначений для того, что носит случайный, произвольный характер и должно быть откорректировано для приближения, существующего к правовой действительности. В правовой реальности все слито вместе.

Казалось бы, источник различения существенного и несущественного уже сформирован самой правовой реальностью в виде сознания, мышления тех субъектов, которые создают различные элементы содержания права. Субъекты, формирующие своими действиями правовую реальность, имеют конкретные практические правовые цели, достижение которых обеспечивает, как им представляется, наиболее оптимальное решение их экономических, социальных, политических и иных задач. Движение с помощью правовых средств к этим целям и обеспечивается их сознанием, которое правильно было бы назвать правовым практическим мышлением.

Кругозор такого мышления по природе ограничен рамками конкретной практической деятельности и ее правовыми целями. Это обеспечивает правовому практическому мышлению целенаправленность и эффективность. Но поскольку конкретная практическая деятельность осуществляется в текущей правовой реальности, где нет видимого различия между существенным и несущественным, правовое практическое мышление оказывается изначально не готовым к выделению элементов правовой действительности и воплощению их в реальности.

Конечно, наталкиваясь на невозможность осуществления тех или иных практических задач вследствие несоответствия отдельных элементов правовой реальности правовой действительности, правовое практическое мышление, не углубляясь в суть проблем, пытается решить их опытным путем, методом проб и ошибок. Разрешая эти противоречия, правовое практическое мышление тем самым продвигает правовую реальность к состоянию правовой действительности, но это продвижение идет стихийный путем, который, как и всякий стихийный путь, становится игрой случая, удачи, но может закончиться и неудачей.

Можно констатировать, что существующая в правовой реальности потенция трансформации в правовую действительность, с одной стороны, требует адекватной реализации для достижения целей сущности права. С другой стороны, эта потенция не может быть последовательно осуществлена в рамках самой правовой реальности, сознанием и волей действующих в ее рамках субъектов правовой практической деятельности в силу их привязанности к решению конкретных правовых задач. Налицо внутреннее противоречие правовой системы, обострение которого может привести к негативным последствиям как для развития правовой системы, так и общества в целом.

Исторически и актуально путь выхода из этого противоречия находится. Оно разрешается через продуцирование в рамках правовой системы особой формы правового мышления – правосознания. В отличие от

правового практического мышления, которое делает, создает правовую реальность, правосознание появляется как мышление, находящееся вне правовой реальности, как рефлексия, размышление над ней.

Подчеркнем этот важный момент. Правосознание следует отличать от правового практического мышления, поскольку, во-первых, правовое практическое мышление – это составляющая самой правовой реальности, а правосознание наслаивается над правовой реальностью, выступая как автономная духовная часть правовой системы общества; во-вторых, правовое практическое мышление нацелено на решение конкретных правовых задач, тогда как правосознание напрямую с этими задачами не связано и сконцентрировано на том, чтобы понять, что такое правовая реальность.

Цели правосознания оказываются, таким образом, несколько иными, чем у правового практического мышления. Они состоят в определении отдельных элементов и целостного состава правовой реальности, обнаружении за внешними проявлениями правовой реальности ее сущностных сторон и выявлении действительного содержания, форм и закономерностей отдельных частей и в целом правовой действительности. Правосознанию можно, конечно, приписывать множество задач и функций [5], но при этом нельзя забывать главное – правосознание это ключ для выделения в многоликой правовой реальности действительного права.

Исторически и актуально правосознание обнаруживается в различных формах (видах) существования, имея при этом свои наиболее развитие формы в виде юридической науки и юридического образования. [6] Они, работая вместе на достижение целей правосознания, играют в правовой системе несколько различную роль, которая, не меняясь, по сути, может различаться по интенсивности и эффективности в зависимости от состояния общества, исторического этапа его развития, уровня понимания субъектами, управляющими обществом, значения и роли правосознания и других факторов.

Действие юридической науки сосредоточено на понимании природы отдельных частей и правовой реальности в целом, на установлении их сущностного содержания и форм, закономерностей функционирования и развития. [7] Итогом юридической науки является создание идеальной картины правовой действительности, которая скрывается за внешними проявлениями правовой реальности. Понятно, что эта картина меняется в зависимости, помимо перечисленных выше причин, от развитости самой правовой реальности, совершенства юридической науки и ее методологии.

Юридическое образование, составляя самостоятельный элемент правосознания, производно от юридической науки, вбирая в себе в том или ином виде ее основные положения, и существуя в виде набора содержательных юридических дисциплин, преподаваемых в процессе обучения юриспруденции. Основная роль юридического образования состоит в том, чтобы сформировать в правовом практическом мышлении, прежде всего профессиональном, систему знаний о правовой действительности. Эта система знаний также еще различается в зависимости от уровня или вида юридического образования, характера взаимосвязей с юридической наукой, нацеленности правового практического мышления на восприятие научных знаний.

Правосознание объективно существует, в том числе в форме юридической науки и юридического образования, в любом обществе с сформированной правовой системой. Проблемы его адекватного функционирования и осуществления своей роли чаще всего появляются из-за недооценки значения правосознания в правовой системе и наивного представления о том, что правовая реальность может быть создана и эффективно функционировать без особого вмешательства со стороны юридической науки и юридического образования на основе, скажем, достаточности опыта профессионального практического правового мышления.

Правовая реальность, собственно, так и создается. Но функционировать эффективно и развиваться вряд ли сможет, поскольку эти компоненты предполагают движение по направлению к правовой действительности, А ее параметры определяются только юридической наукой и внедряются в правовое практическое мышление только через юридическое образование. Правовая система, в которой юридическая наука и юридическое образование отодвинуты на второй план неизбежно буде испытывать проблемы с реализацией своих задач, ставя под угрозу и работу других подсистем общества [8].

Выводы

1. Правосознание представляет собой особую форму правового мышления, появляющуюся вследствие необходимости разрешения противоречия между правовой реальностью и необходимостью ее перехода в правовую действительность.

2. Правосознание не единственная особая форма правового мышления и его следует отличать от правового практического мышления, которое имеет конкретные практические цели и формирует правовую реальность.

3. Свою роль трансформации правовой реальности в правовую действительность правосознание осуществляет главным образом через юридическую науку и юридическое образование, поддержание высокого уровня которых является залогом эффективного функционирования и прогрессивного развития правовой системы общества.

Литература

1. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославский гос. ун-т. 2006. С. 47 – 49.

2. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2019. 98 с.

3. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Формы общественного сознания. М.: Госполитиздат, 1959. 6 с.

4. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1986. 367 с.

5. Петров А.В. Аномалии права: понятие и природа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 170 – 180.

6. Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. М., 2001.56с.

7. Сафронов В.В. Правосознание гражданина: монография. Красноярск: Сибирский ин-т бизнеса, управления и психологии, 2008. 13 с.

8. Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность: монография. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. 124 с.

References

1. Kartashov V.N. Teorija pravovoj sistemy obshhestva: uchebnoe posobie: v 2 t. Jaroslavskij gos. un-t. 2006. S. 47 – 49.

2. Sinjukov V.N. Rossijskaja pravovaja sistema. Vvedenie v obshhuju teoriju: monografija. M.: NIC INFRA-M, 2019. 98 s.

3. Kelle V.Zh., Koval'zon M.Ja. Formy obshhestvennogo soznanija. M.: Gospolitizdat, 1959. 6 s.

4. Kelle V.Zh., Koval'zon M.Ja. Obshhestvennoe soznanie i ego formy. M.: Politizdat, 1986. 367 s.

5. Petrov A.V. Anomalii prava: ponjatie i priroda. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 1. S. 170 – 180.

6. Malahov V.P. Pravosoznanie: priroda, soderzhanie, logika. M., 2001.56s.

7. Safronov V.V. Pravosoznanie grazhdanina: monografija. Krasnojarsk: Sibirskij in-t biznesa, upravlenija i psihologii, 2008. 13 s.

8. Bredneva V.S. Urovni pravosoznanija i juridicheskaja dejatel'nost': monografija. Juzhno-Sahalinsk: SahGU, 2010. 124 s.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В РОССИИ: НАРУШЕНИЕ ИЛИ СПАСЕНИЕ?

Гилева Н.С.,
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: *сложившаяся политическая и экономическая ситуация в мире создает определенные трудности на российском рынке товаров. Государство вынуждено искать альтернативные пути решения существующих проблем, чтобы предотвратить тяжелые последствия. Данная статья посвящена подробному изучению такого правового института, как параллельный импорт в рамках Российской Федерации. Целью исследования является изучение процесса частичной легализации параллельного импорта в России и влияния данного процесса на жизнь российского общества. Автор проводит анализ нормативно-правовых актов, издание которых сделало возможным параллельный импорт в России с правовой точки зрения. Кроме того, в статье раскрываются теоретические аспекты принципа исчерпания прав, анализируются положительные и отрицательные стороны параллельного импорта. В конце исследования автором делается вывод о положительном эффекте перехода России на международный принцип исчерпания прав и о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования данного вопроса при условии проработки всех существующих проблем. Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что оно может быть использовано при дальнейшем совершенствовании законодательного урегулирования исследуемого вопроса.*

Ключевые слова: *параллельный импорт, принцип исчерпания прав, легализация, конкуренция, поставка товаров, экономика*

LEGALIZATION OF PARALLEL IMPORTS IN RUSSIA: VIOLATION OR SALVATION?

Gileva N.S.,
Far Eastern Federal University

Abstract: *the current political and economic situation in the world creates certain difficulties in the Russian goods market. The state is forced to look for alternative ways to solve existing problems in order to prevent serious consequences. This article is devoted to a detailed study of such a legal institution as parallel imports within the Russian Federation. The aim of the study is to study the process of partial legalization of parallel imports in Russia and the impact of this process on the life of Russian society. The author analyzes the regulatory legal acts, the publication of which made parallel imports in Russia possible from a legal point of view. In addition, the article reveals the theoretical aspects of the principle of exhaustion of rights, analyzes the positive and negative aspects of parallel imports. At the end of the study, the author concludes that Russia's transition to the international principle of exhaustion of rights has a positive effect and that it is necessary to further improve the legislative regulation of this issue, provided that all problems are worked out. The practical significance of the study is that it can be used to further improve the legislative regulation of the issue under study.*

Keywords: *parallel imports, principle of exhaustion, legalization, business competition, goods delivery, economy*

Процесс глобализации на сегодняшний день охватил весь мир. Этот процесс стал благом для многих стран: установлены тесные связи между государствами, распределение ресурсов стало более рациональным. Однако у глобализации есть и минусы, одним из которых является рост взаимозависимости экономик различных стран.

К сожалению, сотрудничество между странами в силу тех или иных обстоятельств не всегда представляется возможным. Так, на фоне обострившейся политической обстановки и введения санкций, еще в марте 2022 года многие крупные компании заявили о приостановке деятельности в России или даже полном уходе с российского рынка и ограничили поставки своей продукции в страну. Такая нестабильная экономическая ситуация негативно сказалась на населении, которое неожиданно лишилось возможности приобрести те или иные товары. Так, по сведениям ВЦИОМ 50% россиян сталкивались с нехваткой привычных товаров на фоне санкций [9]. Подобные события оказывают влияние на экономическое поведение населения: происходит снижение доходов, меняется структура потребления.

С целью «смягчения» экономических последствий санкционного давления и недопущения возникновения дефицита товаров в стране руководством Российской Федерации было принято решение о частичной легализации параллельного импорта.

Термин «параллельный импорт» не толкуется на законодательном уровне. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 13.02.2018 №8-П указывает следующее: «Товары иностранного производства, на которых их производителем размещены товарные знаки, могут быть правомерно приобретены вне пределов Российской Федерации и впоследствии перемещаться через ее границу. Фактически на территорию Российской Федерации такие товары могут поставляться как самим производителем либо иным хозяйствующим субъектом по согласованию с ним, так и хозяйствующим субъектом без согласования с производителем или с выбранными им официальными дистрибьюторами, т. е. в порядке параллельного импорта» [5]. Таким образом, под параллельным импортом понимается импорт оригинальных товаров, маркированных товарным знаком правообладателя, иными импортерами без специального разрешения правообладателя за рамками каналов распределения, о которых имеется договоренность [6, с. 65]. Проще говоря, речь про ввоз в страну оригинальных товаров без согласия правообладателя. Он идет одновременно с поставками через официальных представителей и дистрибьюторов, поэтому и называется параллельным [7, с. 100].

Параллельный импорт очень тесно связан с принципом исчерпания прав. Это принцип правового регулирования интеллектуальной собственности, в соответствии с которым права правообладателя на запрет реализации товара, содержащего объект интеллектуальной собственности, третьими лицами ограничиваются после первой реализации продукта на рынке самим владельцем [6, с. 65]. Принято выделять три основных разновидности данного принципа:

1. Международный принцип.

Права на интеллектуальную собственность считаются исчерпанными при введении правообладателем товара в гражданский оборот, а третьи лица (новые собственники) в дальнейшем имеют право распоряжаться таким товаром без каких-либо ограничений. Иными словами, если товар выпущен в одной стране, то его можно свободно реализовывать по всему миру. Такой принцип применяется в США, Канаде, Бразилии, Турции, Индии и многих других странах. В России международный принцип применялся до 2002 года, а затем был отменен в целях привлечения в страну инвестиций иностранных компаний.

2. Региональный принцип.

При введении товара в оборот в одном регионе права в отношении реализации такого товара в любую из стран данного региона исчерпываются. То есть, если товар выпущен в одной стране какого-либо объединения, то его можно свободно реализовывать во всех странах такого союза. Данный принцип характерен в основном для стран Евросоюза.

3. Национальный принцип.

Исчерпание исключительных прав происходит только в одной конкретной стране, а не автоматически во всех странах мира. Иначе говоря, законный оборот товара возможен только с разрешения правообладателя, через официальных дилеров и дистрибьютеров на территории страны. Это наиболее строгий принцип исчерпания прав. В настоящее время он свойственен большому количеству стран, в том числе и России (см. ст. 1487 ГК РФ) [1].

Вопрос о переходе России на международный принцип исчерпания прав ставился Федеральной антимонопольной службой России на обсуждение еще в 2011 году [8, с. 24], но особую актуальность данный вопрос приобрел в последнее время в связи с обострением политической и экономической ситуации.

Так, в марте 2022 года вступил в силу Федеральный закон №46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предоставил Правительству Российской Федерации право сформировать перечень товаров, в отношении которых не могут применяться отдельные положения ГК РФ о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы (см. пп. 13 п. 1 ст. 18 ФЗ №46-ФЗ) [2]. Такой перечень товаров, в отношении которых не применяются положения п. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ при условии введения данных товаров в оборот за пределами РФ правообладателями, а также с их согласия, был подготовлен уже к апрелю 2022 года [4]. И, наконец, в июле 2022 года был принят Федеральный закон №213-ФЗ, который фактически признал законным параллельный импорт товаров из составленного Правительством Российской Федерации перечня [3]. Таким образом, в настоящее время параллельный импорт в Российской Федерации остается запрещенным, однако с учетом конкретных обстоятельств ситуации импортер может быть освобожден от гражданско-правовой ответственности. Параллельный импорт разрешен лишь в отношении товаров из перечня Минпромторга России. Так, в России был

сделан небольшой, но очень уверенный шаг по переходу от национального к международному принципу исчерпания прав.

Следует отметить, что такое значимое правовое явление, как легализация параллельного импорта, подлежит глубокому и всестороннему анализу. Можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны данного явления.

К достоинствам легализации параллельного импорта можно отнести следующее:

1. Снижение цен на товары.

Правообладатель, который контролирует рынок, как правило, стремится ограничить альтернативные поставки и стать монополистом. При производстве он несет определенные издержки и желает, чтобы прибыль их покрывала. Потому на практике зачастую выходит так, что в странах с национальным принципом исчерпания прав цены на товары в среднем выше, чем в странах, где параллельный импорт легализован.

2. Стабильное высокое качество товаров.

При запрете параллельного импорта производитель может разделять рынки и поставлять для одних стран премиальную продукцию, а для других – менее качественную. В случае с параллельным импортом производитель лишается такой возможности, ведь производимый товар может в итоге оказаться в любой стране, следовательно, качество должно быть одинаковым.

3. Сокращение сроков покупки товаров зарубежных фирм.

Ярким примером может служить продукция «Apple». Даты выхода того или иного товара для стран могут различаться. При параллельном импорте необходимость в ожидании выхода товара в определенной стране отпадает.

4. Расширение ассортимента товаров.

При параллельном импорте обостряется конкурентная борьба между правообладателями и параллельными импортерами. В свою очередь рыночные конкурентные обстоятельства влияют на расширение ассортиментной линейки товаров.

Также необходимо сказать о недостатках легализации параллельного импорта:

1. Зависимость экономики от импорта.

Мотивация отечественных производителей в наращивании объемов промышленного производства будет снижена, а развитие экономики впадет в зависимость от заграничного импорта.

2. Риск повышения уровня недобросовестной конкуренции.

Рост и развитие конкуренции может привести к возникновению потенциальных угроз и негативным последствиям.

3. Рост теневой экономики, увеличение процента контрафактной продукции, сокращение объема налоговых поступлений.

Данный недостаток связывают с ослаблением контроля со стороны таможенных органов, который может возникнуть в случае полной легализации параллельного импорта.

4. Снижение качества сервиса послепродажного обслуживания товаров или полное его отсутствие.

Официальное гарантийное обслуживание будет отсутствовать, а в случае с некоторыми товарами, например, производственным оборудованием, это приведет к трудностям при дальнейшей эксплуатации.

Таким образом, на сегодняшний день легализация параллельного импорта остается поводом для дальнейшего обсуждения и поиска оптимальных путей. У такого непростого явления, как параллельный импорт, имеются как «плюсы», так и «минусы». Однако отметим, что положительные стороны, на наш взгляд, значительно перевешивают всякие недостатки, которые представляют собой лишь потенциальную угрозу, из чего следует, что их можно предотвратить.

Подводя итог всему изложенному, хотелось бы заключить, что в течение небольшого промежутка времени руководство России сделало смелый и решительный шаг навстречу легализации параллельного импорта, который помог преодолеть негативные последствия санкционного давления, не допустил возникновение дефицита товаров на российском рынке и обеспечил население страны всем необходимым. Представляется, что курс на переход к международному принципу исчерпания прав закономерен и оптимален для России в настоящее время. Вопрос дальнейшего закрепления на законодательном уровне полного параллельного импорта должен решаться только при условии глубокой проработки решений всех недостатков параллельного импорта.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

3. Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.

4. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532 "Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия" (Зарегистрирован 06.05.2022 № 68421) // Официальный интернет-портал правовой информации.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Агамагомедова С.А., Любарец Ю.С. Проблема параллельного импорта в России в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2019. № 2 (10). С. 63 – 71.

7. Сонич А.А. Потенциальные последствия легализации параллельного импорта в России в 2022 году // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 3А. С. 98 – 104.

8. Легализация параллельного импорта и ее влияние на товарные рынки России: аналит. отчет / отв. ред. сер. В. В. Радаев; Нац. ис-след. ун-т «Высшая школа экономики»; Лаб. экон.-социол. исслед. М.: НИУ ВШЭ. 011. № 9. 176 с.

9. «ВЦИОМ сообщил о влиянии санкций на жизнь 60% россиян» // Новостной сайт «РБК». URL: https://www.rbc.ru/economics/07/04/2022/624eb2dc9a7947afe7f57974

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii chast' 4. SPS «Konsul'tantPlyus».

2. Federal'nyj zakon ot 08.03.2022 № 46-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». SPS «Garant».

3. Federal'nyj zakon ot 28.06.2022 № 213-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 18 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.

4. Prikaz Ministerstva promyshlennosti i torgovli Rossijskoj Federacii ot 19.04.2022 № 1532 "Ob utverzhdenii perechnya tovarov (grupp tovarov), v otnoshenii kotoryh ne primenyayutsya polozheniya podpunkta 6 stat'i 1359 i stat'i 1487 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii pri uslovii vvedeniya ukazannyh tovarov (grupp tovarov) v oborot za predelami territorii Rossijskoj Federacii pravoobladatelyami (patentoobladatelyami), a takzhe s ih soglasiya" (Zaregistrirovan 06.05.2022 № 68421). Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.

5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.02.2018 № 8-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 4 stat'i 1252, stat'i 1487 i punktov 1, 2 i 4 stat'i 1515 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «PAG». SPS «Konsul'tantPlyus».

6. Agamagomedova S.A., Lyubarec YU.S. Problema parallel'nogo importa v Rossii v usloviyah globalizacii. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Ekonomicheskie nauki. 2019. № 2 (10). S. 63 – 71.

7. Sonich A.A. Potencial'nye posledstviya legalizacii parallel'nogo importa v Rossii v 2022 godu. Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. T. 12. № 3A. S. 98 – 104.

8. Legalizaciya parallel'nogo importa i ee vliyanie na tovarnye rynki Rossii: analit. Otchet. otv. red. ser. V. V. Radaev; Nac. is-sled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»; Lab. ekon.-sociol. issled. M.: NIU VSHE. 011. № 9. 176 s.

9. «VCIOM soobshchil o vliyanii sankcij na zhizn' 60% rossiyan». Novostnoj sajt «RBK». URL: https://www.rbc.ru/economics/07/04/2022/624eb2dc9a7947afe7f57974

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЯХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Лопанова А.П., кандидат педагогических наук,
Елизарова А.А.,
Оренбургский государственный университет

Аннотация: *развитие элементов состязательности в уголовном судопроизводстве в последние два десятилетия следует рассматривать как демократический вектор в развитии законодательства, поскольку совершенствование процессуальной деятельности направлено на создание благоприятных условий в реализации прав и законных интересов участниками уголовного процесса, и в постановлении судом законного, обоснованного и справедливого приговора. В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации принципа состязательности в досудебном производстве. Под углом расширения состязательных начал открываются большие возможности для правовой регламентации как пробелов, имеющих место в законе, так и несовершенств норм права, порождающих конфликтные ситуации.*

Исходя из анализа научных позиций по вопросу определения состязательности и принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе авторы предлагают определение названного принципа. Большое внимание в статье уделяется институту ходатайств и жалоб в уголовном процессе как правовому средству, выступающему гарантом обеспечения права на защиту. Проведен сравнительный анализ полномочий прокурора и стороны защиты в досудебном производстве.

Цель настоящего исследования проанализировать правовые гарантии прав личности в условиях развития состязательности в досудебном уголовном процессе.

В процессе исследования были решены следующие задачи: проанализирована сущность принципа состязательности, его основные элементы и особенности реализации в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии, а также даны рекомендации по совершенствованию правового регулирования в целях реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

Ключевые слова: *принцип состязательности и равноправия сторон, реализация прав личности, досудебное производство, правовые гарантии, ходатайства и жалобы*

ON THE QUESTION OF LEGAL GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS IN THE CONDITIONS OF THE DEVELOPMENT OF COMPETITIVENESS IN THE PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Lopanova A.P., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Elizarova A.A.,
Orenburg State University

Abstract: *the development of adversarial elements in criminal proceedings over the past two decades should be regarded as a democratic vector in the development of legislation, since the improvement of procedural activities is aimed at creating favorable conditions for the realization of the rights and legitimate interests of the participants in the criminal process, and for the court to decide a lawful, justified and fair sentence. The article deals with topical issues of implementing the principle of competition in pre-trial proceedings. At the angle of expansion of adversarial principles, great opportunities open up for legal regulation of both gaps in the law and imperfections in the rules of law that give rise to conflict situations.*

Based on the analysis of scientific positions on the issue of determining the competitiveness and the principle of competitiveness and equality of the parties in the criminal process, the authors propose a definition of the named principle. Much attention in the article is paid to the institution of petitions and complaints in the criminal process as a legal means that acts as a guarantor of ensuring the right to defense. A comparative analysis of the powers of the prosecutor and the defense in pre-trial proceedings was carried out.

The purpose of this study is to analyze the legal guarantees of individual rights in the context of the development of competition in pre-trial criminal proceedings.

In the course of the study, the following tasks were solved: the essence of the principle of competitiveness, its main elements and features of implementation in criminal proceedings at the pre-trial stage were analyzed, and recommendations were given for improving legal regulation in order to implement the principle of competitiveness and equality of the parties.

Keywords: *the principle of competitiveness and equality of the parties, the implementation of individual rights, pre-trial proceedings, legal guarantees, petitions and complaints*

Состязательность и равноправие сторон в уголовном процессе в последние три десятилетия стали одними из самых обсуждаемых проблем и в научной литературе, и в публичных выступлениях ученых-процессуалистов, представителей силовых структур и судов. Неоднозначное отношение к принципу состязательности (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1]) со стороны разных участников уголовного судопроизводства обосновано, в первую очередь, функциональными задачами каждого из них – защита, обвинение или правосудие, а также возможным расширением или ограничением тех полномочий, который устанавливает действующий уголовно-процессуальный закон. Однако, несмотря на некоторые разногласия, существующие в правовых позициях, объединяющим фактором для всех выступает единая цель, отраженная в ст. 6 УПК РФ – «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» и «защита личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод».

Коренные преобразования в направлении развития состязательных начал в уголовном процессе наметились в 2001 году с принятием действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Развитие элементов состязательности выразилось в попытке законодателя «сбалансировать, сблизить правовые возможности не наделенных властными полномочиями участников досудебного производства с участниками, осуществляющими функцию обвинения и уголовного преследования» [15]. Такой демократический вектор, бесспорно, следует расценивать как положительный, поскольку совершенствование процессуальной деятельности направлено на создание благоприятных условий в реализации прав и законных интересов участниками уголовного процесса, и в постановлении судом законного, обоснованного и справедливого приговора (ст. 297 УПК РФ).

Фактически, в данном случае, речь идет об усилении их правовых гарантий в реализации своих прав, установленных в действующем УПК РФ. А под углом расширения состязательных начал такие преобразования открывают большие возможности для правовой регламентации как пробелов, имеющих место в законе, так и несовершенств норм права, порождающих конфликтные ситуации.

Дискуссионные начала эта тема берет с понятия состязательности, поскольку законодатель не формулирует его в ст. 15 УПК РФ, а раскрывает основные элементы этого принципа. Нет этого понятия и в Конституции РФ.

На протяжении многих десятилетий ученые-процессуалисты предпринимают попытки определить, что понимать под состязательностью, однако единого взгляда не выработано.

Часть русских дореволюционных юристов, рассматривая уголовный процесс как публичный, определяла состязательность как способ организации деятельности в рамках судебных прений, участники которых наделялись равными правами для представления обвинительных и защитительных доводов [4]. В советское время состязательность представлялась, прежде всего, методом отыскания истины, который состоит в состязании сторон, восполняемом и контролируемом активным участием суда в разбирательстве дела [12]. Длительное время в научной литературе поддерживается мнение, что состязательность – это самоцель уголовного судопроизводства [9].

В современных источниках состязательность уголовного процесса определяется как «организация процессуальной деятельности, при которой разрешение уголовного дела происходит в результате спора равноправных сторон перед независимым судом» [2, 10, 17, 18, 19].

Отмечая важность и необходимость состязательности в уголовном процессе следует согласиться с тем, что это не самоцель, а сильный и эффективный инструмент для установления подлинных обстоятельств совершения преступления [17].

Исходя из выше приведенного понимания состязательности, принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе можно определить как регламент уголовного судопроизводства, характеризующийся наличием сторон, наделенных процессуальным статусом и равными возможностями в реализации процессуальных функций, а также независимым и нейтральным по отношению к сторонам судом, обеспечивающим в судебном производстве процедуру использования сторонами своих прав и отстаивания законных интересов для установления обстоятельств уголовного дела.

Не меньше споров в научной литературе вызывает и реализация этого принципа. В этом аспекте обратимся к институту ходатайств и жалоб в уголовном процессе. Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности в последние два десятилетия носит, безусловно, позитивный характер, однако пока эффективность норм закона не отвечает всем требованиям принципа состязательности, рассматри-

ваемый институт нельзя признать сформированным. Поэтому в защите прав и законных интересов участников процесса значение института ходатайств и жалоб трудно переоценить.

Рассматривая данный институт как правовое средство и гарантию обеспечения права на защиту, отметим, что в досудебном производстве правом заявлять ходатайства и приносить жалобы наделена в большей степени сторона защиты. Так, анализ полномочий прокурора в досудебном производстве позволяет сделать вывод, что лишь один подпункт 8.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ упоминает о возможности возбуждать перед судом ходатайство «о продлении срока запрета определенных действий, срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, поступившему или направляемому в суд с обвинительным заключением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, а также ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в случае, предусмотренном ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ». Все другие полномочия прокурора в досудебном производстве, установленные уголовно-процессуальным законом, носят властный и распорядительный характер. Таким образом, реализуется надзирающая и контролирующая функции прокуратуры за предварительным следствием и дознанием (ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

В отличие от процессуального положения прокурора полномочия стороны защиты в досудебном производстве можно очень показательно отразить следующими глаголами, используемыми в ст. 53 УПК РФ: «собирать и представлять», «присутствовать», «участвовать», «знакомиться», «привлекать» и «заявлять». Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ внес много существенных изменений в процессуальное положение защитника и значительно расширил права подозреваемого и обвиняемого, тем не менее, досудебное производство в редакции действующего закона не отвечает критериям состязательности. Даже если согласиться с положением о невозможности уравнивания в правах сторон защиты и обвинения, то необходимость предоставления равных возможностей в их реализации участникам уголовного процесса не оспаривается. Однако, как справедливо отметил В.Л. Григорян, «с введением принципа состязательности защита лишь формально приобрела довольно выраженные черты самостоятельного, функционально значимого направления уголовно-процессуальной деятельности. Что же касается самой защитительной деятельности и, особенно ее влияния на итоговые решения, принимаемые по уголовным делам, то тут мало что изменилось» [5].

Анализируя нормы действующего УПК РФ, регулирующие досудебное производство, следует констатировать, что доказательства на этой стадии процесса получаются сторонами на неравных условиях. С позиции процессуального равенства сторон доказательственная деятельность акцентирована в законе на должностных лицах, осуществляющих производство по делу, а те положения закона, которые регламентируют право защитника собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), оставляют на усмотрение следователя возможность их использовать в качестве таковых. Сторона защиты максимально ограничена в своих полномочиях получать информацию в целях осуществления возложенных на нее функций. Провозглашая право защитника, законодатель не устанавливает процессуальную форму его реализации. Так, меры государственного принуждения (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) не включены в механизм сбора информации защитником. И это вызывает проблемы на уровне практикоприменения. Защитник не имеет возможности выявлять лиц, обладающих необходимой по делу информацией, а если даже они и установлены, то он не наделен правом доставлять их в органы предварительного расследования для допроса. Опрашивать же таких лиц защитник может только с их согласия (пп. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Таким образом, сторона обвинения обладает рядом преимуществ в этой деятельности. И это не только властные полномочия, присущие прокурору и закрепленные в законе, но и опытные кадры, состоящие на федеральной государственной службе и обладающие всем арсеналом правовых возможностей по сбору в этой связи информации.

Проявлением принципа состязательности в досудебном производстве можно считать наличие судебного контроля по ряду важных процессуальных вопросов: об избрании меры пресечения, дачи согласия на проведение следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан в случаях рассмотрения жалоб на действия и решения должностных лиц и органов предварительного расследования. По мнению С.М. Даровских, закрепленный в законе порядок рассмотрения указанных вопросов в присутствии суда, позволяет говорить о наличии элементов принципа состязательности, таких как наличие сторон, обладающих равными правами при демонстрации своей правовой позиции перед судом и создание судом условий для реализации сторонами своих прав, нейтральное положение суда [14].

Дисбаланс в правовом положении прокурора и защитника в досудебном производстве и, что особенно важно, в возможностях реализации установленных для них прав, возможно, отчасти, компенсировать институтом ходатайств и жалоб. Усиление возможности стороны защиты в участии в предварительном расследовании в целях обеспечения полного и объективного производства по уголовному делу – одна из важ-

ных функций данного института. По мнению С.И. Рябоконева, «восприятие института ходатайств и жалоб в таком целевом назначении может стать основанием для дальнейших теоретических исследований и рассмотрения института ходатайств и жалоб с позиции сближения правовых возможностей сторон обвинения и защиты на предварительном расследовании» [16].

Однако нелогичность и ограниченность норм УПК РФ проявляется и в правовом регулировании заявления ходатайств защитником, направленных на получение оправдательных доказательств. Обязанность принять такие ходатайства от защитника возложена по закону на сторону обвинения, от которой в конечном итоге зависит процессуальное решение.

Отдельные нормы УПК РФ содержат конкретные указания на обязательное удовлетворение ходатайств, заявленных стороной защиты:

– в соответствии с ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению»;

– в соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ «подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела»;

– в соответствии с ч. 2.1 ст. 159 УПК РФ «защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого», за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ;

– в соответствии с ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ защитнику (и другим лицам, указанным в ч. 2 настоящей статьи), «не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

Вместе с тем, есть положения закона, которые не содержат указания на обязанность лиц, ведущих производство по делу, удовлетворять и мотивировать отказ в удовлетворении ходатайств (ст.ст. 122, 159 УПК РФ). Формулировки закона такие как: «об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь, судья выносят *постановление*, а суд – *определение*» (ст. 122 УПК РФ); «в случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель выносит *постановление* (ч. 3 ст. 159 УПК РФ); (*курсивом выделено нами – А. Лопановой, А. Елизаровой*), при дословном их толковании позволяют сделать вывод, что никаких требований о законности, мотивировке, обоснованности или справедливости выносимых определения или постановления об отказа в удовлетворении ходатайств в обязанность должностных лиц, их составляющих, не входит. Тогда как при постановлении приговора, например, определено, что он должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ). Кроме того, в ст. 299 УПК РФ содержится обязательный перечень вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора, что также обязывает судью дать ответы на все обозначенные позиции. В отношении рассматриваемых нами постановлений или определений закон не содержит таких рекомендаций.

Таким образом, в ответ на заявленные ходатайства закон фактически позволяет следователю, дознавателю и суду не обосновывать свое решение об отказе в полном или частичном их удовлетворении. Так, по данным М.В. Пальчиковой «в 95 % случаев протоколы судебного заседания не отражают мотивы и обоснования принимаемых судом решений» [11]. Формулировки решений суда в этих случаях сводятся к следующим: «отказать в удовлетворении ходатайства», «отказать, так как запрашиваемая информация не имеет отношения к рассматриваемому делу», «в удовлетворении ходатайства отказать, так как оно заявлено повторно по ранее изложенным основаниям, в его удовлетворении было отказано», «отказать в удовлетворении ходатайства ввиду его нецелесообразности», «отказать в удовлетворении заявленного ходатайства, поскольку оно заявлено в ненадлежащей форме» [11]. И по данным нашего исследования случаев отказа в удовлетворении ходатайств, заявленных защитником и направленных на получение оправдательных доказательств, составило 18 % (из 153 архивных уголовных дел). В таких случаях результативность права адвоката заявлять ходатайства о получении доказательств на предварительном следствии фактически сводится к нулю. На это обращал внимание в своих решениях Европейский суд по правам человека уже более 10 лет назад [13]. Научные мнения о необходимости решения данного вопроса на законодательном уровне также пока не реализованы [14]. Поэтому как показывает практика, адвокаты предпочитают представлять свои доказательства непосредственно в суде, а не в ходе предварительного расследования.

Тогда как, например, удовлетворение судами ходатайств о контроле и записи телефонных и иных переговоров в 2020 году имело место в 99,8% случаев, а в 2021 году – в 97%; об осмотре жилища без согласия проживающих в нем граждан – более чем в 95 % случаев [3]. По справедливому замечанию адвоката АП Ставропольского края Нвер Гаспаряна, «почти любое такое ходатайство удовлетворяется. Когда этот показатель достигнет 100 %, судебный контроль можно будет без сожалений отменять» [3].

Существенное значение для ответа на заявленное ходатайство имеют его мотивированность и обоснованность заявленных в нем требований. Законодатель не конкретизирует, каким должно быть ходатайство, что следует признать существенным пробелом УПК РФ. В этой связи считаем целесообразным дополнить часть 1 ст. 120 УПК РФ следующей формулировкой: «…Ходатайство должно быть мотивированным и обоснованным… ». Это обяжет защитника придерживаться определенной формы и надлежащим образом обосновывать и аргументировать заявляемые ходатайства, а также своевременно приобщать необходимые документы к материалам уголовного дела.

Содержание ходатайства, заявленного в письменной форме, должно также соответствовать правилам правовой культуры, то есть отвечать филологической и юридической грамотности. По справедливому мнению А.С. Кобликова, «юрист, который в своих письменных документах демонстрирует неумение грамотно формулировать то или иное положение, подрывает свою репутацию» [8].

Статья 120 УПК РФ устанавливает помимо времени подачи ходатайства и форму его фиксации – устную или письменную. Однако, как показывает практика, традиционным и наиболее часто используемым способом является изложение ходатайства самим заявителем с последующим его приобщением к материалам уголовного дела. Преимущества письменной формы на наш взгляд очевидны: подготовленность и полнота информации, последовательность и тщательность ее изложения, обоснованность нормами закона, мотивированность материалами дела. Кроме того, письменное ходатайство, составленное таким образом, способно оказать воздействие на внутреннее убеждение лица, его принявшего, и, соответственно, повлиять на положительное процессуальное решение по итогам его рассмотрения.

Рассмотрев отдельные проблемные аспекты правовых гарантий прав личности в условиях состязательности в досудебном производстве, можно констатировать, что основной постулат исследуемого принципа – равенство сторон защиты и обвинения – носит относительный характер. Необходимость в преодолении половинчатости отдельных норм действующего УПК РФ, несмотря на многочисленные изменения, по отдельным позициям, затрагивающим права стороны защиты, давно назрела. А пока говорить о реализации принципа состязательности в досудебном производстве можно лишь отчасти.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 01 октября 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921. ISSN 1560-0580

2. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 14 – 15.

3. Арстанова Анжела. В 2021 г. снизилось количество ходатайств о производстве обыска в отношении адвокатов // Адвокатская газета. 29 июля 2022. Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/v-2021-g-snizilos-kolichestvo-khodataystv-o-proizvodstve-obyska-v-otnoshenii-advokatov/ (дата обращения: 14.10.2022 г.)

4. Барабаш А.С. Вклад Ивана Яковлевича Фойницкого в определение места состязательности в российском уголовном процессе // Российское правосудие. 2008. № 3. С. 104.

5. Григорян В.Л. Защита и защитительная деятельность как факторы, определяющие построение уголовного процесса и выполнение его задач: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 3.

6. Даровских С.М. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 219.

7. Зеленская Ю.Е. Разрешение ходатайств в российском уголовном судопоизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2013. № 3 (66). С. 17 – 24. ISSN 2312-3184

8. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник для вузов. М.: Изд-во НОРМА, 2000. С. 140.

9. Ляхов Ю.А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 57 – 58.

10. Мурадьян Э.М. Истина как проблема судебного права: 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 51.

11. Пальчикова М.В. Недобросовестность рассмотрения ходатайств участников судебного разбирательства как основная проблема современного уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 163 – 169. ISSN 2310-4813

12. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. С. 100.

13. Постановление ЕСПЧ от 14.03.2008. Дело «Дорохов (Dorokhov) против Российской Федерации» (жалоба № 66802/01) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 4. ISSN 2078-404X.

14. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г.С. Русман, С.М. Даровских. Москва: Проспект, 2022. С. 336. ISBN 978-5-392-36246-2

15. Рябоконев С.И., Дядькин Д.С., Сергеев А.Б. Реализация принципа состязательности посредством применения института ходатайств и жалоб участниками досудебного производства по уголовным делам: монография. Челябинск: ООО «Полиграф-Мастер», 2021. С. 214.ISBN 978-5-9772-0414-9

16. Рябоконев С.И. Ходатайства и жалобы в реализации принципов состязательности, обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в досудебном производстве по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Сургут, 2021. С. 8.

17. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы состязательности в российском уголовном процессе // Вестник ВГУ. 2016. № 3. С. 294.

18. Тушев А. Роль прокурора в реализации принципа состязательности в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 34.

19. Щербаков В.А. Состязательность уголовного судопроизводства: роль суда в ее обеспечении // Baikal Research Journal. Электронный журнал Байкальского государственного университета. 2016. Т. 7. № 5. С. 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostyazatelnost-ugolovnogo-sudoproizvodstva-rol-suda-v-ee-obespechenii/viewer (дата обращения: 16.10.2022 г.)

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: ofic. tekst: po sostojaniju na 01 oktjabrja 2021 g. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2001. № 52 (Ch. 1). St. 4921. ISSN 1560-0580

2. Agutin A.V. Mirovozzrenchenskie idei v ugolovno-processual'nom dokazyvanii: avtoref. dis. … d-ra jurid. nauk. N. Novgorod, 2005. S. 14 – 15.

3. Arstanova Anzhela. V 2021 g. snizilos' kolichestvo hodatajstv o proizvodstve obyska v otnoshenii advokatov. Advokatskaja gazeta. 29 ijulja 2022. Rezhim dostupa: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/v-2021-g-snizilos-kolichestvo-khodataystv-o-proizvodstve-obyska-v-otnoshenii-advokatov/ (data obrashhenija: 14.10.2022 g.)

4. Barabash A.S. Vklad Ivana Jakovlevicha Fojnickogo v opredelenie mesta sostjazatel'nosti v rossijskom ugolovnom processe. Rossijskoe pravosudie. 2008. № 3. S. 104.

5. Grigorjan V.L. Zashhita i zashhititel'naja dejatel'nost' kak faktory, opredeljajushhie postroenie ugolovnogo processa i vypolnenie ego zadach: dis. … kand. jurid. nauk. Saratov, 2010. S. 3.

6. Darovskih S.M. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda RF, kasajushhiesja realizacii principa sostjazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve. M.: Jurlitinform, 2011. S. 219.

7. Zelenskaja Ju.E. Razreshenie hodatajstv v rossijskom ugolovnom sudopoizvodstve. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, 2013. № 3 (66). S. 17 – 24. ISSN 2312-3184

8. Koblikov A.S. Juridicheskaja jetika: uchebnik dlja vuzov. M.: Izd-vo NORMA, 2000. S. 140.

9. Ljahov Ju.A. Konstitucionnyj princip sostjazatel'nosti ugolovnogo sudoproizvodstva i prava lichnosti. Rossijskaja justicija. 2014. № 3. S. 57 – 58.

10. Murad'jan Je.M. Istina kak problema sudebnogo prava: 2-e izd., pererab. i dop. M., 2004. S. 51.

11. Pal'chikova M.V. Nedobrosovestnost' rassmotrenija hodatajstv uchastnikov sudebnogo razbiratel'stva kak osnovnaja problema sovremennogo ugolovnogo processa. Sudebnaja vlast' i ugolovnyj process. 2015. № 4. S. 163 – 169. ISSN 2310-4813

12. Poljanskij N.N. Voprosy teorii sovetskogo ugolovnogo processa. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1956. S. 100.

13. Postanovlenie ESPCh ot 14.03.2008. Delo «Dorohov (Dorokhov) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 66802/01). Bjulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. 2009. № 4. ISSN 2078-404H.

14. Principy ugolovnogo processa: monografija.pod obshh. red. G.S. Rusman, S.M. Darovskih. Moskva: Prospekt, 2022. S. 336. ISBN 978-5-392-36246-2

15. Rjabokonev S.I., Djad'kin D.S., Sergeev A.B. Realizacija principa sostjazatel'nosti posredstvom primenenija instituta hodatajstv i zhalob uchastnikami dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam: monografija. Cheljabinsk: OOO «Poligraf-Master», 2021. S. 214.ISBN 978-5-9772-0414-9

16. Rjabokonev S.I. Hodatajstva i zhaloby v realizacii principov sostjazatel'nosti, obespechenija podozrevaemomu, obvinjaemomu prava na zashhitu v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: dis. … kand. jurid. nauk. Surgut, 2021. S. 8.

17. Stel'mah V.Ju. Nekotorye problemy sostjazatel'nosti v rossijskom ugolovnom processe. Vestnik VGU. 2016. № 3. S. 294.

18. Tushev A. Rol' prokurora v realizacii principa sostjazatel'nosti v ugolovnom processe. Rossijskaja justicija. 2003. № 4. S. 34.

19. Shherbakov V.A. Sostjazatel'nost' ugolovnogo sudoproizvodstva: rol' suda v ee obespechenii. Baikal Research Journal. Jelektronnyj zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 7. № 5. S. 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostyazatelnost-ugolovnogo-sudoproizvodstva-rol-suda-v-ee-obespechenii/viewer (data obrashhenija: 16.10.2022 g.)

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСУЛЬСКОГО ИНСТИТУТА В РОССИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Талайковская Я.В., аспирант,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: *статья посвящена вопросу становления консульского института в России и его эволюции на разных этапах российской государственности. В статье поэтапно рассматривается процесс становления консульской деятельности в России, которая анализируется на основе исторических фактов, а также нормативно-правовых документов, регулирующих консульскую деятельность.*

Автор объясняет, почему необходимо относить истоки возникновения консульского института к периоду Киевской Руси. Отводит особое внимание периоду правления Петра I, так как именно в этот период русский институт консулов получил колоссальный толчок в своём развитии. Автором показано как, с течением времени, функции консульских учреждений постепенно расширялись, приобретали всё более и более административный характер.

В статье подчеркивается важность советского периода в формировании правовой базы для консульской деятельности России. Отмечаются и отрицательные стороны советской международной политики, которые проявлялись в закрытости советского общества. Такая закрытость привела к уменьшению объема работы консулов по защите прав и интересов российских граждан за рубежом. Сокращались самостоятельные консульские учреждения и создавались консульские отделы при дипломатических представительствах. Это всё привело к замедлению развития консульского института.

Автор также раскрывает причины необходимости принятия нового Консульского Устава Российской Федерации, который был принят в 2010 году. Подчёркивает стремительное увеличение масштабов деятельности консульской службы с момента развала СССР и создания нового государства Российской Федерации. Основной причиной такого увеличения, автор считает открытую международную политику современной России, развитие экономического и культурного сотрудничества с зарубежными странами, развитие туризма.

Ключевые слова: *Консульский устав; консульские отношения; консульское учреждение; консульский институт; консульские конвенции*

THE FORMATION OF THE CONSULAR INSTITUTION IN RUSSIA AND THE FEATURES OF ITS EVOLUTION AT DIFFERENT STAGES OF RUSSIAN STATEHOOD

Talaikovskaya Ya.V., Postgraduate,
Belgorod State National Research University

Abstract: *the article is devoted to the issue of the formation of the consular institution in Russia and its evolution at different stages of Russian statehood. The article examines step by step the process of formation of consular activity in Russia, which is analyzed on the basis of historical facts, as well as legal documents regulating consular activity.*

The author explains why it is necessary to attribute the origins of the consular institution to the period of Kievan Rus. He devotes special attention to the period of the reign of Peter I, since it was during this period that the Russian institute of consuls received a tremendous impetus in its development. The author shows how, over time, the functions of consular offices gradually expanded, becoming more and more administrative in nature.

The article emphasizes the importance of the Soviet period in the formation of the legal framework for the consular activities of Russia. The negative aspects of Soviet international policy, which manifested themselves in the closeness of Soviet society, are also noted. Such closeness has led to a decrease in the workload of consuls to protect the rights and interests of Russian citizens abroad. Independent consular offices were reduced and consular departments were created at diplomatic missions. All this led to a slowdown in the development of the consular institution.

The author also reveals the reasons for the need to adopt a new Consular Charter of the Russian Federation, which was adopted in 2010. She emphasizes the rapid increase in the scope of the consular service since the collapse of the USSR and the creation of a new state of the Russian Federation. The main reason for this increase, the author considers the open international policy of modern Russia, the development of economic and cultural cooperation with foreign countries, the development of tourism.

Keywords: *Consular charter, consular relations, consular office, consular institute, consular conventions*

Становление и развитие консульского института в России имеет многовековую историю, которая достаточно исследована в отечественной и зарубежной историографии. Но, не смотря на общепринятое понимание истории возникновения консульского института, всё же, у многих исследователей существуют разногласия, касающиеся истоков его возникновения. Существует много исследователей, которые относят истоки становления консульской службы к правлению Иван IV (Грозного), также немало исследователей полагают, что история консульской службы начинается со времени правления Петра I.

С нашей же точки зрения, история консульской службы начинается с периода существования Киевской Руси. И это совершенно объяснимо, если считать, что истоками возникновения консульского института стало развитие международных торгово-экономических отношений между государствами. Киевская Русь, как известно, вела внешнюю торговлю со многими государствами, чему мы находим подтверждения в дошедших до наших дней исторических источниках, которыми, к примеру, являются, всеми известные, русско-византийские договоры 907, 911 и 944 гг.

Именно в этих документах мы находим сведения о должностном лице, обязанностью которого было оказание защиты и разного рода содействия международной торговле Руси с Византией.

Новгородское государство, которое стало правопреемником Киевской Руси, продолжало вести международную торговлю. Европейские страны были всячески заинтересованы в развитии торговых отношений с Россией, в связи с чем, в XII в. на территории Новгородского государства появились готские и немецкие торговые фактории. Торговые фактории были некой структурами или определенными организациями, которые имели свою территорию, свою власть и свои законы, действовавшие на этой территории. Фактория имела свой устав, который регулировал внутреннюю жизнь фактории, а также условия торговли с русскими.

С XVI в. в Московском государстве было создано свое дипломатическое ведомство называемое «Посольский приказ». Этот орган в основном осуществлял дипломатические функции, такие как встречи с иностранными послами и ведение переговоров с разными странами.

Также, за правления царя Ивана IV английское Общество торговли с Россией получило право иметь своего консула в России. Позже такие права получили представители других европейских государств. Дания получила такое право в (1627 г.), Голландия в (1631 г.), Швеция в (1631 г.), Польша в (1673 г.) [2, с. 24].

В период правления Петра I, русский институт консулов получил колоссальный толчок в своём развитии. Поездка за границу очень сильно повлияла на тогдашнего царя, в связи с чем, он способствовал выходу российского государства на международный рынок. Пётр I преследовал экономические интересы во внешней торговле, также он содействовал частному предпринимательству, но под контролем государства. Всё это развитие экономических и торговых связей с европейскими странами, впоследствии, привело к необходимости создания постоянно действующих российских консульств за рубежом. За правления Петра I было открыто множество российских консульств, как на западе, так и на востоке. По утверждению М.А. Веневитинова, «Всего менее чем за четверть века при Петре I было создано 17 дипломатических представительств России, а также целый ряд консульских учреждений» [3, с. 5]. Стремительное развитие международных отношений с иностранными государствами также привело к открытию и в России иностранных дипломатических посольств и консульских учреждений.

Стоит отметить, что причиной такого бурного развития консульского института послужило желание Петра I развивать международную торговлю с иностранными государствами. Поэтому, в петровский период, консулы в основном исполняли функции экономического характера. Пётр I хотел на государственном уровне управлять и контролировать международную торговлю, поэтому были учреждены такие государственные органы, как коммерц-коллегия и коллегия иностранных дел, которым подчинялись все посольства и консульские учреждения. Коммерц-коллегия была своеобразным экономическим ведомством, которое руководило практической деятельностью консулов за границей.

Если изначально консулы находились в подчинении двух ведомств, и (Коммерц-коллегии) и внешнеполитическому ведомству (Коллегии иностранных дел), то в дальнейшем создавались консульства, которые обладали скорее политическими, чем коммерческими, целями. Такие консульства создавались по инициативе Коллегии иностранных дел в Хельсингере, Лондоне, Гибралтаре, Лиссабоне и пр. Коллегия иностранных дел, самостоятельно занималась отбором, назначением и сменой консулов. Коммерц-коллегии сообщался факт уже учрежденного консульства для получения от неё определенных инструкций по коммерческим вопросам.

В период правления Александра I в Российской государственной структуре произошли некоторые изменения, которые отразились и на развитии консульского института. Кроме преобразования коллегиальной системы в министерскую, была создана, в рамках МИД России, Экспедиция консульских дел. Она представляла собой, своего рода, департамент консульской службы.

По мнению И.С. Искевича и А.С. Белова, «в системе внешнеполитического ведомства России была образована самостоятельная консульская служба, которую возглавил опытный чиновник Ф.Ф. Борель» [7].

Невзирая на то, что институт консульства стремительно развивался, открывались всё новые и новые консульства за границей, всё же единый законодательный акт, который регулировал бы деятельность консулов, отсутствовал. Поэтому, 25 октября 1820 г. был принят первый Консульский устав: «Устав для консулов в Америке и Европе».

И.П. Блищенко утверждал, что «устав стал не просто нормативным правовым актом, а своеобразным сводом императорских указаний для консулов» [1, с. 480].

Согласно уставу консулы подчинялись и Министерству иностранных дел и Департаменту внешней торговли Минфина. В сфере торговли обязанностями Генерального консула, консула и вице-консула было «особенное попечение как в месте его пребывания, так и в округе его ведомства о всем, что касаться может до соблюдения прав и выгод российского народа вообще по торговле и мореплаванию» [10]. Консулы должны были «сберегать пользы торгующих и прочих российских подданных, защищать права их и смотреть за точным наблюдением трактатов и обыкновений, ныне существующих», «усерднейшим образом стараться о том, чтобы усилить, облегчить и распространить взаимные торговые сношения своей земли с тою, в которую они посланы» [10].

Также, стоит отметить, что в уставе появились и новые вводимые для консулов права и обязанности. К числу таковых можно отнести обязанность быть «посредником в тяжбах и ссорах по делам торговли и до торговли относящимися» [10].

Также, нужно подчеркнуть, что согласно уставу, консулы в своих округах получили попечение о российских подданных, кораблях и грузах при несчастных случаях и смертях, и в этом уже усматривается нотариальная составляющая их деятельности. Если рассматривать в целом, то у консулов появилось много разнообразных функций. Проводя анализ законодательных основ российской консульской службы, Е.В. Сафронова отмечает, что «главной особенностью деятельности консулов является их многофункциональность» [13, с. 148-161].

В 1858 г. императором Александром II был принят второй Консульский Устав, в котором, дополнялись и детализировались консульские функции. Консулы обязаны были разбирать споры между шкиперами и матросами, принимать жалобы от пассажиров, судить как незначительные преступления, так и вести следствие по серьезным преступлениям. Появился объёмный раздел, касающийся обязанностей консулов в отношении российских военных судов и их экипажей (параграфы 20-46). Особая глава Устава была посвящена обязанностям консулов в отношении всех российских подданных. К примеру, «в случаях рождения, болезни или смерти подданных, консулы должны были заниматься оформлением документов, сбережением имущества, обеспечением наследственных прав» [11]. В случае «кораблекрушения или какого-либо другого несчастья в гавани, на рейде или в открытом море, консулы обязаны были приложить все свои старания и употребить все средства, находящиеся в их власти, для соблюдения выгод тех лиц, до которых это касается» [11].

Во второй половине XIX в., влияние внешней политики России в мире возрастает. Принятый в 1858 г. Консульский Устав регламентировал деятельность консулов лишь в Европе и Америке. Но, не смотря на обширные консульские сети в Европе и Америке, Россия также имела большие торговые связи со странами Востока. Российские консульства не имели специального Устава для государств Востока, поэтому Российская империя действовала по аналогии со странами Европы.

Влияния России на международной арене к концу XIX в. возросло настолько, что возникла необходимость в принятии нового Консульского Устава 1893 года. В третьем уставе уже описывались консульские функции в таких странах как Турция, Китай, Япония, а также содержались общие положения для всех консульств.

Также хотелось бы отметить, что кроме усовершенствования основного нормативного акта регулирующего деятельность консулов, Российская империя в XIX веке проводила практику заключения двусторонних международных консульских конвенций, соглашений и трактатов, которые в свою очередь дали большой толчок в развитии консульского института и привидении его к более современному виду.

Совершенствование документа, регламентирующего деятельность консулов в России, продолжалось. И уже в 1903 г. выходит четвёртый и последний Консульский Устав царской России. Четвёртый Устав также как и его предшественники, расширял, уточнял и дополнял консульские функции.

Согласно Уставу, консульства были в подчинении и подотчётны дипломатическим посольствам Российской империи. В Уставе закреплялось положение о том, что «каждый подданный Российской империи при нахождении за границей должен был лично встать на учет в дипломатической миссии (в посольстве или

консульстве), предъявить паспорт и объяснить цель своего пребывания на территории иностранного государства» [8].

Подводя итоги царского периода, можно с уверенностью сказать, что институт консулов к началу XX века достиг немалых результатов в своём развитии и не уступал по масштабам и влиянию европейским и восточным. Да были некоторые недостатки, но в целом институт консульства в России был эффективен, и это позволяло российским консулам защищать интересы своих граждан заграницей.

После октябрьской революции 1917 г., и появлением на международной арене Советского Социалистического государства, возникла необходимость в разработке новых нормативно-правовых актов, регулирующих консульскую деятельность, которые соответствовали б новой идеологии, её социальным и моральным ценностям.

Новое советское государство формировало новые государственные органы и новые нормативно-правовые акты регулирующие деятельность консульской службы. Вместо министерства иностранных дел, был сформирован Народный комиссариат по иностранным делам (далее – НКИД). Экономическо-правовой отдел НКИД выполнял задачи консульской службы (1922-1928 гг.). В 1922 г. в его составе было образовано специализированное консульское отделение. Советами был принят 18 октября 1918 г. «Декрет Совета народных комиссаров об организации консульств» [5]. В связи с этим открывались новые консульства советского государства. Постепенно их число увеличивалось, и появилась необходимость в издании Консульской инструкции, которая б позволяла регулировать деятельность консулов за рубежом.

Инструкцией, кроме генеральных консулов, вице-консулов и консульских агентов, был введен новый класс консулов. Такой класс консулов как консульский агент стал нововведением Советского государства.

Развитие консульского института Советского государства происходило по мере получения опыта в ведении международных дел. Постепенно, с расширением представительств советского государства возникает необходимость в создании новой юридической базы для деятельности консульской службы. В связи с этим, 8 января 1926 г. был утверждён первый «Консульский устав СССР» [12].

В статье 1 Устава, «целью советских консульских учреждений является охрана и защита экономических и правовых интересов СССР и союзных республик, а также юридических лиц и граждан СССР» [12]. Анализ функций советских консулов, даёт нам основание говорить скорее об их административном характере, нежели экономическом. Это связано в первую очередь с идеологической составляющей социалистического государства, которое старалось изолировать себя от капиталистических стран.

Устав также определял два вида советских консульских учреждений за границей. К первому виду относились «консульские отделы при дипломатических представительствах» [12], а ко второму «самостоятельные консульские учреждения, такие как генеральные консульства, консульства, вице-консульства и консульские агентства» [12].

После Великой Отечественной войны, в которой Советское государство одержало победу, положение и авторитет СССР на международной арене очень сильно возросло, что в свою очередь способствовало значительному увеличению числа консульских учреждений за границей. По словам Н.М. Елизарова, «на 1 января 1970 г. за границей функционировало 131 советское консульское учреждение, из них: консульских отделов – 92; генеральных консульств – 24; консульств – 13; консульских агентств – 2» [6].

Вследствие развития консульского института СССР в 1946 г. государственному органу, выполняющему задачи консульской службы, вернули его прежнее название – Министерство иностранных дел СССР.

Очень большое значение для консульского института российского государства имеет принятая в 1963 г. в Вене «Конвенция о консульских сношениях» [4]. У Советского Союза было много вопросов к этому международному документу, но всё же Венская Конвенция стала важным этапом в формировании нового Консульского устава СССР 1976 г.

В отличие от Венской конвенции, в Уставе СССР 1976 года, предусмотрены более широкие полномочия консула. Так, ст. 21 говорит о том, что «консул обязан не реже одного раза в год производить объезд своего консульского округа» [9]. А в ст. 23 прямо сказано: «консул обязан принимать как письменные, так и устные заявления от юридических лиц и граждан СССР» [9]. Также в ст. 25 сказано, что «консул ведёт учёт постоянно проживающих и временно находящихся в его консульском округе граждан СССР» [9]. Согласно ст. 27 «распоряжения консула по вопросам, касающимся правил пребывания граждан за границей, имеют для них обязательную силу» [9].

С распадом Советского Союза и появлением нового государства Российской Федерации, которая стала правопреемником СССР, появилась необходимость в разработке и принятии нового Консульского Устава уже Российской Федерации.

Новый Консульский Устав Российской Федерации, был принят в 2010 году [14]. Необходимость в его принятии была в первую очередь связана с прекращением функционирования Советского Союза, и появле-

нием на международной арене нового государства, которое проводило новую международную политику. Ещё одной причиной в необходимости принятия нового Устава стало стремительное развитие международного права в связи с расширением экономических, торговых, научно-технических, культурных, а также политических связей между государствами, в связи с освоением новых сфер деятельности.

Консульский Устав 1976 года не отвечал реалиям современного мира и не мог в полной мере регламентировать деятельность консульской службы, направленной на обеспечение, в первую очередь, эффективной защиты Российской Федерации за рубежом, прав и интересов её граждан и юридических лиц, а также развитие контактов России с другими государствами.

После развала Советского государства, Россия начала проводить более открытую международную политику, в связи с чем, резко увеличилось количества российских граждан, выезжающих за границу с разнообразными целями, а также иностранных граждан приезжающих в Российскую Федерацию. Всё это приводило к постепенному увеличению масштабов деятельности консульской службы. Поэтому, принятия нового Консульского Устава Российской Федерации в 2010 году, стало ещё одной ступенькой в развитии консульского института российского государства.

Российское государство идёт по пути развития экономического и культурного сотрудничества с зарубежными странами, поддерживает развития туризма. На данный момент российские консульские учреждения расположены в больше чем 140 государствах мира.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что история становления консульского института берёт своё начало ещё с периода Киевской Руси, но стремительное его развитие произошло всё же в период правления Петра I. Постепенно функции консулов, которые вначале имели экономический характер, приобретали всё более и более административный характер. В XIX веке структура и задачи консульского института уже были близки к современным. Развитие же нормативно-правовой базы, в большей степени происходило в советский период. Стремительное развитие экономического и культурного сотрудничества России с зарубежными странами, и развитие туризма привело к увеличению масштабов деятельности консульской службы. Всё это говорит о том, что развитие консульского института в России идёт в ногу со временем и стремительно изменяющимся миром.

Литература

1. Блищенко И.П., Дурденевский В.Н. История возникновения и развития дипломатического и консульского институтов. М.: ИМО, 1962. 480 с.

2. Бобылев Г.В. Консульское право: учебник. М.: МГИМО (У) МИД России, 2007. С. 24.

3. Веневитинов М.А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697-1698 гг. М., 1897. С. 5.

4. Венская конвенция о консульских сношениях" (заключена в г. Вене 24.04.1963) Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121141/ (дата обращения: 20.08.2022)

5. Декрет Совета народных комиссаров «Об организации консульств». 18 октября 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18542 (дата обращения: 20.08.2022)

6. Елизаров Н.М. Консульская служба России. К 200-летию Консульского департамента МИД Российской Федерации // Россия и АТР. 2009. № 2 (64). С. 8.

7. Искевич И.С., Белов А.С. Историческое развитие консульского института и консульского права // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2015. № 1 (55). С. 94.

8. Консульский информационный портал [Электронный ресурс]. URL: http://tinyurl.com/oqu8qzz (дата обращения: 20.08.2022)

9. Консульский Устав Союза Советских Социалистических Республик Утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1976 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13520/99b65c8b7a51f0c23428f00d8077b7a4798e4459/(дата обращения: 20.08.2022)

10. Полн. собр. законов Российской Империи. 1-е собр. Т. 37. № 28.444. С. 467.

11. Полн. собр. законов Российской Империи. 2-е собр. Т. 33. № 33944. С. 531.

12. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 08.01.1926 "Консульский устав Союза Советских Социалистических Республик". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16469#c7QCJLTo3PIJECbw2. (дата обращения: 20.08.2022)

13. Сафронова Е.В. Эволюция функций консульских учреждений Российской Империи в XVIII – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2007. № 1. С. 148 – 161.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ г. Москва Консульский устав Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2010/07/07/kosnsulustav-dok.html (дата обращения: 20.08.2022)

References

1. Blishchenko I.P., Durdenevskij V.N. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya diplomaticheskogo i kon-sul'skogo institutov. M.: IMO, 1962. 480 s.

2. Bobylev G.V. Konsul'skoe pravo: uchebnik. M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2007. S. 24.

3. Venevitinov M.A. Russkie v Gollandii. Velikoe posol'stvo 1697-1698 gg. M., 1897. S. 5.

4. Venskaya konvenciya o konsul'skih snosheniyah" (zaklyuchena v g. Vene 24.04.1963) Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121141/ (data obrashcheniya: 20.08.2022)

5. Dekret Soveta narodnyh komissarov «Ob organizacii konsul'stv». 18 oktyabrya 1918 g. [Elektronnyj resurs]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18542 (data obrashcheniya: 20.08.2022)

6. Elizarov N.M. Konsul'skaya sluzhba Rossii. K 200-letiyu Konsul'skogo departamenta MID Rossijskoj Federacii. Rossiya i ATR. 2009. № 2 (64). S. 8.

7. Iskevich I.S., Belov A.S. Istoricheskoe razvitie konsul'skogo instituta i konsul'skogo prava. Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo. 2015. № 1 (55). S. 94.

8. Konsul'skij informacionnyj portal [Elektronnyj resurs]. URL: http://tinyurl.com/oqu8qzz (data obrashcheniya: 20.08.2022)

9. Konsul'skij Ustav Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik Utverzhden Ukazom Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 25 iyunya 1976 goda [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13520/99b65c8b7a51f0c23428f00d8077b7a4798e4459/(data obrashcheniya: 20.08.2022)

10. Poln. sobr. zakonov Rossijskoj Imperii. 1-e sobr. T. 37. № 28.444. S. 467.

11. Poln. sobr. zakonov Rossijskoj Imperii. 2-e sobr. T. 33. № 33944. C. 531.

12. Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 08.01.1926 "Konsul'skij ustav Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik". [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16469#c7QCJLTo3PIJECbw2. (data obrashcheniya: 20.08.2022)

13. Safronova E.V. Evolyuciya funkcij konsul'skih uchrezhdenij Rossijskoj Imperii v XVIII – nachale XX vv. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2007. № 1. S. 148 – 161.

14. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 5 iyulya 2010 g. № 154-FZ g. Moskva Konsul'skij ustav Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.rg.ru/2010/07/07/kosnsulustav-dok.html (data obrashcheniya: 20.08.2022)

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ (ЧАСТЬ 1)

Шатохина Е.Д., старший следователь, аспирант,
Следственный отдел по г. Калуга следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Калужской области,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация: *в данной статье, являющейся первой частью проведённого научного исследования, рассмотрены этапы формирования и становления отечественного института возвращения уголовного дела для производства дополнительного следствия в плоскости эволюции уголовно-процессуального законодательства России, а также появления и развития границ процессуальных полномочий суда и прокурора. Очевидно, что возвращение уголовного дела следователю является одним из важнейших правовых явлений для предварительного следствия, поскольку любое возвращение уголовного дела влечёт определённые юридические последствия. В статье затрагиваются аспекты возникновения данного правового института, анализируются состояние и перспективы возвращения уголовного дела на дополнительное следствие. Автором статьи последовательно описаны 4 этапа исторического развития данного явления: I этап: с момента образования российского государства и до 1864 г.; II этап: с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и до Октябрьской революции 1917 г.; III этап: октябрь 1917 г. – март 1918 г.; IV этап: с марта 1918 г. и до принятия УПК РСФСР 1922 г. В каждом из представленных периодов сформулированы наиболее значимые отличительные черты.*

Ключевые слова*: уголовное дело, дополнительное следствие, процессуальные полномочия, полиция, следствие, прокурор, суд*

GENESIS OF THE DOMESTIC INSTITUTE OF THE RETURN OF A CRIMINAL CASE FOR ADDITIONAL INVESTIGATION (PART 1)

Shatokhina E.D., Senior Investigator, Postgraduate,
Kaluga Investigative Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for the Kaluga Region,
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract: *this article, which is the first part of the conducted scientific research, considers the stages of formation and emergence of the domestic institute of return of a criminal case for additional investigation in the plane of evolution of the Russian criminal procedural legislation, as well as the emergence and development of the limits of procedural powers of the court and the prosecutor. It is obvious that return of criminal case to investigator is one of the most important legal phenomena for preliminary investigation, since any return of criminal case entails certain legal consequences. The article touches upon the aspects of emergence of this legal institute, analyzes the state and prospects of return of criminal case for additional investigation. The author of the article describes sequentially four stages of historical development of this phenomenon: I stage: from the moment of formation of Russian State up to 1864; II stage: from the moment of adoption of the Statute of criminal procedure of 1864 up to October Revolution of 1917; III stage: October of 1917 - Stage IV: from March 1918 to the adoption of the RSFSR Code of Criminal Procedure in 1922. In each of the presented periods the most significant distinctive features are formulated.*

Keywords: *criminal case; supplementary investigation; procedural powers; police; investigation; prosecutor; court*

Долгое время расследование уголовных дел и судебные функции были сосредоточены в руках полиции. Как таковой стадии предварительного расследования до эпохи правления императрицы Екатерины II не существовало, весь уголовный процесс (от поступления в уполномоченные органы сообщения о преступлении до рассмотрения и разрешения дела по существу) протекал в суде [1, с. 40].

Период правления Екатерины II – период просветительской монархии, которая характеризовалась сочетанием принципов абсолютизма с идеями различных деятелей французского Просвещения (Ш. Монтескье, Ф. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо). В числе ценностей, которые придерживались в рамках названного политического строя, выделялись законность и недопустимость произвола со стороны государственных органов и их должностных лиц. Между тем сосредоточение у полиции широкого круга полномочий, охватывающих все

стадии уголовного судопроизводства, приводило к обратному – беззаконию и должностному произволу. Это обуславливало необходимость определенных изменений в режиме управления обществом, в том числе в вопросах расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел.

В наказе императрицы Екатерины II, данном Комиссии о сочинении проекта Нового уложения [2], от 14 декабря 1766 г. впервые озвучивалась идея отделения полицейской деятельности от судебной. При этом в Наказе напрямую не указывалось на полномочия по расследованию преступлений, но подчеркивалось, что суждение о преступлениях есть прерогатива суда, а к судебным органам относились Сенат, коллегии и нижние правительства.

Важной вехой в развитии института предварительного расследования в российском государстве является изданный императором Александром II Именной указ Сенату от 08 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции» [3, с. 9-12]. На основании данного документа предварительное расследование по делам, которые в последующем рассматривались и разрешались судом, ушло из круга полномочий полиции, для его осуществления во всех губерниях были созданы должности судебных следователей, подведомственные Министерству юстиции. Полицейским же оставались функции расследования «маловажных» преступлений и проступков, которые в последующем разрешались по существу органами полиции, а также производство первоначального дознания по тем происшествиям, которые имели связь с более важными преступлениями.

Определенные аспекты производства дополнительного следствия по уголовному делу нашли свое отражение в императорском Указе от 29 октября 1800 г. «О произвождении следствий по уголовным делам без наималейших упущений Из Правительствующаго Сената» [4]. В соответствии с положениями названного Указа уездные суды и магистраты в случае выявления недостатков в материалах рассматриваемого ими дела наделялись полномочиями «дополнять их», т.е. проводить дополнительное следствие [5, с. 21].

Схожие нормы содержались в Сенатском Указе от 18 августа 1824 г. «О наблюдении, дабы следственные и уголовные дела были производимы и рассматриваемы были со всевозможною аккуратностью и вниманием» (закон № 30028). Согласно данному Указу, если при рассмотрении и разрешении дела судебный орган выявлял разные упущения, недостатки или нарушения установленного порядка, которые препятствовали принятию окончательного решения по уголовному делу, им предоставлялась возможность восполнять имеющиеся недостатки без малейшего отлагательства, чтобы были ясны все обстоятельства, позволяющие найти истину [6].

Знаменательным в развитии института предварительного расследования в целом считается изданный 08 июня 1860 г. Указ Александра II «Об отделении следственной части от полиции». Согласно названному Указу на территории всей страны («во всех губерниях») следственная часть отделялась от полиции, а для производства следствия по всем уголовным делам, подлежащим ведению судебных мест, назначались подведомственные Министерству юстиции чиновники, получившие название судебных следователей. В полномочия полиции теперь входило расследование менее тяжких преступлений и проступков, решения по которым органы полиции могли принимать самостоятельно. Кроме того, за полицией сохранялись полномочия по производству первоначального дознания по уголовными делам, по которым в дальнейшем проводилось предварительное следствие [7, с. 9-12].

Указом от 08 июня 1860 г. также вводились в действие прилагаемые к нему документы, а именно «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям», «Наказ полиции о производстве предоставленных ей дознаний по происшествиям». Таким образом, Указ не просто закрепил независимую следственную власть, основывающуюся на принципах состязательности, беспристрастности и свободной оценки доказательств. Он также закрепил правовой статус судебных следователей и органов дознания, определил формы взаимодействия органов предварительного расследования с различными органами государственной власти, в первую очередь с прокурором и судом, и с обычными гражданами [5, с. 21].

Особенностью стадии предварительного следствия того времени являлось отсутствие равноправия сторон, поскольку отсутствовал институт защиты. И обвинение, и защиту осуществлял следователь, который должен был установить обстоятельства по делу и закрепить все доказательства, как подтверждающие, так и опровергающие виновность лица. Данные действия следователь выполнял в целях поиска истины по делу. Не в полной мере на стадии предварительного следствия реализовывался и принцип независимости следователя, поскольку значительный круг полномочий предоставлялся прокурорам в рамках осуществления надзора за следствием, т.е. следователь фактически подчинялся прокурору [5, с. 21].

Однако в вопросах возвращения уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования законодательство того времени не претерпело каких-либо значительных изменений. Закрепление и последующее развитие института возвращения уголовного дела связывают с принятием судебного

устава 20 ноября 1864 г. Устав уголовного судопроизводства стал первым законодательным актом, закрепившим названный правовой институт.

В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства отношения между следователем и прокурором строились следующим образом. Прокурор сам предварительное следствие не производил, но вправе был давать такое поручение судебному следователю и наблюдать в последующем за его работой (ст. 278). Прокурор имел право присутствовать при всех следственных действиях и выдвигать требования, относящиеся к исследованию преступлению и сбору доказательств, которые являлись обязательными для исполнения судебными следователями (ст.ст. 280, 281). Также прокурору предоставлялось право требовать продолжения расследования по сделанным им указаниям, даже если следователь считал следствие оконченным (ст. 286). По окончании следствия дело направлялось окружному прокурору. Он изучал полученные материалы на предмет того, произведено ли следствие надлежащим образом и в полном объеме, может ли обвиняемый быть предан суду либо дело следует прекратить или приостановить по каким-либо основаниям (ст. 510).

Согласно ст. 512 Устава уголовного судопроизводства «в случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставляется право или потребовать дополнительные сведения, или обратить дело к доследованию» [8]. Однако, полномочия прокурора по возвращению уголовного дела для проведения дополнительного расследования ограничивались несколькими важными правилами.

Во-первых, если в ходе предварительного следствия были выявлены противозаконные действия какого-либо лица, не относящиеся к данному действия, и прокурор увидел это на стадии проверки материалов уголовного дела, то это не являлось основанием для возвращения дела на дополнительное следствие. Расследование вновь выявленного преступления или проступка выделялось в отдельное производство и по нему производилось самостоятельное следствие (ст. 513).

Во-вторых, прокурору было запрещено возвращать дело для производства дополнительного следствия, если выявленные пробелы в сведениях являлись несущественными. Данный запрет устанавливался под угрозой привлечения прокурора к «законной ответственности» (ст. 514) [8]. В законодательстве тем самым впервые появилось понятие «несущественных сведений», хотя его содержание не раскрывалось.

Если же недостатков в материалах уголовного дела прокурор не усматривал, то он составлял обвинительный акт и направлял дела судье.

Из описанного выше механизма следует несколько выводов.

1. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия допускалось со стадии предания суду, т.к. прокуроры в то время состояли на службе при окружных судах.

2. Основанием для возвращения уголовного дела на дополнительное следствие являлась не любая неполнота предварительного следствия, а такая которая препятствовала прокурору составить законный и обоснованный обвинительный акт, отражающий заключение прокурора по данному делу.

3. Прокурор имел альтернативные варианты поведения – направлять дело на дополнительное следствие либо потребовать представления дополнительных сведений, т.е. возвращение уголовного дела следователю являлось правом, но не обязанностью прокурора в случае обнаружения неполноты следствия.

4. С появлением права прокурора на возвращение уголовного дела для производства предварительного следствия появились и ограничения реализации данного права.

Значение судебной реформы 1864 г. с точки зрения закрепления института возвращения уголовного дела на дополнительное следствие прокурором заключается в том, что обязанность проверки материалов была снята с суда, что ускоряло производство по делу. Если ранее судебное разбирательство приходилось постоянно прерывать для устранения каких-либо неясностей, неточностей или неполноты доказательств, то теперь рассмотрение дела судом проходило быстрее.

Устав уголовного судопроизводства действовал вплоть до Октябрьской революции 1917 г., после которой существовавшая ранее судебная и следственная системы претерпели значительные изменения. В это время дореволюционный государственный строй был полностью уничтожен. Среди законодательных актов, отразивших данные изменения, необходимо отметить Декрет Совета Народных Комиссаров от 22 ноября 1917 г. № 1 «О суде» [9].

В соответствии с положениями названного Декрета упразднялись институты судебных следователей и прокурорского надзора (п. 3). Большевики рассматривали институт прокуратуры как один из главных оплотов монархической власти, а потому не считали необходимым его восстановление в какой бы то ни было форме. Взамен при для производства предварительного следствия по уголовным делам создавались особые следственные комиссии, деятельность которых была подотчетна революционным трибуналам (п. 8).

Сразу после революции началась масштабная законотворческая работа, которая затрагивала все сферы общественной жизни, в том числе и проблемы раскрытия и расследования преступлений. Как отмечает в

своей работе кандидат юридических наук А.С. Степанянц, за три месяца после Октябрьской революции было издано 234 декрета, в том числе относящихся к сфере уголовно-процессуального законодательства [10, с. 9-10].

В марте 1918 г., т.е. спустя всего 5 месяцев после упразднения старой судебно-следственной системы, с принятием Декрета ВЦИК №2 от 07 марта 1918 г. «О суде» [11] институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного следствия был восстановлен, но данные полномочия предоставлялись суду. В статье 8 Декрета говорилось о том, что уголовное судопроизводство ведется в том порядке, который закреплен Уставом уголовного судопроизводства, поскольку данный акт не был отменен. Однако ввиду того, что должности прокуроров были упразднены, следственные комиссии вместо обвинительного акта оформляли постановление о предании суду (ст. 22). Таким образом, промежуточного звена между органом предварительного следствия и судом по законодательству 1918 г. не имелось. Решение вопроса о возврате дела в следственную комиссию входило в компетенцию окружного народного суда (ст. 22).

При этом в урегулировании вопросов возвращения уголовного дела для дополнительного следствия следует отметить несколько особенностей.

1. Как и прежде, возвращение уголовного дела для производства следствия осуществлялось со стадии предания суду.

2. В отличие от Устава уголовного судопроизводства Декрет №2 «О суде» не указывал на какие-либо критерии неполноты следствия, которые определяли бы пределы принятия решения о возврате уголовного дела на дополнительное следствие. Не устанавливались и какие-либо ограничения реализации данного права судом. Исходя из этого, можно заключить, что суд наделялся правом вернуть уголовное дело следственной комиссии даже при недостаточности несущественных сведений.

3. Суд не имел альтернативных вариантов восполнения недостатков в деле. Он вправе был либо вернуть уголовное дело следственной комиссии, либо принять дело к своему производству в том виде, в котором оно к нему поступило.

В апреле 1918 года создается Комиссариат публичного обвинения, основной задачей которого являлся контроль за соблюдением законности. Обвинители участвовали в принятии решений о необходимости предания гражданских лиц Революционному трибуналу, выдавали заключения по результатам проведенного следствия, формулировали для следственной комиссии обвинение в отношении лиц, которые подозревались в совершении антиправительственный действий. Кроме того, коллегия обвинителей занималась подготовкой обвинительного заключения при назначении уголовного дела к слушанию трибуналом, а также поддерживала выдвинутое обвинение в судебном заседании [12, с. 15].

Однако Комиссариат публичного обвинения был создан без какого-либо соответствующего правового акта. Следовательно, хотя данный орган и наделялся правом выдавать заключения о проведенном предварительном следствии, т.е. фактически имел возможность отправить уголовное дело на дополнительное следствие, но развитию законодательства в части урегулирования института возвращения уголовного дела не способствовал.

Проанализировав генезис института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования с момента образования российского государства и до 1922 г., можно выделить несколько этапов развития правовых норм, регулирующих рассматриваемый правовой институт.

I этап: с момента образования российского государства и до 1864 г. На данном этапе происходило становление первых уголовно-процессуальных норм, но институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования еще не был известен. Все имеющиеся по делу неточности устранялись судом непосредственно в рамках судебного разбирательства.

II этап: с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и до Октябрьской революции 1917 г. В этот период произошло зарождение института возвращения уголовного дела прокурором следователю. Однако четких основания и процедуры возвращения уголовного дела в законе не содержалось.

III этап: октябрь 1917 г. – март 1918 г. Данный этап характеризуется упразднением многих государственных органов и соответствующих им функций. Ввиду упразднения органов прокуратуры до принятия нового законодательного акта институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование вновь выпал из следственно-судебной практики.

IV этап: с марта 1918 г. и до принятия УПК РСФСР 1922 г. Институт возвращения уголовного дела вновь нашел свое законодательное закрепление, но был реформирован. Право вернуть дело на доследствие закреплялось за судебными органами. Четких оснований и порядка принятия такого решения в законодательстве по-прежнему не устанавливалось.

Подводя промежуточный итог вышеизложенному, следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство России на протяжении всего времени идёт по пути своего постоянного развития. С момента

образования российского государства и до принятия УПК РСФСР 1922 г. нормативно-правовая составляющая приобретает более совершенный вид, очевидны преобразования в сторону оптимизации и улучшения правового регулирования возникающих правоотношений, что обусловлено непрерывным изменением экономической, социальной, политической, геополитической ситуации на территории как самого государства, а также за его пределами.

Литература

1. Тришева А. Дополнительное расследование: возникновение и развития // Законность. 2008. № 10 (888). С. 40.

2. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения: с приложениями / под ред. и с предисл. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.

3. Именной указ Сенату от 08 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции» // Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. 5. № 7. Отд. 1. С. 9 – 12.

4. Указ от 29 октября 1800 г. «О произвождении следствий по уголовным делам без наималейших упущений Из Правительствующаго Сената». URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_UK_2881/ (дата обращения: 13.04.2022)

5. Муллагалеева Л.Р. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 21.

6. Сенатский Указ от 18 августа 1824 г. «О наблюдении, дабы следственные и уголовные дела были производимы и рассматриваемы были со всевозможною аккуратностью и вниманием. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=l2ivsvwtis (дата обращения: 13.04.2022)

7. Именной указ Сенату от 08 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции» // Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. 5. № 7. Отд. 1. С. 9 – 12.

8. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 15.04.2022)

9. Декрет Совета Народных Комиссаров от 22 ноября 1917 г. № 1 «О суде». URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/ (дата обращения: 16.04.2022)

10. Степанянц А.С. Актуальные проблемы возвращения уголовных дел на дополнительное расследование: дис ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9 – 10.

11. Декрет ВЦИК от 07 марта 1918 г. № 2 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1918 г. № 26. Ст. 420.

12. Бранденбургский Я. Просто законность или революционная законность? // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31. С. 15.

References

1. Trisheva A. Dopolnitel'noe rassledovanie: vozniknovenie i razvitiya. Zakonnost'. 2008. № 10 (888). S. 40.

2. Nakaz imperatricy Ekateriny II, dannyj Komissii o sochinenii proekta Novogo ulozheniya: s prilozheniyami. pod red. i s predisl. N.D. CHechulina. SPb., 1907.

3. Imennoj ukaz Senatu ot 08 iyunya 1860 g. «Ob otdelenii sledstvennoj chasti ot policii». ZHurnal Ministerstva yusticii. 1860. T. 5. № 7. Otd. 1. S. 9 – 12.

4. Ukaz ot 29 oktyabrya 1800 g. «O proizvozhdenii sledstvij po ugolovnym delam bez naimalejshih upushchenij Iz Pravitel'stvuyushchago Senata». URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_UK_2881/ (data obrashcheniya: 13.04.2022)

5. Mullagaleeva L.R. Institut vozvrashcheniya prokurorom ugolovnogo dela sledovatelyu: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. S. 21.

6. Senatskij Ukaz ot 18 avgusta 1824 g. «O nablyudenii, daby sledstvennye i ugolovnye dela byli proizvodimy i rassmatrivaemy byli so vsevozmozhnoyu akkuratnost'yu i vnimaniem. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=l2ivsvwtis (data obrashcheniya: 13.04.2022)

7. Imennoj ukaz Senatu ot 08 iyunya 1860 g. «Ob otdelenii sledstvennoj chasti ot policii». ZHurnal Ministerstva yusticii. 1860. T. 5. № 7. Otd. 1. S. 9 – 12.

8. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (data obrashcheniya: 15.04.2022)

9. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov ot 22 noyabrya 1917 g. № 1 «O sude». URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/ (data obrashcheniya: 16.04.2022)

10. Stepanyanc A.S. Aktual'nye problemy vozvrashcheniya ugolovnyh del na dopolnitel'noe rassledovanie: dis ... kand. yurid. nauk. M., 2008. S. 9 – 10.

11. Dekret VCIK ot 07 marta 1918 g. № 2 «O sude». Sobranie uzakonenij RSFSR. 1918 g. № 26. St. 420.

12. Brandenburgskij YA. Prosto zakonnost' ili revolyucionnaya zakonnost'? Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii. 1922. № 31. S. 15.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗЪЯТИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ачитуева Ю.В., старший оперуполномоченный,
Управление по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Бурятия,
Академия управления МВД России

Аннотация: *борьба с незаконным оборотом наркотиков, совершенствование методов обнаружения и предупреждения правонарушений являются одними из основных направлений государственной политики Российской Федерации, что нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Стратегии Государственной политики Российской Федерации в области борьбы с наркотиками на период до 2030 года. Изъятие наркотических средств в рамках следственных действий возможно в рамках осмотра места происшествия, в том числе до возбуждения уголовного дела, а также обыска, изъятия и личного досмотра в ходе расследования уголовного дела. Действующее административное законодательство в качестве процессуальных мер предусматривает меры по обеспечению судебного разбирательства в случае административных правонарушений, такие как личный досмотр, осмотр предметов, принадлежащих лицу, и осмотр транспортного средства, в котором могут быть изъяты запрещенные вещества. Рассматривая практику органов внутренних дел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, следует отметить, что в большинстве случаев изъятие запрещенных веществ осуществляется в соответствии с требованиями административно-правового законодательства путем составления протокола проверки, результаты которой в дальнейшем переводятся в плоскость уголовного процесса в качестве основания и основания для возбуждения уголовного дела.*

Ключевые слова: *оборот наркотиков, структура, оперативная деятельность, полиция*

ON THE PROBLEM OF SEIZURE OF NARCOTIC DRUGS BY OPERATIONAL UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Achitueva Yu.V., Senior Operative,
Drug Control Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Buryatia,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: *the fight against drug trafficking and the improvement of methods for detecting and preventing offenses are among the main directions of the state policy of the Russian Federation, which is reflected in the National Security Strategy of the Russian Federation and the Strategy of the State Policy of the Russian Federation in the field of combating drugs for the period up to 2030. The seizure of narcotic drugs as part of investigative actions is possible as part of an inspection of the scene of the incident, including before the initiation of a criminal case, as well as a search, seizure and personal search during the investigation of a criminal case. The current administrative legislation, as procedural measures, provides for measures to ensure judicial proceedings in the case of administrative offenses, such as personal search, inspection of objects belonging to a person, and inspection of a vehicle in which prohibited substances can be seized. Considering the practice of the internal affairs bodies in combating drug trafficking, it should be noted that in most cases the seizure of prohibited substances is carried out in accordance with the requirements of administrative and legal legislation by drawing up an inspection protocol, the results of which are subsequently transferred to the plane of criminal proceedings as the basis and grounds for initiating a criminal case.*

Keywords: *drug trafficking, structure, operational activities, police*

Существует сочетание норм административного права и уголовно-процессуальных норм, что, на наш взгляд, неверно, учитывая, что пункт 1 статьи 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Административный кодекс Российской Федерации) предусматривает применение мер, обеспечивающих процессуальное обеспечение в отношении административных правонарушений, для определения административных правонарушений, но не уголовных преступлений. остановить.

Основания и порядок изъятия запрещенных веществ, в том числе наркотиков, являющихся предметом административного правонарушения и уголовного преступления регламентирован КоАП РФ и УПК РФ.

В данной статье нами хочется уделить особое внимание проблемам изъятия наркотических средств при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в частности, документирования фактов сбыта наркотических средств.

Федеральный закон №1. 3-ФЗ от 08.01.1998 "О наркотических средствах и психотропных веществах" "подробнее – Федеральный закон "О чрезвычайных ситуациях и ЧС") устанавливает право должностных лиц органов внутренних дел, таможенных органов, органов Федеральной службы безопасности на осуществление контроля за хранением, перевозкой или оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их оборотом. Предшественники, граждане, почта- и досматривать багаж, транспортные средства и перевозимые товары, если имеются достаточные основания полагать, что незаконное хранение, перевозка или передача наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров осуществляются.

Кроме того, закон устанавливает право органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, осуществлять публично и негласно оперативно-розыскную деятельность, предусмотренную статьей 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. №1. О розыске лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. №1. Об оперативно-розыскной деятельности. 144-ФЗ "Об оперативно-розыскных мероприятиях" (далее – ФЗ об ОРД) в целях изъятия документов, предметов, материалов и сообщений в ходе их проведения, а также прекращения оказания услуг связи в случае непосредственной угрозы жизни и здоровью человека, а также угрозы государственному, военному, экономическому и общественному порядку., Информационная или экологическая безопасность Российской Федерации [1].

Несмотря на предоставленное правоохранительным органам право осуществления досмотра, действующее оперативно-розыскное законодательство не содержит детальный порядок проведения досмотра, его пределов и документального оформления факта изъятия наркотических средств, что в свою очередь негативно влияет на правоприменительную практику в части изъятия наркотических средств в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и дальнейшего игнорирования положений ФЗ Об ОРД.

Рассматривая проблемы порядка изъятия наркотических средств в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности, нельзя не упомянуть и о проблемах проверки оперативной информации в части сокрытия запрещенных веществ в организме человека.

Так, одним из способов сокрытия наркотиков, представляющих особую сложность для их выявления, является внутриполостное сокрытие, которое используется криминальными элементами в том числе в целях контрабанды запрещенных веществ, незаконной перевозки на объектах транспорта с повышенной досмотровой зоной, незаконной передачи в места лишения свободы и прочее.

Существуют следующие способы внутриполостного сокрытия наркотиков: в кишечнике путем перорального приема, в прямой кишке путем перректального введения и интравагинально [2].

В данной ситуации затруднительным является не только установление факта нахождения наркотического средства внутри человека, а также способа изъятия запрещенного вещества и оформления результатов такого изъятия, что подтверждается неоднозначной судебно-следственной практикой, когда в одном случае осуществляется изъятие путем проведения осмотра места происшествия, а в другом в рамках личного досмотра [3, 8].

Опрос активных сотрудников подразделений наркоконтроля в Республике Татарстан, Кировской области, Омской области, Красноярском крае и Камчатском крае показал, что практика вывоза наркотических средств из внутренних полостей также различается в разных регионах. В одних отсеках они изъяты в рамках осмотра места происшествия, в других – в рамках личного обыска. Сотрудники, которые не сталкивались с такой процедурой изъятия наркотических средств, не смогли ответить, в рамках какой процедуры они бы предприняли это действие [4].

В настоящее время оборудование для наблюдения используется для осмотра человека, работа которого основана на технологии радиолокационного сканирования (радиолокационные порталы или радиосканеры). С помощью радиосканера объекты на теле человека обнаруживаются очень быстро – за час инсталляцию могут пройти до 600 человек. В процессе его применения создается трехмерное изображение человека, которое мгновенно отображается на мониторах операторов [5]. Данное оборудование как правило устанавливается в зоне досмотра объектов воздушного транспорта и таможенного контроля.

Возвращаясь же к проблемам правоприменительной практики, особый интерес вызывает проведение проверки оперативной информации о возможном хранении наркотических средств внутриполостным способом. Проверка указанной информации заключается в установлении наличия у лица внутриполостных сокрытий и на практике для ее осуществления привлекается к участию медицинский работник, оказывающий скорую или неотложную помощь и осуществляющий визуальный осмотр, а также

следующие методы лучевой диагностики, такие как ультразвуковое исследование (УЗИ), рентгенография (рентгеноскопия), компьютерная томография (КТ) и магнитно-резонансная томография (МРТ) [6].

Судебная практика по ст. 228 и 229.1 УК РФ позволяют сделать предварительный вывод о том, что на практике существует определенный алгоритм извлечения емкостей с лекарственными средствами из полостей тела человека. Когда правоохранительные органы обнаруживают признаки незаконного ввоза наркотиков внутренним транспортом и при непосредственном осуществлении оперативной информации, они проводят личный досмотр и направляют на медицинское освидетельствование. В то же время они принимают организационные меры для осуществления этого не процессуального действия.

Если субъектами реализации оперативной информации являются сотрудники таможенных органов, то личный досмотр проводится на основании статьи 323 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, которая, помимо общих правил проведения досмотра, гласит, что осмотр тела лица, в отношении которого проводится личный таможенный досмотр, не является обязательным., выполняется только врачом, который при необходимости использует специальное медицинское оборудование [7].

Как правило в рамках медицинского освидетельствования медицинский работник осуществляет гинекологическое и пальцевое ректальное обследование, пальпацию брюшной полости, а также проводит рентгенографию. По результатам проведенного обследования медицинским работником составляется акт освидетельствования, после чего осуществляется изъятие запрещенных веществ, которое происходит как правило естественным путем в присутствии медицинского работника.

Рассмотрим более подробно медицинское освидетельствование и медицинский осмотр как способ установления внутриполостных сокрытий. В первую очередь необходимо отметить, что действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает порядка медицинского освидетельствования или же проведение медицинского осмотра лиц, подозреваемых в хранении либо перевозке наркотиков.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации, является Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №1. 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья в Российской Федерации" (далее - Федеральный закон "Об основах охраны здоровья в Российской Федерации"), определяющий основные направления деятельности организации здравоохранения, регулирующий порядок оказания гражданам медицинской помощи и оказания услуг, а также проведение комплекса мероприятий и медицинских вмешательств, таких как профилактика, Диагностика и лечение.

Федеральный закон "Об основах охраны здоровья в Российской Федерации" предусматривает проведение медицинского осмотра, под которым понимается совокупность методов медицинского осмотра и медицинского исследования, направленных на подтверждение такого состояния здоровья, которое влечет за собой юридически значимые последствия [9].

ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в РФ содержит закрытый перечень видов медицинского освидетельствования и медицинского осмотра, к которым в том числе отнесены иные виды медицинского освидетельствования и осмотра, установленные законодательством Российской Федерации, однако какие конкретно, законодатель не раскрывает.

Любое медицинское вмешательство, в том числе медицинское освидетельствование и осмотр, рассматриваемое нами как способ установления наличия запрещенных веществ в организме человека в соответствии с ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в РФ может проводиться при наличии информированного добровольного согласия гражданина на медицинское вмешательство.

Так, в статье 20 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" необходимым условием медицинского вмешательства является предоставление гражданином или его законным представителем добровольного согласия на медицинское вмешательство на основании полной информации, предоставленной врачом в доступной форме, о целях, методах оказания медицинской помощи и т.д., а также об основах и методах оказания медицинской помощи в соответствии со статьей 20 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", добровольном согласии гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основе полной информации, предоставленной врачом в доступной форме, о целях, методах оказания медицинской помощи.

Очевидным в рассматриваемой ситуации является тот факт, что подозреваемое в незаконном обороте наркотиков лицо и использующее в целях конспирации в качестве способа сокрытия запрещенных веществ свои внутренние полости в большей степени вероятности откажется от медицинского вмешательства с целью уклонения от привлечения к уголовной ответственности, что в свою очередь приведет к невозможности осуществления медицинского освидетельствования либо осмотра и установления факта наличия либо отсутствия запрещенного вещества в организме.

Таким образом, правомерность проведения медицинского освидетельствования на предмет наличия внутренних полостей с запрещенными веществами может быть поставлена под сомнение в виду отсутствия законодательного закрепления указанной процедуры.

Нерешенным остается вопрос извлечения из внутренних полостей организма запрещенных веществ в случае противодействия со стороны досматриваемого лица, когда у задержанного отсутствуют признаки ухудшения самочувствия, а именно токсические и механические осложнения, связанные с нахождением в организме инородных веществ, а также в случае добровольного отказа от выведения запрещенных веществ из организма.

Резюмируя вышеизложенное, хочется отметить, что незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ является одной из основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации [10]. Тенденции развития современной наркопреступности обусловлены использованием таких способов сокрытия наркотических средств, способных минимизировать риск привлечения к уголовной ответственности, что прежде всего связано с ужесточенными в 2012 году санкциями за совершение наркопреступлений.

В заключение отметим, что проблема изъятия наркотических средств в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности рассматривалась на протяжении многих лет ученными юристами, однако и по настоящее время остается нерешенной. Рассматривая проблему изъятия из организма запрещенных веществ нужно отметить ее актуальность, малоизученность и нерегламентированность как нормами уголовно-процессуального, так и оперативно-розыскного законодательства.

Эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств напрямую зависит от конкретных изменений и дополнений в нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Гарант».

2. Дудинкин М.С., Сухоруков А.Д. О выявлении лиц, перевозящих наркотические средства через таможенную границу // Бюллетень инновационных технологий. 2017. Т. 3. С. 51.

3. Сидоров Я.С. К вопросу о необходимости закрепления легальных определений мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 84.

4. Сидоров Я.С. К вопросу о необходимости закрепления легальных определений мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 81 – 85.

5. Технические средства таможенного контроля. [Электронный ресурс]. URL: https://works.doklad.ru/view/yuI0DYeSM8w/3.html (дата обращения: 10.04.2020)

6. Филимонов Б.А., Дуброва С.Э., Стрелков А.А. Возможности лучевой диагностики в выявлении наркотических средств, перевозимых контейнерным способом в полостях тела человека (наркокурьера) // Consilium Medicum. 2016. № 18 (13). С. 58.

7. Арский А.А., Молунова Н.И. Сравнительный анализ процессуальных аспектов принудительного выведения контейнеров с наркотиками, провозимых внутриполостным путем, в рамках расследования преступлений в Германии и в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1(42). С. 84.

8. Витовская Е.С. Теоретическая модель дейнджеризации деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Современный ученый. 2021. № 2. С. 298 – 302.

9. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // СПС «Гарант».

10. Указ Президента РФ от 09 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // СПС «Гарант».

References

1. Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». SPS «Garant».

2. Dudinkin M.S., Suhorukov A.D. O vyyavlenii lic, perevozyashchih narkoticheskie sredstva cherez tamozhen-nuyu granicu. Byulleten' innovacionnyh tekhnologij. 2017. T. 3. S. 51.

3. Sidorov YA.S. K voprosu o neobhodimosti zakrepleniya legal'nyh opredelenij mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkotikov. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1 (46). S. 84.

4. Sidorov YA.S. K voprosu o neobhodimosti zakrepleniya legal'nyh opredelenij mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkotikov Protivodeĭstvie narkougroze: problemy, puti resheniya. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1 (46). S. 81 – 85.

5. Tekhnicheskie sredstva tamozhennogo kontrolya. [Elektronnyĭ resurs]. URL: https://works.doklad.ru/view/yuI0DYeSM8w/3.html (data obrashcheniya: 10.04.2020)

6. Filimonov B.A., Dubrova S.E., Strelkov A.A. Vozmozhnosti luchevoj diagnostiki v vyyavlenii narkoticheskih sredstv, perevozimyh kontejnernym sposobom v polostyah tela cheloveka (narkokur'era). Consilium Medicum. 2016. № 18 (13). S. 58.

7. Arskij A.A., Molunova N.I. Sravnitel'nyj analiz processual'nyh aspektov prinuditel'nogo vyvedeniya kontejnerov s narkotikami, provozimyh vnutripolostnym putem, v ramkah rassledovaniya prestuplenij v Germanii i v Rossii. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 1(42). S. 84.

8. Vitovskaya E.S. Teoreticheskaya model' dejndzherizacii deyanij v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskih sredstv i psihotropnyh veshchestv. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 2. S. 298 – 302.

9. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ (red. ot 11.06.2022, s izm. ot 13.07.2022) "Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022). SPS «Garant».

10. Ukaz Prezidenta RF ot 09 iyunya 2010 g. № 690 «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj antinarkoticheskoj politiki Rossijskoj Federacii do 2020 goda». SPS «Garant».

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО, В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН

Бусыгин А.А., аспирант, арбитражный управляющий,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Аннотация: *институт несостоятельности (банкротства) граждан существует в отечественном законодательстве с октября 2015 года и характеризуется относительной новизной в системе конкурсного права, что, по мнению автора, требует дальнейшего его исследования и научной разработки. В данной статье анализируется нормативно-правовое регулирование обязанностей финансового управляющего, с учетом актуальной судебной практики Верховного суда. Среди существенных факторов, препятствующих эффективной деятельности финансовых управляющих является большой объем обязанностей, закрепленных законодателем. Автором предложен ряд изменений, которые помогут сделать исполнение данных обязанностей более эффективным, разработана концепция правовых средств института несостоятельности (банкротства) граждан, с помощью которых обеспечивается эффективность правового регулирования отношений несостоятельности при проведении процедур банкротства граждан, которая основана на единстве целей процедур несостоятельности и применяемых для их достижения правовых средств. Настоящая статья может стать основой для дальнейших исследований важных теоретических и практических вопросов, а также решения проблем, возникающих при примени норм о несостоятельности банкротстве граждан в нашей стране. В результате произведенного исследования внесены и обоснованы конкретные предложения по совершенствованию законодательства с учетом повышения эффективности правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) граждан. Изложенные в статье выводы и предложения обретут материальное воплощение и будут способствовать развитию законодательства о несостоятельности (банкротстве) граждан в нашей стране. Отдельные недостатки и пробелы законодательной базы процедур банкротства граждан создают серьезный дисбаланс в отношениях сторон. При этом, эффективность соответствующих процедур возможно повысить, путем законодательного дополнения имеющегося инструментария, предлагаемого государством, для этого.*

Ключевые слова*: банкротство граждан, права и обязанности финансового управляющего, отчет финансового управляющего, запросы информации о Должнике, ответственность финансового управляющего*

BALANCE OF INTEREST OF TRUSTEES IN CONSUMER BANKRUPTCY

Busygin A.A., Postgraduate, Trustee,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia V.Y. Kikot

Abstract: *the institution of consumer insolvency has existed in domestic legislation since October 2015 and is characterized by relative novelty in the system of bankruptcy law, which, requires further research and scientific development. This article analyzes the legal regulation of the duties of trustees, taking into account the current judicial practice of the Supreme Court. Among the significant factors hindering the effective operation of trustees is a large amount of duties enshrined by the legislator. The author proposes a number of changes that will help make the performance of these duties more efficient, developed the concept of legal means of the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens, with the help of which the effectiveness of the legal regulation of insolvency relations during the bankruptcy proceedings of citizens is ensured, which is based on the unity of the goals of insolvency procedures and those used for their achievement of legal means. This article can become the basis for further research on important theoretical and practical issues, as well as solving problems that arise when applying the rules on insolvency and bankruptcy of citizens in our country. As a result of the study, specific proposals were made and substantiated for improving legislation, taking into account the increase in the efficiency of legal regulation of consumer insolvency. The conclusions and proposals outlined in the article will become material and will contribute to the development of legislation of consumer insolvency in our country. Separate shortcomings and gaps in the legislative framework for bankruptcy procedures create a serious imbalance in the relations of the parties. At the same time, it is possible to increase the effectiveness of the relevant procedures by legislatively supplementing the existing tools offered by the state for this.*

Keywords: *consumer bankruptcy, rights and obligations of trustees, report of trustees, requests for information about the Debtor, responsibility of trustees*

Арбитражный управляющий это уникальный участник процедуры банкротства. В процедуре банкротства физических лиц арбитражный управляющий может быть назначен в качестве финансового управляющего должника. После чего у него появляются определённые законом права и обязанности. В нашей стране финансовый управляющий изучает и формирует новую судебную практику, балансируя между интересами всех сторон в деле о банкротстве гражданина, это поистине уникальный участник процедуры банкротства.

На финансового управляющего возложен целый ряд обязанностей, за неисполнение которых он может быть привлечён абсолютно ко всем видам ответственности. Статья 213.9 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" подробно раскрывает права и обязанности финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина.

Финансовый управляющий обязан выявлять имущество должника. Самый эффективный способ для выполнения обязанности по поиску имущества у финансового управляющего это направление различных запросов, ответы на которые являются обязанностью получателя, в случае нахождения имущества за границей возможно привлечение специалистов по поиску данного имущества, актуальная практика верховного суда гласит о том, что в случае если имущество находится за пределами России объем работы, необходимый для возврата имущества и его последующей реализации, не может быть выполнен без привлечения иностранных специалистов, так как финансовый управляющий не имеет квалификации юриста по иностранному праву [1].

Выявление имущества финансовым управляющим возможно и при предоставлении соответствующей информации от Должника. Возможно несколько вариантов, согласно пункту 9 ст. 213.9 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", «добровольный» вариант, при котором добросовестный гражданин или его представитель передаёт имущество, «принудительный» вариант, при котором соответствующие документы или имущество истребуются судом, для этого финансовому управляющему необходимо обосновать нахождение данного имущества у должника.

Невыполнение обязанности по поиску имущества должника является одним из самых частых нарушений финансового управляющего. Направление запросов это одно из первоначальных действий которые выполняет финансовый управляющий в деле о банкротстве гражданина, после своего назначения. При этом зачастую недобросовестные финансовые управляющие, преследуя свои интересы или интересы Должника, не запрашивают необходимые сведения, изменяют содержание полученных ответов, либо сознательно не предоставляют полученные сведения.

В настоящий момент неоднозначным является вопрос относительно возможности финансового управляющего запрашивать информацию относительно наличия членов семьи Должника. В данный момент законом и судебной практикой предусмотрена возможность получения любых сведений исключительно через истребование данных документов судом, финансовый управляющий не вправе получать данные сведения самостоятельно [2]. Это не является обоснованным, замедляет процедуру банкротства гражданина.

Сведения о факте состояния в браке гражданина, о факте перемены имени с приложением копий соответствующих документов, о наличии детей (включая усыновленных/удочеренных) с приложением копий соответствующих документов являются важными и нужными для финансового управляющего для выявления оспоримых сделок, для анализа финансового состояния должника, поиска его имущества и формирования конкурсной массы, предназначенной для удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, данная информация требуется финансовому (арбитражному) управляющему в целях проверки достоверности и полноты уже представленных гражданином сведений в соответствии с пунктом 9 статьи 213.9 Закона о банкротстве с целью предотвращения злоупотреблений.

Верховный суд [3] лишил финансовых управляющих данной обязанности, не представив мотивировки. Данное дело примечательно так же и тем, что Управление записи актов гражданского состояния Краснодарского края инициировало обжалование в Верховном Суде негативную для себя практику трех инстанций. Возможно это связано с тем, что органы ЗАГС прогнозируют большой объем запросов финансовых управляющих, с которым боятся не справиться, возможно с чем-либо иным.

Сведения о семейном положении должника составляют сведения о должнике, принадлежащем ему имуществе, в том числе об имущественных правах, и об обязательствах должника, и могут быть получены финансовым управляющим в силу предоставленных ему пунктом 1 статьи 20.3, пунктом 7 статьи 213.9 Федерального закона №127-ФЗ полномочий. Указанная правовая позиция согласуется с выводами, изложенными в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2020 №310-ЭС19-26768, от 04.09.2020 №308-ЭС20-11964.

Считаем необходимым указать арбитражных управляющих в перечне лиц, установленном пунктом 3 статьи 13.2 Федерального закона от 15.11.1997 №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [4], которым представляется спорная информация.

Возвращаясь к обязанностям, финансовый управляющий несёт ответственность по сохранности имущества Должника. В случае утраты или повреждения полученного, а самое главное, выявленного имущества финансовый управляющий несёт гражданскую, административную, уголовную ответственность. Как правило финансовый управляющий обеспечивает сохранность имущества собственными силами, то что может быть перевезено перевозится, иногда заключается безвозмездный договор ответственного хранения с Должником, сохранить имущество Должника помогает привлечение специалистов (организаций предоставляющих охранные услуги), однако это скорее исключение, сложившаяся судебная практика допускает привлечение специалистов в исключительных случаях, этому может способствовать большой объем имущества должника, нахождение его в другом регионе, высокая вероятность утраты, привлечение специалистов зависит от кредиторов, усмотрения суда, а так же от стоимости услуг таких специалистов.

Рассматривая иные обязанности, указанные в ст. 213.9 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" [5] финансовый управляющий обязан проводить анализ финансового состояния должника и выявлять признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, эта обязанность, формально закрепленная законом по мнению автора, является рудиментом, неудачно скопированным законодателем из обязанностей временного управляющего, по делам о банкротстве юридических лиц.

Зачастую финансовые управляющие выполняют данную обязанность формально или не выполняют вовсе. Так как срок проведения финансового анализа в деле о банкротстве гражданина не установлен многие управляющие предоставляют в суд анализ финансового состояния при завершении процедуры. В процедурах банкротства юридических лиц проведение финансового анализа необходимо для принятия решения о следующей процедуре банкротства, о возможности финансирования данной процедуры, или необходимости ее прекращения. В процедурах банкротства физических лиц такая необходимость отсутствует, по ряду причин: о возможности утверждения плана реструктуризации долгов свидетельствует проект самого плана реструктуризации, представленный сторонами дела о банкротстве, кроме того суд вправе самостоятельно утвердить предложенный план, крайне редко связывая себя результатами финансового анализа, проведённого управляющим. В процедурах банкротства юридических лиц, помимо ответов на запросы, полученные управляющим есть бухгалтерская отчетность, которая позволяет сделать выводы о наличии или отсутствии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, наличии имущества достаточного для проведения процедуры, кроме того делается важный вывод о моменте неплатежеспособности должника. В процедурах банкротства граждан, как правило, отсутствует бухгалтерская отчетность, вывод о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства делается крайне редко, все опять же зависит от практики соответствующей области или округа нашей страны, момент неплатежеспособности определяется финансовым управляющим при подаче заявлений об оспаривании сделок или при подготовке отзывов на заявленные требования. Момент наступления неплатежеспособности гражданина связывается, как правило, с предъявлением требования кредитора, изготовлением судебного акта или обращением кредитора в суд. Отсутствие специальной формы и требований к финансовому анализу физических лиц со стороны государства, на наш взгляд, это лишнее подтверждение того что данная обязанность является рудиментом.

В связи с чем считаем, что исключение данной обязанности из перечня, предусмотренного п. 8 ст.213.9 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" не повлияет на ход процедуры банкротства граждан, а так же способствует уменьшению количества административных правонарушений за непредставление соответствующих документов в суд.

Ведение реестра требований кредиторов является еще одной важной обязанностью финансового управляющего. Руководствуясь определениями суда управляющий включает требования кредиторов в соответствии с очередностью установленной законом и судом. Требования кредиторов погашаются пропорционально соответствующей очереди. Так же финансовый управляющий обязан вести реестр текущих требований кредиторов, тех требований, которые возникли после принятия заявления о признании Должника банкротом. Данные требования включаются им в соответствии с календарной очерёдностью, и включаются финансовым управляющим самостоятельно, по требованию соответствующих кредиторов, в случае возникновения разногласий стороны могут обратиться с заявлением о их разрешении в дело о банкротстве. Погашение текущих требований кредиторов осуществляется в соответствии с очерёдностью установленной законом, и производится в зависимости от даты возникновения требования соответствующей очереди.

Финансовый управляющий обязан уведомить кредиторов о проведении собраний кредиторов. Большая часть собраний кредиторов, в процедурах банкротства физических лиц проходит в заочной форме, а зачастую в процедурах банкротства физических лиц собрания не проводятся вовсе, это связано с изначальным введением процедуры реализации имущества, отсутствием вопросов необходимых для разрешения кредиторами, а так же в связи с тем, что управляющий освобожден от необходимости ежеквартального созыва собраний с целью ознакомления кредиторов с отчётом о своей деятельности, обязанность направлять кре-

диторам отчет финансового управляющего не реже чем один раз в квартал, освобождает управляющего от созыва собраний в процедуре банкротства физических лиц для ознакомления с данным отчётом. Созыв собраний и уведомление о созыве собраний это та часть работы арбитражного управляющего исполнение которой является важной составляющей его успеха. Сложность исполнения данной обязанности связана с необходимостью исполнения специальных сроков уведомления кредиторов, публикации сообщений о созыве и результатах собраний кредиторов в ЕФРСБ, нарушение срока публикации о созыве и о результатах проведения собрания кредиторов является прямым нарушением обязанности по уведомлению кредиторов о проведении собрания кредиторов и влечёт привлечение к административной ответственности и последующей дисквалификации арбитражного управляющего, в случае повторных нарушений.

Обязанность по уведомлению кредиторов Должника о введении процедуры банкротства, это обязанность направленная, в первую очередь, на соблюдение интересов кредиторов, так как неисполнение этой обязанности не позволяет кредиторов узнать о наличии процедуры банкротства гражданина, включить своё требование в реестр, защитить свои имущественные интересы. Финансовый управляющий может получить сведения о потенциальных кредиторах гражданина путем получения ответов из службы судебных приставов, суда общей юрисдикции, анализа картотеки арбитражных дел, из списка кредиторов составленного самим гражданином при обращении в суд. Возможна ситуация, при которой гражданин заявляет о наличии задолженности перед единственным кредитором, подаёт заявление о собственном банкротстве в суд, после чего у финансового управляющего возникает обязанность по уведомлению данного кредитора, и от добросовестности и беспристрастности финансового управляющего зависит исход процедуры банкротства, уведомит ли кредитора финансовый управляющий надлежащим образом или злоупотребит своими правами отправив вместо уведомления о введении процедуры, например поздравительную открытку.

Осуществление контроля за процедурой банкротства гражданина при утверждении плана реструктуризации, заключается в обязанности финансового управляющего по контролю за ежемесячным осуществлением действий установленных планом реструктуризации.

В связи с чем законом предусмотрена обязанность финансового управляющего по рассмотрению и представлению отчётов о ходе выполнения плана реструктуризации долгов гражданина, эта обязанность, которая вызывает у финансовых управляющих больше вопросов чем ответов. Строго регламентированной формы отчётов о ходе выполнения плана реструктуризации не существует, зачастую Должник высылает финансовому управляющему сопроводительные письма с информацией об очередном платеже в адрес кредиторов, а управляющий перенаправляет эти данные кредитору. Так же не существует и регламентированных сроков по представлению отчетов о ходе выполнения плана реструктуризации.

Исполнение текущих требований в процедурах банкротства не только юридических, но и физических лиц, это важное направление в практике Верховного суда.

Финансовый управляющий должен осуществлять контроль за своевременным исполнением гражданином текущих требований кредиторов. В настоящее время реализация как движимого, так и недвижимого имущества Должника связано с погашением текущей задолженности перед налоговым органом. Особенность современного законодательства о банкротстве заключается в том, что государство требует от управляющего, после реализации имущества Должника удовлетворения текущей налоговой задолженности: земельного, транспортного, имущественного налога перед распределением денежных средств залоговому или реестровым кредиторам.

Соблюдение обязанностей со стороны финансового управляющего позволяет комплексно подходить к проведению процедуры банкротства гражданина. Перечень обязанностей, указанный в ст.213.9 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" фактически представляет собой план действий финансового управляющего в той или иной процедуре банкротства, в связи с чем считаем необходимым поэтапное совершенствование данного плана, которое позволит сократить временные и трудовые затраты финансового управляющего при проведении процедуры банкротства гражданина, без потери эффективности для Должника и кредиторов.

Литература

1. Определение Верховного суда РФ от 17.08.2022 по делу № А40-153465/2016 (305-ЭС21-1719 (2), по данным сайта https://kad.arbitr.ru

2. Определение Верховного суда РФ от 23.05.2022 по делу А40-198134/2020 (305-ЭС21-24609; Определение Верховного суда РФ от 28.10.2021 по делу А32-31853/2020 (308-ЭС21-12021), по данным сайта https://kad.arbitr.ru

3. Определение Верховного суда от 28.10.2021 по делу А32-31853/2020 (308-ЭС21-12021), по данным сайта https://kad.arbitr.ru

4. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния" // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

5. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // СЗ РФ. 2002. N 43. Ст. 4190

References

1. Opredelenie Verhovnogo suda RF ot 17.08.2022 po delu № A40-153465/2016 (305-ES21-1719 (2), po dannym sajta https://kad.arbitr.ru

2. Opredelenie Verhovnogo suda RF ot 23.05.2022 po delu A40-198134/2020 (Z05-ES21-24609; Opredelenie Verhovnogo suda RF ot 28.10.2021 po delu A32-31853/2020 (Z08-ES21-12021), po dannym sajta https://kad.arbitr.ru

3. Opredelenie Verhovnogo suda ot 28.10.2021 po delu A32-31853/2020 (Z08-ES21-12021), po dannym sajta https://kad.arbitr.ru

4. Federal'nyj zakon ot 15 noyabrya 1997 g. № 143-FZ "Ob aktah grazhdanskogo sostoyaniya". SZ RF. 1997. № 47. St. 5340.

5. Federal'nyj zakon ot 26 oktyabrya 2002 g. N 127-FZ "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)". SZ RF. 2002. N 43. St. 4190

ПРАВОВАЯ НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ СУРРОГАТНЫХ МАТЕРЕЙ И ИХ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гилева Н.С.,
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: *семья, как важнейший институт любого современного общества, безусловно нуждается в поддержке государства и законодательном регламентации ряда правоотношений, возникающих в этой сфере. Приведенное научное исследование раскрывает правовые проблемы в сфере реализации программы суррогатного материнства как способа борьбы с бесплодием населения в Российской Федерации. В статье подробно рассматриваются особенности правового положения женщин, решивших стать суррогатными матерями, а также их супругов. Основное внимание уделено конкретным правовым проблемам, которые имеют распространенный характер в настоящее время, и зачастую становятся причинами правовой незащищенности таких значимых участников правоотношений суррогатного материнства как суррогатные матери и их супруги. В статье также большое внимание уделяется подробному анализу нормативно-правовой базы, регулирующей отношения суррогатного материнства в России в настоящее время. Завершая анализ проблемы правовой незащищенности участников правоотношений суррогатного материнства, автор делает вывод об острой необходимости совершенствования законодательного регулирования положения суррогатных матерей и их супругов.*

Ключевые слова: *суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, правовая незащищенность, ребенок, семья, договор суррогатного материнства, генетические (потенциальные) родители, суррогатная мать, супруг*

LEGAL INSECURITY OF SURROGATE MOTHERS AND THEIR SPOUSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Gileva N.S.,
Far Eastern Federal University

Abstract: *the family, as the most important institution of any modern society, certainly needs the support of the state and the legislative regulation of a number of legal relations that arise in this area. The above scientific study reveals the legal problems in the implementation of the surrogate motherhood program as a way to combat infertility in the Russian Federation. The article discusses in detail the features of the legal status of women who have decided to become surrogate mothers, as well as their spouses. The main attention is paid to specific legal problems that are widespread at the present time, and often become the reasons for the legal insecurity of such significant participants in the legal relations of surrogate motherhood as surrogate mothers and their spouses. The article also pays great attention to a detailed analysis of the legal framework governing the relationship of surrogate motherhood in Russia at the present time. Concluding the analysis of the problem of legal insecurity of participants in legal relations of surrogate motherhood, the author concludes that there is an urgent need to improve the legislative regulation of the position of surrogate mothers and their spouses.*

Key words: *surrogacy, assisted reproductive technologies, legal insecurity, child, family, surrogate motherhood agreement, genetic (potential) parents, surrogate mother, spouse*

В соответствии с Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. №1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» укрепление репродуктивного здоровья населения является одной из приоритетных задач демографической политики России. Важным аспектом решения данной задачи выделяется «обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья, в том числе вспомогательных репродуктивных технологий» [5] (далее – ВРТ). В ч. 1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» раскрывается понятие ВРТ: это «методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства)» [4].

Как указывается в п. 8 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», ба-

зовой программой ВРТ является экстракорпоральное оплодотворение [6] (далее – ЭКО). Однако есть ряд медицинских показаний, при которых завести ребенка даже с помощью ЭКО невозможно или чревато серьезными последствиями для здоровья и жизни как ребенка, так и матери. В таких случаях лица, желающие стать родителями, могут прибегнуть к крайним мерам борьбы с тяжелой формой бесплодия – программе суррогатного материнства.

Несмотря на всю актуальность и важность суррогатного материнства, данный институт в российском праве на сегодняшний день не урегулирован в достаточной мере. Не существует специального закона, регулирующего суррогатное материнство, лишь отдельные положения о нем закреплены в нескольких документах: Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ №323-ФЗ), Приказ Минздрава России от 31.07.2020 №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее – Приказ Минздрава России №803н), некоторые статьи Семейного Кодекса РФ [2] (далее – СК РФ) (ст.ст. 51, 52) и Федеральный закон от 15.11.1997 №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [3] (далее – ФЗ №143-ФЗ).

Нормы, содержащиеся в данных нормативно-правовых актах, не охватывают целиком правоотношения, возникающие из суррогатного материнства. Остаются многочисленные правовые лакуны. Следствием отсутствия достаточного законодательного регулирования является правовая незащищенность участников правоотношений, возникающих по поводу процедуры суррогатного материнства.

Основным участником указанных отношений, без которого процедура суррогатного материнства просто невозможна, является суррогатная мать. В ст. 71 ФЗ №323-ФЗ говорится об обязательности наличия письменного согласия супруга женщины, пожелавшей стать суррогатной матерью. Таким образом выделяется еще один важный участник правоотношений суррогатного материнства – супруг суррогатной матери [10].

В российском законодательстве отсутствует четкое исчерпывающее понятие суррогатной матери. В п. 9 ст. 55 ФЗ №323-ФЗ суррогатная мать определена как «женщина, вынашивающая плод после переноса донорского для нее эмбриона». Данное определение нельзя считать достаточным. Отсутствие однозначной дефиниции, в свою очередь, может стать причиной неоднозначного толкования и неправильного применения норм, регулирующих такой сложный правовой институт как суррогатное материнство.

ФЗ №323-ФЗ закрепляет единые требования, предъявляемые к женщине, желающей стать суррогатной матерью: возраст 20-35 лет; наличие не менее одного собственного здорового ребенка; получение медицинского заключения об удовлетворительном состоянии здоровья; наличие письменного информированного добровольного согласия суррогатной матери на медицинское вмешательство. Если женщина состоит в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством РФ, то еще одним важным требованием для участия в суррогатном материнстве будет наличие письменного согласия супруга. Также немаловажно отметить, что существует особый законодательный запрет: суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки. Представляется, что правовая цель такого запрета состоит в том, чтобы предупредить возникновение целой категории споров по установлению происхождения ребенка.

Одной из проблем, столкнувшись с которой суррогатная мать оказывается в уязвимом, незащищенном положении, являются неправомерные условия договора, заключаемого с потенциальными родителями (потенциальным родителем) ребенка. Из-за неоднозначной правовой природы договора суррогатного материнства определить, какими нормами должно регулироваться то или иное нарушение в отношениях суррогатного материнства бывает порой затруднительно. К тому же не все вопросы, связанные с реализацией программы суррогатного материнства, возможно урегулировать договором. Потенциальные родители зачастую стремятся к чрезмерному контролю над суррогатными матерями. Доходит до того, что стороны прописывают в этом договоре положения, которые посягают на права суррогатной матери и делают тем самым договор по определению недействительным. Как отмечает Гландин С.В., судебной практикой уже наметилось решение этой ситуации. «Существующий подход прост: суд исследует и выносит решения по тем положениям договора, которые не являются недействительными или неисполнимыми [8]. Особенно приятно, что суды пытаются защитить действительность договора [9]» [11]. Однако отметим, что это лишь судебная практика, которая не должна и не может заменять законы.

Остается нерешенным вопрос о положении суррогатной матери при непроизвольном аборте. Исходя из анализа п. 9 ст. 55 ФЗ №323-ФЗ, под суррогатным материнством понимается вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды). Однако какими бы качественными не были медицинские обследования потенциальной суррогатной матери, невозможно исключить смерть ребенка в утробе не по вине матери, вынашивающей его. Неурегулированность данного вопроса ведет к возникновению риска для суррогатной матери, выражающегося в том, что генетические родители погибшего ребенка откажутся надлежащим образом исполнять свои договорные обязанности и выплачивать оговоренную денежную сумму.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение генетическими родителями (или одиноким генетическим родителем) своих договорных обязательств являются часто встречающейся на практике проблемой суррогатных матерей. Так, вследствие такого отношения генетических родителей (генетического родителя) к своим обязанностям, возникает ситуация, когда ребенок, выношенный и рожденный по программе суррогатного материнства, становится невостребованным его генетическими родителями (генетическим родителем). Такая ситуация возможна по различным причинам: расторжение брака, признание безвестно пропавшим или умершим, тяжелая болезнь, смерть одного или обоих генетических родителей и т.п. Данные обстоятельства могут весьма серьезно повлиять на возможность и желание принимать ребенка. В то же время стоит помнить, что в желании женщины стать суррогатной матерью важную (если не главенствующую) роль играет финансовый аспект. Как правило, к участию в программе суррогатных матерей побуждает желание улучшить жилищные условия семьи или желание финансово обеспечить своих детей. То есть зачастую женщины, соглашающиеся быть суррогатными матерями, испытывают финансовые трудности, а их семьи имеют материальные потребности, которые не могут удовлетворить самостоятельно. Вопрос о принятии еще одного ребенка может поставить такую семью в затруднительное положение. Помимо финансовых проблем нельзя исключать и психологическое давление на суррогатную мать со стороны родственников и семьи. Итогом всего этого может стать угроза нормального развития ребенка, нежеланного в данной семье и послужившего причиной ухудшения финансового положения. Потребность законодательного разрешения описанной проблемы является очень острой. Считаем необходимым закрепить запрет отказа генетических родителей (генетического родителя) от принятия в семью ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства. При этом следует предусмотреть закрытый перечень трудных жизненных ситуаций, при которых отказ будет возможен (например, смертельное заболевание генетических родителей (генетического родителя) и др.). В этом случае государству надлежит оказать достаточную финансовую поддержку семье суррогатной матери, решившей оставить такого ребенка.

От правовой незащищенности в сфере суррогатного материнства страдают также супруги женщин, решивших стать суррогатными матерями. Согласно п. 10 ст. 55 ФЗ №323-ФЗ «женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга». Также в законе, а именно в п. 4 ст. 51 СК РФ, сказано, что «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». То есть, суррогатная мать имеет полное право записать родителями ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства, себя и своего супруга, ведь по п. 1 ст. 17 ФЗ №143-ФЗ, сведения об отце ребенка вносятся в запись акта о рождении ребенка лишь на основании свидетельства о браке родителей. Таким образом, супруг суррогатной матери, давая свое согласие на участие супруги в программе суррогатного материнства, не дает согласия на установление своего отцовства над будущим ребенком, однако, в дальнейшем, при принятии решения суррогатной матерью о записи родителями ребенка себя и своего супруга, его волеизъявление уже не учитывается. В данном случае законом полностью игнорируется воля супруга суррогатной матери.

Из п. 3 ст. 52 СК РФ следует запрет супруга, давшего согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства. При этом, как подчеркнуто в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», в законодательстве не содержится запрета на оспаривание им записи об отцовстве по иным основаниям [7]. Супруг в такой ситуации вынужден будет оспаривать свое отцовство, ссылаясь, например, на результаты молекулярно-генетической экспертизы, что требует больших денежных затрат и, как следствие, не для каждого доступно. К тому же проведение экспертиз может напрямую влиять скорость решения правового спора, затягивая процесс судебного разбирательства.

В п. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации закреплен принцип равенства полов [1]. Также Основной закон нашей страны в п. 1 ст. 15 закрепляет верховенство Конституции Российской Федерации, которое означает, что она имеет высшую юридическую силу и что принимаемые в Российской Федерации законы и иные правовые акты не должны ей противоречить. Исходя из этого, существование в семейном законодательстве Российской Федерации правовых норм, которые противоречат положениям Конституции Российской Федерации (а именно п. 3 ст. 19), категорически недопустимо. Данная проблема должна быть исправлена законодателем. Следует урегулировать в законе вопрос о правовом положении супруга суррогатной матери, закрепив обязанность суррогатной матери получить письменное согласие супруга на внесение записи об установлении отцовства в отношении ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства.

Подведем итог. В настоящее время технологии идут вперед, медицина продолжает быстро развиваться, создавая новые способы борьбы с различными заболеваниями, и было бы бессмысленно пытаться затормозить это развитие. Правовое регулирование в Российской Федерации значительно отстает от достижений и открытый в области репродуктивных технологий. Вопрос законодательного урегулирования института суррогатного материнства в Российской Федерации стоит весьма остро.

Итак, необходимость совершенствования законодательства Российской Федерации в целях обеспечения правовой защиты суррогатных матерей и их супругов, назрела и требует внесения ряда поправок в существующие законодательные акты. Так, законодателю следует произвести следующие изменения регулирования отношений из суррогатного материнства:

1. Закрепить на законодательном уровне исчерпывающее понятие суррогатной матери.
2. Закрепить правило, согласно которому при наличии в договоре суррогатного материнства недействительных или неисполнимых положений, судам надлежит разрешать спор по тем положениям договора, которые таковыми не являются.
3. Выработать правила регулирования отношений между сторонами договора суррогатного материнства в случае непроизвольного аборта.
4. Разработать правовой механизм, исключающий невостребованность ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства, заключающийся в запрете отказа генетических родителей от приема такого ребенка в семью (за исключением четко определенных законом случаев) и в исчерпывающей финансовой поддержке семей от государства.
5. Привести нормы семейного законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации и закрепить обязанность суррогатной матери по получению письменного согласия супруга на внесение записи об установлении отцовства в отношении ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 4 июня 2013 г. по делу № 11-15163 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Перовского районного суда г. Москвы от 17 августа 2015 г. по делу № 2-3070/2015 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
10. Алборов С.В. Правоотношения в сфере суррогатного материнства // Актуальные проблемы Российского права. 2017. № 5 (78) май. С. 142 – 146. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravootnosheniya-v-sfere-surrogatnogo-materinstva (дата обращения: 29.10.2022).
11. Гландин С.В. О вспомогательных репродуктивных технологиях и суррогатном материнстве – de minimis curat lex? // Судья. 2016. № 11. С. 38 – 43.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ. SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Federal'nyj zakon ot 15.11.1997 № 143-FZ «Ob aktah grazhdanskogo sostoyaniya». SPS «Konsul'tantPlyus».

4. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii». SPS «Konsul'tantPlyus».

5. Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 № 1351 «Ob utverzhdenii Koncepcii demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». SPS «Konsul'tantPlyus».

6. Prikaz Minzdrava Rossii ot 31.07.2020 № 803n «O poryadke ispol'zovaniya vspomogatel'nyh reproduktivnyh tekhnologij, protivopokazaniyah i ogranicheniyah k ih primeneniyu» SPS «Konsul'tantPlyus».

7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.05.2017 № 16 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazannyh s ustanovleniem proiskhozhdeniya detej». SPS «Kon-sul'tantPlyus».

8. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 4 iyunya 2013 g. po delu № 11-15163. SPS «Konsul'tantPlyus».

9. Reshenie Perovskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 17 avgusta 2015 g. po delu № 2-3070/2015. Internet-resurs «Sudebnye i normativnye akty RF» (SudAkt).

10. Alborov S.V. Pravootnosheniya v sfere surrogatnogo materinstva. Aktual'nye problemy Rossijskogo prava. 2017. № 5 (78) maj. S. 142 – 146. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravootnosheniya-v-sfere-surrogatnogo-materinstva (data obrashcheniya: 29.10.2022).

11. Glandin S.V. O vspomogatel'nyh reproduktivnyh tekhnologiyah i surrogatnom materinstve – de minimis curat lex? Sud'ya. 2016. № 11. S. 38 – 43.

К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА И ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иналкаева К.С., кандидат юридических наук, доцент,
Иналкаев А.А., преподаватель,
Чеченский государственный педагогический университет

Работа написана в рамках внутривузовского конкурса грантов инициативных научных исследований ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация: *влияние правового просвещения в образовательной организации на формирование правовой культуры, позитивного правосознания обучающихся очень велика. Здесь мы подходим к проблеме воспитания и обучения с изучения вопросов федеративного устройства, децентрализации и организации публичной власти в Российской Федерации. Методология исследования включает как общенаучные методы исследования, так и частнонаучные: формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, комбинация которых позволила автору определить степень усиление роли федерализации публичной власти. При этом несмотря на наличие различных подходов ко многим аспектам этой проблематики, бесспорным фактом и первоочередной задачей государственного строительства в контексте евроинтеграционного пространства является именно усиление роли федерализации публичной власти. Автор делает вывод, что федерализация является самым действенным принципом развития России в условиях глобализма, учитывая исторические, национально-этнические, административно-территориальные, политико-правовые и правогосударствообразующие факторы.*

Ключевые слова: *федеративное устройство государства, публичная власть, децентрализация, законодательство, исполнительная власть, территория, унитаризм, политико-правовая идеология*

TO STUDY THE ISSUES OF THE FEDERAL STRUCTURE AND ORGANIZATION OF PUBLIC POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION

Inalkaeva K.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Inalkaev A.A., Lecturer,
Chechen State Pedagogical University

Abstract: *the influence of legal education in an educational organization on the formation of legal culture, positive legal awareness of students is very great. Here we approach the problem of education and training by studying the issues of the federal structure, decentralization and organization of public power in the Russian Federation. The research methodology includes both general scientific research methods and private scientific ones: formal-legal, comparative-legal, systemic, the combination of which allowed the author to determine the degree of strengthening of the role of federalization of public power. At the same time, despite the existence of different approaches to many aspects of this issue, it is an indisputable fact and the primary task of state-building in the context of the European integration space is precisely the strengthening of the role of federalization of public power. The author concludes that federalization is the most effective principle of Russia's development in the conditions of globalism, taking into account historical, national-ethnic, administrative-territorial, political-legal and state-forming factors.*

Keywords: *federal structure of the state, public power, decentralization, legislation, executive power, territory, unitarianism, political and legal ideology*

Государственная практика на уровне с правотворческой влияют на формирование и выбор идеологии в стране, на создание условий для осуществления реформирования и обновления российского общества, прогнозирования развития государства на принципах независимости, единства, суверенности и демократизма.

Федерализация основывается на определенной политико-правовой идеологии и выступает принципом перехода к федеративному национально-территориальному устройству страны. При этом, ключевым отличием между децентрализацией и федерализацией является то, что первая касается только управленческих полномочий исполнительной власти, тогда как вторая охватывает также и законодательную власть в государстве.

Согласимся с ученым-исследователем Л.Э. Гумашвили, что неопровержимой аксиомой является убежденность в том, что федерализм может быть эффективной формой правления лишь в стабильных, хорошо

функционирующих демократиях. А там, где демократия слабая или имитационная, попытки введения федерализма или являются формальностью (как это было, например, в СССР), или превращают идею в свою противоположность и приводят к территориальной дезинтеграции. И это понятно, ведь наличие нескольких уровней управления осложняет отношения по линии «центр – регион» [1].

Согласно Конституции Россия является суверенным и независимым, демократическим, социальным, правовым и федеративным государством. В России федерализм зародился относительно недавно. Исторические данные свидетельствуют о том, что данное явление получило в России распространение в результате известных исторических событий, имевших место в 1917 году, а именно на фоне стремительного роста противостояния национальных движений после Февральских событий того года. На данном этапе возник вопрос об острой необходимости принятия мер по формированию федеративного государства, что являлось, по мнению большевиков и лидеров их партии, главным условием обеспечения стабилизации в стране и ее единства. Следует отметить, что меры, принятые лидерами государства того периода по формированию федеративной формы территориальной организации государственной власти, сделали возможным уберечь страну от развала и спасти этим самым единство Российского государства [1].

18 (31) января 1918 года в России прошел III Всероссийский съезд Советов. Именно это знаменательное событие, по официальным данным, положило начало формированию и развитию федерального устройства в России. Участники съезда практически единогласным решением приняли Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Этой декларацией, впоследствии вошедшей в Конституцию РСФСР в качестве составной части, Россия была провозглашена государством, созданным на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик.

Необходимо отметить тот факт, что исторические источники, описывающие историю развития федерализма, придерживаются названия «унитарная федерация» для наименования советской федерации [4]. Данное название позволяет выделить, таким образом, главные характеристики советского федерализма, в частности, значительный уровень централизации государственной власти и присутствие, так называемого, мнимого внешнего фасада федеративного устройства страны.

Политические события конца XX века, протекающие на всей территории постсоветского пространства и направленные на самоопределение государства, не могли не отложить свой отпечаток на формирование государственного устройства России.

Становление федеративных отношений в современной России претерпел кардинальные изменения с точки зрения его исторического развития. Современный российский федерализм перестал быть «унитарным», то есть обладать характеристиками, свойственными федеральной структуре советского государства. В российском обществе в настоящее время приоритетными являются демократические отношения. Это нашло отражение и в политической системе, как следствие, федерализм в российском обществе перестает быть унитарным и принимает демократические характеристики. Немаловажным является тот факт, что его формирование происходит благодаря решительным действиям федеральным органам власти. Можно с уверенностью утверждать, что федеративная организация государства была неминуема для российского общества. История неоднократно доказывала, что если какое-то государство планирует вступить на стезю построения общества на основе демократических отношений, то оно целенаправленно движется к формированию федерализма. Демократия и федерализм не могут существовать изолированно, они тесно взаимосвязаны, так как федерализм как метод правового регулирования, несомненно, испытывает необходимость в поддержке, которая выражается в виде цивилизованного, высококультурного демократического общества. Нельзя не отметить, что отсутствие перечисленных нами факторов, делает практически невозможным построение федерализма в стране, так как наличие демократических отношений являются его необходимым условием [3].

Приведенное дает основание для вывода о том, что под федерализацией в России необходимо понимать процесс перехода от унитаризма к федеративному государственному территориальному устройству.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что юридическое подтверждение федеративного характера государственности на каждой стадии развития федерализма в современном российском обществе оформлялось конституционно-правовыми нормами. В части 3 статьи 5 Конституции РФ отмечено, что фундаментом федеративного устройства нашей страны является, в первую очередь, ее территориальная целостность, наличие единого федерального органа государственной власти, разграничение вопросов по управлению и зонам ответственности как между структурами и органами государственной власти Российской Федерации в целом, так и правительственными органами республик, входящих в состав Российской Федерации и являющихся ее непосредственными субъектами, наделение равными правами народов, проживающих на ее территории.

Из приведенного можно заключить, что федерация по своей сути представляет собой территориальную организацию единой государственной власти с учетом автономности регулирования государственной власти субъекта федерации. Данный аспект федеративного устройства государства отражает организационную, учредительную сторону осуществления государственной власти в сложноструктурной форме правления, каковой является федерация.

Основная суть принципа единства системы государственной власти в федеративном государстве, в частности, в Российской Федерации включает комплексный подход к эффективному функционированию правительственного аппарата, связанного основной концепцией единой государственности.

В процессе развития и построения нового федерального устройства российские ученые в своих работах отводят особое место проблемам исторического развития федеративных отношений в мире. К примеру, в исследованиях, посвященных теории федерализма авторы акцентируют внимание на таких аспектах как тип и модели федерального устройства государства [2]. Для каждого государства характерен свой особый тип федеративного устройства.

Отдельные виды моделей федерации и федерализма в мире создавались с учетом политического, экономического, культурного и иного единства стран. Современный российский государственный федерализм также исходит из исторического, экономического, политического и пр. единства федерального российского общества, определяющего территориальную целостность государства, оптимальное сочетание централизма и децентрализма в управлении государством. Децентрализация в федеративном государстве является одним из способов организации централизованной государственной власти через установление общефедеральных начал функционирования государственной власти субъектов федерации, что показывает непротиворечивость юридической природы федерации [5].

Таким образом, содержание конституционных положений федеративной организации российского государства, раскрывающее сущность его модели, базируется на принципах, позволяющих рассматривать Россию, в первую очередь, как федеративное государство. Кроме этого, данные принципы обеспечивают возможность определения специфических характеристик модели Российского федерализма, которые, в значительной степени, отличаются от остальных типов федеративных государств, существующих в мире, и раскрывающих своеобразие федеративной организации Российского государства. Федеративное устройство является неотъемлемой частью правовой и политической реальностью настоящего, залогом эффективной демократии и основой соблюдения принципа верховенства права. В то же время, гармоничное развитие этого явления тесно связано с уровнем развития субъектов федерации [6].

Рассмотрим это на примере Чеченской Республики. Как отмечает Л.Э. Гумашвили, находясь в составе российского государства более чем 150 лет, Чеченская Республика впервые по Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993г. получила политико-правовой статус республики – полноправного субъекта в составе единого федеративного государства (часть 2 статьи 5). Чеченская Республика (как и, впрочем, другие республики в составе Российской Федерации активно и всесторонне участвует в федеративных отношениях, реализовывая предоставления действующим законодательством страны и региона государственно-правовые полномочия. Она вносит свой вклад в обогащении современных федеративных отношений.

Как указано в Конституции Чеченской Республики, Чеченская Республика (Нохчийн Республика) – субъект Российской Федерации, государство с республиканской формой правления (часть 2 статьи 5 Конституции Российской Федерации), которая выбрала данную форму правления с учетом формирования федеративного содружества с республиканской формой правления, а также исходя из исторических, национальных и других особенностей своего развития в составе семьи российских народов.

Что касается публичной власти Чеченской Республики, то высшим должностным лицом Чеченской Республики является Глава Чеченской Республики, который избирается на основе прямых выборов населением Чеченской Республики. В представлении кандидатуры Главы Чеченской Республики на данную должность участвуют политические партии и возможен порядок самовыдвижения. Глава Чеченской Республики формирует Правительство Чеченской Республики – высший исполнительный орган, Председатель Правительства и три министра Чеченской Республики назначаются им с согласия Парламента Чеченской Республики. Система полномочий, которыми наделяется Глава Чеченской Республики, достаточно обширна, затрагивает все необходимые направления и функции в плане осуществления управления субъектом.

Парламент Чеченской Республики формируется сроком на 5 лет, депутаты избираются по пропорциональной избирательной системе, т.е. по партийным спискам. Судебную систему Чеченской Республики составляет федеральные суды (Верховный Суд Чеченской Республики, районные суды, Арбитражный суд Чеченской Республики, Военный суд) и суды Чеченской Республики (Конституционный Суд и мировые суды Чеченской Республики).

В Чеченской Республике организован второй вид публичной власти – это органы местного самоуправления, которые начали функционировать, ввиду известных событий в Чеченской Республике, только с января 2010 года.

Как мы видим, организация публичной власти на уровне субъекта РФ, организована, почти так, как и на уровне федерации.

Подводя итог, можно отметить, что федерализация является самым действенным принципом развития России в условиях глобализма, учитывая исторические, национально-этнические, административно-территориальные, политико-правовые и право-государствообразующие факторы, а целью государственной региональной политики является обеспечение высокого уровня качества жизни человека независимо от места его проживания, через обеспечение территориально-целостного и сбалансированного развития России, интеграции регионов в едином политическом, правовом, информационном и культурном пространстве, максимально полного использования их потенциала с учетом природных, экономических, исторических, культурных, социальных и других особенностей, повышения конкурентоспособности регионов.

Литература

1. Гумашвили Л.Э., Эльмурзаев И.Я. Федерализм и его политико-правовое содержание в современной России // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. Грозный. 30 ноября – 1 декабря 2012г. ЧГПИ, 2013. С. 352 – 357.

2. Гумашвили Л.Э. Политико-правовые аспекты государственности Чеченской Республики: природа, эволюция, современность. Махачкала: АЛЕФ, 2015. 408 с.

3. Добрынин Н.М. Российский федерализм: генезис, эволюция. Избранные публикации: 2 т. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 2. С. 51.

4. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: Московская школа политических исследований. 2008.

5. Новиков С.В. Политический строй, государственное устройство и экономическая система России в оценках и представлениях сторонников восстановления монархии (1921-1950, 1989-1996 гг.) // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 3. С. 138 – 146.

6. Иналкаева К.С. Проблемы разграничения предметов ведения между федеральным центром и субъектами // Право и политика. 2014. № 6. С. 746 – 753. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12244

7. Иналкаева К.С. Особенности генезиса российского государственного устройства // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы II Международной научно-практической конференции. Грозный, 30 апреля 2021 г. С. 111 – 115.

References

1. Gumashvili L.E., El'murzaev I.YA. Federalizm i ego politiko-pravovoe soderzhanie v sovremennoj Rossii. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v CHechne: istoriya i sovremennost'. Materialy regional'noj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu avtonomii CHechni. Groznyj. 30 noyabrya – 1 dekabrya 2012g. CHGPI, 2013. S. 352 – 357.

2. Gumashvili L.E. Politiko-pravovye aspekty gosudarstvennosti CHechenskoj Respubliki: priroda, evolyuciya, sovremennost'. Mahachkala: ALEF, 2015. 408 s.

3. Dobrynin N.M. Rossijskij federalizm: genezis, evolyuciya. Izbrannye publikacii: 2 t. Novosibirsk: Nauka, 2008. T. 2. S. 51.

4. Zaharov A. Unitarnaya federaciya. Pyat' etyudov o rossijskom federalizme. M.: Moskovskaya shkola politicheskih issledovanij. 2008.

5. Novikov S.V. Politicheskij stroj, gosudarstvennoe ustrojstvo i ekonomicheskaya sistema Rossii v ocenkah i predstavleniyah storonnikov vosstanovleniya monarhii (1921-1950, 1989-1996 gg.). Istoricheskij byulleten'. 2021. T. 4. № 3. S. 138 – 146.

6. Inalkaeva K.S. Problemy razgranicheniya predmetov vedeniya mezhdu federal'nym centrom i sub"ektami. Pravo i politika. 2014. № 6. C. 746 – 753. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12244

7. Inalkaeva K.S. Osobennosti genezisa rossijskogo gosudarstvennogo ustrojstva. Puti povysheniya urovnya pravosoznaniya i pravovoj gramotnosti v sovremennom grazhdanskom obshchestve: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Groznyj, 30 aprelya 2021 g. S. 111 – 115.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Цветикова Т.В., аспирант,
Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского,
Оксамытный В.В., доктор юридических наук, профессор,
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова

Аннотация: *формирование и функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, как и другие сферы жизнедеятельности российского государства, подчиняются нормам общего и специального права. Тем не менее, в последнее время фиксируются отдельные случаи нарушения народными избранниками и должностными лицами соответствующих структур действующего законодательства. Учитывая, что субъекты, занимающие государственные и муниципальные посты, представляют «визитную карточку» не только отдельного органа или его подразделения, но и ассоциируются в сознании населения с обликом сельского или городского поселения, всего государства в целом, обращается особое внимание на их поведение; правонарушения, совершаемые этой категорией граждан, не только стараются тщательно расследовать, но и лишать виновных любой возможности в будущем совершать подобные проступки и ставить под сомнение надежность и компетентность, как отдельных элементов управления, так и всей системы.*

При этом положения, формирующие правовую культуру, стараются соотнести с актуальной политической конфигурацией.

Данная публикация посвящена совершенствованию законодательной базы, регулирующей проблемы формирования и функционирования элементов государственной власти и местного самоуправления в современной России.

Ключевые слова: *политическая культура, правовая культура, механизмы формирования и функционирования структур государственной и муниципальной власти, профилактика и предупреждение правонарушений в сфере государственной и муниципальной властей, соотношение норм права, морали и политической доктрины государства*

IMPLEMENTATION OF LEGAL CULTURE IN THE ORGANIZATION OF STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Tsvetikova T.V., Postgraduate,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Oxamytny V.V., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov

Abstract: *the formation and functioning of public authorities and local self-government, as well as other spheres of life of the Russian state, are subject to the norms of general and special law. However, recently there have been isolated cases of violations by people's deputies and officials of the relevant structures of the current legislation. Considering that the subjects holding state and municipal posts represent the "business card" not only of a separate body or its subdivision, but are also associated in the minds of the population with the appearance of a rural or urban settlement, the whole state as a whole pays special attention to their behavior; offenses committed by this category of citizens are not only trying to thoroughly investigate but also to deprive the perpetrators of any opportunity in the future to commit such offenses and to question the reliability and competence of both individual controls and the entire system.*

At the same time, the provisions forming the legal culture are trying to correlate with the current political configuration.

This publication is devoted to improving the legislative framework regulating the problems of formation and functioning of elements of state power and local self-government in modern Russia.

Keywords: *political culture, legal culture, mechanisms of formation and functioning of structures of state and municipal power, prevention and prevention of offenses in the sphere of state and municipal authorities, correlation of norms of law, morality and political doctrine of the state*

Введение

Уполномоченные лица органов государственной власти или местного самоуправления в сознании рядовых обывателей должны обладать безупречной репутацией и не нарушать норм действующего законодательства. Однако, в реальных условиях имеют место случаи привлечения к юридической ответственности граждан, осуществляющих службу во властных структурах различного уровня.

В связи с этим проблема создания и совершенствования механизмов реализации правовой культуры при осуществлении функций в органах местного самоуправления, а также на федеральной и региональной ступенях «вертикали власти» становится **актуальной.** Тем более, что за последнее время были выявлены случаи злоупотреблений и прямого нарушения закона соответствующими лицами.

Публикация рассматривает **двойной объект исследования:** политическую и правовую культуру; **предметом изучения** представлено раскрытие специфики реализации двух этих элементов при осуществлении государственного или муниципального управления, прежде всего, в российской традиции.

Целью предлагаемого исследования является рассмотрение механизмов реализации правовой культуры в сфере управления государства в общем и на отдельных уровнях. **Задачи** изучения затрагивают, во-первых, описание сущности правовой и политической модальностей культуры; во-вторых, анализируют точки соприкосновения и явного противоречия в их реализации на практике в современной среде; в-третьих, предлагают механизм оптимизации взаимодействия двух указанных категорий в реальных условиях.

Работа построена на таких **нормативно-правовых источниках**, как «Конституция Российской Федерации» (последняя редакция); Федеральный закон РФ «О муниципальной службе в РФ» и т.д.

Законодательные положения дополняются **историографией,** в которую входят следующие работы и статьи: Акимовой Т.И. «Современные тенденции формирования правовой культуры государственных гражданских служащих»; Мордасова В.В. «Проблемы развития местного самоуправления в России»; коллективная монография «Правовые основы государственного и муниципального управления»; диссертационные исследования Вижеватовой Т.А. «Формирование правовой культуры в муниципальном образовании: муниципально-правовое исследование» и Кунева А.Н. «Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование)» и т.д.

Учитывая специфику рассматриваемой проблем для ее изложения используются такие **методические приемы**, как описание, анализ, синтез, сравнение, статистика, прогнозирование.

Для того, чтобы оценить роль правовой культуры в деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих, прежде всего, следует обратиться к требованиям этикета, которые предъявляются обществом и государством к указанной категории лиц. Так, на примере документов, действующих в отдельных регионах Российской Федерации, работа государственных гражданских служащих должна соответствовать принципам справедливости, честности, прозрачности, ответственности и отчетности [1] При этом нормативно-правовая основа формирования соответствующего взаимодействия служащих федеральных и региональных властных структур закрепляется, главным образом, в конституционных нормах [2, гл. 4-8]. Что касается должностных лиц, задействованных в органах местного самоуправления, то их функции, помимо Основного закона государства, зафиксированы в Федеральном законе РФ «О муниципальной службе в РФ».

Обратимся к положениям действующей редакции Конституции РФ. Она предоставляет всем гражданам совокупность прав: личных, политических, социально-экономических и т.д. Первая группа свобод включает в себя права на жизнь, защиту чести и достоинства, доброе имя. Они, по своей природе, наиболее близки к естественным интересам человека, которые особенно защищаются государством и могут быть ограничены только в тех случаях, если имеет место совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Защитой личных прав, как правило, занимаются сотрудники правоохранительных органов и судебные инстанции. Именно о их компетенции зависит восстановление законных интересов граждан и компенсация понесенных убытков, включая моральный вред.

Вторая группа прав относится к социально-экономической сфере и включает свободу использования человеком своих способностей, регулирует осуществление им трудовой деятельности, прав на жилье, образование и т.д. В этом контексте ограничения могут также вводиться в особом порядке. В частности, в уголовном законодательстве Российской Федерации имеется ряд статей, которые запрещают отдельным группам осужденных заниматься конкретной деятельностью, занимать соответствующие должности или выполнять определенную работу. Как правило, подобные лишения ограничены временными рамками [3, гл. 30].

Наконец, третья группа правомочий для граждан Российской Федерации касается политической сферы и включает вопросы формирования органов государственной и муниципальной властей, как на выборной основе, так и путем назначений.

Таким образом, для приобретения статуса государственного гражданского служащего нужно либо пройти через процедуру выборов, либо получить соответствующее назначение. Надо сказать, что имеют место случаи нарушений уже на стадии выборов в соответствующие органы и учреждения.

Так, по республике Карелия при проведении выборов в 2019г. подтвердилось нарушение прав избирателей, выразившееся в том, что кандидаты от партии «Единая Россия», используя административный ресурс, распространяли в день муниципальных выборов листовки с призывами голосовать за действующего главу Медвежьегорского района г. Петрозаводска. Подтвердились частично и факты нарушений, выразившиеся в агитации в день выборов депутатов Совета Медвежьегорского городского поселения и недостоверной информации в списках избирателей. Имела место также искаженная информация об одном из кандидатов – Иванове А.А. [4].

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что в погоне за властными полномочиями отдельные «слуги народа» забывают не только об элементарной этике, но и о существовании закона.

При этом, такие правонарушения, как использования административного ресурса, недоступность отдельных избирательных комиссии или сведений об их деятельности и подготовки выборов, по сведениям представителей отдельных политических партий, носят уже традиционный характер [5, с. 4].

Хотя избирательные комиссии в целом сообщают об отсутствии грубых нарушений в период проведения избирательных компаний, тем не менее, в отдельных случаях выявляются правонарушения не только административного, но и уголовного законодательства. В частности, в 2017г. в Российской Федерации было зафиксировано 10 преступлений и 20 административных правонарушений, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования не только избирательного законодательства, но и поведения лиц, не только являющихся избирателями, но и претендующими на должности в различных государственных или муниципальных органах власти [6].

Федеральный закон РФ «О муниципальной службе в Российской Федерации» закрепляет следующие принципы функционирования соответствующих должностных лиц. Сюда включаются приоритет прав и свобод человека и гражданина; равный доступ всех граждан государства к назначению на должности муниципальных служащих, если это не касается их профессиональных и деловых качеств; соблюдение профессионализма и компетентности соответствующих служащих; стабильное существование муниципальной службы; обеспечение доступности информации о деятельности соответствующих структур; налаживание взаимодействия муниципальных ведомств с гражданами и общественными объединениями; установление единства требований к муниципальной службе с учетом исторических и местных традиций при ее осуществлении; закрепление мер социальной и правовой защищенности граждан, занятых в органах муниципальной власти; установление ответственности за неисполнение и ненадлежащее исполнение виновными лицами своих должностных обязанностей; внепартийный статус служащих муниципальной власти [7, ст. 4]. Из всего перечисленного можно сделать вывод, что человек, претендующий на пост в структурах муниципальной власти должен понимать необходимость защиты прав и свобод граждан, проживающих на соответствующих территориях, и не допускать при выполнении своих полномочий каких-либо нарушений действующих нормативно-правовых положений.

Таким образом, представители муниципальной власти в современной России выполняют двоякую функцию: с одной стороны, они обеспечивают реализацию основных направлений деятельности верховных властных структур, как на федеральном, так и на региональном уровнях; с другой стороны, соответствующие должностные лица самостоятельны при решении насущных проблем населения городских и сельских поселений, интересы которого они выражают. Много практических наработок муниципальные структуры в Российской Федерации черпают из зарубежного опыта, прежде всего, США, где данный институт существует около 100 лет [8, с. 107-108].

Обращаясь к другим государствам, можно сказать, что эффективность работы структур государственной власти во многом зависит от способности ее взаимодействия с подразделениями муниципальных образований. Прежде всего, по оценкам специалистов, это обращает на себя внимание в социально-культурной сфере. Так, имеет место софинансирование соответствующих мероприятий государственного и муниципального значения, в частности, посвященным таким датам, как День Победы.

При этом опять же обращается внимание на примеры из западной традиции. Так, для США характерны тенденции «помощника» в области реализации культурных программ; в Великобритании государственные структуры не только одобряют те или иные положительные начинания в указанной сфере, но и стараются активно их поддерживать, например, через учреждение стипендий. Во Франции культурная среда вообще является неотъемлемой частью государственной политики, в которой все органы власти выступают спонсорами культурных программ.

В СССР на развитие тех или иных направлений культуры и искусства существовал социальный заказ, в рамках которого приоритетная поддержка оказывалась только тем проектам, которые одобрялись партийными функционерами.

Указанные особенности формирования политико-правовой культуры существовали и продолжают отмечаться и в настоящее время [9, с. 22-23].

Для правового государства, к которым относит себя и Российская Федерация, неотъемлемой чертой является высокая правовая культура населения не только на общегосударственном уровне, но и на отдельных территориях. Особое внимание обращается при этом на правоприменительную деятельность специальных субъектов, которая имеет организационно-кадровую, нормативно-юридическую и процедурную обеспеченность. Первая заключается в подготовке компетентных и грамотных служащих соответствующих органов; вторая связана с оперативным и своевременным обновлением законодательной базы местного значения, которая должна соответствовать по духу и содержанию не только общегосударственным тенденциям развития, но и специфике существования отдельно взятых территориальных объектов; наконец, третий элемент местной политики заключается, главным образом, в налаживании «обратной связи» с людьми, проживающими на конкретных землях [10, с. 11].

В то же время правое воспитание должно стать одной из основных функций государственной политики [11, с. 13]. Только через общее воздействие на правосознание масс и их деятельность возможно преодолеть правовой нигилизм, который присутствует в современном обществе, что, в немалой степени обусловлено нестабильностью политико-правовых отношений и социально-экономической обстановкой. Нельзя, однако, исключать и эффективность других институтов, оказывающих влияние на поведение отдельных социальных групп и индивидов. Это и семья, и друзья, а также ученические, студенческие и трудовые коллективы [12, с. 328].

При этом нужно тщательно следить за качествами тех лиц, которые призваны обеспечивать нормальное управление в государстве и его отдельных частях.

Особенно обращает на себя внимание халатность уже действующих государственных и муниципальных служащих. Поскольку подобное правонарушение не только касается граждан, обладающих определенным статусом, выражается в неисполнении или ненадлежащим исполнении ими своих обязанностей и влечет за собой достаточную степень общественной опасности при наступивших последствиях, законодатели относят его в разряд уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных ст. 293 УК РФ. Действительно, работа этой категории граждан зачастую связана с неисполнением или ненадлежащим исполнением уполномоченным лицом своих функций. Так, несвоевременно назначение гражданину пенсии или пособия может привести к снижению его доходов или вообще к лишению его средств существования, что сказывается на качестве жизни.

Большая часть эксцессов происходит в пенитенциарных учреждениях, где уже становится обыденным явлением нанесение телесных повреждений осужденным и неоказание при этом своевременно медицинской помощи [13].

Для предотвращения роста преступности в среде сотрудников правоохранительных органов, в специализированные нормативно-правовые акты, регламентирующие их деятельность, помимо общих положений, вводятся специфические меры воздействия, в частности, при совершении дисциплинарных проступков [14, ч. 1 ст. 50].

Вывод

В целом построение полноценного правового государства невозможно обеспечить без воспитания правовой культуры у лиц, осуществляющих государственное или муниципальное управление. Подобный процесс подразумевает не только разработку специальных учебных программ для подготовки специалистов соответствующей сферы, но также и применение особых мер предупреждения и наказания за правонарушения, особенно связанные с их деятельностью. При этом курирование образовательного процесса и осуществление контроля за работой властных структур должны проводить лица, сами обладающие не только достаточной компетенцией, но и отличающиеся правомерным поведением.

Для выборных должностей необходимо модернизировать избирательное законодательство, чтобы, по возможности, не допускать нарушений законодательства РФ при проведении выборов различных уровней.

Наиболее действенным механизмом подготовки и функционирования государственных и муниципальных служащих является применение комплексного подхода, который предполагает взаимное решение социально-экономических, политико-правовых и иных проблем как должностными лицами федеральных и региональных властных структур, так и служащими муниципалитетов.

Кроме того, политико-правовая культура современного служащего государственных или муниципальных властных структур во многом опирается на нравственные основы [15, с. 227]. Поэтому важно оценивать и регулировать окружающую обстановку и агентов, которые влияют на поведение лиц, занятых на службе в соответствующих структурах.

Литература

1. Кодекс этики госслужащего [Электронный ресурс]. URL: kuntsevo.mos.ru (дата обращения: 28.10.2022 г.)

2. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Гл. 4-8.

3. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996г. № 63- ФЗ (ред. от 24.09.2022г. № 365-ФЗ). Гл. 30.

4. «Допвыборы в горсовет Петрозаводска закончились скандалом» [Электронный ресурс]. URL: arhpress.ru (дата обращения: 28.10.2022 г.).

5. Основные нарушения на выборах и способы борьбы с ними. (Аналитическая записка). Подготовлено Российской объединенной демократической партией «Яблоко». М., 2016. С. 4.

6. «Произвол и мордобой» (Какие нарушения зафиксировали во время выборов) [Электронный ресурс]: URL: LENTA.ru (дата обращения: 28.10.2022 г.)

7. Федеральный закон РФ «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007г. № 25-ФЗ (ред. от 26.05.2021г. № 152-ФЗ). Ст. 4.

8. Мордасов В.В. Проблемы развития местного самоуправления в России // «Экономика и социум: современные модели развития». Т. 11 № 1, (январь – март 2021 г.). С. 107 – 108.

9. Правовые основы государственного и муниципального управления: Монография. г. Махачкала, 2015. С. 22 – 23.

10. Вижеватова Т.А. Формирование правовой культуры в муниципальном образовании (муниципально-правовое исследование). Специальность 12.00.02 – конституционное право, муниципальное право: автореф. дис. … канд. юридич. наук. Челябинск, 2009. С. 11.

11. Кунев А.Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование). Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 13.

12. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд., перераб., дополн. и исправл. М.: Проспект, 2011. С. 328.

13. Афиногенов В.А. Групповые конфликты и эксцессы заключенных [Электронный ресурс]. URL: wiselawer (дата обращения 28.10.2022 г.)

14. Федеральный закон РФ от 30.11. 2011г. № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г.)

15. Акимова Т.И. Современные тенденции формирования правовой культуры государственных гражданских служащих // «Социально-экономические явления и процессы». 2013. № 1 (047). С. 226 – 231.

References

1. Kodeks etiki gossluzhashchego [Elektronnyj resurs]. URL: kuntsevo.mos.ru (data obrashcheniya: 28.10.2022 g.)

2. Konstituciya RF (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). Gl. 4-8.

3. Ugolovnyj kodeks RF ot 13.06.1996g. № 63- FZ (red. ot 24.09.2022g. № 365-FZ). Gl. 30.

4. «Dopvybory v gorsovet Petrozavodska zakonchilis' skandalom» [Elektronnyj resurs]. URL: arhpress.ru (data obrashcheniya: 28.10.2022 g.).

5. Osnovnye narusheniya na vyborah i sposoby bor'by s nimi. (Analiticheskaya zapiska). Podgotovleno Rossijskoj ob"edinennoj demokraticheskoj partiej «YAbloko». M., 2016. S. 4.

6. «Proizvol i mordoboj» (Kakie narusheniya zafiksirovali vo vremya vyborov) [Elektronnyj resurs]: URL: LENTA.ru (data obrashcheniya: 28.10.2022 g.)

7. Federal'nyj zakon RF «O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii» ot 02.03.2007g. № 25-FZ (red. ot 26.05.2021g. № 152-FZ). St. 4.

8. Mordasov V.V. Problemy razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossii. «Ekonomika i socium: sovremennye modeli razvitiya». T. 11 № 1, (yanvar' – mart 2021 g.). S. 107 – 108.

9. Pravovye osnovy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya: Monografiya. g. Mahachkala, 2015. S. 22 – 23.

10. Vizhevatova T.A. Formirovanie pravovoj kul'tury v municipal'nom obrazovanii (municipal'no-pravovoe issledovanie). Special'nost' 12.00.02 – konstitucionnoe pravo, municipal'noe pravo: avtoref. dis. … kand. yuridich. nauk. CHelyabinsk, 2009. S. 11.

11. Kunev A.N. Zakonnost' i pravovaya kul'tura v usloviyah stanovleniya pravovogo gosudarstva (teoretiko-pravovoe issledovanie). Special'nost' 12.00.01 – teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moskva, 2011. S. 13.

12. Vlasenko N.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab., dopoln. i ispravl. M.: Prospekt, 2011. S. 328.

13. Afinogenov V.A. Gruppovye konflikty i ekscessy zaklyuchennyh [Elektronnyj resurs]. URL: wiselawer (data obrashcheniya 28.10.2022 g.)

14. Federal'nyj zakon RF ot 30.11. 2011g. № 342-FZ (red. ot 30.04.2021g.) «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2021 g.)

15. Akimova T.I. Sovremennye tendencii formirovaniya pravovoj kul'tury gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih. «Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy». 2013. № 1 (047). S. 226 – 231.

РЕЖИМ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОБЫЧИ НЕФТЕГАЗОВОГО СЫРЬЯ

Янике Е.А., старший преподаватель,
Российский государственный университет нефти и газа им. Губкина

Аннотация: *на современном этапе социально-экономического развития углубляются структурные диспропорции общественного производства, главными причинами которых являются противоречия между приоритетами хозяйственной и природоохранной деятельности, в частности в области нефтедобычи. Негативные последствия хозяйственной деятельности в местах нефтедобычи приобретают макроэкономический масштаб, результатом чего является рост экологических и социальных рисков. Наличие указанных рисков обусловлено ухудшением состояния окружающей природной среды, сокращением периода продуктивной жизни человека и снижением показателей качества жизни населения. Особого внимания заслуживает изменение современной модели управления экодеструктивными действиями в местах нефтедобычи, что предполагает комплексный характер оценки эколого-экономического ущерба и учета экологических и социальных рисков в пространственном и временном аспектах.*

Таким образом, возникает насущная потребность в обеспечении эколого-экономической безопасности региона путем решения задачи определения интегральной оценки последствий залпового и постоянного загрязнения.

Принимая во внимание исследования ученых, необходимо отметить, что недостаточно проработанными остаются и требуют дополнительного обоснования подходы к комплексной интегральной оценки экономического ущерба и экологических потерь, которые могут иметь место в ходе нефтедобывающих работ с учетом уже определенных и систематизированных нами импактных действий.

Как мы уже и отмечали, импактные действия и экологические риски хозяйственной деятельности нефтедобывающего производства охватывают все стадии деятельности от разработки, эксплуатации нефтяных месторождений до их консервирования.

Все компоненты экосистемы территории в краткосрочном и долгосрочном периоде аккумулируют последствия экодеструктивной деятельности.

Влияние импактных действий нефтедобывающих предприятий на здоровье человека является малоисследованным.

Преимущественно добыча нефти происходит на сельхозхозяйственных землях, и углеводороды, попадая в верхние слои почвы и верховодку, осуществляют негативное влияние на здоровье человека, а значит и на качество человеческого капитала в местах нефтедобычи.

Открытым остается вопрос о методическом подходе к оценке уровня экологической безопасности питьевой воды, употребляемой населением в местах добычи нефти. При этом необходимо учитывать импактные действия вследствие пролонгированного загрязнения.

Углеводороды, которые попадают в водные объекты, вступают в сложные взаимодействия: с одной стороны, нефть влияет на биоту как токсикант, а с другой – гидробионты влияют на нефть, осуществляя процесс ее трансформации.

Ключевые слова: *регулирования, добыча нефтегазового сырья, эколого-правовой режим*

THE REGIME OF ENVIRONMENTAL AND LEGAL REGULATION OF THE EXTRACTION OF OIL AND GAS RAW MATERIALS

Yanike E.A., Senior Lecturer,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas

Abstract: *at the present stage of socio-economic development, structural imbalances of social production are deepening, the main reasons for which are contradictions between the priorities of economic and environmental activities, in particular in the field of oil production. The negative consequences of economic activity in oil production areas acquire a macroeconomic scale, resulting in an increase in environmental and social risks. The presence of these risks is due to the deterioration of the natural environment, a reduction in the period of productive human life and a decrease in the quality of life of the population.*

Special attention should be paid to the change in the modern management model of eco-destructive actions in oil production sites, which implies a comprehensive assessment of environmental and economic damage and

consideration of environmental and social risks in spatial and temporal aspects. Thus, there is an urgent need to ensure the ecological and economic security of the region by solving the problem of determining the integral assessment of the consequences of salvo and permanent pollution.

Taking into account the research of scientists, it should be noted that approaches to a comprehensive integrated assessment of economic damage and environmental losses that may occur during oil production operations, taking into account the impact actions already defined and systematized by us, remain insufficiently developed and require additional justification.

As we have already noted, impact actions and environmental risks of the economic activity of oil production cover all stages of activity from the development, operation of oil fields to their conservation. All components of the territory's ecosystem accumulate the consequences of eco-destructive activities in the short and long term.

The impact of impact actions of oil-producing enterprises on human health is poorly researched. Oil production mainly takes place on agricultural lands, and hydrocarbons, getting into the upper layers of the soil and the upper reaches, have a negative impact on human health, and hence on the quality of human capital in oil production sites.

The question of a methodological approach to assessing the level of environmental safety of drinking water consumed by the population in oil production sites remains open. At the same time, it is necessary to take into account the impact actions due to prolonged contamination. Hydrocarbons that enter water bodies enter into complex interactions: on the one hand, oil affects biota as a toxicant, and on the other, hydrobionts affect oil, carrying out the process of its transformation.

Keywords: *regulation, extraction of oil and gas raw materials, environmental and legal regime*

Согласно ФЗ «О недрах» от 21.02.92 г. (в ред. от 04.10.06 г.) «недра – часть земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геоло-гического изучения и освоения». Законодательство регулирует соответствующие общественные отношения, связанные с геологическим изучением, использованием и охраной недр территории Российской Федерации; ее континентального шельфа; в связи с использованием отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств; торфа, сапропелей (отложений со дна водоемов, используемых в качестве удобрений) и иных специфических минеральных ресурсов (включая подземные воды и рассолы).

Согласно статье 71К в ведении России находятся федеральная государственная собственность (недра земли) и управ-ление ею; определение статуса и защита континентального шельфа РФ. В соответствии со статьей 72 в совместном ведении Федерации и ее субъектов находится законодательство о недрах.

Законом РФ «О недрах» определяются правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр, обеспечивается защита интересов государства и граждан России, а также прав пользователей недр.

Для правовой охраны недр первостепенное значение имеет проблема собственности на недра, поскольку именно от нее зависит в конечном счете распределение компетенции, обязанности по защите минеральных ресурсов – главного богатства России. Законом определено, что недра в границах территории РФ, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью.

Загрязняющие вещества, которые попадают в атмосферу, оседают на почвах в радиусе до пяти километров от источника загрязнения. Практически везде в местах добычи нефти имеет место тотальное загрязнение почв. Причиной такого загрязнения почвенного покрова сложными соединениями углеводородов являются неэффективные и устаревшие способы консервации старых нерентабельных скважин и рекультивации загрязненных земель [7].

Опасным считается уровень загрязнения почвы, который превышает предел потенциала самоочистки.

Иначе говоря, почвы считаются загрязненными, когда концентрация нефтепродуктов в них достигает такого значения, при котором начинаются негативные экологические изменения в окружающей среде: нарушается экологическое равновесие в почвенной экосистеме, гибнет почвенная биота, падает производительность или наступает гибель растений.

Загрязнение почв приводит к значительному экологическому и экономическому ущербу: падает урожайность сельскохозяйственных культур, снижается продуктивность лесов, изымаются из хозяйственного пользования определенные площади земель, ухудшается состояние окружающей среды [7].

С целью предотвращения сверхнормативного уровня загрязнения необходимо в местах добычи нефти периодически осуществлять мониторинг уровня загрязнения почв и подземных вод нефтепродуктами. В случае возникновения аварийного загрязнения при отборе проб устанавливают:

- глубину проникновения нефтепродуктов в почвы, направление и скорость внутрипочвенного потока;
- возможность и масштабы проникновения нефтепродуктов через почвы в водоносные горизонты;
- ареал распространения нефтепродуктов в пределах водоносного горизонта;
- источник загрязнения почв и вод [5].

Шумовое загрязнение. Не менее важным вопросом является шумовое загрязнение в процессе добычи нефти. Известно, что физическими источниками шума в окружающей среде чаще всего являются машины, механизмы, оборудование, технологические процессы, связанные с нефтедобычей.

Эстетические изменения ландшафта. Следует отметить, что нефтедобывающая инфраструктура может повлечь ухудшение эстетичности восприятия окружающей среды через наличие техногенных объектов, за шумовое и ароматическое загрязнения.

Хотя эти явления являются временными и имеют локальный характер, условия циркуляции воздуха могут способствовать распространению этих проблем к населенным пунктам [9].

Проанализировав проблемы покомпонентного загрязнения в процессе добычи нефти, мы можем сделать вывод, что здоровье населения прямо пропорционально зависит от качества НПС, но как и в какой степени влияет нефтедобыча на состояние здоровья человека – остается малоисследованным. Риск потерь продуктивных лет жизни от импактных действий вследствие загрязнения нефтедобывающих предприятий до сих пор не учитывался при оценке экономического ущерба.

Следовательно, эколого-экономический анализ последствий загрязнения нефтепродуктами атмосферного воздуха, водных и земельных ресурсов и шумового загрязнения приобретает особую актуальность. Эколого-экономическая оценка ущерба вследствие импактных действий должна стать основой для определения удельных расходов на лечение населения, проживающего в местах нефтедобычи.

На сегодня учеными европейских стран уже доказан тот факт, что качество окружающей среды является одним из основных факторов, определяющих состояние здоровья человека.

Экологические катаклизмы, которые ведут к изменению климата и созданию парникового эффекта, имеют негативные последствия для здоровья людей, прежде всего для развивающихся стран, к которым относится и Россия [6].

Изменения социально-экономического и экологического характера за последние десятилетия привели к существенному ухудшению состояния здоровья населения страны.

Следует заметить, что основное внимание как отечественных, так и зарубежных ученых сосредоточено на исследовании зависимостей между уровнем заболеваемости населения и показателями экономического развития страны, а также на экономических последствиях повышения заболеваемости населения на общегосударственном уровне.

Самым существенным источником загрязнения окружающей среды в местах нефтедобычи являются предприятия нефтедобычи. Одна из основных проблем на этом этапе развития заключается в отсутствии информации относительно оценки экономического ущерба и экологических потерь, которые вызваны окружающей среде и местному населению в результате импактных действий по стадиям нефтедобычи, и ее составляющих на местном уровне, а также в отсутствии интегральной оценки техногенного воздействия от нефтедобывающих процессов.

Для интегральной оценки эколого-экономического ущерба здоровью населения от загрязненной окружающей среды вследствие влияния импактных действий нефтедобычи предусмотрено решение следующих задач:

1) разработка системы показателей, характеризующих долгосрочные последствия (например, дополнительная смертность, заболеваемость, инвалидность и другие изменения состояния здоровья населения) и др;

2) проведение сравнительного анализа факторов, определяющих уровень риска ухудшения показателей здоровья населения, вызванного загрязнением компонентов НПС вследствие импактных действий НПП;

3) проведение денежной оценки потерь, вызванных ухудшением показателей здоровья населения.

Предложенный нами интегральный покомпонентный подход к определению оценки эколого-экономического ущерба от импактных действий, вызванного экодеструктивной деятельностью в процессе нефтедобычи, позволит повысить эффективность принятия управленческих решений, прежде всего на региональном уровне.

В состав убытков, обусловленных заболеванием населения в местах нефтедобычи от импактного действия, вызванного загрязнением окружающей среды, относят дополнительные расходы по следующим направлениям:

– лечение (оплата медицинского обслуживания, расходы на лекарства, по уходу4 за больным и питание);

- восстановление здоровья (стоимость санаторно-курортного лечения, улучшение питания, другие расходы);

– возмещение потерь от общей и профессиональной нетрудоспособности;

- расходы в связи с вынужденной сменой места жительства с экологических причин;

- ущерб, понесенный потерпевшим в связи с утраченными реальными возможностями занятия профессиональной или иной деятельностью, преждевременным выходом на пенсию, психологическим и нанесенным моральным вредом.

Предложенная методика к интегральной оценке эколого-экономических убытков должно основываться на определении рисков потери лет продуктивной жизнедеятельности человека с учетом импактных действий, что предполагает определения покомпонентных экономических убытков вследствие нефтедобычи.

Также она должна учитывать прогнозные техногенные и экологические ущербы окружающей среде за такими компонентами, как снижение качества атмосферного воздуха, нерациональное использование местных поверхностных или подземных вод, загрязнение земельных угодий как сельскохозяйственного назначения, так и общего назначения, снижение качества биоразнообразия флоры и фауны и влияние на социальную среду и качество продуктивной жизни человека, развитость социально-бытовой инфраструктуры.

Для систематизации влияния НПК на окружающую среду и оценки уровня общей опасности для жизни и здоровья населения в регионе добычи необходимо учитывать весь цикл нефтедобывающих работ от разведки нефтяных месторождений до консервации скважин [11, 12].

Эколого-экономические потери от загрязнения окружающей среды нефтепродуктами определяются как сумма прямых потерь от загрязнения почв, водных объектов, атмосферного воздуха и потерь, которые несет местное население вследствие ухудшения состояния здоровья.

Нами проанализированы типы загрязнения, связанные с нефтедобычей, которые мы предлагаем разделить на загрязнение в результате аварийных (залповых) разливов нефти и постоянное загрязнение в процессах нефтедобычи.

Негативные изменения в окружающей среде или потери, которые возникают во время такого явления оцениваются в денежной форме за конкретный период. Расчет величины нанесенного ущерба оценивают на основе утвержденной «Методики определения размеров ущерба обусловленной загрязнением земельных ресурсов за нарушения природоохранного законодательства» от 27.10.1997 г. №171 [9].

Загрязнение постоянного или залпового характера чаще не ликвидируется или ликвидируется механическим методом (сжигание, снятия слоя грунта и др). В настоящее время методики для оценки эколого-экономического ущерба от загрязнения, вследствие постоянных выбросов, не имеет.

Литература

1. Аббасов П.Р. Актуальные вопросы правового регулирования экологического контроля // Актуальные проблемы гражданского права: сборник научных трудов. 2011. С. 4 – 9.

2. Бучакова М.А. К вопросу о совершенствовании законодательства об административной ответственности в области недропользования // Актуальные проблемы частного права: материалы межведомств. науч.-практ. конф. / отв. за вып. К.В. Карпов, Д.С. Рудьман. Омс : ОмА МВД России, 2019. С. 14 – 17.

3. Галузо В.Н. О допустимости «клонирования» отраслей юридической науки в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 24 – 27.

4. Заславская Н.М. Эколого-правовые конфликты: понятие, классификация, особенности правового регулирования // Экологическое право. 2021. № 5. С. 9 – 15.

5. Новикова Е.В. О практике эколого-право-вых экспериментов // Экологическое право. 2021. № 5. С. 34 – 40.

6. Пинаев В.Е., Чернышев Д.А. Ликвидация накопленного экологического ущерба – организационные и правовые аспекты: монография. М.: Мир науки, 2017. Режим доступа: http://izd-mn.com/PDF/07MNNPM17.pdf

7. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России / под ред. Н.Г. Жаворонковой. М.: Норма, 2014. 160 с.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 № 1523-р «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года» // Российская газета.

9. Чечельницкий И.В. Публично-правовые ограничения природопользования по экологическому законодательству // Юридический мир. 2013. № 8. С. 44 – 53.

10. Шлюттер М.С. Административная ответственность за правонарушения в области охраны недр и недропользования: монография. М.: Прогресс, 2015. 136 с.

11. Соловова Ю.В., Хубаева А.О. Особенности нормативно-правового регулирования нефтегазовой деятельности в Европейском союзе // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 6. С. 213 – 223.

12. Жарников А.И., Сибилева Е.В. Перспективы развития добычи и экспорта сырой нефти Дальневосточного округа Российской Федерации // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 5. С. 307 – 312.

13. Экологическое право России учеб. пособие для студ. вузов / под ред. Л.Б. Братковской. М.: Юрайт, 2018. 219 с.

14. Редькин А.В. и др. Эффективность юридической ответственности за нарушение законодательства о недрах: монография / под ред. Н.Д. Вершило. М.: Прогресс, 2019. 280 с.

References

1. Abbasov P.R. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya ekologicheskogo kontrolya. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik nauchnyh trudov. 2011. S. 4 – 9.

2. Buchakova M.A. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva ob administrativnoj otvetstvennosti v oblasti nedropol'zovaniya. Aktual'nye problemy chastnogo prava: materialy mezhvedomstv. nauch.-prakt. konf. otv. za vyp. K.V. Karpov, D.S. Rud'man. Oms : OmA MVD Rossii, 2019. S. 14 – 17.

3. Galuzo V.N. O dopustimosti «klonirovaniya» otraslej yuridicheskoj nauki v Rossijskoj Federacii. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. 2021. № 1. S. 24 – 27.

4. Zaslavskaya N.M. Ekologo-pravovye konflikty: ponyatie, klassifikaciya, osobennosti pravovogo regulirovaniya. Ekologicheskoe pravo. 2021. № 5. S. 9 – 15.

5. Novikova E.V. O praktike ekologo-pravo-vyh eksperimentov. Ekologicheskoe pravo. 2021. № 5. S. 34 – 40.

6. Pinaev V.E., CHernyshev D.A. Likvidaciya nakoplennogo ekologicheskogo ushcherba – organizacionnye i pravovye aspekty: monografiya. M.: Mir nauki, 2017. Rezhim dostupa: http://izd-mn.com/PDF/07MNNPM17.pdf

7. Prirodoresursnoe zakonodatel'stvo v usloviyah modernizacii ekonomiki Rossii. pod red. N.G. ZHavoronkovoj. M.: Norma, 2014. 160 s.

8. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 09.06.2020 № 1523-r «Energeticheskaya strategiya Rossijskoj Federacii na period do 2035 goda». Rossijskaya gazeta.

9. CHechel'nickij I.V. Publichno-pravovye ogranicheniya prirodopol'zovaniya po ekologicheskomu zakonodatel'stvu. YUridicheskij mir. 2013. № 8. S. 44 – 53.

10. SHlyutter M.S. Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya v oblasti ohrany nedr i nedropol'zovaniya: monografiya. M.: Progress, 2015. 136 s.

11. Solovova YU.V., Hubaeva A.O. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya neftegazovoj deyatel'nosti v Evropejskom soyuze. Russian Economic Bulletin. 2021. T. 4. № 6. S. 213 – 223.

12. ZHarnikov A.I., Sibileva E.V. Perspektivy razvitiya dobychi i eksporta syroj nefti Dal'nevostochnogo okruga Rossijskoj Federacii. Russian Economic Bulletin. 2021. T. 4. № 5. S. 307 – 312.

13. Ekologicheskoe pravo Rossii ucheb. posobie dlya stud. Vuzov. pod red. L.B. Bratkovskoj. M.: YUrajt, 2018. 219 s.

14. Red'kin A.V. i dr. Effektivnost' yuridicheskoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o nedrah: monografiya. pod red. N.D. Vershilo. M.: Progress, 2019. 280 s.

ИНСТИТУТ ВСТРЕЧНОГО ИСКА: ТЕОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Александров А.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Байтрукевич Е.С.,
Марченкова Е.А.,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: *авторы данной работы акцентируют свое внимание на вопросы, возникающие в правоприменении в связи с защитой нарушенных (оспариваемых) гражданских прав посредством использования встречного иска. Реализация конституционно-правового принципа судебной защиты нарушенных (оспариваемых) прав находит свое отражение в нормах гражданского-процессуального законодательства. Авторы полагают, что вопрос судебной защиты прав ответчика не лишен правовых пробелов и неопределенностей в правоприменительной практике. В связи с этим целью работы является анализ норм гражданского процессуального законодательства о встречном иске и предложение законодательных изменений в соответствующие нормы. Встречный иск – способ защиты гражданских прав, имеющий определенные условия принятия. Однако, нередки случаи затруднительного понимания и толкования норм Гражданского-процессуального кодекса, относящихся к подаче встречных исковых требований. Следовательно, задачами данной работы выступает разрешение вопроса о нормативном закреплении дефиниции «встречный иск», анализ условий принятия встречного иска и исследование вопроса о форме встречного искового заявления. Подача встречного иска возможно в уже начавшемся гражданском процессе, вследствие этого ответчик не может быть лишен права защищать свои права. По итогам работы сделан вывод о необходимости дальнейшей проработки законодательных положений о встречном иске, что позволит избежать правовые пробелы и коллизии, а также трудности в правоприменении.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, правовая защита ответчика, способ защиты гражданских прав, суд, институт встречного иска, исковое производство, право на судебную защиту*

INSTITUTE OF COUNTERCLAIM: THEORY, PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Alexandrov A.Yu., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Baitrukevich E.S.,
Marchenkova E.A.,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: *the authors of this work focus their attention on issues arising in law enforcement in connection with the protection of violated (disputed) civil rights through the use of a counterclaim. The implementation of the constitutional and legal principle of judicial protection of violated (disputed) rights is reflected in the norms of civil procedure legislation. The authors believe that the issue of judicial protection of the defendant's rights is not devoid of legal gaps and uncertainties in law enforcement practice. In this regard, the purpose of the work is to analyze the norms of civil procedural legislation on counterclaim and propose legislative amendments to the relevant norms. A counterclaim is a way of protecting civil rights that has certain acceptance conditions. However, there are often cases of difficult understanding and interpretation of the norms of the Civil Procedure Code relating to the filing of counterclaims. Consequently, the objectives of this work are to resolve the issue of the normative consolidation of the definition of "counterclaim", the analysis of the conditions for the acceptance of a counterclaim and the study of the form of a counterclaim. Filing a counterclaim is possible in a civil process that has already begun, as a result, the defendant cannot be deprived of the right to defend his rights. Based on the results of the work, it was concluded that it is necessary to further study the legislative provisions on counterclaim, which will avoid legal gaps and conflicts, as well as difficulties in law enforcement.*

Keywords: *civil procedure, legal protection of the defendant, method of protection of civil rights, court, institute of counterclaim, claim proceedings, right to judicial protection*

Защита прав и свобод человека и гражданина является конституционно закрепленной догмой, на основе которой разрабатывается и совершенствуется российское законодательство. Многообразие сфер общественной жизни, форм взаимодействия между субъектами права порождает конфликтные ситуации, в которых права и интересы одного лица предположительно нарушаются действиями (бездействиями) другой стороны. Гражданское законодательство, развивая конституционно-правовые положения, признает за лицами неотчуждаемое право на обращение в судебном порядке за защитой нарушенных прав.

Институт судебной защиты по гражданским делам берет начало своего становления и развития со времен римского частного права. Защита нарушенного права того времени отличалась совокупностью средств защиты, подходы к определению которых рознятся с современными трактовками. Цивилистическая наука того времени относила к средствам защиты гражданских прав следующее: самооборону, самоуправство, судебную защиту, административную защиту, выражающуюся в издании реторсий и интердиктов [8, с. 113]. С развитием товарно-денежных отношений и понятий о праве в Римской империи способы защиты нарушенных прав были существенно модернизированы. Так, для защиты своих прав лица обращались к исковому производству. В настоящее время исковое производство остается наиболее распространенным способом защиты прав, но довольно затратным и длительным.

Исковое производство основано на предъявлении стороной спора иска – процессуального документа, в установленном законе порядке. Сущность иска – предмет дискуссий многих ученых – теоретиков. Нельзя не согласится с мнением Н.М. Коршунова: «проблема иска сложна и многогранна, как никакая другая проблема в науке гражданского процесса» [7, с. 273]. М.Ю. Белков и В.В Хвалева определяют иск как «требование заинтересованного лица, вытекающего из спорного материального правоотношения, а также требование о защите своего либо чужого права или интереса, подлежащего разрешению и рассмотрению в установленном законодательством судебном порядке» [4, с. 4]. А.П. Яковлева и О.Ю. Константинова дефиницию «иск» определяют следующим образом: иск – «требование заинтересованного лица, вытекающее из спорного материального правоотношения, о защите своего или чужого права либо охраняемого законом интереса, подлежащее рассмотрению и разрешению в установленном законом порядке» [10, с. 1]. Развитие дискуссии относительно определения понятия «иск» стало следствием появления научной гипотезы о двойственной природе иска. Ученые трактуют иск, выделяя процессуальное и материальное основание. М.А. Гурвич в процессуальном смысле трактует иск как «обращение в суд за защитой права», в материальном – «субъективное материальное право, обладающее способностью быть осуществленным в принудительном порядке, как правило – через суд» [5, с. 7-9]. Существуют различные подходы к определению понятия «иск» времен римского частного права. О.В. Алимова и Д.А. Жуков отразили свой подход к определению иска, опираясь на древний правовой источник: «В Дигестах выражена точка зрения о представлении иска следующим образом: «Иск есть не что иное, как право лица осуществлять судебным порядком принадлежащее ему требование». Отсюда можно сделать вывод о том, что под исковым требованием можно понимать возможность лица реализовать свои права в судебном порядке» [3, с. 131].

По нашему мнению, научно-правовая дифференциация природы иска не совсем соответствует принципу логики и подводит к выводу о том, что природа иска является различной для сторон и участников гражданского процесса. Нужно не забывать, что подача иска – процессуальное право лица, которое реализуется с целью разрешения спора, а значит категории процессуального и материального составляющего не нуждаются в разграничении.

Существо судебного разбирательства по гражданскому делу основывается на гражданско-правовом споре между сторонами: истцом и ответчиком. Спор следует охарактеризовать как осложненный юридический состав, порождающий определенные последствия при наличии совокупности правовых факторов. Обеим сторонам гражданского процесса гарантировано право на судебную защиту своих прав и интересов, что закреплено в соответствующем конституционном положении. Не совсем рационально утверждать, что право истца на защиту имеет исключительный характер, так как ответчик, являясь стороной гражданского процесса, также вправе применять различные средства правовой защиты своих законных прав и интересов. Право на защиту законных прав и интересов реализуется сторонами путем обращения в суд с исковым заявлением; заявлениями и жалобами в порядке и с учетом особенностей, установленных гражданским законодательством. Деятельность ответчика по защите своих законных прав и интересов основана не только на реализации совокупности определенных процессуальных действий, но и на качественной подготовке к судебному разбирательству.

ГК РФ содержит положения относительно способов защиты гражданских прав. В гражданско-процессуальной науке остается открытым вопрос о средствах правовой защиты ответчика как стороны процесса, что осложняет реализацию конституционно установленного принципа. Ученые-процессуалисты выделяют следующие средства: отрицание искового заявления, возражение на него и подача встречных исковых требований.

Рассмотрим более подробно проблематику подачи встречного искового заявления как средства правовой защиты ответчика. При анализе гражданско-процессуальных положений о возможности предъявления встречного иска можно выделить ряд дискуссионных вопросов, возникающих в правоприменительной практике.

Гражданский процессуальный кодекс РФ не регламентирует определения понятия «встречный иск». Так, А.Р. Султанов определяет встречный иск как «явление, выражающееся в заявлении ответчиком иска в уже возникшем процессе по первоначальному иску и рассматриваемый совместно с ним, которым предъявляются требования к истцу, служащие средством защиты против первоначального требования или связанные с ним близостью оснований» [9, с. 16]. В.Л. Исаченко именовал встречным иском "обратное требование ответчика на истца", предъявляемое или для "зачета претензии, или для уничтожения того права истца, которое положено в основу главного иска" [6, с. 67].

По нашему мнению, встречные исковые требования следует трактовать как самостоятельный институт защиты прав ответчика, существом которого выступает оспаривание спорного правоотношения, вытекающего из первоначально заявленных требований истца, целью которого является восстановление истинно нарушенного права и разрешение спора между сторонами.

Так, статьи 137-138 Гражданско-процессуального кодекса РФ раскрывают возможность и условия предъявления ответчиком встречных исковых требований. Вопрос о форме и содержании встречного иска в юридической науке является предметом оживленных дискуссий. Статья 137 Гражданско-процессуального кодекса РФ отмечает, что правила предъявления встречного иска аналогичны общим правилам предъявления иска. Предполагаем, что законодатель руководствовался принципом аналогии, закрепляя возможность предъявления именно встречного «иска». Слово «иск» должно отсылать лицо к соответствующим нормам гражданского законодательства, в которых раскрываются положения относительно формы и содержания процессуального документа. По нашему мнению, на грамотное применение нормы может повлиять уровень юридической подкованности лица, что следует учесть законодателю. К тому же, наличие в гражданском судопроизводстве такого средства защиты, как возражение на иск, может создать неопределенность в определении рационального средства защиты права при разрешении определенных гражданских споров.

Предъявление ответчиком встречного иска осуществляется до принятия решения судом по делу. Существуют научное предположение о возможном злоупотреблении правом со стороны ответчика, основанное на нормативной не закреплённости точных временных рамок подачи встречных исковых требований.

Возможность предъявления встречного иска не является закрепленной гражданско – процессуальной обязанностью стороны. Лицо, оценивая обстановку и правовую перспективу рассматриваемого дела вправе прибегнуть к данному средству защиты. По общему правилу, стороне рекомендуется подать встречный иск в рамках вводной части гражданского разбирательства. В гражданско-процессуальном законе не установлен запрет на подачу встречного иска на любой другой стадии рассмотрения дела.

По нашему мнению, введение четкого процессуального срока на подачу встречного иска может стать противоречием с диспозитивным характером процесса. Если сторона не предоставит встречный иск в срок, четко регламентированный законом, то есть на какой – либо стадии гражданского разбирательства, то отказ в рассмотрении его судом в любой другой стадии ограничивает волеизъявление стороны и препятствует реализации принципа на судебную защиту. При введении четкого процессуального срока подачи встречного иска законодателю следует предусмотреть вышеобозначенную правовую коллизию, возможно, предусмотреть исключительные случаи принятия встречного иска при наличии уважительных причин. Примечательно, что в ГПК РСФСР 1923 г. было указание на срок подачи встречного иска в примечании к ст. 81: "Все недостатки встречного искового заявления должны быть восполнены не позднее назначенного для слушания дела дня; в противном случае предъявленный встречный иск в данном процессе не рассматривается" [2].

Гражданским процессуальным законодательством регламентированы условия принятия встречных исковых требований в статье 138 ГПК РФ [1], практическое применение которых также вызывает ряд вопросов. Так, встречный иск может быть принят, когда: встречное исковое требование направлено к зачету первоначального; предъявление стороной встречных исковых требований целиком или в какой-либо части исключает возможность принятия основных встречных требований; наличие взаимной связи между первоначальным и встречным иском ускоряет грамотное рассмотрение дела. Первые два условия не вызывают практической и теоретической неопределенности и трудностей в применении, последнее условие является неясным по следующим причинам. Связь между первоначальным и встречным исковым требованием прослеживается потому, что подача встречного иска происходит в рамках уже начавшегося искового производства, сторона возражает против тех требований, которые уже выдвинуты истцом. Представляется не совсем понятным о какой связи ведет речь законодатель.

Анализируя положения ст. 138 ГПК РФ, наблюдается следующая правовая неопределенность: стороне следует соблюсти все условия в совокупности или же соответствие одному условию также будет засчитано судом.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что нормы, относящиеся к институту встречного иска, нуждаются в законодательной доработке. Полагаем, что целесообразным будет обсуждение практического применения и теоретического толкования норм о встречном иске в научном сообществе. По нашему мнению, законодателю следует рассмотреть вопрос о внесении поправок в гражданское законодательство, возможно в виде примечаний к статьям 137-138 ГПК РФ. Поправки могут касаться сущности встречного иска, условий принятий встречных исковых требований. Более детальная и юридически-грамотная проработка статьей 137-138 ГПК позволит избежать противоречий, правовых пробелов и коллизий.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11. 2002 № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/f98908c926e3ac77077f5cc2a7da7fa879643655/ (дата обращения: 19.10.2022)

2. Постановление о введение в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 10 июля 1923 года // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=32B2GLTEVQhbtIjp&cacheid=F07A5F333F5E4EE7896E66E2F1A63A4A&mode=splus&rnd=GppTBg&base=ESU&n=44189#a5E2GLTbjTVLH15O (дата обращения: 19.10.2022)

3. Алимова О.В., Жуков Д.А. Развитие исковой защиты в Риме // Инновационное развитие науки и образования: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 января 2021 года. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 130 – 133.

4. Белков М.Ю.,, Хвалева В.В. Проблемы понятия иска в гражданском процессе // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции. Т. 5 (5): Ассоциация научных сотрудников "Сибирская академическая книга", 2017. С. 31 – 35.

5. Гурвич М.А. Право на иск: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1978. С. 7 – 9.

6. Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводсто. Т. 1. СПб., 1910. С. 67.

7. Коршунов Н.М. Мареев Ю.Л. Гражданский процесс: учеб. для вузов. М., 2004. С. 273.

8. Латыпов Д. Н. Эволюция взглядов на способы защиты гражданских прав // Закон и право. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-sposoby-zaschity-grazhdanskih-prav (дата обращения: 17.10.2022)

9. Султанов А.Р. Аргументы в пользу защиты путем подачи встречного иска не только первоначальному истцу // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 9. С. 13 – 18.

10. Яковлева А.П., Константинова О.Ю. Определение понятия иска в гражданском процессе // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: Материалы XIII международной научно-практической конференции, North Charleston, USA, 17-18 октября 2017 года / н.-и. ц. «Академический». North Charleston, USA: CreateSpace, 2017. С. 162 – 166.

References

1. Grazhdanskij processual'nyj kodeks RF ot 14.11. 2002 № 138-FZ. SPS «Konsul'tantPljus» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/f98908c926e3ac77077f5cc2a7da7fa879643655/ (data obrashhenija: 19.10.2022)

2. Postanovlenie o vvedenie v dejstvie Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa RSFSR ot 10 ijulja 1923 goda. SPS «Konsul'tantPljus» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=32B2GLTEVQhbtIjp&cacheid=F07A5F333F5E4EE7896E66E2F1A63A4A&mode=splus&rnd=GppTBg&base=ESU&n=44189#a5E2GLTbjTVLH15O (data obrashhenija: 19.10.2022)

3. Alimova O.V., Zhukov D.A. Razvitie iskovoj zashhity v Rime. Innovacionnoe razvitie nauki i obrazovanija: sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 12 janvarja 2021 goda. Penza: "Nauka i Prosveshhenie" (IP Guljaev G.Ju.), 2021. S. 130 – 133.

4. Belkov M.Ju.,, Hvaleva V.V. Problemy ponjatija iska v grazhdanskom processe. Aktual'nye problemy jurisprudencii: Sbornik statej po materialam V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj kon-ferencii. T. 5 (5): Associacija nauchnyh sotrudnikov "Sibirskaja akademicheskaja kniga", 2017. S. 31 – 35.

5. Gurvich M.A. Pravo na isk: uchebnoe posobie. M.: VJuZI, 1978. S. 7 – 9.

6. Isachenko V.L. Russkoe grazhdanskoe sudoproizvodsto. T. 1. SPb., 1910. S. 67.

7. Korshunov N.M. Mareev Ju.L. Grazhdanskij process: ucheb. dlja vuzov. M., 2004. S. 273.

8. Latypov D. N. Jevoljucija vzgljadov na sposoby zashhity grazhdanskih prav. Zakon i pravo. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-sposoby-zaschity-grazhdanskih-prav (data obrashhenija: 17.10.2022)

9. Sultanov A.R. Argumenty v pol'zu zashhity putem podachi vstrechnogo iska ne tol'ko pervonachal'nomu. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2017. № 9. S. 13 – 18.

10. Jakovleva A.P., Konstantinova O.Ju. Opredelenie ponjatija iska v grazhdanskom processe. Fundamental'naja nauka i tehnologii – perspektivnye razrabotki: Materialy XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, North Charleston, USA, 17-18 oktjabrja 2017 goda. n.-i. c. «Akademicheskij». North Charleston, USA: CreateSpace, 2017. S. 162 – 166.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Плугарь Д.М., кандидат юридических наук, декан, старший советник юстиции,
Санкт-Петербургский юридический институт, филиал
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Васильева А.В., старший преподаватель, юрист 2 класса,
Дальневосточный юридический институт, филиал
Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация: *авторами в статье проводится содержательный анализ категорий несовершеннолетних как участников жилищных правоотношений (дети – сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети – инвалиды), для которых предоставляются дополнительные жилищные права и гарантии. Отмечено, что законодательная регламентация данных категорий довольно обширна и подкрепляется различными федеральными законами и иными актами по защите и охране жилищных прав данных групп, что в свою очередь позволяет сделать вывод о том, что детям-инвалидам, детям – сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, уделено особое внимание законодателя. При изучении и исследовании данных вопросов некоторые проблемы жилищных прав несовершеннолетних раскрываются более детально. В качестве вывода предлагаются изменения в некоторые статьи Жилищного кодекса Российской Федерации, что в определенной мере выступает основной для дальнейших научных исследований.*

Ключевые слова: *жилище, несовершеннолетние, защита прав, законодательство*

SOME ACTUAL PROBLEMS OF HOUSING RIGHTS OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR LEGISLATIVE REGULATION

Plugar D.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Dean, Senior Adviser of Justice,
St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vasilyeva A.V., Senior Lecturer, Lawyer of the 2nd class,
Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract: *the authors of the article carry out a meaningful analysis of the categories of minors as participants in housing legal relations (orphans; children left without parental care; disabled children), for whom additional housing rights and guarantees are provided. It is noted that the legislative regulation of these categories is quite extensive and is supported by various federal laws and other acts on the protection and protection of housing rights of these groups, which in turn allows us to conclude that disabled children, orphans, children left without parental care are given special attention by the legislator. When studying and researching these issues, some problems of housing rights of minors are revealed in more detail. As a conclusion, amendments to some articles of the Housing Code of the Russian Federation are proposed, which to a certain extent acts as the main one for further scientific research.*

Keywords: *housing, minors, protection of rights, legislation*

Современный гражданский оборот характеризуется широким спектром имущественных и личных неимущественных прав его участников. Возможность реализовывать свои субъективные права и защищать их в установленном законом порядке обеспечивает высокую степень самостоятельности субъектов гражданских правоотношений. Всякое право имеет ценность, если оно осуществляется, именно поэтому государство обязано обеспечить равную возможность реализации и защиты прав всем участникам гражданского оборота, в том числе малолетним и несовершеннолетним.

Законодательное установление форм защиты права зависит от многих факторов: особенностей правоотношений, метода их регулирования, потребностей практики в скорейшем разрешении споров, а также от политики государства на данном этапе ее развития [4].

Признание и провозглашение государством частной собственности конституционным правом граждан способствовало быстрому развитию рынка жилья.

Начиная с 1992 года, в первую очередь благодаря приватизации государственного жилищного фонда, рынок жилья значительно увеличился, стал более мобильным. Со временем рынок жилья вырос за счет

нового строительства. Эти в целом позитивные процессы принесли и негативные последствия: значительно возросли количество и виды нарушений права пользования и права собственности на жилье. Среди пострадавших от правонарушений в этих отношениях большинство принадлежит к наименее защищенных слоев населения: недееспособных и ограниченно дееспособных по возрасту или состоянию здоровья. Причины этому разные. Дети, находящиеся в трудных условиях, составляют почти трети от всего детского населения государства (всего в России более тридцати миллионов граждан в возрасте до 18 лет) [3]. Бездомные несовершеннолетние становятся нищими, а иногда и преступниками. Надежная охрана жилищных прав лиц этой категории (детей) является необходимым условием развития общества. Задача государства при осуществлении жилищной реформы заключается в обеспечении реализации права на жилье, и, в том числе, правовыми средствами – путем создания соответствующих общественным отношениям и провозглашенных государством принципов нормативно-правовой базы.

Часто родители, решая вопрос о приобретении жилья по новому месту проживания, при совершении соответствующих сделок не включают малолетних или несовершеннолетних лиц в круг совладельцев. Кроме того, опрос таких родителей в большинстве случаев показало, что они не включают своих детей в число сособственников, поскольку не считают это необходимым [1].

Не останавливаясь подробно на случаях, когда несовершеннолетнему принадлежит право собственности определенное жилье и, соответственно, его отчуждение может осуществляться только в специальном порядке при условии соблюдения условий, предусмотренных ГК РФ и СК РФ, отметим, что проблемы возникают, как правило, только в отношении дел, когда речь идет о признании недействительным соответствующего распоряжения органа опеки и попечительства о даче согласия на отчуждение имущества на определенных условиях, когда эти условия сторона не выполняет.

Статьи 7, 38 Конституция Российской Федерации (далее - Конституция РФ), являются необходимой предпосылкой для реализации конституционного права на жилище, предусмотренного статьей 40 Конституции РФ.

Данное право предусматривает юридически гарантированную возможность каждого быть обеспеченным жильем и принадлежит каждому от рождения.

С целью обеспечения условий для реализации права на жилище, государство и муниципальные образования обязаны предоставлять жилые помещения гражданам, особо нуждающимся, расширять жилищные фонды, содействовать развитию других формобеспечения граждан жилищем [31].

Согласно части 2 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК Российской Федерации), "жилые помещения" – это изолированные помещения, представляющие собой недвижимое имущество, пригодное для постоянного проживания граждан.

Однако законодательство не содержит определения такого понятия как «жилище».

Европейский Суд дает расширенное толкование, понимая под «жилищем» место фактического проживания, вне зависимости от того, соответствует ли оно требованиям пригодности для проживания [31].

Для определения жилого помещения в качестве жилища Европейский суд использует такой критерий как наличие личных (достаточных, продолжающихся, сильных эмоциональных, существенных) связей человека с его жилищем, вне зависимости от обладания лицом законными основаниями для проживания в нем [31].

В российском конституционном праве под жилищным понятием часто понимают выбранное место, адрес и географические координаты которого определяют помещения, специально предназначенные для свободного проживания человека.

Жилищные отношения в строгом смысле слова – это равноправные отношения между их участниками, возникающие в связи с владением, использованием и отчуждением жилого помещения.

В широком смысле жилищные отношения понимаются не только как равноправные отношения, но и как те, которые относятся к общественным (административным) отношениям. Например, отношения с: выделением помещений под жилые помещения и исключением их из жилищного фонда (пункт 4 статьи 4 Жилищного кодекса Российской Федерации); учет жилищного фонда (пункт 5 статьи 4 Жилищного кодекса Российской Федерации) и так далее.

В жилищном законодательстве термин "жилищные условия " используется в более узком смысле.

Вещные права ребенка, возникающие в связи с пользованием жильем, являющимся собственностью родителей (усыновителей), является одной из актуальных проблем права. И это вполне объяснимо, поскольку жилье е социально-экономическим базисом ее развития, поэтому право на жилье е основополагающим имущественным правом ребенка. Правовое регулирование жилищных правоотношений, субъектом которых является ребенок, осуществляется на основе объединений предписаний гражданского, семейного и жилищного законодательства.

Смежное регулирование этих отношений является причиной многочисленных коллизий, усугубляющихся несостоятельностью норм Жилищного кодекса (далее – ЖК) урегулировать современные жилищные правоотношения [7].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что право ребенка на пользование жильем нарушается прежде всего его родителями, а также органами, которые по закону должны осуществлять меры по защите этих прав ребенка. Проблемные вопросы защиты права ребенка на пользование жильем возникают из-за необходимости судами устанавливать большое количество обстоятельств, которыми подтверждается право ребенка на пользование жильем. Указанные факторы предопределяют необходимость исследования научных подходов к решению указанных проблемных вопросов и практики решения судами споров по защите права ребенка на пользование жильем.

В науке нет единого понимания сути понятия "жилищные права несовершеннолетних".

Можно классифицировать жилищные права несовершеннолетних по таким критериям, как возраст несовершеннолетних, то есть права несовершеннолетних и лиц в возрасте от 14 до 18 лет; социальные факторы, например, состав семьи – сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей.

Согласно ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 29.12.2006 №256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей с детьми", в случае направления средств материального капитала на улучшение жилищных условий им предоставляется доля в праве собственности на жилые помещения, приобретенные (построенные) на эти средства или их часть, а также на имущество, приобретенное (построенное, построенное) на эти средства. были перестроены) [6].

В соответствии с пунктом 1 статьи 8 Федерального закона от 21.12.1996 №159-ФЗ "О дополнительных гарантиях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" (далее - Закон №159-ФЗ) этим детям на условиях договора аренды предоставляются однократно благоустроенные жилые помещения со специальным жилищным фондом. для специализированного жилья. По истечении срока действия договора аренды специализированного жилого помещения эти лица имеют право на получение предоставленного им жилого помещения путем заключения договора социального найма. (Пункт 6 ст. 8) [6].

Дети-сироты имеют право требовать их своевременного включения в перечень детей-сирот, подлежащих предоставлению жилых помещений. надлежащий контроль за использованием, распоряжением жилыми помещениями и т. Д. потребовать. (Пункт 3 статьи 8 Закона №159-ФЗ).

Семьи с детьми-инвалидами, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на регистрацию и предоставление жилых помещений в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации (части 1 и 5 статьи 17 Федерального закона о жилищном обеспечении), с учетом состояния их здоровья и других обстоятельств, заслуживающих внимания. Российской Федерации, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. Российской Федерации (части 1 и 5 статьи 17 Федерального закона №181-ФЗ от 24.11.1995 "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" (далее – Закон №181-ФЗ)).

В соответствии с частями 8, 10, 13 статьи 17 Закона №181-ФЗ дети-инвалиды имеют право на оборудование, жилые помещения, занимаемые ими, специальные средства и оборудование для создания условий для реализации ребенком-инвалидом индивидуальной программы реабилитации; они имеют право, в случае пребывания в стационарных социальных учреждениях, на приобретение оборудования, специальных средств и оборудования, необходимых для обеспечения условий, необходимых для реализации ребенком-инвалидом индивидуальной программы реабилитации; они имеют право, в случае пребывания в стационарных социальных учреждениях, и получать жилье по достижении 18-летнего возраста; семьи, имеющие детей-инвалидов, имеют право на компенсацию расходов на оплату жилого помещения государственного и муниципального жилищных фондов, а также на оплату коммунальных услуг в размере 50 процентов.

Институт права собственности в полной мере не урегулирует всех имущественных отношений в жилищной сфере. По этой причине законодательство регламентирует вещные права на чужое имущество, с помощью которых удовлетворяются имущественные интересы в использовании жилья не только собственника, но и других лиц.

По общему определению, право пользования чужим имуществом – это предусмотренная законом или приобретенный в установленном законом порядке возможность получать пользу из чужой вещи (имущества) путем совершения определенного вида поведения. Его содержание составляет совокупность разнообразных видов поведения, которые может осуществлять пользователь в отношении чужой вещи.

Право на сохранение жилого помещения следует понимать как право несовершеннолетнего требовать контроля за использованием, распоряжением и размещением жилого помещения.

Среди прав на ремонт – возможность требовать ремонта разрушенного и устаревшего жилья.

Следует отметить, что в соответствии с пунктом "К" статьи 72 Конституции Российской Федерации жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и входящих в ее состав субъектов. В связи с этим региональные нормативные акты предусматривают дополнительные гарантии защиты жилищных прав несовершеннолетних.

В соответствии с Московским законом от 30 ноября 2005 г. №1, в соответствии с п. согласно ст. 61 "о дополнительных гарантиях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в городе Москве" (в действующей редакции от 2020 года), дети-сироты и дети, проживающие в жилых домах, оставшихся без попечения родителей, независимо от их домовладения, подлежат возмещению расходов на оплату жилья для их детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в городе Москве, независимо от того, являются ли они собственниками жилья, от расходов на оплату жилья для их детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в городе Москве. Содержание и ремонт, за коммунальные услуги, на время их пребывания в детском доме или для семейного воспитания, а также за обучение для 16 освобожденных.

Анализ нормативных правовых актов показывает, что законодатель делит категорию несовершеннолетних как участников жилищных правоотношений на более частные категории (сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети-инвалиды), для которых предусмотрены дополнительные жилищные права и гарантии.

Вместе с тем, законодательная регламентация данных категорий довольно обширна и подкрепляется различными федеральными законами и иными актами по защите и охране жилищных прав данных групп, что в свою очередь позволяет сделать вывод о том, что детям-инвалидам, детям – сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, уделено особое внимание законодателя [29].

Однако, без должного внимания законодателя, оставлены несовершеннолетние, имеющие родителей. Они участвуют в жилищных правоотношениях, пользуясь теми же правами и гарантиями, что и совершеннолетние граждане, не имея дополнительных гарантий защиты и охраны жилищных прав.

Отсутствие интереса со стороны государства, государственных органов, в том числе и суда, к вопросу обеспеченности несовершеннолетних, имеющих родителей, жилыми помещениями, прослеживается при рассмотрении споров о признании лиц, прекратившими права пользования жилым помещением и выселении.

При разрешении этих споров суды применяют положения частей 1, 4 и 5 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации №188-ФЗ от 29.12.2004 г. (далее - Жилищный кодекс Российской Федерации).

Предлагаем такую дефиницию права пользования жильем ребенком. Право ребенка на проживание является личным сервитутом, который возникает на основании факта происхождения ребенка, заверенного в установленном порядке, или усыновления.

Право пользования жильем имеет безвозмездный характер, содержанием этого права является личное проживание в жилом помещении. Малолетний или несовершеннолетний ребенок (ребенок в возрасте до двадцати трех лет, который продолжает обучение) имеет право на пользование жильем обоих родителей, в том числе и в случае раздельного проживания с ними или с одним из них, при условии, что его потребности не могут быть удовлетворены другим способом.

Право пользования жильем малолетним и несовершеннолетним лицом не прекращается в случае неиспользования сервитута в течение трех лет и отсутствия без уважительных причин более одного года [29]. Ребенок, не достигший 18 лет, либо совершеннолетнее лицо, которое продолжает учиться до двадцати трех лет, имеет право пользоваться жильем обоих родителей в порядке, установленном законодательством [29].

В литературе определяют такие категории дел, возникающих из гражданских правоотношений, во время защиты права пользования жильем:

1) об установлении порядка пользования жильем;

2) об утрате права пользования жильем;

3) о лишении права пользования жильем;

4) об устранении препятствий в пользовании жильем [23].

К способам защиты прав ребенка на пользование жильем можно также отнести признание права на пользование жильем; восстановлении права на пользование жильем; требования о прекращении действий, нарушающих права детей на проживание, о признании сделки недействительной и тому подобное.

Защита права ребенка на пользование жильем обусловливается установлением судом ряда фактов, с которыми связывается разрешение спора. Такими фактами, в частности, является установление, было ли недвижимое имущество местом жительства ребенка на время осуществления оспариваемой сделки и противоречит ли сделка требованиям гражданского законодательства.

Во время решения споров о признании ребенка утратившим право проживания, нужно установить факты, которые бы подтверждали неиспользование жилья ребенком для проживания, систематичность проживания по другому адресу.

Гарантией обоснованности решения суда (ст. 263 ГК РФ) является полнота и всесторонность выяснения обстоятельств дела. По делам о признании ребенка утратившим право пользования жильем, такими фактами являются уважительность непроживания в жилом помещении, добровольное соглашение между родителями об определении места проживания ребенка, наличие у второго из родителей, с которым ребенок постоянно проживает, постоянного жилья.

Во время решения дела судом учитывается, что место жительства несовершеннолетнего лица определила мать, она вынуждена с ней проживать по другому адресу, поэтому не располагает квартирой отца не по собственному желанию. Именно это основание дает право считать, что это не е случаем от сущности ее как члена семьи собственника жилья без уважительных причин. Кроме того, мать не имеет собственного жилья, в настоящее время проживает вместе с ребенком по другому адресу, по которому зарегистрировать ребенка не имеет фактической возможности, потому что не является собственником этого жилья и не может распоряжаться им по своему усмотрению, не может гарантировать ребенку право пользования этим жильем на условиях, которые ребенок будет нуждаться. Суд постановил отказать в удовлетворении требования о признании несовершеннолетнего утратившим право пользования жилым помещением [24].

Существование такой судебной практики должно насторожить и активизировать действия органов опеки и попечительства, целью которых, среди прочего, является защита жилищных прав несовершеннолетних. Однако органы опеки и попечительства часто формально подходят к выполнению своих обязанностей, не вникая в суть сложившейся ситуации.

Так, в апелляционном решении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Карелия от 04.10.2015 отмечается, что заключение органа опеки и попечительства не выражает мнения по вопросу о выселении несовершеннолетнего из спорного жилого помещения [36].

Все это свидетельствует о том, что ни суд, ни органы опеки не уделяют достаточного внимания вопросу размещения несовершеннолетних и полностью оставляют решение вопроса на усмотрение законных представителей, с которыми несовершеннолетние еще проживают и которые по разным причинам не всегда могут обеспечить детей надлежащим жильем.

Такая ситуация стала возможной из-за того, что законодатель не уделил должного внимания жилищному праву несовершеннолетних, имеющих законных представителей, формальному подходу органов опеки и попечительства к исполнению своих обязанностей, а также позиции судов, не осуществляющих их право (пункт 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации), судебному кодексу Российской Федерации, Законодательству Российской Федерации. Обязать собственников жилых помещений заботиться о жилищных условиях своих несовершеннолетних детей.

Это создает основу для увеличения числа детей, которые могут быть оставлены без попечения родителей (брошенные дети).

Защита прав собственника жилого помещения от жилищных прав несовершеннолетних детей является приоритетной задачей суда.

Представляется, что при рассмотрении споров о праве пользования жилым помещением суды обязательно должны рассматривать вопрос о нахождении несовершеннолетних на попечении лиц, право которых на пользование оспариваемым жилым помещением оспаривается, и их предоставлении другим жильем.

Актуальность рассмотрения данного вопроса подтверждает и тот факт, что система мер поддержки семей с несовершеннолетними детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, связанной с лишением права пользования или владения жилым помещением, законодательно не закреплена. Мы считаем, что в качестве одной из таких мер могло бы стать возможным предоставление семье помещений в маневренном фонде на период, необходимый для решения жилищной проблемы.

Верховному суду Российской Федерации необходимо срочно проанализировать практику принятия решений по делам, касающимся жилищного права несовершеннолетних, законные представители которых в силу объективных обстоятельств не в состоянии обеспечить детей необходимыми жилищными условиями.

Однако суд не всегда занимает позицию защиты прав собственника жилого помещения, даже если на его иждивении находятся несовершеннолетние дети.

Это подтверждается судебной практикой, рассмотрением споров о прекращении права пользования жилым помещением и выселении в связи с возникшей задолженностью по ипотечному кредиту.

По этим спорам суды также игнорируют факты отсутствия у несовершеннолетних прав на другое жилье.

В решении Марксовского городского суда Саратовской области от 11.03.2016 суд отметил, что "не принимает доводы ответчиков о том, что оспариваемые жилые помещения являются для них единственным жильем, поскольку отсутствие у ответчиков других жилых помещений само по себе не является показателем отсутствия оснований для удовлетворения иска". и не влияет на возможность сохранения права пользования жилыми помещениями".

Суд не видит нарушения прав и законных интересов несовершеннолетнего ребенка при выселении из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, поскольку право на использование спорного жилого помещения несовершеннолетнего вытекает из права пользования его родителями, которые утратили право пользования жилым помещением. Выселение несовершеннолетнего ребенка из спорного жилого помещения не может повлечь за собой нарушения его прав, поскольку право на жилье вытекает из права на жилье его родителей» [37].

Органы опеки и попечительства в судебное заседание не явились, позиция высказана не была.

Согласно данному решению ответчики, в том числе и несовершеннолетний, выселены без предоставления иного жилого помещения.

Согласно апелляционному определению судебной коллегии по гражданским делам Орловского областного суда от 13 2017 года г. Орел от 20.09.2017 по делу №33-2500/2017, Чеплов Н.Н. обратился в суд с иском к ответчикам о признании их утратившими права пользования жилым помещением, выселении [38].

Ранее решением Советского районного суда г. Орла исковые требования к ответчикам, об обращении взыскания на предмет ипотеки - четырехкомнатную квартиру, удовлетворены.

Ответчикам предоставлен срок для приобретения иного жилого помещения, с использованием средств материнского капитала. Однако к окончанию периода отсрочки исполнения судебного решения, иное жилье приобретено не было, спорное жилое помещение не освобождено.

Ответчики в апелляционной жалобе просят решение суда первой инстанции отменить, как незаконное. Считают, что судом нарушены положения Конституции Российской Федерации, Конвенции ОО «О правах ребенка», Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Ответчик утверждает, что " в настоящее время не работает, находится в разводе, бывший супруг объявлен банкротом и не выполняет алиментные обязательства, из-за тяжелого финансового положения невозможно найти альтернативное жилье, и ответчик будет находиться на улице с несовершеннолетними детьми, что негативно скажется на физическом и психическом здоровье детей может. Они указывают на невозможность произвольного выселения несовершеннолетних детей на улицу, что подтверждается многочисленной практикой вышестоящих судов.

Вы просите дополнительное время для поиска жилья для несовершеннолетних детей, трудоустройства ответчика" [26].

Несмотря на данные доводы ответчиков, решение первой инстанции оставлено без изменения, апелляционная жалоба без удовлетворения.

Органы опеки и попечительства по данному делу привлечены не были.

Позиция прокурора в апелляционном определении не отражена.

По аналогичным делам суды также выносили решения о выселении ответчиков с несовершеннолетними, без предоставления другого жилого помещения, несмотря на то, что все ответчики указали, что иного места для проживания не имеют [27].

Примечательно, что прокуроры, принимавшие участие по данным делам, заявляли, что исковые требования о признании ответчиков, утратившими права пользования жилыми помещениями и выселении, подлежат удовлетворению. Считали, что нарушения жилищных прав несовершеннолетних отсутствуют.

Таким образом, даже наличие прав собственности на жилое помещение не является гарантией того, что родитель и несовершеннолетние, находящиеся на его попечении, не окажутся выселенными.

В данном случае суд отдает приоритет защите прав займодавца, а не защите прав собственника и (или) несовершеннолетних детей.

Выходом, из сложившегося положения, может стать обеспечение семей с несовершеннолетними детьми жилыми помещениями, лишенных жилья в соответствии с принятыми судебными актами или нуждающимися в улучшении жилищных условий, путем предоставления жилья в наемных домах.

Однако регулирование правового регулирования аренды жилья как одной из форм поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, также не продумано с точки зрения уважения прав несовершеннолетних. В первую очередь это касается принудительного выселения из арендованного дома. Если нет возможности внести плату за жилые помещения, предоставленные для использования в арендованном доме, семья выселяется без предоставления других жилых помещений.

Необходимо предусмотреть особый порядок выселения семьи, которая не в состоянии оплатить проживание в арендованном доме. Это будет сделано для сохранения семьи и обеспечения возможности реализации права несовершеннолетнего, закрепленного в части 2 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации, а именно права жить и расти в семье, права знать своих родителей, права на их попечение, права на Право жить с ними.

Раздел третий Жилищного Кодекса Российской Федерации необходимо дополнить статьей *91.21* «Выселение лиц, имеющих на иждивении несовершеннолетних»*: «В случае неполного и (или) несвоевременного внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги в наемном доме, лицом, имеющим на иждивении несовершеннолетних, суд, до момента расторжения договора, должен предоставить срок, необходимый для устранения нарушений.*

В случае не устранения нарушений лицом, имеющим на иждивении несовершеннолетних и выселении семьи из жилого помещения наемного дома, необходимо предоставить им жилое помещение в маневренном фонде».

Обеспечение охраны и защиты прав несовершеннолетних также осложняется наличием в законодательстве декларативных норм.

Так, пункт 2 статьи 56 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляет право ребенка на защиту от жестокого обращения со стороны родителей (лиц, их заменяющих). Согласно этой норме, ребенок имеет право самостоятельно обращаться в органы опеки и попечительства, а по достижении 14-летнего возраста - в суд для защиты своих прав и законных интересов в случае нарушения их законными представителями.

В заключении отметим, что рассмотренные проблемы жилищных прав несовершеннолетних порождают выявление проблем правового регулирования гражданско-правовой защиты жилищных прав несовершеннолетних, имеющих законных представителей в лице родителей (усыновителей), при совершении сделок приватизации, купли-продажи, дарения, при наследовании жилой недвижимости, а также проблем правоприменения норм о защите данной категории несовершеннолетних.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. С изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Рос. Газета. 2020. 4 июля. (дата обращения: 20.09.2022)

2. Жилищный кодекс Российской Федерации : федер. Закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ (в ред. От 14 июля 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 28.09.2022)

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. Закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. От 25 февраля 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/ (дата обращения: 28.09.2022)

4. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. Закон Рос. Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в ред. От 4 августа 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения : 28.09.2022)

5. Об опеке и попечительстве: федер. Закон Рос. Федерации от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ (в последней редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 20.09.2022)

6. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. Закон Рос. Федерации от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ (в последней редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 28.09.2022).

7. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. Закон Рос. Федерации от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ (в последней редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 28.09.2022)

8. Спектор А.А. Конституционное право граждан на жилище и неприкосновенность жилища // Право и жизнь. 2007. № 114 (9). С. 136 – 141.

9. Маркович И.Б. Жилищное право: закон и практика. Москва: Юридическая литература, 1990. 319 с.

10. Грибанов В.П. Основы советсткого жилищного законодательства: учебное пособие. Москва: Знание. 1983. 95 с.

11. Седугин П.И. Жилищное право: учебник. 30-е изд. Москва: Норма, 2004. 369 с.

12. Воеводина Т.Г., Кремнева Е.В., Огурцов М.Л. Деятельность прокурора по защите жилищных прав несовершеннолетних: монография. Москва: Проспект, 2016. 208 с.

13. Халдеев А.В. Соотношение правовых категорий «жилое помещение» и «жилище»: теоретические и практические аспекты // Жилищное право. 2006. № 6. С. 38 – 45.

14. Халдеев А.В. О концепции «жилища» в практике Европейского Суда по правам человека // Жилищное право. 2007. № 5. С. 3 – 11.

15. Егоров О.А. Реализация жилищных прав ребёнка: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. 26 с.

16. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. Закон Рос. Федрации от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ (в последней редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 28.09.2022)

17. Толстой Ю.К. Жилищное право : учебное пособие. Москва: Пост-Фактум, 1996. 192 с.

18. Справка – обобщение практики рассмотрения судами Тверской области гражданских дел по искам о прекращении права пользования жилыми помещениями. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16251264/. (дата обращения: 24.09.2022)

19. Апелляционное определение от 03.03.2014 по делу № 33-532/2014 Липецкий областной суд. URL: https://rospravosudie.com/court-lipeckij-oblastnoj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-462057302/ (дата обращения: 23.09.2022).

20. Апелляционное определение от 15.10.2013 по делу № 33-22305/2013 Краснодарский краевой суд. URL: https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-472521266/(дата обращения: 23.09. 2022)

21. Апелляционное определение от 02.09.2015 по делу № 33-9946/2015 Волгоградский областной суд. URL: https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-oblastnoj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-498359704/ (дата обращения: 23.09.2022)

22. Апелляционное определение от 04.10.2015 по делу № 33-3356/2015 Верховного Суда Республики Карелия. URL: https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-498439458/ (дата обращения: 23.09.2022)

23. Определение об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 22.01.2014 по делу № 4г-13169/2013 Краснодарский краевой суд. URL: https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-449477022/ (дата обращения: 23.09.2022)

24. Решение от 11.03.2016 г. По делу № 2-86/2016 Марксовский городской суд Саратовской области. URL: https://rospravosudie.com/court-marksovskij-gorodskoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-503576818/ (дата обращения: 24.09. 2022)

25. Апелляционное определение от 20 сентября 2017 по делу № 33-2500/2017 Орловский областной суд. URL: https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-559589847/ (дата обращения: 24.09.2022)

26. Апелляционное определение от 13 2017 года г. Орел от 20.09.2017 по делу № 33-2500/2017 Орловский областной суд. URL: https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-559589847/ (дата обращения: 25.09.2022)

27. Решение от 27.02.2018 по делу № № 2-1947/ 2018 Дзержинский районный суд города Волгограда. URL: https://rospravosudie.com/court-dzerzhinskij-rajonnyj-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast-s/act-580895156/ (дата обращения: 25.09.2022)

28. Решение от 31.07.2017 по делу № 2-219/2017 Спасский районный суд РТ. URL: https://rospravosudie.com/court-spasskij-rajonnyj-sud-respublika-tatarstan-s/act-557361082/ (дата обращения: 26.09.2022)

29. Апелляционное определение от 22.03.2017 по делу № 33-1790/2017 Омский областной суд. URL: https://rospravosudie.com/court-omskij-oblastnoj-sud-omskaya-oblast-s/act-554839145/ (дата обращения: 27.09.2022)

30. Решение от 22.09.2015 по делу № № 2- 7856/2015 Советский районный суд г. Красноярска. URL: https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-krasnoyarska-krasnoyarskij-kraj-s/act-558305595/ (дата обращения: 27.09.2022)

31. Халдеев А.В. Соотношение правовых категорий «жилое помещение» и «жилище»: теоретические и практические аспекты // Жилищное право,2006. № 6. С. 41.

32. Седугин П.И. Жилищное право: учебник для вузов. 3-е изд. М.:Норма, 2004. С. 1 – 11.

33. Воеводина Т.Г., Кремнева Е.В., Огурцова М.Л. Деятельность прокурора по защите жилищных прав несовершеннолетних. М.: Проспект, 2016. С. 10.

34. «Справка – обобщение практики рассмотрения судами Тверской области гражданских дел по искам о прекращении права пользования жилыми помещениями» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16251264/. (дата обращения 27.09.2022)

35. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 35-КГ21-3-К2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16251264/. (дата обращения 27.09.2022)

36. Определение об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 22.01.2014 по делу № 4г-13169/2013 Краснодарский краевой суд [Электронный ресурс] // Интернет-портал «РосПравосудие». URL: https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-449477022/ (дата обращения: 03.03.2022)

37. Решение от 11.03.2016 г. по делу № 2-86/2016 Марксовский городской суд Саратовской области [Электронный ресурс] // Интернет-портал «РосПравосудие». URL: https://rospravosudie.com/court-marksovskij-gorodskoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-503576818/ (дата обращения: 12.04.2022)

38. Апелляционное определениеот 20 сентября 2017 по делу № 33-2500/2017 Орловский областной суд [Электронный ресурс] // Интернет-портал «РосПравосудие». URL: https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-559589847/ (дата обращения: 12.04.2022)

References

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 g. S izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 g. Ros. Gazeta. 2020. 4 ijulja. (data obrashhenija: 20.09.2022)

2. Zhilishhnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. Zakon Ros. Federacii ot 29 dekabrja 2004 goda № 188-FZ (v red. Ot 14 ijulja 2022 g.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (data obrashhenija: 28.09.2022)

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: feder. Zakon Ros. Federacii ot 30 nojabrja 1994 goda № 51-FZ (v red. Ot 25 fevralja 2022 g.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/ (data obrashhenija: 28.09.2022)

4. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. Zakon Ros. Federacii ot 29 dekabrja 1995 goda № 223-FZ (v red. Ot 4 avgusta 2022 g.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (data obrashhenija : 28.09.2022)

5. Ob opeke i popechitel'stve: feder. Zakon Ros. Federacii ot 24 aprelja 2008 goda № 48-FZ (v poslednej redakcii). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (data obrashhenija: 20.09.2022)

6. O dopolnitel'nyh garantijah po social'noj podderzhke detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej: feder. Zakon Ros. Federacii ot 21 dekabrja 1996 goda № 159-FZ (v poslednej redakcii). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (data obrashhenija: 28.09.2022).

7. O social'noj zashhite invalidov v Rossijskoj Federacii : feder. Zakon Ros. Federacii ot 24 nojabrja 1995 goda № 181-FZ (v poslednej redakcii). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (data obrashhenija: 28.09.2022)

8. Spektor A.A. Konstitucionnoe pravo grazhdan na zhilishhe i neprikosnovennost' zhilishha. Pravo i zhizn'. 2007. № 114 (9). S. 136 – 141.

9. Markovich I.B. Zhilishhnoe pravo: zakon i praktika. Moskva: Juridicheskaja literatura, 1990. 319 s.

10. Gribanov V.P. Osnovy sovetstkogo zhilishhnogo zakonodatel'stva: uchebnoe posobie. Moskva: Znanie. 1983. 95 s.

11. Sedugin P.I. Zhilishhnoe pravo: uchebnik. 30-e izd. Moskva: Norma, 2004. 369 s.

12. Voevodina T.G., Kremneva E.V., Ogurcov M.L. Dejatel'nost' prokurora po zashhite zhilishhnyh prav nesovershennoletnih: monografija. Moskva: Prospekt, 2016. 208 s.

13. Haldeev A.V. Sootnoshenie pravovyh kategorij «zhiloe pomeshhenie» i «zhilishhe»: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Zhilishhnoe pravo. 2006. № 6. S. 38 – 45.

14. Haldeev A.V. O koncepcii «zhilishha» v praktike Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. Zhilishhnoe pravo. 2007. № 5. S. 3 – 11.

15. Egorov O.A. Realizacija zhilishhnyh prav rebjonka: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. Moskva, 2008. 26 s.

16. O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imejushhih detej: feder. Zakon Ros. Fednracii ot 29 dekabrja 2006 goda № 256-FZ (v poslednej redakcii). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (data obrashhenija: 28.09.2022)

17. Tolstoj Ju.K. Zhilishhnoe pravo : uchebnoe posobie. Moskva: Post-Faktum, 1996. 192 s.

18. Spravka – obobshhenie praktiki rassmotrenija sudami Tverskoj oblasti grazhdanskih del po iskam o prekrashhenii prava pol'zovanija zhilymi pomeshhenijami. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16251264/. (data obrashhenija: 24.09.2022)

19. Apelljacionnoe opredelenie ot 03.03.2014 po delu № 33-532/2014 Lipeckij oblastnoj sud. URL: https://rospravosudie.com/court-lipeckij-oblastnoj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-462057302/ (data obrashhenija: 23.09.2022).

20. Apelljacionnoe opredelenie ot 15.10.2013 po delu № 33-22305/2013 Krasnodarskij kraevoj sud. URL: https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-472521266/(data obrashhenija: 23.09. 2022)

21. Apelljacionnoe opredelenie ot 02.09.2015 po delu № 33-9946/2015 Volgogradskij oblastnoj sud. URL: https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-oblastnoj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-498359704/ (data obrashhenija: 23.09.2022)

22. Apelljacionnoe opredelenie ot 04.10.2015 po delu № 33-3356/2015 Verhovnogo Suda Respubliki Karelija. URL: https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-498439458/ (data obrashhenija: 23.09.2022)

23. Opredelenie ob otkaze v peredache kassacionnoj zhaloby dlja rassmotrenija v sudebnom zasedanii suda kassacionnoj instancii ot 22.01.2014 po delu № 4g-13169/2013 Krasnodarskij kraevoj sud. URL: https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-449477022/ (data obrashhenija: 23.09.2022)

24. Reshenie ot 11.03.2016 g. Po delu № 2-86/2016 Marksovskij gorodskoj sud Saratovskoj oblasti. URL: https://rospravosudie.com/court-marksovskij-gorodskoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-503576818/ (data obrashhenija: 24.09. 2022)

25. Apelljacionnoe opredelenie ot 20 sentjabrja 2017 po delu № 33-2500/2017 Orlovskij oblastnoj sud. URL: https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-559589847/ (data obrashhenija: 24.09.2022)

26. Apelljacionnoe opredelenie ot 13 2017 goda g. Orel ot 20.09.2017 po delu № 33-2500/2017 Orlovskij oblastnoj sud. URL: https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-559589847/ (data obrashhenija: 25.09.2022)

27. Reshenie ot 27.02.2018 po delu № № 2-1947/ 2018 Dzerzhinskij rajonnyj sud goroda Volgograda. URL: https://rospravosudie.com/court-dzerzhinskij-rajonnyj-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast-s/act-580895156/ (data obrashhenija: 25.09.2022)

28. Reshenie ot 31.07.2017 po delu № 2-219/2017 Spasskij rajonnyj sud RT. URL: https://rospravosudie.com/court-spasskij-rajonnyj-sud-respublika-tatarstan-s/act-557361082/ (data obrashhenija: 26.09.2022)

29. Apelljacionnoe opredelenie ot 22.03.2017 po delu № 33-1790/2017 Omskij oblastnoj sud. URL: https://rospravosudie.com/court-omskij-oblastnoj-sud-omskaya-oblast-s/act-554839145/ (data obrashhenija: 27.09.2022)

30. Reshenie ot 22.09.2015 po delu № № 2- 7856/2015 Sovetskij rajonnyj sud g. Krasnojarska. URL: https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-krasnoyarska-krasnoyarskij-kraj-s/act-558305595/ (data obrashhenija: 27.09.2022)

31. Haldeev A.V. Sootnoshenie pravovyh kategorij «zhiloe pomeshhenie» i «zhilishhe»: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Zhilishhnoe pravo,2006. № 6. S. 41.

32. Sedugin P.I. Zhilishhnoe pravo: uchebnik dlja vuzov. 3-e izd. M.:Norma, 2004. S. 1 – 11.

33. Voevodina T.G., Kremneva E.V., Ogurcova M.L. Dejatel'nost' prokurora po zashhite zhilishhnyh prav nesovershennoletnih. M.: Prospekt, 2016. S. 10.

34. «Spravka – obobshhenie praktiki rassmotrenija sudami Tverskoj oblasti grazhdanskih del po iskam o prekrashhenii prava pol'zovanija zhilymi pomeshhenijami» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16251264/. (data obrashhenija 27.09.2022)

35. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.06.2021 № 35-KG21-3-K2 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16251264/. (data obrashhenija 27.09.2022)

36. Opredelenie ob otkaze v peredache kassacionnoj zhaloby dlja rassmotrenija v sudebnom zasedanii suda kassacionnoj instancii ot 22.01.2014 po delu № 4g-13169/2013 Krasnodarskij kraevoj sud [Jelektronnyj resurs]. Internet-portal «RosPravosudie». URL: https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-449477022/ (data obrashhenija: 03.03.2022)

37. Reshenie ot 11.03.2016 g. po delu № 2-86/2016 Marksovskij gorodskoj sud Saratovskoj oblasti [Jelektronnyj resurs]. Internet-portal «RosPravosudie». URL: https://rospravosudie.com/court-marksovskij-gorodskoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-503576818/ (data obrashhenija: 12.04.2022)

38. Apelljacionnoe opredelenieot 20 sentjabrja 2017 po delu № 33-2500/2017 Orlovskij oblastnoj sud [Jelektronnyj resurs]. Internet-portal «RosPravosudie». URL: https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-559589847/ (data obrashhenija: 12.04.2022)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Гетман И.Б., кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

Аннотация: *статья посвящена исследованию проблемы торговли людьми в России и в Мире. Данная проблема изучена в контексте санкционной войны в отношении России, последствий глобальной пандемии COVID-19 и активного участия нашей страны в международных миграционных процессах. Рассмотрены причины возникновения и особенности торговли людьми в условиях пандемии COVID-19 и специальной военной операции на территории Украины. Методы. Выводы, сделанные в процессе исследования, являются результатом использования различных научных методов, таких как анализ и синтез, а также системного и сравнительного методов. Задачи – определить актуальные причины, способствующие развитию такого общественно опасного деяния как торговля людьми. Основная цель статьи – определить направления уголовно-правовой политики в сфере торговли людьми. Автор предлагает меры по предотвращению преступлений в этой сфере. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего совершенствования политики уголовного правосудия в области борьбы с торговлей людьми. Заключение. В ходе исследования автор приходит к выводу, что краткосрочная практика правового регулирования анализируемой территории, а также интенсификация процесса, резкое увеличение объемов торговли людьми, включение в международную торговую сеть новых стран-доноров, эксплуатирующие государства, расширение использования человеческих ресурсов, в том числе увеличение торговли с их органами и организациями. Ткани, представляют необходимость постоянного мониторинга нормативно-правовой базы и принятия немедленных мер по предотвращению увеличения числа преступлений этой категории.*

Изменяя и дополняя действующее российское законодательство, возможно превентивно нейтрализовать процессы способствующие росту числа преступлений рассматриваемой категории. Кроме того, это позволит совершенствовать деятельность, связанную с защитой прав жертв торговли людьми, а также ужесточить ответственность за совершение данного деяния.

Ключевые слова: *преступность, международная преступность, торговля людьми, причины преступности, предупреждение преступлений*

ACTUAL PROBLEMS OF COUNTERING HUMAN TRAFFICKING

Getman I.B., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract: *the article is devoted to the study of the problem of human trafficking in Russia and in the world. This problem has been studied in the context of the sanctions war against Russia, the consequences of the global COVID-19 pandemic and our country's active participation in international migration processes. The causes and features of human trafficking in the conditions of the COVID-19 pandemic and a special military operation on the territory of Ukraine are considered. Methods. The conclusions made during the research are the result of the use of various scientific methods, such as analysis and synthesis, as well as systematic and comparative methods. Tasks. To identify the actual causes contributing to the development of such a socially dangerous act as human trafficking. The main purpose of the article is to determine the directions of criminal law policy in the field of human trafficking. Results. The author suggests measures to prevent crimes in this area. The practical significance of the study is that the findings can be used to further improve the criminal law policy in the field of combating human trafficking.* ***Conclusion.*** *In the course of the research, the author comes to the conclusion that the short-term practice of legislative regulation of the analyzed area, as well as the intensification of the process, a sharp increase in the volume of human trafficking, the inclusion of new donor countries, exploiting states in the international trade network, the expansion of the use of human resources, including the increase in trade in their organs and tissues form the need for constant monitoring of the regulatory framework and immediate measures to prevent the growth of crimes in this category. By changing and supplementing the current Russian legislation, it is possible to preventatively neutralize the processes that contribute to the increase in the number of crimes of this category. In addition, it will improve activities related to the protection of the rights of victims of human trafficking, as well as toughen responsibility for the commission of this act.*

Keywords: *crime, international crime, human trafficking, causes of crime, crime prevention*

В современном обществе в условиях возросшего числа беженцев и вынужденных мигрантов реанимировалась такое общественно опасное деяние, как торговля людьми. В настоящее время в торговле людьми преобладают не темнокожие, а европейцы и азиаты, преимущественно женщины и дети. Человек становится «товаром», как автомашина, холодильник или смартфон.

По оценкам международных экспертов ежегодная прибыль транснациональных преступных групп от торговли людьми составляет 150 млрд. долларов, из них 99 млрд долларов это торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации и 51 млрд долларов приносит торговля людьми в целях трудовой эксплуатации, что делает ее крупнейшим источником незаконного дохода в мире [3]. Во всем мире прибыль от сексуальной эксплуатации, в среднем составляет 21 800 долларов в год на жертву, что делает ее более выгодной, чем любые другие формы принудительного труда, и в пять раз более выгодной, чем эксплуатация в целях принудительного труда.

В период с 2017 по 2017 год в более чем 110 странах мира было выявлено 740 514 жертв торговли людьми [5]. В 2019 году во всем мире от 900 тыс. до 4.5 млн. человек были куплены, проданы, перевезены и удерживались против их воли в условиях, подобных рабству [9]. По данным ООН количество женщин и детей, вывозимых из их родных стран и продаваемых в рабство по всему миру, составляет ежегодно около 1000000 человек [6]. Такая численность жертв торговли людьми в указанный период объясняется: присутствием на карте мира крупных очагов военных конфликтов, голод и тяжелые условия жизни в неразвитых с экономической точки зрения государств, политикой открытости границ стран Евросоюза (далее – ЕС) для вынужденных переселенцев, беженцев и трудовых мигрантов, всплеском спроса в странах ЕС на дешёвую рабочую силу.

Торговля людьми в России сегодня принимает форму принудительного труда и сексуальной эксплуатации. Жертвами в основном являются мигранты и беженцы с бывших союзных республик. Эта массовая миграция в Россию каждый год обеспечивает деятельность транснациональных преступных групп, занимающихся торговлей людьми. В период пандемии COVID-19 с 2020-2021 год число мигрантов и вынужденных переселенцев резко сократилось. Причинами стало: закрытие границ стран из-за карантинных мероприятий, ограничение въезда-выезда потенциально опасного контингента с территории государств со сложной эпидемической обстановкой, отсутствием единого международного перечня вакцин и документов свидетельствующих о достаточном уровне антител, новые штаммы COVID-19. Пересечение границ государств стало существенно сложнее, а в отдельные периоды 2020-2021 годов практически невозможным. Для пересечения границ государств стали требоваться «вакцинные паспорта» и документы, подтверждающие наличие антител к COVID-19. Последствием таких ограничений стало существенное сокращение численности вовлеченных в торговлю людьми, как на территории стран «доноров», так и стран «реципиентов». В настоящий момент в условиях проводимой Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины число беженцев и вынужденных переселенцев существенно возросло. Чем безусловно воспользуются испытывающие, в период пандемии COVID-19, «дефицит живого товара» транснациональные преступные организации. Как только потоки беженцев из Украины в страны ЕС лишь начали формироваться, на приграничных маршрутах сразу активизировались транснациональные преступные группировки, связанные с торговлей людьми. На сегодняшний день торговля людьми является реальной угрозой для беженцев с территории Украины, которых по данным ООН, уже насчитывается более 8,5 миллиона человек [12]. По данным Международной организации по миграции (IOM), территорию Украины уже покинули более 1,8 млн детей, которые, как известно, являются наиболее уязвимыми перед лицом рассматриваемой преступной деятельности [12].

Только за последние три года в сопредельной территории Украины в рабство попали 49 тыс. человек [10]. Украинцев покупают и продают для трудовой или сексуальной эксплуатации. Некоторые попадают в неволю в Польше, Румыния, Венгрия, Чехии, Литве и Германия. Другие становятся жертвами внутри страны. Около 70 процентов выявленных жертв торговли людьми составляют женщины: в основном взрослые женщины, но все чаще – девочки. Около 80 процентов выявленных женщин-жертв подвергаются торговле в целях сексуальной эксплуатации, 16 процентов – принудительному труду, а остальные - другим формам эксплуатации. Кроме того, женщины по-прежнему становятся жертвами торговли людьми в результате мошенничества, принудительных и принудительных браков, детских браков, принудительного домашнего труда и принудительной беременности. По оценкам Международной организации труда, в 2018 году 28,7 миллиона женщин и девочек во всем мире (71 процент от общего числа жертв торговли людьми) стали жертвами принудительного труда, долговой кабалы, принудительных браков, рабства и практики, подобной рабству, а также торговли людьми. В условиях обнищания и голода порабощение начинается уже с надежды на хороший заработок, который обеспечит им достойную жизнь. Это подталкивает человека к поиску хорошо оплачиваемой работы.

Эта статистика также напрямую связана с Россией. Так, по официальным данным МВД России, только за период с 2010 по 2021 год выявлено несколько сотен организованных преступных группировок, вербующих граждан России для занятия проституцией за рубежом [13]. По данным Федеральной пограничной службы, только в 2020 году 7,5 тысячам женщин и более 2 тысячам детей, которые пытались незаконно переехать в другие штаты, было запрещено пересекать границу [14]. В период с 2014 года и до момента начала специальной военной операции на территории Украины, в связи с нарастающим числом обстрелов территорий Луганской и Донецкой Народных республик на территории Российской Федерации въехало порядка полутора миллиона человек, из которых 260 тысяч это дети.

В контексте нынешнего глобального противостояния особая и чрезвычайно сложная проблема – возрождение торговли людьми и возрождение рабства – приобретает новые очертания и типы в криминологическом контексте. Технологические и организационные методы рабства постоянно обновляются и становятся все более изощренными. Например, сейчас в странах ЕС широко распространена торговля человеческими органами (почки, сердце, селезенка, ткани для трансплантации), они продаются как "товары народного потребления", а "донорами" таких товаров являются как раненые, так и погибшие военнослужащие Украины.

Трансплантация органов – это один из видов заместительной терапии, когда функциональную недостаточность пораженного органа должен взять на себя имплантированный трансплантат. Потенциальных доноров из стран третьего мира похищают с целью изъятия органов, а иногда лишают жизни ради органов. Нередко население экономически слабо развитых стран поставлено в такие условия, при которых продает собственные органы почти даром. Формируются нелегальные рынки трансплантатов. Удалить у живого донора любого здорового органа является для него, безусловно, вредным и сопровождается определенным риском как во время операции, так и в будущем. Именно поэтому среди преступлений против жизни и здоровья лица значительную группу составляют общественно опасные деяния, которые совершаются в сфере медицинского обслуживания. Преступления в сфере трансплантации, без преувеличения, можно назвать современным криминальным феноменом. «Черная» торговля человеческими органами в России и Европе приобретает угрожающие масштабы.

Общепризнанно, что система Особенной части УК РФ построена по родовому объекту, охватывающему определенный круг тождественных или однородных по своей социально-экономической сущности общественных отношений. Раздел II таким объектом предусматривает жизнь и здоровье лица: применяя правило о соотношении философских категорий «общего», «особого» и «отдельного», отметим, что непосредственный объект, в том числе и преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 127 и ст. 120 УК РФ, должен быть расположен в плоскости родового объекта, то есть в его пределах. Следовательно, можно сделать предположение, что незаконная торговля органами или тканями человека тоже должна причинять вред жизни или здоровью человека. Вместе с тем анализ действующего законодательства, регулирующего порядок обращения анатомических материалов человека, дает основания для сомнения в правильности такого предположения, ибо вред жизни или здоровью человека незаконной торговлей анатомическими материалами может причиняться прямо, косвенно или вообще не причиняться (например, в случае, если орган изъяты у трупа (донора ex mortuo), в отношении которого имеется прижизненная запрет на использование органов на случай смерти, и продано анатомический материал заказчику).

Субъект преступления - общий. Характеризуя субъект этого преступления, необходимо заметить, что теоретически под действие нормы, предусмотренной ст. 120 УК РФ, должны попадать не только покупатели, но и продавцы органов. Отечественные правоохранительные органы не преследуют граждан, продавших или собирающихся продавать собственные органы. Однако в Германии в 2001 г. состоялся первый судебный процесс по делу продажи человеческих органов с помощью Интернета, где обвиняемый, 19-летний гражданин Германии российского происхождения, опубликовал в одном из аукционов объявление о продаже своей почки. Характеризуя субъект преступления, необходимо обратить внимание и на следующий аспект. Незаконная торговля человеческими органами – бизнес, который приносит огромные доходы, и к нему часто привлекаются медики. Врачи имеют доступ к истории болезни, проверяют по документам, насколько тот или иной донор «здоров», и дают информацию преступникам. Последние похищают человека и дальнейшая его судьба страшна. Такие скандалы случаются во всем мире: России, Великобритании, США и др.

Транснациональная преступность представляет серьезную опасность для государства и общества в целом. Она является высшим проявлением организованной преступности. Ей присущи следующие свойства: высокая степень коррумпированности структур государственной власти; монополизация сфер преступной или просто предпринимательской деятельности; высокий уровень технического оснащения и вооружения, наличие хорошо налаженных и функционирующих связей на международном уровне.

Учитывая тенденции развития современного общества, можно сделать вывод, что с политической и экономической точек зрения торговля людьми даже выгодна развитым европейским государствам и их вассалам, как бы крамольно это ни звучало. Здесь мы можем провести аналогию с развитием работорговли в XV-XIX веках. Именно благодаря дешевой рабочей силе современные великие державы мира развивались. Хорошо известно, что рабство и работорговля были широко распространены, особенно в Северной Америке и в государствах Западной Европы.

Благосостояние современных капиталистических государств во многом определяется неиссякаемым дешевым трудом, потом и кровью. Анализируя реальные проблемы и тенденции торговли людьми, об этом не следует забывать. Мы видим то же самое сейчас, в середине двадцать первого века, в некоторой степени возрожденное, рабство - это торговля людьми, и необходимо признать, что незаконная переправка людей через границу, их эксплуатация, сексуальное, физическое или умственное использование кому-то настолько выгодны или даже необходимы.

Потеря работы и экономическая незащищенность из-за пандемии COVID-19 привела к увеличению числа людей, находящихся в уязвимом положении и отчаянно ищущих работу и экономические возможности. По итогам 2020 года количество рабочих часов в мире сократилось на 10,5 процента, что эквивалентно 305 миллионам работников, занятых полный рабочий день. По оценкам, в 2020 году пандемия COVID-19 ввергла в крайнюю нищету около 50 миллионов человек. Санкционная война США и Группа семи развязанная в отношении России принесут миру еще более тяжелые, по сравнению с пандемией, последствия. Гипотетически правительство стран-доноров тоже кое-что приобретает: уменьшается число людей, нуждающихся в государственной защите, снижается уровень безработицы, отпадает необходимость в повышении материального уровня финансирования повышения квалификации безработных или в увеличении ресурсов фонда социальной помощи. К современным условиям развития торговли людьми, на наш взгляд, можно отнести:

- глобальный экономический спад и резкий рост безработицы во многих частях света, спровоцированный санкционной войной в отношении Российской Федерации, приведет к росту масштабов трансграничной торговли людьми из стран, переживающих наиболее быстрый и длительный спад в сфере занятости;
- вынужденную миграцию населения, пытающегося обезопасить себя и своих близких от обстрелов и военных действий;
- разрыв политических и экономических связей между странами;
- постоянно увеличивающийся экономический разрыв между «бедными» и «богатыми», в том числе и между странами;
- снятия анти-ковидных ограничений, открытие границ и упрощение процедуры въезда-выезда;
- отсутствие возможности контроля со стороны правоохранительных органов сопредельных государств за деятельностью транснациональных преступных групп в условиях боевых действий;
- несоблюдение норм международного законодательства и межгосударственных соглашений.

Карантинные мероприятия и физическое дистанцирование из-за пандемии COVID-19 изменило формы эксплуатации, связанные с торговлей людьми. Появляются новые формы сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств в интернете. На сегодняшний день рост масштабов вербовки торговцами людьми в интернете в целях сексуальной эксплуатации в сети, в том числе с использованием веб-камеры и в целях принудительной онлайновой порнографии. К сожалению, дело не только в понимании проблемы и ее масштабов, хотя для многих государств это был далеко не трудный шаг в политическом смысле. В России этот этап завершен. Что будет дальше? Существуют проверенные алгоритмы борьбы с торговлей людьми.

Во-первых, это доступность и совершенствование правовой базы. Все больше и больше штатов идут намного дальше, чем включают соответствующие статьи в уголовные кодексы. Соответствующие законы, обеспечивающие государственную защиту жертв торговли людьми, позволяют применять системный подход к правовому решению проблемы, сочетающий задачи наказания виновных и восстановления прав жертв. В этом смысле принятие специального закона в Российской Федерации было бы актуальным и значимым, а учитывая существование аналогичных законов в соседних странах, это привело бы к гармонизации правовой базы и значительно расширило бы возможности российских правоохранительных органов.

Во-вторых – это внедрение системного подхода государства к борьбе с торговлей людьми, интегрированного в национальные планы действий или государственные стратегии. Впервые такие планы действий стали частью государственного подхода к проблеме на Балканах, где торговля людьми оказалась следствием военного конфликта и многократно возросшего международного военного присутствия. В

настоящий момент опыт Юго-Восточной Европы в части противодействия торговли людьми актуален как никогда.

В-третьих, создание координирующего органа, повышающего эффективность противодействия тяжкому преступлению, каковым является торговля людьми в любом государстве – будь то происхождения, транзита или назначения. В каждой стране создание такого органа может иметь свои особенности – это может быть национальный координатор или межведомственная комиссия, подчиненная Правительству, или структура в системе правоохранительных органов. Однако ее уровень и полномочия должны подразумевать право давать поручения и запрашивать отчеты об их выполнении, право выходить на принятие необходимых решений, обязательных к исполнению. В колоссальных масштабах России координационные структуры должны, на наш взгляд, создаваться и в новых субъектах, вошедших в Российскую Федерацию и субъектах граничащих с территориями других государств. В рамках мер по повышению эффективности обеспечения соблюдения законодательства в сфере противодействия торговле людьми также необходимо уделять особое внимание подготовке сотрудников правоохранительных органов и работников судебной системы.

В-четвертых, сейчас, когда весь мир перешел на онлайновый формат из-за пандемии COVID-19, торговцы людьми используют онлайновые технологии и другие средства для вербовки и эксплуатации своих жертв. Требуется предусмотреть комплекс мер по выявлению и пресечению подобных действий в социальных сетях, онлайн-платформах и мессенджерах, особенно зарегистрированных и находящихся за пределами юрисдикции Российской Федерации.

В-пятых, необходимо уделить больше внимания «отслеживанию финансовых потоков» – выявлению финансовой деятельности торговцев людьми. Для эффективного выявления финансовой деятельности торговцев людьми правоохранительным органам необходимо предоставить полномочия, возможности и ресурсы для проведения финансовых расследований. Для этого требуется внести изменения в национальное финансовое законодательство, предусматривающее возможность отслеживания, блокировки и изъятие финансовых инструментов, используемых торговцами людьми.

На наш взгляд, незамедлительное применение, указанных выше, мероприятий позволит устранить условия, способствующие росту данного вида преступности. Необходимо учитывать то обстоятельство, что следует проводить все указанные мероприятия в комплексе, а не по отдельности. Что, на наш взгляд, приведет к сокращению объемов торговли людьми.

Литература

1. Абдушукурова И.К., Самадов Б.К. О мерах по борьбе против торговли людьми // Научный журнал. 2018. № 6 (7). С. 140 – 141.

2. Ахъядов Э.С. Рабский труд: основной объект преступления // Молодой ученый. 2019. № 7. С. 459 – 461.

3. Бекмагамбетов А.Б. Противодействие торговле людьми как предмет общеправового и уголовно-правового регулирования // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 1 (6). С. 78 – 89.

4. Ванюшёва Я.В. Правовые аспекты борьбы с торговлей людьми в XX в. // Евразийская адвокатура. 2019. № 6 (25). С. 95 – 97.

5. Вафина Р.И. Некоторые проблемы противодействия торговле людьми как преступлению международного характера // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 348 – 351.

6. Кобец П.Н. Организационные основы информационно – аналитического взаимодействия в сфере борьбы с торговлей людьми // Академическая публицистика. 2020. № 2. С. 205 – 209.

7. Овчинский В.С. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговли людьми: сборник документов. М., 2004. С. 19.

8. Рогава И.Г. Проблемы квалификации торговли людьми // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 6. С. 107 – 110.

9. Сигитова Н.А. Трансформация понятия свободы личности в современном мире // Наука через призму времени. 2020. № 4. С. 102 – 106.

10. Спицына А.О., Черкашин М.Д. Правовые проблемы современного рабства и торговли людьми // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2019. № 1 (6). С. 56 – 58.

11. Хайдарзода З.П. Уголовно-правовая и криминологическая природа торговли людьми // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 1 (25). С. 205 – 214.

12. Отчет по миграционным движениям URL: https://www.iom.int/migration-sustainable-development-and-2030-agenda

13. Состояние преступности – январь-декабрь 2019, 2020, 2021 гг. URL: https://мвд.рф/reports/item/7087734/ (дата обращения: 20.06.2022)

14. Отчет http://ps.fsb.ru/fps/smi/news/more.htmfsbMessage.html (дата обращения: 20.06.2022)

References

1. Abdushukurova I.K., Samadov B.K. O merah po bor'be protiv torgovli ljud'mi. Nauchnyj zhurnal. 2018. № 6 (7). S. 140 – 141.

2. Ah#jadov Je.S. Rabskij trud: osnovnoj ob#ekt prestuplenija. Molodoj uchenyj. 2019. № 7. S. 459 – 461.

3. Bekmagambetov A.B. Protivodejstvie torgovle ljud'mi kak predmet obshhepravovogo i ugolovno-pravovogo regulirovanija. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, jekonomika, pravo. 2018. № 1 (6). S. 78 – 89.

4. Vanjushjova Ja.V. Pravovye aspekty bor'by s torgovlej ljud'mi v XX v. Evrazijskaja advokatura. 2019. № 6 (25). S. 95 – 97.

5. Vafina R.I. Nekotorye problemy protivodejstvija torgovle ljud'mi kak prestupleniju mezhdunarodnogo haraktera. Molodoj uchenyj. 2017. № 1 (135). S. 348 – 351.

6. Kobec P.N. Organizacionnye osnovy informacionno – analiticheskogo vzaimodejstvija v sfere bor'by s torgovlej ljud'mi. Akademicheskaja publicistika. 2020. № 2. S. 205 – 209.

7. Ovchinskij V.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s nezakonnoj migraciej i torgovli ljud'mi: sbornik dokumentov. M., 2004. S. 19.

8. Rogava I.G. Problemy kvalifikacii torgovli ljud'mi. Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 6. S. 107 – 110.

9. Sigitova N.A. Transformacija ponjatija svobody lichnosti v sovremennom mire. Nauka cherez prizmu vremeni. 2020. № 4. S. 102 – 106.

10. Spicyna A.O., Cherkashin M.D. Pravovye problemy sovremennogo rabstva i torgovli ljud'mi. Duhovnaja situacija vremeni. Rossija XXI vek. 2019. № 1 (6). S. 56 – 58.

11. Hajdarzoda Z.P. Ugolovno-pravovaja i kriminologicheskaja priroda torgovli ljud'mi. Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan. 2019. № 1 (25). S. 205 – 214.

12. Otchet po migracionnym dvizhenijam URL: https://www.iom.int/migration-sustainable-development-and-2030-agenda

13. Sostojanie prestupnosti – janvar'-dekabr' 2019, 2020, 2021 gg. URL: https://mvd.rf/reports/item/7087734/ (data obrashhenija: 20.06.2022)

14. Otchet http://ps.fsb.ru/fps/smi/news/more.htmfsbMessage.html (data obrashhenija: 20.06.2022)

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Захарова И.В., аспирант, адвокат,
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
Адвокатская палата Новосибирской области

Аннотация: *в данной статье исследуется вопрос о правовых проблемах осуществления представительства адвокатами своих клиентов при оказании правовой помощи, в том числе при защите прав и законных интересов в гражданском судопроизводстве. Участие адвокатов по назначению в соответствии со ст.50 ГПК РФ, по мнению автора, не позволяет в полном объеме предоставить правовую защиту интересов граждан, которые в силу разных объективных причин не имеют возможность для личного участия в гражданском процессе. Отсутствие правового регулирования реализации адвокатами всех процессуальных прав создает угрозу оказания неквалифицированной юридической помощи.*

Ключевые слова: *юридическая помощь, адвокат, адвокатская деятельность, представительство, гражданское судопроизводство, доверенность, назначение адвоката, суд, процессуальные права, экспертиза, оценка, правовое регулирование*

ADVOCACY: LEGAL PROBLEMS OF REPRESENTATION IN CIVIL PROCEEDINGS

Zakharova I.V., Postgraduate, Lawyer,
Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH"
Novosibirsk Region Chamber of Advocates

Abstract: *this article examines the issue of legal problems of representation by lawyers of their clients in the provision of legal assistance, including the protection of rights and legitimate interests in civil proceedings. The participation of lawyers by appointment in accordance with Article 50 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, according to the author, does not allow to fully provide legal protection of the interests of citizens who, due to various objective reasons, do not have the opportunity for personal participation in civil proceedings. The lack of legal regulation of the implementation of all procedural rights by lawyers poses a threat to the provision of unqualified legal assistance.*

Keywords: *legal aid, lawyer, advocacy, representation, civil proceedings, power of attorney, appointment of a lawyer, court, procedural rights, expertise, evaluation, legal regulation*

В науке гражданского процессуального права существуют различные взгляды относительно понимания понятие процессуального представительства, которое определяется как система процессуальных действий, совершаемых в суде, и как отдельное правоотношение и как правовой институт. Ученые рассматривают представительство как правоотношения, в которых одно лицо (представитель) выполняет на основании полномочия процессуальные действия в гражданском судопроизводстве в интересах другого лица, в результате чего возникает комплекс процессуальных прав и обязанностей [3]. С другой стороны, гражданское процессуальное представительство – это форма оказания правовой помощи представителем другому лицу [2]. Представительство в гражданском процессе как процессуальную деятельность, порождающую гражданские процессуальные отношения между представителем и судом с целью защиты прав и интересов лица, которое представляют [4]. Существует также мнение, согласно которой процессуальная деятельность не может считаться ключевым признаком процессуального представительства, поскольку в нем взаимодействует ряд как процессуальных, так и материальных прав и обязанностей, которые должны осуществлять доверитель и представитель [5].

С приведенных выше научно обоснованных точек зрения и руководствуясь действующим законодательством можно определить цель процессуального представительства. Так, целью процессуального представительства является оказание юридической помощи участникам дела, которые желают получить квалифицированную юридическую помощь, а также обеспечения соблюдения принципов состязательности при осуществлении судопроизводства по гражданским делам, участниками которых являются лица, не обладающие полной гражданской дееспособности, недееспособными или дееспособность которых ограничена.

Что касается самопредставительства юридических лиц, то оно осуществляется на основании внутренних документов юридического лица таких как положение, устав, трудовой договор и тому подобное. Итак, это разные понятия. Главное отличие между этими понятиями заключается в том, кто и на основании какого документа осуществляет представительство в суде. При самопредставительстве происходит привлечение лица, имеющего непосредственное отношение к юридическому лицу, а его полномочия уже предусмотрены внутренними документами, в частности трудовым договором. Что касается представительства, то оно возникает с момента привлечения другого третьего лица, действующего в процессе на основании доверенности.

Исходя из изложенного выше, не может быть допущен до судебного разбирательства самопредставитель, который в подтверждение своих полномочий предоставляет доверенность, ведь этим документом могут быть подтверждены лишь полномочия адвоката. С другой стороны, юридическое лицо может быть представлено юрисконсультом, который работает согласно штатного расписания на основании трудового договора или контракта, для этого не нужно получать свидетельство на занятие адвокатской деятельностью. Именно такое требование часто было основанием для возврата или оставления без движения процессуальных документов судом. Так, судья Кассационного административного суда вернул жалобу лицу, которое пыталось подтвердить свои полномочия доверенностью.

На основании ст.46 Конституции РФ государством каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Данное право реализуется в большей мере через институт представительства, поскольку для участия в гражданском, административном, уголовном судопроизводстве все больше требуются познания в области права в виду того, совершенствования судебной системы и повышения требований к участникам процесса.

Статья 6 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ (в редакции от 31.07.2020) "Об адвокатуре и адвокатуре в Российской Федерации" (в редакции с изменениями и дополнениями., введение. действует с 01.03.2021) указывает, что полномочия адвоката, действующего в качестве представителя адвокатского сословия в Российской Федерации, должны быть расширены в соответствии с Законодательством Российской Федерации, в том числе в соответствии с законом "Об адвокатуре и адвокатуре в Российской Федерации" (в редакции с изменениями и дополнениями, вступление в силу с 01.03.2021). В соответствии с конституционными, гражданскими и административными процедурами, а также в качестве представителя или защитника заказчика участвует в уголовных процессах и разбирательствах по делам об административных правонарушениях, регулируемых соответствующими процессуальными законами Российской Федерации [4].

Требования к регистрации полномочий представителя, а также правовые отношения между представителем и представительницей установлены главой 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Статья 185 Гражданского кодекса Российской Федерации непосредственно касается доверенности и определяет ее юридическое значение. Таким образом, следует отметить, что доверенность – это письменная доверенность, которую одно лицо дает другому лицу или другим лицам для представления интересов перед третьими лицами [1] в то же время не происходит консолидации понятия "представительство перед третьими сторонами". В связи с этим при выдаче доверенности возникают трудности с определением полномочий, поскольку не существует законодательного регулирования прав, которые могут быть переданы представителю и которые могут быть реализованы только лично.

Определение представительства в гражданском судопроизводстве дается более четко. Статья 48 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что граждане имеют право рассматривать свои дела в суде лично или через своих представителей. Личное участие гражданина в деле не лишает его права иметь представителя по этому делу.

Исходя из содержания приведенного определения правовой помощи можно сделать вывод, что оказание правовой помощи как правовой услуги может происходить в форме представительства интересов лица в суде. В правовой характеристике представительства как формы предоставления правовой помощи существенное практическое значение имеет определение состава субъектов, оснований и порядка его осуществления.

Кроме того, в статье 53 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации законодатель определяет формы и объекты регистрации таких доверенностей, а в статье 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации определяются полномочия представителей. При этом статья 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что представитель может совершать все процессуальные действия от имени лица, подавшего иск.

Право предоставления правовой помощи адвокатом иностранного государства возникает со дня внесения информации о его включении в Единый реестр адвокатов РФ. В случае, если иностранные адвокаты не прошли установленную процедуру включения в Единый реестр адвокатов РФ, они могут быть представителями в суде, как и любое другое физическое лицо, на основаниях и в порядке, установленных Федеральным Законом. Как видим, закон не требует сдачи адвокатом иностранного государства квалификационного экзамена по законодательству России и не возлагает на него обязанности владения государственным языком России. Представляется, что в связи с этим адвокаты иностранного государства могут оказывать квалифицированную юридическую помощь в суде на территории РФ, прежде всего, по вопросам права соответствующего государства. Указанные выше факторы, на мой взгляд, могут существенно снизить эффективность оказания правовой помощи иностранными адвокатами по другим правовым вопросам, что может стать объективной помехой распространения практики их участия в суде в качестве представителей [2].

Кроме того, в настоящее время с учетом изменений, внесенных в статью 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, круг представителей в некоторых судах ограничен. Таким образом, помимо дел, рассматриваемых судьями мировых и окружных судов, адвокаты и другие юридические консультанты, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень в области права, имеют право выступать в качестве представителей в суде.

Таким образом, была предпринята попытка определить полномочия представителя в гражданском судопроизводстве.

Однако интересно следующее: согласно части 3 статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации адвокаты обязаны представлять в суд документы, подтверждающие их статус адвоката в соответствии с федеральным законом и их полномочия [2].

Адвокат, представляющий интересы принципала в суде, должен подтвердить как его статус, так и его полномочия. Второй подтверждается ордером на арест в соответствии с частью 5 статьи 53 Гражданского Процессуального кодекса Российской Федерации [9].

Между тем в соответствии с частью 1 статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации устанавливается объем полномочий, на которые должна быть выдана только доверенность. Однако это требование влечет за собой дополнительные расходы для принципала, которые он должен нести в связи с заверением доверенности, хотя этот вопрос вполне может быть решен при заключении сделки, поскольку принципал сам определяет объем доверенности при обращении за юридической помощью к адвокату [2].

Адвокат, назначенный судом в качестве представителя ответчика в делах, предусмотренных настоящей статьей, в этом случае имеет право обжаловать решения суда [2].

В соответствии с этой нормой законодательный орган предусматривает участие адвоката в судебных процессах при отсутствии доверенности, определяющей такие полномочия адвоката, как право подписать встречный иск, заключить мировое соглашение. Предоставление эффективной правовой помощи становится возможным, если лицо, которое ее предоставляет, имеет достаточный объем знаний в области права и соответствующий опыт. Поэтому одним из главных квалификационных требований к лицам, которые могут оказывать правовую помощь, если другое не предусмотрено законом, должно быть наличие у них высшего юридического образования, которое в этом случае может выступать определенной гарантией квалифицированности и эффективности правовой помощи, предоставляемой в суде.

При этом не исключено установление в законе и дополнительных квалификационных требований к профессиональному уровню лиц, оказывающих правовую помощь в суде, в частности наличия определенного стажа работы в области права или обязанности прохождения стажировки в течение установленного законом срока, сдачи квалификационного экзамена и тому подобное.

При этом сфера действия таких требований может не распространяться на специалистов в отрасли права, которые имеют научную степень или занимали должности судей, прокуроров, осуществлявших нотариальную и адвокатскую деятельность при условии, что основания прекращения деятельности не связаны с несоответствием занимаемой должности.

В контексте содержательной характеристики правовой помощи представляется, что другие лица, не являющиеся адвокатами или специалистами в области права, приобретая статус представителя, не способны в связи с отсутствием необходимых знаний в сфере юриспруденции эффективно осуществлять эту функцию. Из этих соображений представителей, не имеющих статус адвоката и не являющимися специалистами в области права, нецелесообразно включать в состав лиц, оказывающих правовую помощь.

В отсутствие принципала адвокат в качестве назначенного представителя не может оспорить сумму заявленного ущерба, поскольку в отсутствие ответчика невозможно оплатить расходы на экспертизу,

поскольку, к сожалению, суды, хотя и имеют право, не назначают судебно-медицинские экспертизы за счет средств федерального бюджета.

Аналогична следующая ситуация: адвокат считает возможным подачу встречного иска в связи с предъявленными к клиенту претензиями, но, опять же, не имеет такой возможности, поскольку в статье 54 ГПК РФ говорится, что право на подписание встречного иска должно быть предоставлено по доверенности. Это означает, что даже в этой ситуации адвокат не может в полной мере защитить права своего принципала. В то же время он по-прежнему обязан платить государственную пошлину, от которой назначенный судом адвокат не освобождается. То же самое относится и к заключению мирового соглашения. Если в ходе переговоров возможно заключить мировое соглашение без каких-либо дополнительных затрат для принципала, оно не может быть заключено без доверенности.

Ссылка в статье на право адвоката обжаловать судебные акты также носит формальный характер, поскольку за подачу апелляционной, кассационной и надзорной жалобы взимается государственная пошлина. Статьей 333.36 НК РФ не предусмотрены такие основания, как назначение адвоката судом в соответствии со статьей 50 ГПК РФ в качестве освобождения от уплаты государственной пошлины. Следовательно, при обжаловании судебного акта адвокат обязан уплатить государственную пошлину (заочно) в интересах своего принципала, в противном случае его жалоба может быть отклонена или возвращена.

В связи с этим осуществление защиты прав и законных интересов ответчика назначенным судом адвокатом в полном объеме невозможно, что, по мнению автора, является нарушением части 2 статьи 5 "Кодекса профессиональной этики адвоката", в которой говорится, что адвокат должен избегать действий (бездействия), которые могут привести к его или ее смерти. цель состоит в том, чтобы подорвать доверие к нему или к коллегии адвокатов [5].

50 ГПК РФ при разрешении спора в гражданском судопроизводстве ограничивается формальным участием, то есть только присутствием адвоката на судебном заседании и предоставлением ему вознаграждения. В то же время такое участие не может рассматриваться как реализация конституционной гарантии правовой защиты, поскольку на самом деле она реализуется не в полной мере.

В уголовном процессе осуществление права на защиту и выполнение обязанностей адвокатов регулируется более четко, поскольку процессуальные нормы четко разъясняют полномочия адвоката и причины их возникновения в рамках защиты принципалов.

Согласно части 1, части 4 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ, защитник – это лицо, которое защищает права и интересы подозреваемых и обвиняемых в соответствии с процедурой, установленной настоящим Кодексом, и оказывает им юридическую помощь в уголовном судопроизводстве [3]

Адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении свидетельства адвоката и ордера на арест. Отныне адвокат подчиняется правилам части третьей статьи 53 настоящего Кодекса.

Как минимум две нормы гражданского процессуального права нуждаются в разъяснении, поскольку адвокат должен подтвердить полномочия по полной защите прав и законных интересов.

Одним из процессуальных вопросов, который требует правового регулирования, является допустимость участия для оказания правовой помощи в суде нескольких представителей одного лица. ГПК не определяет количественный состав представителей, к помощи которых имеет право использовать лицо для защиты своих прав в гражданском судопроизводстве, но он не содержит и каких-либо ограничений относительно права лица иметь нескольких представителей при рассмотрении ее дела в суде. В процессуальных законодательствах существуют различные подходы по регулированию этого вопроса. Например, ГПК России множественность представителей одного лица не предусматривает (глава 5 ГПК РФ).

Однако вопрос о возможности участия нескольких представителей одного и того же лица в других случаях остается дискуссионным. Во-первых, это связано с буквальным толкованием ФЗ, который закрепляет право лица участвовать в гражданском деле лично или через представителя, то есть через одно уполномоченное на это физическое лицо.

Во-вторых, в действующем Гражданском процессуальном законодательстве отсутствует механизм правового регулирования участия нескольких представителей одного и того же лица.

Поэтому на практике может возникнуть необходимость в определении критериев целесообразности участия нескольких представителей, оптимальной их численности, объема полномочий каждого из представителей, порядке их реализации и решения конфликтов их правовых позиций при осуществлении представительских функций, когда позиции нескольких представителей являются противоречивыми.

Доминантой в формировании правовой позиции в суде должно быть согласованность осуществляемых ими процессуальных действий, направленных на защиту прав и интересов лица, которое они представляют в суде.

В противном случае делается невозможным достижение цели процессуального представительства и при отсутствии в действующем процессуальном законодательстве соответствующего правового механизма возникает необходимость определения правовых последствий указанной правовой ситуации. С целью избежания разногласий в правоприменительной деятельности судов вопрос множественности представительства в гражданском судопроизводстве требует четкого законодательного регулирования.

Кроме того, необходимо расширить круг полномочий адвокатов по оказанию им юридической помощи в случае отсутствия у них доверенности на своих клиентов при назначении в соответствии со статьей 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Такой подход позволяет вам объективно представлять и защищать права своих клиентов в полной мере. Для этого необходимо дополнить ряд законодательных актов, в частности, Налоговый кодекс Российской Федерации об освобождении представителей, действующих на основании статьи 50 ГПК РФ, статьи 54 ГПК РФ, а также в иных случаях, предусмотренных федеральными законами, от государственной пошлины.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021).

2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021).

3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021).

4. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021).

5. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021).

6. Федеральный закон от 29.07.2017 N 217-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

7. «Кодекс административного судоустройства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022)

8. «Налоговый кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 146-ФЗ.

9. Магомедова Е.А., Воробьева М.О., Зайцева М.А. Адвокатура как институт гражданского общества: проблемные аспекты // Современный ученый. 2021. № 4. С. 313 – 318.

References

1. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja)» ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 26.10.2021).

2. «Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 01.07.2021).

3. «Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 23.09.2021).

4. Federal'nyj zakon ot 31.05.2002 N 63-FZ (red. ot 31.07.2020) "Ob advokatskoj dejatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2021).

5. «Kodeks professional'noj jetiki advokata» (prinjat I Vserossijskim s#ezdom advokatov 31.01.2003) (red. ot 15.04.2021).

6. Federal'nyj zakon ot 29.07.2017 N 217-FZ (red. ot 22.12.2020) «O vedenii grazhdanami sadovodstva i ogorodnichestva dlja sobstvennyh nuzhd i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii».

7. «Kodeks administrativnogo sudoustrojstva Rossijskoj Federacii» ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 11.06.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.06.2022)

8. «Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 31.07.1998 N 146-FZ.

9. Magomedova E.A., Vorob'eva M.O., Zajceva M.A. Advokatura kak institut grazhdanskogo obshchestva: problemnye aspekty. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 4. S. 313 – 318.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕНОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ

Лапко Г.К., кандидат медицинских наук, доцент,
Крымский юридический институт, филиал Университета прокуратуры РФ

Аннотация: *в работе рассматривается проблемные вопросы систематизации норм Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за причинение смерти. В юридической литературе отсутствует единое мнение относительно определения объекта уголовно-правовой охраны, в частности, жизни личности. Вместе с тем, систематизация уголовно-правовых норм, выявление степени общественной опасности, правильная квалификация и отграничение от смежных посягательств невозможна без правильного определения объекта преступления. УК РФ нет самостоятельной главы или раздела, включающего все нормы, предусматривающие ответственность за причинение смерти. До настоящего времени отсутствует законодательное закрепление и единое мнение специалистов относительно момента начала уголовно-правовой охраны жизни личности. Автор приходит к выводу о том, что структура Особенной части Уголовного кодекса РФ находится в противоречии с положениями, ст. 2 Конституции РФ и ст. 3 УК РФ. Устранение этих противоречий возможно путём законодательного признания жизни личности основным объектом уголовно-правовой охраны и внесения соответствующих изменений в систематизации Особенной части Уголовного кодекса РФ. Возможным вариантом решения проблемы может явиться объединение всех преступлений, следствием которых является смерть человека в одном разделе Уголовного кодекса.*

Ключевые слова: *Уголовный кодекс, структура особенной части УК, систематизация норм УК, объект преступления, уголовно-правовая охрана жизни, ответственность за причинение смерти*

PROBLEMATIC ISSUES OF SYSTEMATIZATION OF THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE PROVIDING FOR LIABILITY FOR CAUSING DEATH

Lapko G.K., Candidate of Medical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract: *the paper considers problematic issues of systematization of the norms of the Criminal Code providing for liability for causing death. There is no consensus in the legal literature regarding the definition of the object of criminal law protection, in particular, the life of an individual. At the same time, the systematization of criminal law norms, the identification of the degree of public danger, the correct qualification and separation from related encroachments is impossible without the correct definition of the object of the crime. The Criminal Code of the Russian Federation does not have an independent chapter or section that includes all the norms providing for liability for causing death. To date, there is no legislative consolidation and a unified opinion of specialists regarding the moment of the beginning of criminal legal protection of the life of an individual. The author comes to the conclusion that the structure of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation is in contradiction with the provisions of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation and Article 3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The elimination of these contradictions is possible through the legislative recognition of the life of the individual as the main object of criminal law protection and the introduction of appropriate changes in the systematization of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. A possible solution to the problem may be the unification of all crimes, the consequence of which is the death of a person in one section of the Criminal Code.*

Keywords: *Criminal Code, structure of the special part of the Criminal Code, systematization of the norms of the Criminal Code, object of crime, criminal law protection of life, responsibility for causing death*

Общепризнанно, что систему преступлений в уголовном законодательстве обуславливают главным образом объекты преступных деяний. Без правильного определения объекта преступления невозможны правильная систематизация уголовно-правовых норм, выявление степени общественной опасности, правильная квалификация и отграничение от смежных посягательств.

В отечественной дореволюционной уголовно-правовой науке объект преступления определялся по разному. Например, как правовые блага и жизненные интересы [1, с. 176], или как предмет, на который направлено или над которым совершено преступление [2, с. 280]. В теории советского уголовного права

преобладала точка зрения, что объектом любого преступления являются общественные отношения, которые представляют собой «разнообразные и многоплановые связи, возникающие между группами, классами, нациями, а так же внутри них в процессе экономической, социальной и культурной жизнедеятельности" [3, с. 87]. Вместе с тем, уже тогда высказывались мнения, что объектом уголовно-правовой охраны может являться сам человек как участник общественных отношений; личность, независимо от тех отношений, носителем или субъектом которых она является; а так же тот, против кого оно совершается, то есть отдельные лица или какое-то множество лиц [4, с. 108].

Сегодня в юридической литературе отсутствует единое мнение относительно определения объекта уголовно-правовой охраны [5, С. 86]. В принципе, все основные подходы сводятся к следующим: «объект преступления - общественные отношения», «объект преступления – блага», «объект преступления – ценности», «объект преступления – правоотношения». По нашему мнению, ни одна из перечисленных концепций не может претендовать на универсальность. Столь разнообразные подходы к определению объекта преступления порождают определённые трудности, как в теории уголовного права, так и в правоприменении. В частности, до настоящего времени нет единого мнения относительно содержания и значимости главного объекта уголовно-правовой охраны – жизни человека.

Предваряя дальнейшее исследование, необходимо определить содержание дефиниции «право на жизнь». В правовой литературе существует множество определений этого термина, однако, с позиций уголовно-правовой науки и защиты жизни уголовно-правовыми средствами, наиболее оптимальным представляется определение, данное О.С. Капинус: «Право человека на жизнь – это естественная, неотъемлемая возможность защиты неприкосновенности человеческой жизни и свободы распоряжения ею, гарантированная нормами права» [6, с. 28].

С одной стороны, право на жизнь – основное естественное право, закреплённое ст.20 Конституции РФ; ч. 1. ст. 2 УК РФ охрана прав человека предусмотрена как первоочередная задача Уголовного кодекса; а Особенная часть УК начинается с гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья личности», что свидетельствует о первостепенной значимости охраны рассматриваемого объекта. С другой стороны, в УК РФ нет самостоятельной главы или раздела, включающего все нормы, предусматривающие ответственность за причинение смерти.

Жизнь имеет определённые временные границы (начало и конец), определение которых необходимо, во-первых, для того, чтобы установить период, в течение которого жизнь человека как таковая находится под охраной уголовного законодательства, а во-вторых, для правильного решения вопросов, связанных с квалификацией преступлений против жизни и отграничение их от других составов преступлений, последствием которых также является смерть человека [7, с. 154-157].

Специалисты до настоящего времени не сформировали единого мнения относительно того, с какого момента начинается жизнь, ставящаяся под уголовно-правовую охрану. Разбег мнений здесь от 22 недель беременности до начала физиологических родов и до приобретения плодом способности к самостоятельной внеутробной жизни.

Сложность, установления границ уголовно-правовой охраны жизни на наш взгляд, заключается в том, что с позиций уголовного законодательства необходимо точное установление начала жизни (как и смерти). При этом это установление возможно только при использовании данных медико-биологических наук, которые, в свою очередь, оперируют иными категориями, рассматривая начало самостоятельной, вне тела матери, жизни как процесс, а не момент. Подобная ситуация встречается при установлении момента окончания незаконного аборта, ответственность за который предусмотрена ст. 123 УК РФ. С точки зрения медицины аборт – это процесс, заканчивающийся не разрушением (смертью) плода, а полным извлечением его целиком или по частям.

Наиболее аргументированной представляется позиция специалистов, опирающихся на действующее законодательство РФ. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Частью 1 ст. 53 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 25 ноября 2011 г. определено, что моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Аналогичное положение содержится в приложении «Медицинские критерии рождения» приказа Минздравсоцразвития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. №1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи», в соответствии с которым, «живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения му-

скулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента)».

Дополнительные аргументы в пользу вышеобозначенного подхода к определению начала уголовно-правовой охраны жизни приводит О.С. Капинус, которая совершенно справедливо указывая на то, что сердцебиение, дыхание и другие проявления жизнеспособности при внутриутробном развитии целиком и полностью зависят от материнского организма, приходит к выводу, что уголовно-правовая охрана жизни должна осуществляться с того момента, как ребенок готов к продолжению жизни вне материнской утробы [6, с. 33].

На этот счёт существуют и иные мнения. Так, например,Н.А. Лопашенко, суммируя множество мнений, приходит к выводу, что рождающийся человек – уже человек, поскольку, когда начинаются роды, заканчивается внутриутробная жизнь плода и начинается жизнь человека [8, с. 99-100].

По нашему мнению, решение научного спора будет возможно только после получения новейших данных медико-биологических наук о состоянии плода в материнском организме и возможности его признания личностью, требующей уголовно-правовой защиты. В таком случае потребуется внесение изменений в действующее законодательство. Представляется, что, прежде всего, необходимо будет внесение изменений в ч. 2. ст. 17 Конституции РФ, устанавливающих иные (более низкие) границы возникновения прав и свобод человека, позволяющие поставить жизнь человека под уголовно-правовую охрану в более ранние сроки. Вместе с тем, очевидно, что внесение подобных изменений требует широкой научной дискуссии и серьёзного обоснования с учетом мнений специалистов в других отраслях права.

Существует множество подходов к систематизации преступлений (в основу которых положена уголовно-правовая классификация объекта посягательства), следствием которых является наступление смерти человека. По нашему мнению, наиболее полной является классификация Е.С. Стешич, которая, прежде всего, выделяет основную группу, сосредоточившую преступления, содержащиеся в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» (ст. 105-110 УК РФ); а кроме неё три дополнительные группы преступлений [9, с. 96-97]. Так, к первой группе автор относит деяния, в которых умышленное лишение жизни является дополнительным или факультативным непосредственным объектом (например, преступления, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357 УК РФ). Ко второй группе автор относит преступления, в которых жизнь является дополнительным или факультативным непосредственным объектом, а смерть наступает от действий, нарушающих правила, установленные законом, а так же по неосторожности от умышленных или неосторожных действий (к ним, например, относятся преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124, п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 4 ст. 132, ч. 2 ст. 143, ч. 2 ст. 167, п. «б» ч. 3 ст. 230, ч. 2 ст. 235 и др. Всего, по мнению указанного автора таких статей в УК более пятидесяти). В третью группу автор включает преступления, в которых вредный результат имеет оценочный характер, – это «наступление иных тяжких последствий», но причинение смерти по неосторожности представляется возможным (ч. 3 ст. 1451, п. «в» ч. 2 ст. 2831, п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ).

В целом соглашаясь с представленной систематизацией преступлений против жизни личности, следует обратить внимание на тот факт, что отсутствие единого мнения ученых и законодательного закрепления момента начала жизни, предполагает дополнение рассмотренной классификации группой преступлений, в которых объектом посягательства является жизнь ещё не родившегося ребёнка. Защита не родившегося ребёнка обеспечивается различными отраслями права. В определенной мере эту защиту несут в себе и нормы уголовного законодательства.

Так, в нижеперечисленных статьях уголовного кодекса жизнь не родившегося ребёнка является дополнительным объектом: ст. 123 УК РФ – незаконное производство аборта; п. "г" ч. 2 ст. 105 «Убийство» (убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности); п. "в" ч. 2 ст. 117 «Истязания» (истязание в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности»; а так же п. "е" ч. 2 ст. 126 «Похищение человека», п. "е" ч. 2 ст. 127 «Незаконное лишение свободы», п. "е" ч. 2 ст. 206 УК РФ «Захват заложника».

Здесь уместным представляется сослаться на позицию А.Н. Зацепина, указывающего, что поскольку плод является частью тела матери, умышленное причинение вреда матери следует признать эквивалентным умышленному причинению вреда ее еще не родившемуся ребенку [10, с. 68].

Возвращаясь к представленной выше систематизации, следует согласиться с мнением специалистов указывающих, что, судя по местоположению, основной целью создания норм первой, второй и третьей группы явилась охрана иных благ, общественных интересов и отношений, а не жизни [9, с. 97]. Из этого можно заключить, что законодатель в ряде случаев считает жизнь человека менее ценным объектом уголовно-правовой охраны, чем, например, личную свободу, половую неприкосновенность, интересы государственной службы и пр. Такой точки зрения в советский период придерживались отдельные исследователи и в частности Ю.А. Демидов, считавший, что государственный и общественный строй, государственная без-

опасность, общественный порядок, воинская дисциплина, а также честь и достоинство человека, половая свобода женщины – объекты абсолютной ценности, в то время, как жизнь человека наряду с имуществом – объекты относительной ценности [4, с. 58].

По нашему мнению подобная практика, обусловлена пониманием объекта преступления исключительно как общественных отношений и рассмотрения человека в системной и иерархической взаимосвязи с этими отношениями. Представляется, что в данном случае следует руководствоваться положением ч. 1 ст. 3 УК РФ, в которой последовательно закреплены задачи уголовного кодекса, среди которых первое место занимает охрана от преступных посягательств прав человека. Исходя из этого положения, жизнь человека не должна выступать дополнительным объектом даже при условии, что лишение человека жизни произошло как последствие неосторожного преступления.

Так, например, в этой ситуации уместно вспомнить о дискуссии относительно определения родового объекта преступлений, предусмотренных гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». Некоторые авторы считают, что родовым объектом преступлений, объединённых в этой главе являются общественные отношения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. Другие же авторы указывают, что «уголовно-правовые нормы имеют своей целью исключительно охрану жизни, здоровья людей. Безопасность движения и эксплуатации является способом организации работы транспорта …» [11, с. 55].

Из вышеизложенного следует, что сложившийся подход к определения момента начала жизни в целом отвечает действующему законодательству, однако формально оставляет вне уголовно-правовой охраны плод с 22 недель беременности и рождающегося ребёнка до появления признаков живорожденности. В этой связи представляется необходимым тщательнейшее изучение последних данных медико-биологических наук о жизни и функционировании плода в организме матери. В случае получения медицинской информации возможности признания плода личностью, целесообразным представляется внесение изменений в действующее законодательство, позволяющих поставить жизнь под уголовно-правовую охрану в более ранние сроки.

Сложившаяся структура Особенной части Уголовного кодекса РФ находится в противоречии с положениями, ст. 2 Конституции РФ и ст. 3 УК РФ. Устранение этих противоречий возможно путём законодательного признания жизни личности основным объектом уголовно-правовой охраны и внесения соответствующих изменений в систематизации Особенной части Уголовного кодекса РФ. Возможным вариантом решения проблемы может явиться объединение всех преступлений, следствием которых является смерть человека в одном разделе Уголовного кодекса, который, в свою очередь может разделяться на соответствующие главы.

Литература

1. Колер И. Введение в науку права. СПб: Сенатская типография, 1903. 278 с.

2. Кистяковский А. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. К.: Издание книгопродавца-издателя Ф.А. Иогансона, 1891. 438 с.

3. Курс советского уголовного права. М.: Наука, 1970. Т. 2. 457 с.

4. Демидов Ю.А. Социальная ценность личности и ее оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 182 с.

5. Мальцев В.В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 512 с.

6. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): автореф. … дис. д.ю.н. М, 2006. 60 с.

7. Артюшина О.В. Непосредственный объект убийства, совершаемого с особой жестокостью // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. № 4. С. 154 – 157.

8. Лопашенко Н.А. Убийство: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 544 с.

9. Стешич Ю.С. Абсолютная ценность жизни как основа систематизации преступлении против неё. Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3 (41). С. 96 – 102.

10. Зацепин А.М. О вопросах квалификации совокупности преступлений при совершении двух или более действий (бездействий) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2015. № 3-4. С. 68 – 71.

11. Курс советского уголовного права / отв. ред. Н.А. Беляев. Л., 1981. Т. 5. 648 с.

References

1. Koler I. Vvedenie v nauku prava. SPb: Senatskaja tipografija, 1903. 278 s.
2. Kistjakovskij A. Jelementarnyj uchebnik obshhego ugolovnogo prava. Chast' Obshhaja. K.: Izdanie knigoprodavca-izdatelja F.A. Iogansona, 1891. 438 s.
3. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. M.: Nauka, 1970. T. 2. 457 s.
4. Demidov Ju.A. Social'naja cennost' lichnosti i ee ocenka v ugolovnom prave. M.: Juridicheskaja literatura, 1975. 182 s.
5. Mal'cev V.V. Ob#ekt ohrany (prestuplenija) v ugolovnom prave: monografija. M.: Jurlitinform, 2012. 512 s.
6. Kapinus O.S. Jevtanazija kak social'no-pravovoe javlenie (ugolovno-pravovye problemy): avtoref. … dis. d.ju.n. M, 2006. 60 s.
7. Artjushina O.V. Neposredstvennyj ob#ekt ubijstva, sovershaemogo s osoboj zhestokost'ju. Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke. 2017. № 4. S. 154 – 157.
8. Lopashenko N.A. Ubijstvo: monografija. M.: Jurlitinform, 2013. 544 s.
9. Steshich Ju.S. Absoljutnaja cennost' zhizni kak osnova sistematizacii prestuplenii protiv nejo. Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2014. № 3 (41). S. 96 – 102.
10. Zacepin A.M. O voprosah kvalifikacii sovokupnosti prestuplenij pri sovershenii dvuh ili bolee dejstvij (bezdejstvij). Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Jekonomika i pravo. 2015. № 3-4. S. 68 – 71.
11. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. otv. red. N.A. Beljaev. L., 1981. T. 5. 648 s.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И СРЕДСТВ В ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Посельская Л.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы направленные на формирование понятия сущности и природы компьютерных и электронно-цифровых следов, определение видов следов, оставляемых при совершении преступлений с использованием компьютерной техники и сети Интернет, специфики применения криминалистических методов и средств при производстве отдельных следственных действий по их выявлению и фиксации на электронных носителях. Рассмотрены методы и средства получения информации, сформированной на электронных носителях, оставляемой при совершении преступлений с использованием компьютерной техники и сети Интернет. При исследовании проблемы автором использован статистический метод оценки тенденций роста преступлений, совершаемых с помощью компьютерной техники и сети Интернет. Эмпирический метод применен для обобщения практики расследования таких преступлений, проведен теоретико-правовой анализ научных подходов к пониманию компьютерных и электронно-цифровых следов, их значения. Выявлены проблемы взаимодействия сотрудников органов предварительного расследования со специалистами в области IT-технологий при работе электронно-цифровыми следами. Проведенное исследование позволило сформировать представление об интеграционной роли криминалистического знания в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и сети Интернет, определены подходы к пониманию электронно-цифровых следов и проблем использования терминологии при описании объектов исследования в практической деятельности правоохранительных органов. Теоретическая и практическая значимость состоит в определении подходов к развитию криминалистического знания в области следоведения, формированию представлений о новых объектах криминалистики относительно электронно-цифровых следов, определении особенности их выявления и фиксации.*

Ключевые слова: *информационно-телекоммуникационные и компьютерные технологии, интеграция знаний, следственные действия, тактические приемы, электронные носители информации, электронно-цифровые следы*

THE INTEGRATION ROLE OF FORENSIC METHODS AND TOOLS IN OBTAINING INFORMATION ON CRIMES COMMITTED USING COMPUTER TECHNOLOGY AND THE INTERNET

Poselskaya L.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Abstract: *the conducted research is aimed at clarifying the methods and means of obtaining information generated on electronic media, aimed at forming the concept of the essence and nature of computer and electronic digital traces left when committing crimes using computer technology and the Internet. In the course of the study, a statistical method was used to assess trends in the growth of crimes committed with the help of computer technology and the Internet. The theoretical and legal analysis of scientific approaches to the understanding of computer and electronic digital traces is carried out, the empirical material of the practice of investigating such crimes is summarized. Theoretical significance in determining approaches to understanding the problems of using terminology in describing trace information, integrating the role of forensic knowledge in the disclosure and investigation of crimes committed using computer technology and the Internet, practical significance consists in forming ideas about electronic digital traces, determining the specifics of their detection and fixation.*

Keywords: *information and telecommunication and computer technologies, integration of knowledge, investigative actions, tactical techniques, electronic media, electronic digital traces*

В соответствии с законодательством Российской Федерации в стране формируется высокотехнологичная среда в рамках Национальной Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на период с 01.10.2018 по 31.12.2024 года.

Развитие цифровых технологий в первую очередь затрагивает области экономических и финансовых взаимоотношений, что повлекло за собой тенденцию к изменениям в правовом регулировании, в том чис-

ле и деятельности правоохранительных органов. Ориентация на использование цифровых технологий распространяется не только на экономику и социальную сферу. Отмечается использование цифровых технологий более быстрыми темпами и в криминальных целях. Многообразие преступных проявлений обусловлено сложностью процесса их выявления, раскрытия и расследования. Значительно количество преступных проявлений совершается с использованием интернет-технологий, используя мировое информационное пространство, одновременно воздействуя на различные электронные устройства, включая мобильную связь. Количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий ежегодно возрастает. За период январь – сентябрь 2019 года было зарегистрировано 205116 таких преступлений, то за аналогичный период 2020 года количество преступлений в сфере IT-технологий зарегистрировано 318417 преступлений. Из них в сети интернет совершено на 90,2% больше, с использованием мобильной связи. В 2022 году совершено 334100 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости совершенствования криминалистических методов и средств в организации и тактике выявления и фиксации электронно-цифровых следов преступления и иной доказательственной информации. С переходом к цифровой экономике появились новые понятия и новые объекты, которые предстоит изучать, осматривать и описывать следователям, относительно этих объектов проводить оперативно-розыскные мероприятия и экспертизы. Наиболее чувствительными для повседневной практической деятельности, по нашим исследованиям, является собирание и фиксация электронно-цифровых следов преступлений, совершаемых с использованием с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Учитывая, что наука криминалистика по своей сути является интегративной, использующей знания из различных сфер научного знания и практики в целях раскрытия и расследования преступлений, поэтому необходимо рассматривать ее роль именно с таких позиций.

Интеграция знаний из правовых и естественных наук в систему криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений предполагает решение задач совершенствования технико-криминалистических методов и средств, а так же, тактико-криминалистических рекомендаций по использованию тактических приемов подготовки и проведения следственных действий и создание методических комплексов расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Все указанные обстоятельства обусловливают *актуальность* и необходимость рассмотрения интегрирующей роли криминалистического обеспечения выявления и фиксации электронно-цифровых следов при расследовании преступлений экономической направленности. *Предметом* нашего исследования являются закономерности интеграции достижений науки и практики в разных сферах с криминалистическими знаниями, направленными на собирание и фиксацию электронно-цифровых следов при расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и сети Интернет.

Наиболее чувствительными к новациям в сфере цифровых технологий оказались экономическая и социальная сфера. Использование цифровых технологий в криминальных целях порождает многообразие преступных проявлений. Значительно количество преступлений совершается с использованием интернет-технологий, одновременно воздействуя на различные электронные устройства, включая мобильную связь. Об этом свидетельствует увеличение числа и способов хищения денежных средств с использованием электронных платежных документов, сети Интернет, мобильной связи.

В настоящее время формирование доказательственной базы при расследовании таких преступлений происходит в электронном виде, что обусловливает проблемы в обнаружении и фиксации в соответствии с требованиями процессуального порядка их оформления.

В ходе расследования на основании собранных материалов и результатов следственных действий анализируется механизм следообразования. В настоящее время проблема состоит в том, что нет единого подхода к понятию таких следов и их закреплению в правовой сфере. Генезис подхода к определению представлений дает понимание о сложности формирования этого нового научного знания в теории криминалистического следоведения. Понятие компьютерные, цифровые, электронно-цифровые следы породило значительное количество дискуссий по данному направлению. При возникновении необходимости обозначить информацию, получаемую с электронных носителей типа персональных ЭВМ, фигурировало название виртуальные следы [6, с. 124].

В свое время, вначале формирования компьютерной информации и последствий ее использования, Ю.В. Гаврилин называл такие объекты компьютерно-техническими следами преступления [3, с. 50-52]. В настоящее время он рассматривает возможности применения криминалистической техники для получения информации с электронных носителей [4, с. 37-38]. В.В. Поляков проводит сравнительное исследование понятий электронно-цифровые и виртуальные следы [7, с. 124]. А.Ю. Семенов предлагал в свое время название

«виртуальные» следы. Он рассматривал их в зависимости от носителя информации, например на жёстком диске, на оперативном запоминающем устройстве компьютера и периферийных устройствах и тому подобных [11, с. 53-54]. Предпринимаются попытки определить место данного вида следов в системе криминалистической классификации следов для их лучшего понимания, изучения и фиксации. В.А. Мещеряков полагает возможным определить данные следы в самостоятельную третью группу между материальными и идеальными следами [6, с. 32]. В данном подходе имеется определенное практическое значение. Однако, более актуальной и приемлемой нам представляется позиция Е.Р. Россинской, которая однозначно высказалась по данному поводу, предлагая цифровые следы считать материальными следами. В этом смысле она справедливо полагает, что цифровой след – это криминалистически значимая компьютерная информация, которая нашла свое отражение в материальной среде в результате ее создания, передачи и хранения [8, с. 187-188]. Одновременно отметила, что «программные и аппаратные средства используются в качестве инструмента. При совершении определенных действий пользователя по известным алгоритмам и закономерностям будет формироваться доказательственная информация, представленная в цифровом виде и зафиксированная путем изменения свойств и состояния элементов носителя информации» [10, с. 184]. Такая точка зрения преобладает, мотивируется материальной природой следов. Предполагается, что зрительно мы ее можем воспринимать как набор определенных буквенно-цифровых символов, соответственно в классическом представлении о материальных объектах окружающего мира, след получим цифровой. Другое дело существование и перемещение информации от одного электронного носителя к другому. Пространство и способ перемещения информации будут виртуальными. Если рассуждать о предметах – носителях информации, это компьютерно-технические, информационно-телекоммуникационные и иные электронные устройства связи, они могут быть следами предметами, причем одни являются средством передачи цифровой информации, другие – воспринимающие цифровую информацию. Кроме этого, такие представления об электронно-цифровых следах позволяют эффективно работать по их собиранию и фиксации, о порядке проведения следственных действий рассмотрим далее. Формирование определенного вида информации зависит от компьютерной техники, принимающих и передающих устройств, сетевых ресурсов, услуг провайдеров, подключенных сетей, от скорости цифрового сигнала, наличия подключений к сети. При этом механизм образования электронно-цифровых следов обусловлен и уязвимостью технологического оборудования, программных средств обеспечения информационной безопасности. Так, например, в случае получения от провайдера информации, лог-файлов компаний глобальной сети интернет типа Mail.ru, или других сетей, отражающие факт входа в почтовый ящик подозреваемого лица с разных IP- адресов, то это свидетельствует о том, что лицо пользуется услугами разных компаний-провайдеров для маскировки своего IP-адреса. При этом они могут локально находиться на достаточно удаленном расстоянии друг от друга. Такие действия совершаются для маскировки. Необходимо знать, что все лог – файлы сортируются по датам, одним суткам соответствует один файл. В отдельных случаях при подготовке к совершению преступления для сокрытия адреса используются так называемые прокси-серверы, то есть промежуточные серверы позволяющие клиентам сохранить анонимность в сети Интернет. В связи с чем, теоретико-правовое обоснование рассматриваемой доказательственной информации, ее точное научное и законодательное определение требует дальнейших фундаментальных исследований.

Вместе с тем, названные перемены в социально-экономических отношениях, обусловливают специфику производства проверочных мероприятий на этапе возбуждения уголовного дела, а так же особенности первоначальных следственных действий, связанных с выявлением и фиксацией информации относительно электронно-цифровых следов.

Как правило, после получения информации о совершении преступления с использованием компьютерных технологий и сети Интернет, требуется проверка информации до возбуждения уголовного дела.

Основанием начала проверки до возбуждения уголовного дела служат сообщения граждан, например о списании у них со счетов денежных средств, сообщения в средствах массовой информации о противоправных действиях в сети Интернет, результаты оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по инициативе специальных подразделений путем мониторинга определенных сайтов или в целом интернет сети. При производстве оперативно-розыскных мероприятий проводится значительная по объему работа по проверке сообщений и информации о преступлении. А.Н. Колычева в своем исследовании отмечает, что при проведении проверочных мероприятий необходимо учитывать наличие в интернет пространстве как полностью децентрализованных сетей, так и частично децентрализованных. Но в тоже время могут быть и гибридные, включающие серверы, содержащие в себе информацию только о контрольных суммах файлов и о доступности пользователей в сети» [5, с. 110-113]. Сеть может быть доступная для широкого числа пользователей и наоборот, ограничивается доступ только для определенного круга лиц. Кроме этого, при производстве проверочных мероприятий необходимо иметь представление о работе пиринговых сетей, их видах и нали-

чия соответствующего программного обеспечения. Необходимо учитывать и технические особенности размещения информации в сети Интернет, а здесь требуются более специализированные познания лица, имеющего представление о функционировании разного рода сетей и взаимосвязь с ними установленных программ. Обычно в рамках оперативно-розыскных мероприятий проводится «сбор образцов для сравнительного исследования» и «наблюдение». Алгоритм действий необходимо рассматривать с двух позиций. Проверка может осуществляться дистанционно, посредством входа в сеть через регистрацию в ней, просмотр файлов, копирование необходимых или скриншот, фиксирование IP-адреса, с которого осуществлен выход в интернет, просматриваются файлы с информацией, которые экспонировались для скачивания или использовались для совершения торговой или банковской операции. Копирование файлов должно осуществляться на неиспользуемый ранее переносной носитель, в настоящее время чаще используется флэшкарта, после проверки записи на ней, опечатывается в конверт. При этом, в акте или протоколе описывается вся технология с момента входа в сеть, поиск и раскрытие файлов, технология копирования, выход из сети и уничтожение записей с жёсткого диска после копирования на переносной носитель. В отдельных случаях может быть осуществлена дополнительная мера фиксация путем снятия снимка с монитора. Далее через сервис по предоставлению выделенных серверов принимаются меры к установлению владельца ресурса разместившего информацию или создавшего фальшивую страницу сайта двойника. Для установления пользователя страницы, осуществляется запрос в адрес владельца сетевого ресурса об IP-адресе и определяется провайдер. В свою очередь провайдеру тоже необходимо сделать запрос кому из абонентов может принадлежать IP-адрес. Несколько сложнее определение MAC – адреса устройства, обеспечивающего доступ к сети интернет. Не всегда представляется возможным установить данный адрес, в большинстве случаев такая информация предоставляется только по запросу следователя по возбужденному уголовному делу. Существует возможность смены MAC-адреса программным путём, так как его значение, указанное через драйвер, имеет более высокий приоритет, чем «зашитое» в плату. Однако, всё же существует оборудование, в котором смену MAC-адреса произвести невозможно без программатора (обычно это телекоммуникационное оборудование; например, приставки для IP-TV (STB). В некоторых устройствах, оснащённых веб-интерфейсом управления, возможна смена MAC-адреса во время настройки: большинство маршрутизаторов позволяют дублировать MAC-адрес сетевой платы, через которую он подключён к компьютеру. Так же, проверка может осуществляться при использовании компьютерной техники лица, явившегося инициатором создания файла, формирования и передачи определенной информации в случае его установления. Такая проверка обычно осуществляется по преступлениям, когда установлен IP- адреса компьютера, с которого осуществлялась рассылка, запрос, или создавался фальшивый сайт для завладения чужими денежными средствами, либо простого списания их со счетов граждан.

В дальнейшем в ходе расследования производятся следственные действия, направленные на собирание и фиксацию электронно-цифровых следов. Приступая к расследованию преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий и сети Интернет, следователь должен исходить из общедоступной информации о том, что подключаясь к сети интернет и его ресурсам, каждый пользователь получает IP-адрес, который фиксируется провайдером. Присвоенный IP-адрес может быть подключен к абоненту на постоянной основе, либо предоставляемый адаптеру автоматически и носит не постоянный характер. В большинстве случаев пользователей подключают через доменную систему имен, позволяющую визуально определять читаемый с монитора или дисплея адрес в буквенно-цифровом формате.

В тоже время, необходимо понимать, что при всей простоте обращения к различным сайтам, пользователю бывает сложно отличить настоящую адресную ссылку и фальшивую. На адресной строке может быть заменен всего лишь один символ, визуально воспринимаемый как один и тот же. При этом для изменения исходного смысла наименования используются буквы разных алфавитов. В целях выявления, собирания и фиксации доказательственной информации и электронно-цифровых следов, следователем, при получении материалов проверки заявлений и сообщений или результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий, проводятся следственные осмотры. В зависимости от их значимости определяется последовательность этих следственных действий. При установлении места нахождения компьютерной техники с установленным IP- адресом, производятся осмотры места происшествия и технических носителей информации. Основные тактические приемы осмотра направлены на определение размещения компьютерной техники, способа подключения к сети, наличия и подключения периферийных устройств, возможностей беспроводной связи, работоспособность всех названных устройств. В объем задач следственного действия входит осмотр системного блока и монитора компьютера, проверяется его целостность, наличие или отсутствие вскрытия основных элементов, наличие дополнительных встроенных элементов, или конструктивного изменения, наличие или отсутствие пломб опечатывания.

Необходимо убедиться, что отсоединение от сети интернет не повредит программное обеспечение компьютера, содержащиеся файлы, не позволит сработать программе уничтожения сохраненной информации. Включение и выключение компьютера и присоединенного к нему оборудования должно происходить с участием специалиста в сфере IT-технологий, либо после получения консультации от него. При возможности включения компьютера необходимо в ходе осмотра зафиксировать наличие, название и структуру файлов, наличие электронных почтовых ящиков и время их использования. Вскрытие компьютерного оборудования желательно производить с участием IT-специалистов. Осмотр носителей так называемой машинной информации производится с целью установления содержания самой компьютерной информации и обнаружения внешних факторов воздействия. Результаты осмотра фиксируются в протоколе следственного действия в общепринятом процессуальном порядке.

Таким образом, мы рассмотрели особенности собирания и фиксации электронно-цифровых следов при совершении преступлений с использованием компьютерной техники и сети Интернет. По результатам нашего исследования мы приходим к выводу о необходимости модернизации тактических приемов выявления и осмотра цифровой информации, созданной и зафиксированной на электронных носителях такой информации. Переход на цифровые технологии в социально-экономической сфере предполагает необходимость приобретения представителями правоохранительных органов знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий, умений работы с цифровыми следами, в интересах раскрытия и расследования преступлений. Во всех случаях деятельность по выявлению и фиксации электронно-цифровых следов по преступлениям, совершаемым в интернет – пространстве требуются специальные знания в различных сферах. Для успешного раскрытия и расследования преступлений в условиях развития цифровой экономики и социальной сферы будет востребована интеграционная функция криминалистики для объединения современных экономических, правовых знаний, информационных и IT-технологий. Совершенствование криминалистических методов и средств работы с новыми видами следов и следовой информации зависит не только от технического оснащения данного вида деятельности, но и теоретико-правового и информационного обеспечения. Проблема состоит в том, что использование специальных знаний необходимо на стадии проверки заявлений и сообщений. Однако взаимодействие в этом направлении недостаточно регламентировано в нормативно-правовых актах. Правильное понимание и разрешение существующих теоретических и практических проблем работы с электронно-цифровыми следами требует научных знаний и усилий не только криминалистов, проблема носит межнаучный и междисциплинарный характер. Однако, в рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть все направления.

Анализируя различные источники информации, можно предположить пути развития цифровизации правоохранительной деятельности в следующих направлениях: правовое, информационно-технологическое, кадровое обеспечение, о чем писали в своих научных трудах ученые разных отраслей научного знания.

Литература

1. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2016. С. 21 – 22.

2. Васюкова В.Ф., Булыжкин А.В., Некоторые особенности осмотра средств сотовой связи при расследовании уголовных дел // Российский следователь. 2014. № 2. С. 2 – 4.

3. Гаврилин Ю.В., Лыткин Н.Н. Понятие, свойства и криминалистическое значение компьютерно-технических следов преступления // Вестник криминалистики. 2005. № 4 (16). С. 50 – 52.

4. Гаврилин Ю.В. Уголовно-процессуальные основания и порядок применения средств криминалистической техники, используемой для исследования информационно-коммуникационных устройств // Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования экономических преступлений: сборник выступлений участников круглого стола 08.12.2017г. / под ред. д.ю.н. О.С. Кучина Москва: Изд-во МГУ, 2017. С. 37 – 40.

5. Колычева А.Н. Некоторые аспекты фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети интернет. 2017. Т. 22, вып. 2. С. 110 – 113.

6. Мещеряков В.А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов.2009. № 1.С. 30 – 32.

7. Поляков В.В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11 (1). С. 124.

8. Россинская Е.Р. Современное состояние и перспективы цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2019. С. 187 – 188.

9. Онищенко К.Ф. Развитие законодательства, предусматривающего ответственность за совершение преступлений в сфере IT-технологий // Современный ученый. 2021. № 5. С. 313 – 316.

10. Россинская Е.Р. Система частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы научно-практической конференции с международным участием (Москва, 5 апреля 2019г.). Москва: РГ-Пресс, 2019. С. 184.

11. Семенов А.Ю. Некоторые аспекты выявления, изъятия и исследования следов, возникающих при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Сибирский юридический вестник. 2004. № 1. С. 53 – 54.

References

1. Volynskij A.F. Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytija i rassledovanija prestuplenij: uchebnoe posobie. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii im. V.Ja. Kikotja, 2016. S. 21 – 22.

2. Vasjukova V.F., Bulyzhkin A.V., Nekotorye osobennosti osmotra sredstv sotovoj svjazi pri rassledovanii ugolovnyh del. Rossijskij sledovatel'. 2014. № 2. S. 2 – 4.

3. Gavrilin Ju.V., Lytkin N.N. Ponjatie, svojstva i kriminalisticheskoe znachenie komp'juterno-tehnicheskih sledov prestuplenija. Vestnik kriminalistiki. 2005. № 4 (16). S. 50 – 52.

4. Gavrilin Ju.V. Ugolovno-processual'nye osnovanija i porjadok primenenija sredstv kriminalisticheskoj tehniki, ispol'zuemoj dlja issledovanija informacionno-kommunikacionnyh ustrojstv. Kriminalisticheskoe i operativno-rozysknoe obespechenie rassledovanija jekonomicheskih prestuple-nij: sbornik vystuplenij uchastnikov kruglogo stola 08.12.2017g. pod red. d.ju.n. O.S. Kuchina Moskva: Izd-vo MGU, 2017. S. 37 – 40.

5. Kolycheva A.N. Nekotorye aspekty fiksacii dokazatel'stvennoj informacii, hranjashhejsja na resursah seti internet. 2017. T. 22, vyp. 2. S. 110 – 113.

6. Meshherjakov V.A. «Virtual'nye sledy» pod «skal'pelem Okkama». Informacionnaja bezopasnost' regionov.2009. № 1.S. 30 – 32.

7. Poljakov V.V. K voprosu ob ispol'zovanii ponjatij «virtual'nye sledy» i «jelektronno-cifrovye sledy» v kriminalistike. Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pra-vonarushenijami. 2013. № 11 (1). S. 124.

8. Rossinskaja E.R. Sovremennoe sostojanie i perspektivy cifrovizacii sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti. Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy v sovremennyh uslovijah: materialy VII Mezhdu-narodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva: RG-Press, 2019. S. 187 – 188.

9. Onishchenko K.F. Razvitie zakonodatel'stva, predusmatrivayushchego otvetstvennost' za sovershenie prestuplenij v sfere IT-tekhnologij. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 5. S. 313 – 316.

10. Rossinskaja E.R. Sistema chastnoj teorii informacionno-komp'juternogo obespechenija kriminalisticheskoj dejatel'nosti. Sovremennye problemy cifrovizacii kriminalisticheskoj i sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 5 aprelja 2019g.). Moskva: RG-Press, 2019. S. 184.

11. Semenov A.Ju. Nekotorye aspekty vyjavlenija, iz#jatija i issledovanija sledov, voznikajushhih pri sovershenii prestuplenij v sfere komp'juternoj informacii. Sibirskij juridicheskij vest-nik. 2004. № 1. S. 53 – 54.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рузаева Е.М., кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет

***Аннотация**: развитие России на современном этапе характеризуется непрерывными реформами во всех сферах жизнедеятельности нашего общества, в том числе в сфере государственной службы Российской Федерации, при этом изменения охватывают не только государственный аппарат, государственный бюджет, структуру органов исполнительной власти, но и взаимоотношения государства и гражданского общества, образование и здравоохранение. В настоящее время численность государственных служащих растёт, интерес молодых специалистов к государственной службе связан с той важной ролью, которую она играет в жизни любого государства, – фактически она охватывает все сферы экономики и социального развития и оказывает существенное влияние на принятие государственных решений, этими факторами и определяется актуальность темы исследования. Ввиду вышесказанного автором рассматривается, прежде всего, понятие государственной службы в целом, а также особое внимание уделяется системе правового регулирования.*

***Ключевые слова**: государственная служба, государственный служащий, правоохранительные органы, субъект права, субъект трудового права, специальный субъект трудового права*

THEORETICAL FEATURES OF THE PUBLIC SERVICE SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ruzaeva E.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Orenburg State University

***Abstract:** the development of Russia at the present stage is characterized by continuous reforms in all spheres of life of our society, including in the sphere of public service of the Russian Federation, while the changes cover not only the state apparatus, the state budget, the structure of executive authorities, but also the relationship between the state and civil society, education and healthcare. Currently, the number of civil servants is growing, the interest of young professionals in public service is associated with the important role it plays in the life of any state – in fact, it covers all spheres of economy and social development and has a significant impact on government decision-making, these factors determine the relevance of the research topic. In view of the above, the author considers, first of all, the concept of public service as a whole.*

***Keywords:** civil service, civil servant, law enforcement agencies, subject of law, subject of labor law, special subject of labor law*

На рубеже XX-XXI вв. были необходимы серьёзные организационно-правовые меры для формирования оптимальной системы государственного управления. Среди множества профессий и родов деятельности в целом, государственная служба в российском государстве всегда стояла, что называется, особняком – как с правовой точки зрения, так и, во многом – вследствие этого, с точки зрения социального отношения к такой деятельности.

На разных этапах развития российского государства государственная служба, в том или ином виде, существовала и преобразовывалась вместе со страной, в соответствии с меняющимися потребностями государства и общества. В настоящее время, в правовой системе России, которая осуществляет регулирование общественных отношений, связанных с государственной службой, также происходят изменения, что коснулось и систему государственной службы. Институт государственной службы в российском государстве насчитывает многовековую историю развития и в разные периоды имел характерные черты, расцветы сменяли кризисы. В целом, отпуская известные преобразования в государственном устройстве начала прошлого века в целом, и их последствия, констатируем, что в дореволюционный период система государственной службы получила существенное развитие, а к концу советской власти, в силу ряда факторов, имела явно бюрократические черты.

На сегодняшний день, законодательное закрепление гражданской службы является значимым, первоочередным и результативным в сфере правовой политики государства. Государственный аппарат ищет все больше путей взаимодействия с народом, а также с повышением репутации государственной службы. Государственная служба имеет своей целью осуществление функций исполнительной власти.

Принятый Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» закрепляет под государственной службой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по выполнения полномочий, обеспечивающих, прежде всего, решение задач государственного управления и для эффективного достижения целей.

Система государственной службы является целостной системой и обладает единством, структурностью, функциональностью, иерархичностью и стабильностью.

В систему государственной службы входят компоненты, подсистемы и элементы, которые необходимы для достижения государственных целей.

Основной закон Российской Федерации (статья 71) вопросы организации публичной власти, системы её органов, их формирования, требования к лицам, её представляющим, относит исключительно к федеральному ведению, а установления общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления относится к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов.

Федеральный закон от 27.05.2003 №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» закрепляет, что система государственной службы включает в себя следующие виды: государственная гражданская служба; военная служба; государственная служба иных видов.

Законодательство РФ до 2003 года рассматривало правоохранительную службу как третий вид государственной службы в Российской Федерации. Это была профессиональная служебная деятельность граждан в государственных учреждениях, службах и учреждениях, выполняющих функции обеспечения безопасности, правопорядка, борьбы с преступностью и защиты прав и свобод человека и гражданина.

До 2015 года в законодательстве было закреплено понятие «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью», но в последствии она была исключена из перечня. Законодатель выделил новые виды государственной службы с учётом особенностей, которые отличают их друг от друга.

Этот принцип категоризации государственных служащих также закреплен в международном законодательстве. Содержание Конвенции МОТ №151 «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе» (1978 года), исходит из широкого толкования понятия государственной службы, о чём отмечает С.В. Качушкин [2, с. 123].

Таким образом, положения рассматриваемого международного акта неприменимо к осуществлению властных полномочий вооружёнными силами и полицией. Так в конвенции МОТ чётко обозначено выделение милитаризированных видов в системе государственной службы.

Государственная гражданская служба. В настоящее время данный вид государственной службы регулируется ст. 5 Федерального закона от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Указанный закон закрепляет следующее понятие: «государственная гражданская служба Российской Федерации – вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ на должностях государственной гражданской службы РФ по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, органов публичной власти федеральной территории, государственных органов субъектов РФ, лиц, замещающих государственные должности РФ, и лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ».

Следует обратить внимание, что законодатель указал именно на формулировку государственной гражданской службы, тем самым подчеркнув важность данной категории в рамках государства. Именно государственная служба выступает в роли главного критерия. Государственная гражданская служба отражает основные черты государства, его важные функции и задачи и предназначена для практического их воплощения. Государственная гражданская служба регионального уровня регулируется помимо федерального законодательства еще и региональным. поскольку в настоящее время все виды государственной службы, регламентированные в законе, находят свою конкретизацию в специальных актах.

Существуют различные мнения и высказывания учёных и исследователей по вопросу понятийного аппарата государственной гражданской службы.

С.А. Кушатнок полагает, что понятие гражданской службы должно определяться через форму участия граждан в реализации основных задач государства и его функции [3, с. 245].

М.И. Халиков говорит о необходимости отнесения гражданской службы к основному виду деятельности по управлению государством [7, с. 318].

К.В. Синькевич предлагает понимать гражданскую службу как механизм формирования, совершенствования и реализации самого института государства [5, с. 57].

На наш взгляд интересную формулировку выдвинул И.Н. Барциц, представляя государственную гражданскую службу как единство институтов права, которыми урегулированы вопросы осуществления в госу-

дарстве власти и управления. Отмечает, что гражданская служба выступает в роли единства социальных институтов, сообществ и профессиональных корпораций субъектов, которые функции государства осуществляют на основании действующего законодательства [1, с. 63].

Важным аспектом в понятии гражданской службы является наличие у служащих высшего профессионального образования. Это требование заложено в законодательстве и является одним из принципов государственной службы, как профессионализм и компетентность. Этот принцип реализуется посредством установления ряда квалификационных требований в отношении профессиональной подготовки, компетенций, навыков и срока пребывания в должности. Одна из ключевых составляющих государственную гражданскую службу является направление деятельности и объём полномочий. Этот признак и отличает гражданскую службу от военной службы.

Государственная гражданская служба может быть признана специальным видом профессиональной деятельности, осуществляемый только в государственных органах, поскольку исключительно у них есть право иметь в своих рядах государственных гражданских служащих. Конституция РФ прямо предусматривает возможность создавать органы государственной власти. Для осуществления предоставленных полномочий органы государственной власти вправе создавать территориальные органы. Деятельность территориальных органов федеральной государственной власти можно считать государственной гражданской службой.

Государственная гражданская служба реализуется и в представительных органах, в органах судебной власти и иных органах государства, которые призваны реализовывать задачи и функции последнего и законодателем относятся к государственной гражданской службе. Следует обратить внимание на основные цели, задачи и функции рассматриваемого вида службы. Представляется, что цель государственной гражданской службы необходимо рассматривать с точки зрения формы осознания и закрепления органами государства в нормативных правовых актах актуальных проблем. В отношении целей, которые преследует государственная гражданская служба, нет определённых и закреплённых разработок.

Ю.Н. Стариловым высказывается, на наш взгляд, полноценная позиция, что целью государственной гражданской службы будет исполнение возложенных государством функций в практической деятельности, в решении задач, которые стоят перед государственной гражданской службой, в обеспечении благосостояния всего общества, в необходимости удовлетворять имеющиеся у общества потребности в соответствии с законодательством Российской Федерации [6, с. 101].

А.Ф. Ноздрачёв выдвигал позицию о том, что целями рассматриваемого вида государственной службы являются: упорядочивание работы государственного аппарата; установление в отношении государственных гражданских служащих их полномочий и функций; определение в отношении гражданского служащего его компетенции и основных полномочий; определение способов и процедур, в соответствии с которыми надлежит осуществлять анализ функционирования в целом аппарата государства; формирование надлежащих условий осуществления гражданской службы, куда включается материальное содержание, правовые и социальные гарантии [4, с. 68].

Встречается общественное мнение, что при обеспечении достойного материального содержания государственного служащего уделено лишь потребностям самих чиновников, а потребности людей и общества находятся на втором плане, но такой взгляд не может быть признан правильным. По-нашему мнению, такие условия необходимы для обеспечения правовой и социальной защиты государственных служащих, повышения их мотивации к эффективному выполнению своих обязанностей и укрепления стабильности их профессионального состава. И реализация таких благоприятных условий напрямую отражается на успешном удовлетворении потребностей общества.

Военная служба. Федеральный закон от 28.03.1998 №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военную службу относит к особому виду федеральной государственной службы, что по своей сути значительно отличается от иных видов службы.

Военная служба является строго структурированным видом государственной службы и понимается как профессиональная служба, служебная деятельность граждан на воинских должностях в Вооружённых силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

Законодательство о системе государственной службы от 2003 года относила военную и правоохранительную службу к видам федеральной государственной службы. По сути, законодатель объединил службу в правоохранительных органах и военную службу в единую систему государственной службы. Законом о военной службе определён новый подход к службе, в котором она определяется как особый вид службы, с особой спецификой и уникальностью в достижении целей с применением вооружения. Важно учитывать, что военная служба подразумевает не только добровольное исполнение, но и в соответствии с призывом, посредством исполнения вне зависимости от желания граждан исполнения конституционной обязанности.

Назрела необходимость определения специальных принципов военной службы, таких как: осуществление службы в рамках специфических организаций и государственных учреждений – вооружённые силы, войска, армия; государственное определение порядка и условий поступления на военную службу; предназначение посредством участия в вооружённых противостояниях, применения военных методов; порядка управления военной службой, установления отличия военной службы от иных видов службы. Но здесь следует понимать, что не любое применение оружия и не любая деятельность, связанная с вооружением, будет относиться к военной службе. Иначе придётся признать военной службой и участие субъекта в незаконном воинском формировании, что недопустимо. Военная служба всегда должна быть нормативно определена государственной властью в установленном законом порядке.

Также отмечаем, что не всякая правомерная деятельность, подразумевающая использование оружие, может быть отнесена к военной службе. К примеру, сотрудники правоохранительных органов имеют право на ношение оружие, как и военнослужащие. Предоставлено такое право и отдельным сотрудникам пенитенциарной системы, и иным субъектам.

Военной службе, безусловно, присущи основные свойства государственной службы, но в зависимости от полномочий и задач государственных органов военной службы, она подразделяется на виды, и в целом образует единую систему. Следующей особенностью военной службы можно назвать то, что вследствие специфики – динамического характера данного вида службы, достаточно сложно определить алгоритм поведения военнослужащего, особенно это актуально для периода боевых действий.

Однако ведение милитаристских действий строго подчинено специальному законодательству, что формализовано на уровне боевых уставов и иных актов военного управления.

Как указано ранее, основной целью военной службы можно назвать воплощение в жизнь функций государства по обеспечению его независимости, целостности, единства государственного суверенитета, удовлетворения публичного интереса в сфере военной безопасности на основании принципов и положений Конституции России и федерального законодательства. Среди общих функций военной службы можно выделить: формирование личного состава на основе профессиональных качеств; определение перечня должностей, реестров должностей государственной службы; соблюдение гарантий и прав военнослужащих, установленных для осуществления ими своих профессиональных обязанностей; создание соответствующих условий для прохождения военнослужащими подготовки и переподготовки для реализации своих полномочий на высоком профессиональном уровне; а также иные функции по правоприменению, правозащите, правотворчеству и другие. Так мы видим, что военная служба, собственно, как и иные виды специальной службы, будет отличаться от иных видов присущими особыми признаками, к которым следует относить: специфические задачи и функции; специальные принципы организации; особые условия несения службы; профессиональная специфика; особые обязанности, в частности защиты жизни и здоровья людей, целостности и безопасности государства, обеспечение дисциплины; особые условия и порядок поступления и прохождения; наличие особого статуса; особый порядок привлечения к ответственности; специальное обеспечение.

Таким образом, военная служба имеет очень важную функцию в силу специфики этой службы.

В 2015 году законодатели исключили из закона о системе государственной службы положения о другом виде государственной службе, речь идет о правоохранительной службе.

Взамен была предложено и закреплено понятие: «государственная служба иных видов». Исходя из этого, на наш взгляд, существенным недостатком сегодня является то, что законодатель, закрепил понятие государственной службы иных видов, но не дал определения, и не закрепил разъясняющего перечня. В связи с этим возрастает количество дискуссий по данному вопросу. Нормы статьи 2 Закона о системе государственной службы определяет, что служба иных видов является видом федеральной государственной службы. В статье 8 указанного закона приводятся должности, по которым может осуществляться государственная служба иных видов, но законодатель не привёл перечень, а лишь указал формулировку: «должности федеральной государственной службы иных видов», что также к единству понимания закона не приводит.

Интересным представляется тот аспект, что некоторые исследователи негативно оценивают реформу 2015 года и указывают на необходимость обособления правоохранительной службы. Так, в частности, В.А. Яковлев указывает на то, что в России на протяжении достаточно длительного времени идет процесс становления правоохранительной службы. Однако ввиду отсутствия единой законодательной базы данная работа не может быть завершена в настоящее время [8, с. 100]. По мнению исследователя, целесообразным будет принятие единого закона с целью ликвидации разрозненности в правовом регулировании, а также конкретизации актов об отдельных правоохранительных учреждениях.

Действующее законодательство позволяет отнести правоохранительную службу к разновидности федеральной государственной службы. Иными словами, нет объективной необходимости в издании специального нормативного предписания, устанавливающего единые стандарты в данной области.

Таким образом, законодатель, исключив из законодательства правоохранительную службу, в актуальном законодательстве подразумевает её в числе служб иных видов. Представляется, что в состав службы иных видов будет входить помимо правоохранительной службы, служба в иных отраслях. Так, законодатель объединил все те службы, которые не входили в отдельные виды в рамках системы государственной службы в одну формулировку.

Литература

1. Барциц И.Н., Борщевский Г.А., Магомедов К.О. Современное состояние и тенденции развития государственной гражданской службы. М., 2018. С. 63.

2. Качушкин Сергей Валерьевич К вопросу о соотношении статуса государственных должностей и статуса государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 10 – 13.

3. Куштанок С.А. Специфика труда государственных гражданских и муниципальных служащих // В сборнике: Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества: Материалы международной межвузовской весенней научно-практической конференции. 2019. С. 245 – 251.

4. Ноздрачев А.Ф. Преобразования в системе государственной службы в контексте административной реформы [Электронный ресурс] Законодательство и экономика. 2005. № 2. С. 24 – 36. Электронные данные – Бизнес и власть. URL: https://www.lawmix.ru/comm/708 (дата обращения 25.10.2022)

5. Синькевич К.В. Государственная гражданская служба // В сборнике: Научное сообщество студентов: Сборник материалов XII Международной студенческой научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»; Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова; Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова; ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2016. С. 57 – 59.

6. Старилов Ю.Н. Государственная служба и служебное право: учебное пособие. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 101.

7. Халиков М.И. Реформирование государственной гражданской службы // В сборнике: Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации: Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. С. 318 – 324.

8. Яковлев В.А. От правоохранительных органов к созданию правоохранительной службы России: конституционно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 19. С. 100 – 103.

References

1. Barcic I.N., Borshhevskij G.A., Magomedov K.O. Sovremennoe sostojanie i tendencii razvitija gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby. M., 2018. S. 63.

2. Kachushkin Sergej Valer'evich K voprosu o sootnoshenii statusa gosudarstvennyh dolzhnostej i statusa gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashhih v Rossijskoj Federacii. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2011. № 6. S. 10 – 13.

3. Kushtanok S.A. Specifika truda gosudarstvennyh grazhdanskih i municipal'nyh sluzhashhih. V sbornike: Nauka XXI veka: problemy, perspektivy i aktual'nye voprosy razvitija obshhestva: Mate-rialy mezhdunarodnoj mezhvuzovskoj vesennej nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 245 – 251.

4. Nozdrachev A.F. Preobrazovanija v sisteme gosudarstvennoj sluzhby v kontekste administra-tivnoj reformy [Jelektronnyj resurs] Zakonodatel'stvo i jekonomika. 2005. № 2. S. 24 – 36. Jelektronnye dannye – Biznes i vlast'. URL: https://www.lawmix.ru/comm/708 (data obrashhenija 25.10.2022)

5. Sin'kevich K.V. Gosudarstvennaja grazhdanskaja sluzhba. V sbornike: Nauchnoe soobshhestvo stu-dentov: Sbornik materialov XII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. FGBOU VO «Chuvashskij gosudarstvennyj universitet im. I.N. Ul'janova»; Aktjubinskij regional'-nyj gosudarstvennyj universitet im. K. Zhubanova; Kyrgyzskij jekonomicheskij universitet im. M. Ryskulbekova; OOO «Centr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv pljus». 2016. S. 57 – 59.

6. Starilov Ju.N. Gosudarstvennaja sluzhba i sluzhebnoe pravo: uchebnoe posobie. Moskva: Norma: INFRA-M, 2015. S. 101.

7. Halikov M.I. Reformirovanie gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby. V sbornike: Sovershenstvovanie sistemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija v uslovijah realizacii prioritetnyh nacional'nyh proektov v Rossijskoj Federacii: Sbornik materialov Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (k 100-letiju Respubliki Bashkortostan). 2019. S. 318 – 324.

8. Jakovlev V.A. Ot pravoohranitel'nyh organov k sozdaniju pravoohranitel'noj sluzhby Rossii: konstitucionno-pravovoj aspect. Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 19. S. 100 – 103.

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХОЛДИНГОВЫХ СТРУКТУРАХ

Чумакова О.В., кандидат юридических наук, доцент,
Дрокин В.О.,
Московский государственный строительный университет

Аннотация: *холдинг является сложной и многогранной системой на практике, что объясняется повышением сложности и масштабности задач управления. Основными преимуществами создания холдингов является сохранение кооперационного и технологического единства, объединившихся предприятий и проведение централизованной инвестиционной политики для целевого назначения. Авторами проанализированы правовые проблемы в сфере корпоративного управления и контроля в холдинговых структурах. Вопрос о корпоративном контроле, так же, как и корпоративном управлении, является предметом многих исследований в области юридической науки, споры, относительно правовой природы которого, ведутся до сих пор. Несмотря на то, что определение корпоративного контроля и по сей день отсутствует в нормативно-правовых актах, его следует понимать, как контроль, осуществляемый управомоченными лицами (акционерами) по обеспечению своих прав, с помощью осуществления внутренних процедур и рычагов управления. Важное значение имеет объект корпоративного управления холдинговых структур, в виду того, что в их состав входят различные хозяйственные общества, объединенные общей целью. В качестве такого объекта могут выступать не только зависимые общества холдинга, но и отношения по организации и упорядочиванию всех членов, взаимодействующих между собой и посторонними участниками. Холдинг, по своей сути, является сложной системой, которая раскрывается во взаимосвязи и взаимозависимости частных и частно-публичных элементов в регулировании коммерческой деятельности. Внедрение и постоянное совершенствование корпоративного контроля способствует его интеграции с разнообразными аспектами управленческой деятельности.*

Ключевые слова*: корпоративное управление, корпоративный контроль, холдинг, субхолдинг, внутренний контроль, холдинговая структура, управление, корпоративная культура*

CORPORATE GOVERNANCE AND CORPORATE CONTROL IN HOLDING STRUCTURES

Chumakova O.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.0, Associate Professor,
Drokin V.O.,
Moscow State University of Civil Engineering

Abstract: *the holding is a complex and multifaceted system in practice, which is explained by the increasing complexity and scale of management tasks. The main advantages of creating holdings are the preservation of the cooperative and technological unity of the merged enterprises and the implementation of a centralized investment policy for the intended purpose. The authors analyzed the legal problems in the field of corporate governance and control in holding structures. The issue of corporate control, as well as corporate governance, is the subject of many studies in the field of legal science, disputes regarding the legal nature of which are still ongoing. Despite the fact that the definition of corporate control is still missing in the regulatory legal acts, it should be understood as control exercised by authorized persons (shareholders) to ensure their rights, through the implementation of internal procedures and management levers. The object of corporate management of holding structures is of great importance, in view of the fact that they include various business companies united by a common goal. As such an object, not only dependent companies of the holding can act, but also relations for the organization and ordering of all members interacting with each other and with outside participants. Holding, in its essence, is a complex system, which is revealed in the interrelation and interdependence of private and private-public elements in the regulation of commercial activities. The introduction and continuous improvement of corporate control contributes to its integration with various aspects of management activities.*

Keywords: *corporate governance; corporate control; holding; subholding; internal control; holding structure; control; corporate culture*

Понятие «управление» берет свои истоки в латинском языке и происходит от слова administratio. Сама категория «управления» долгое время являлась предметом изучения ряда научных дисциплин: экономической, политической, философской и кибернетической областей знаний, в юриспруденции раскрывалась лишь косвенно, причем только в отдельных областях права, в частности, уголовном, административном, конституционном, гражданском.

В литературе неоднократно проводились попытки вывести общее понятие управления, в частности, как «процесс организации такого целенаправленного воздействия на некоторую часть среды, называемую объектом управления, в результате которого удовлетворяются потребности субъекта, взаимодействующего с этим объектом и имеющего определенное целеполагание» [7, с. 533]. Также можно отметить такие определения управления, как «а) деятельность субъекта управления, воздействующего на управляемую систему, и б) функция организованных систем различной природы, возникших креационным или эволюционным путем, которая обеспечивает сохранение структуры, реализацию заданной программы, поддержание установленного режима деятельности» [10, с. 68].

В настоящее время употребление категории ***«корпоративное управление»*** получило широкое распространение на практике в крупных холдинговых предприятиях. Хоть данное понятие является гораздо более узкой категорией, чем управление в прямом смысле слова, оно раскрывает большее количество аспектов и тонкостей, имеющих практическую пользу для юридической науки.

Также нельзя обойти вниманием наличие различных научно-правовых подходов к выявлению понятийного аппарата в отношении корпоративного управления. Так, Е.П. Губин определяет корпоративное управление как «постоянное, преемственное обеспечение корпоративных интересов, выражающихся в отношениях корпоративного контроля» [12, с. 17]. И.С. Шиткина понимает под корпоративным управлением «совокупность воздействий на процесс, с помощью которого управляется и контролируется деятельность корпораций» [7, с. 533]. В.В. Долинская предлагает определить корпоративное управление как «урегулированную нормами права систему организационных и имущественных отношений, с помощью которой корпоративная организация реализует, представляет и защищает интересы инвесторов и в первую очередь акционеров» [3, с. 420]. Позиция Д.В. Ломакина заключается в том, что «само по себе управление – это процесс упорядочения, регламентации той или иной деятельности. Управлять организацией – значит определять основные направления ее развития, ставить перед ней цели и способствовать их достижению» [9, с. 156] Т.В. Кашанина сравнивает хозяйственное общество и корпорацию, и предполагает, что «корпоративное управление есть не что иное, как деятельность органов управления хозяйственных обществ» [6, с. 82].

Явно прослеживается расхождение в правовом и экономическом понимании сущности корпоративного управления. Так, с экономической точки зрения корпоративное управление представляет собой системный набор устойчивых механизмов, «ограничивающих отклонения от поведения, обеспечивающего максимизацию рыночной стоимости фирмы. Если конкуренция на рынках факторов производства и готовой продукции выступает дисциплинирующим средством последней инстанции, то механизмы корпоративного управления представляют собой систему раннего предупреждения. Система корпоративного управления позволяет обнаруживать и предупреждать случаи неэффективности на более ранних стадиях, обеспечивая тем самым ощутимую экономию ресурсов» [5, с. 119].

При этом корпоративное управление обладает следующими характерными чертами, присущими юридическим категориям:

— корпоративное управление реализуется посредством управленческих решений в рамках управленческого процесса;

— механизм реализации, олицетворяющий субъективную сторону корпоративного управления, является обязательной частью корпоративного управления;

— в качестве основы осуществления корпоративного управления выступают такие организационно-правовые формы объединения капиталов, как хозяйственные общества;

— основной задачей корпоративного управления выступает организационное воздействие на участников корпорации, которое выражается в упорядоченном взаимодействии людей.

Переходя от общих черт, характеризующих корпоративное управление, к более узким, обратимся к В.В. Долинской, которая, к чертам, изложенным выше, дополняет список следующими чертами:

— разделение функций управления и контроля в органах акционерного общества;

— защита органов управления акционерного общества и их членов от ненадлежащего влияния;

— принцип публичного ведения дел, «прозрачность» информации;

— корпоративный принцип организации дел в акционерном обществе;

— ограничение ответственности и предпринимательского риска;

— стандартизация управления;

— исключительность компетенции органов управления акционерного общества и ее формирование по остаточному принципу;

— поиск компромиссов между интересами собственников, управляющих, работников, кредиторов (в первую очередь облигационеров), контрагентов потребителей и общества (социума) в целом как целеполагания» [4, с. 162].

Как было отмечено ранее, необходимым элементом развития на предприятии корпоративных отношений управления является хозяйственное общество как организационно-правовая форма объединения капиталов. Следует заметить, что объединение обществом капиталов учредителей происходит путем продажи своих акций. Акционеры (учредители), в зависимости от принадлежащих им долей, делятся на миноритарных и мажоритарных. Миноритарными признаются акционеры, чей пакет акций не позволяет им напрямую участвовать в управлении компанией. Мажоритарные акционеры, напротив, – лица, владеющие контрольным пакетом (50% + 1 акция), который позволяет руководить деятельностью компании. На практике, для признания акционера мажоритарным, ему необходимо владеть 25% пакетом акций, который при желании позволяет заблокировать любое решение по важнейшим вопросам компании. Из этого следует, что если лицо хочет стать абсолютным мажоритарием, то ему достаточно владеть не 100% акций, как признает это юридическая теория, а пакетом в размере 75% + 1 акция. Держателями акций признаются не только физические лица, но и юридические. Ситуация, когда держателем основного пакета компании является другая компания, выражает сущность холдинговых систем. В свою очередь, холдинг – это структурная коммерческая организация, включающая в себя материнскую и ряд дочерних, как правило, более мелких компаний. Материнская компания осуществляет управление, благодаря тому, что владеет таким пакетом акций, который позволяет контролировать деятельность дочерних. Остальная часть акций, при этом, остается у дочерних предприятий и свободных миноритариев.

И.С. Шиткина справедливо полагает, что «управление в холдинге, как объединении хозяйственных обществ, является разновидностью корпоративного управления. Разумеется, что по сравнению с администрированием автономного юридического лица, управление в холдинге является гораздо более сложной системой. В то время как в юридическом лице два элемента управления: непосредственное внутри организации и в сфере оборота имущества, в холдинге к вышеперечисленным элементам правоведы относят третий - управляющее воздействие внутри самого предпринимательского объединения, осуществляемое центром холдинговой структуры – холдинговой компанией (головной организацией) в отношении экономически подчиненных участников объединения» [13, с. 305].

Важное значение имеет объект корпоративного управления холдинговых структур, в виду того, что в их состав входят различные хозяйственные общества, объединенные общей целью. В качестве такого объекта могут выступать не только зависимые общества холдинга, но и отношения по организации и упорядочиванию всех членов, взаимодействующих между собой и посторонними участниками.

Немаловажное значение для корпоративного управления имеет и определение субъектного состава холдинговых структур, поскольку именно они оказывают влияние построение взаимоотношений в холдинге. Так, к числу субъектов корпоративных отношений холдинговой системы коммерческих организаций относятся:

— материнское (основное) общество;

— дочерние (зависимые) общества;

— субхолдинги – юридическое лицо, выступающее как субъектом, так и объектом управления, т.е. находятся под непосредственным контролем материнской компании и созданы над множеством дочерних (внучатых) компаний, стоящих ниже в функциональной структуре холдинговой системы;

— органы управления всех участников холдинга – основного и дочерних (зависимых) хозяйственных обществ;

— акционеры (дольщики) – участники холдинга, владеющие крупными пакетами акций (долями участия), дающими право обеспечивать контроль деятельности материнской и дочерних компаний;

— персонал хозяйственных обществ – высший менеджерский персонал как отдельная категория участников холдинга, способная своими действиями осуществлять централизованное управление холдинговой структуры.

В подтверждение вышеописанного интерес представляет позиция Ю.Б. Винслава, который представляет корпоративное управление в холдинге как «систему управленческих отношений между взаимодействующими хозяйственными субъектами (в том числе руководящими и подчиненными) по поводу субординации и гармонизации их интересов, обеспечения синергии, как их совместной деятельности, так и их взаимоот-

ношений с внешними контрагентами (включая госорганы) в достижении поставленных целей». При этом «ключевым вопросом эффективного функционирования подобных объединений является достижение синергетического эффекта интеграционного взаимодействия. Доказательное наличие синергии – важнейшее условие отсутствия конфликтных ситуаций между собственником и менеджером» [2, с. 17].

Помимо корпоративного управления важно рассмотреть и внешнее взаимодействие хозяйственных обществ в холдингах в виде различных видов контрольных мероприятий. В структуру холдинга, в частности, входит финансовые контроль и управление. К примеру, в составе большинства крупных холдинговых структурах входят отдельные компании по осуществлению финансового контроля и управления – финансовые центры. Это необходимо для достижения независимости и обособленности основной производственной деятельности от финансовой.

Основными преимуществами создания холдингов является сохранение кооперационного и технологического единства, объединившихся предприятий и проведение централизованной инвестиционной политики для целевого назначения.

Холдинг является сложной и многогранной системой, для которой присущи эмерджентные свойства, т.е. наличие в системе таких свойств, которые не присущи ни для одного из ее элементов). Так, корпоративное право предполагает различные механизмы и способы управления, в соответствии объектом корпоративного управления.

Так, систематизируя механизмы управления в холдинговой структуре, можно классифицировать их на организационные и правовые.

Организационные механизмы управления – система способов, приемов и методов формирования и регулирования объектов с внутренней и внешней средой, в частности, управление персоналом и системой мотивации; разграничение внутригруппового функционала; организационное структурирование холдинга.

Таким образом, можно отметить, что в действующем корпоративном законодательстве специальные нормы права, регулирующие вопросы управления зависимыми обществами, присутствуют в незначительном виде.

Вопрос о корпоративном контроле, так же, как и корпоративном управлении, является предметом многих исследований в области юридической науки, споры, относительно правовой природы которого, ведутся до сих пор. Несмотря на то, что определение корпоративного контроля и по сей день отсутствует в нормативно-правовых актах, его следует понимать, как контроль, осуществляемый управомоченными лицами (акционерами) по обеспечению своих прав, с помощью осуществления внутренних процедур и рычагов управления.

Корпоративным контроль по формам его проявления имеет следующие виды:

1) управленческий контроль;

2) финансовый контроль;

3) акционерный контроль.

Так, Степанов Д.И. видит в корпоративном контроле «одну из самых главных, центральных категорий корпоративного права, корпоративных финансов и корпоративных отношений вообще». Осипенко О.В. считает, что «контроль следует отнести к важнейшей предпринимательской ценности».

Первичной формой корпоративного контроля принято считать акционерную, которая находится в руках дольщиков (акционеров). Определяющую роль влияния дольщика оказывает находящийся в его ведение пакет акций.

По причине того, что наблюдательные и исполнительные органы холдингов формируются посредством волеизъявления собрания акционеров, менеджиральную форму контроля можно назвать производной от акционерной. К внутреннему управлению участники холдинговой структуры прибегают, когда воля держателей пакетов акций, координация их действий затруднены.

В то время как первые две формы контроля являются исключительно внутренними, финансовый контроль может реализовываться из «внешней среды» посредством использования финансовых инструментов (факторинг, кредитование и так далее).

Внутренний контроль, в свою очередь, – это основополагающий антикоррупционный элемент, что требует модернизации системы внутреннего контроля как в частном предпринимательстве, так и крупных государственных корпорациях.

Для построения внутреннего корпоративного контроля в холдинге должна учитываться территориальная удаленность элементов холдинговой структуры, различие выполняемых задач и поставленных целей головной и дочерних предприятий. Осуществление корпоративного контроля может усложняться увеличением входящих в состав холдинга элементов.

В условиях обостренной внешнеполитической ситуации и введенных в отношении Российской Федерации санкций, нехватка квалифицированного управления привела проблеме в корпоративном контроле, которая препятствует грамотной организации работы холдинга, повышения его эффективности, предвидения и снижения предполагаемых рисков.

А.Т. Баишева справедливо отмечает, что «основной задачей внутреннего контрольного механизма является разработка единой структуры бюджетного планирования и системы управленческого учета, при этом необходимо установить зависимость от результатов производства данной единой структуры, от степени децентрализации экономических показателей по уровням ответственности будут зависеть и результаты, полученные при проведении внутреннего контроля» [1, с. 8].

В связи с инертными взглядами управленческого аппарата компаний, самой распространенной формой ведения учета является формирование собственной бухгалтерской службы. Так, формой организации учета преимущественно выбирают внутренние службы, доля использования аутсорсинга значительно ниже.

Так как по своей природе юридическая наука считается довольно мобильной, что нельзя сказать о бухгалтерской службе. В холдингах бухгалтерская служба занимает массивный обособленный механизм, которому необходим корпоративный контроль, так как, даже при высоком уровне компетенций персонала, следить за работой большого количества бухгалтеров не представляется возможным.

Можно сделать вывод, что корпоративное управление и контроль выступают важнейшей задачей в отношениях основного и дочерних обществ в холдинговых структурах.

Представляется, что улучшение организации корпоративного контроля внутри холдинговой структуры возможно следующими способами:

1) ограничить круг пользователей программным обеспечением;

2) четко зафиксировать должностные обязанности сотрудников во внутренних локальных актах организаций;

3) помимо контроля целесообразно собственникам бизнеса использовать также надзор.

4) анализ отчетности конкурентов для поддержания позиций на рыночном пространстве.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что холдинг, по своей сути, является сложной системой, которая раскрывается во взаимосвязи и взаимозависимости частных и частно-публичных элементов в регулировании коммерческой деятельности. Внедрение и постоянное совершенствование корпоративного контроля способствует его интеграции с разнообразными аспектами управленческой деятельности. Увеличение в холдинге значимости корпоративного управления прямо пропорционально сказывается на ценности контроля в корпоративной культуре.

Литература

1. Баишева А.Т Совершенствование системы корпоративного контроля в холдингах (Российская Федерация) // Российский экономический интернет-журнал. 2017. № 4. С. 8.

2. Винслав Ю.Б. Становление отечественного корпоративного управления: теория, практика, подходы к решению ключевых проблем // Российский экономический журнал. 2001. № 2. С. 17.

3. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 719 с.

4. Долинская В.В. Корпоративное управление: история. Современное состояние, перспективы развития // Возможности адаптации зарубежного опыта: Право России: новые подходы: Сборник научных статей. Саратов: Научная книга, 2005. Вып. 1. С. 162 – 163.

5. Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 99-119.

6. Кашанина Т.В. Корпоративное право: право хозяйственных товариществ и обществ: учебник. М., 1999. 815 с.

7. Корпоративное право: учебный курс. 4 изд. (перераб. и доп.). М.: Кнорус, 2016 год. 544 с.

8. Корпоративное право: учебник для вузов / под ред. И.С. Шиткиной. М., Кнорус, 2011. 546 с.

9. Ломакин Д.В. Акционерные правоотношения. М., Спарк, 1997. 156 с.

10. Магнутов И.С., Уманский Л.И. Организатор и организаторская деятельность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та 1975. 312 с.

11. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами. Правовой аспект. М., 2001. 360 с.

12. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе: практ. Пособие / Под ред. Е.П. Губина. М.: Юристъ, 1999. 248 с.

13. Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование экономической зависимости: управление в группах компаний. Москва: Волтерс Клувер, 2008. 518 с.

References

1. Baisheva A.T Sovershenstvovanie sistemy korporativnogo kontrolja v holdingah (Rossijskaja Federacija). Rossijskij jekonomicheskij internet-zhurnal. 2017. № 4. S. 8.

2. Vinslav Ju.B. Stanovlenie otechestvennogo korporativnogo upravlenija: teorija, praktika, podhody k resheniju kljuchevyh problem. Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. 2001. № 2. S. 17.

3. Dolinskaja V.V. Akcionernoe pravo: osnovnye polozhenija i tendencii. Moskva: Volters Kluver, 2006. 719 s.

4. Dolinskaja V.V. Korporativnoe upravlenie: istorija. Sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija. Vozmozhnosti adaptacii zarubezhnogo opyta: Pravo Rossii: novye podhody: Sbornik nauchnyh statej. Saratov: Nauchnaja kniga, 2005. Vyp. 1. S. 162 – 163.

5. Kapeljushnikov R. Krupnejshie i dominirujushhie sobstvenniki v rossijskoj promyshlennosti. Voprosy jekonomiki. 2000. № 1. S. 99-119.

6. Kashanina T.V. Korporativnoe pravo: pravo hozjajstvennyh tovarishhestv i obshhestv: uchebnik. M., 1999. 815 s.

7. Korporativnoe pravo: uchebnyj kurs. 4 izd. (pererab. i dop.). M.: Knorus, 2016 god. 544 s.

8. Korporativnoe pravo: uchebnik dlja vuzov. pod red. I.S. Shitkinoj. M., Knorus, 2011. 546 s.

9. Lomakin D.V. Akcionernye pravootnoshenija. M., Spark, 1997. 156 s.

10. Magnutov I.S., Umanskij L.I. Organizator i organizatorskaja dejatel'nost'. L.: Izd-vo Le-ningr. un-ta 1975. 312 s.

11. Mogilevskij S.D. Organy upravlenija hozjajstvennymi obshhestvami. Pravovoj aspekt. M., 2001. 360 s.

12. Upravlenie i korporativnyj kontrol' v akcionernom obshhestve: prakt. Posobie. Pod red. E.P. Gubina. M.: Jurist#, 1999. 248 c.

13. Shitkina I.S. Holdingi: pravovoe regulirovanie jekonomicheskoj zavisimosti: upravlenie v gruppah kompanij. Moskva: Volters Kluver, 2008. 518 s.

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И НЕЗАВИСИМОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ХОРВАТИЯ

Балашов И.Б.,
Вишканич Л.,
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: *статья написана в год тридцатилетия установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и независимой Республикой Хорватия. Актуальность статьи подтверждается беспрецедентным ухудшением отношений России и стран пост-Запада, в частности Хорватии, в эту круглую дату. Россия и Хорватия в своих национально-политических границах никогда не сталкивались со столь значительным количеством препятствий в развитии своих отношений, чем в 2022 г. Целью данной статьи является приращение знания об исторических основах российско-хорватского сотрудничества для понимания закономерностей отношений России и Хорватии в новом многополярном мире и построения перспективы российско-хорватских связей в новой сложной геополитической реальности. Доклад по данной статье был представлен на Первом Петербургском Конгрессе исследователей международных отношений в ноябре 2022 г. Доклад был признан лучшим в секции «Современные международные отношения глазами молодых ученых» и рекомендован к публикации во всероссийском или международном научном журнале.*

Ключевые слова: *Россия, Хорватия, российско-хорватские отношения*

ON THE THIRTIETH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE INDEPENDENT REPUBLIC OF CROATIA

Balashov I.B.,
Vishkanich L.,
St. Petersburg State University

Abstract*: the article was written in the year of the thirtieth anniversary of the establishment of diplomatic relations between the Russian Federation and the independent Republic of Croatia. The relevance of the article is confirmed by the unprecedented deterioration of relations between Russia and post-Western countries, including Croatia, on this round date. Russia and Croatia, within their national-political borders, have never faced such a significant number of obstacles in the development of their relations than in 2022. The purpose of this article is to increase knowledge about the historical foundations of Russian-Croatian cooperation in order to understand the patterns of relations between Russia and Croatia in the new multipolar world and to build a prospect for Russian-Croatian relations in a new complex geopolitical reality. The report on this article was presented at the First St. Petersburg Congress of International Relations Researchers in November 2022. The report was recognized as the best in the section of Modern International Relations Through the Eyes of Young Specialists and recommended for publication in an all-Russian or international scientific journal.*

Keywords: *Russia, Croatia, Russian-Croatian relations*

Введение

25 мая 2022 г. исполнилось тридцать лет со дня установления дипломатических отношений Российской Федерации и Республики Хорватия впервые в истории как отдельных территориально-политических единиц. Эта круглая дата является прекрасным поводом для рассмотрения особенностей постепенного исторического развития культурных, экономических и политических контактов России и Хорватии и итогов сотрудничества этих двух стран на современном этапе.

На протяжении многих столетий, вплоть до середины XX в., Россия и Хорватия не имели постоянных внешних сношений. Развитию взаимного интереса в основном способствовал культурный фактор, тогда как политический фактор, а также отсутствие взаимного экономического интереса препятствовали этому развитию.

Говоря о культурном факторе, стоит отметить, что российско-хорватские культурные связи имеют глубокие исторические корни. На протяжении ряда столетий, начиная с периода распространения христианства на территориях нынешних России и Хорватии, их следы заметны в первую очередь в сфере духовной литературы.

Говоря о политическом факторе, безусловно, стоит отметить, что начиная со второй половины XVIII в., Россия рассматривала балканские национально-территориальные образования в составе Османской империи исключительно в качестве возможной сферы своего влияния на европейском континенте. Более того, ставка делалась в основном на Сербию как на наиболее вероятный и политически активный центр будущих «российских Балкан». Однако хорваты не были активными участниками сопротивления османизации Юго-Восточной Европы и никогда не рассматривали возможность российского протектората.

В период существования СССР и Югославии также имели место идеологические и территориально-политические проблемы, тормозившие развитие контактов РСФСР и Хорватии.

Надо заметить, что и географический фактор играл немаловажную роль, учитывая международное положение России в качестве «сухопутной империи». Историческая закономерность такова, что в сферу влияния России прочно входили только те территории, которые имели общую границу с Россией и впоследствии с СССР.

Вышеперечисленные факторы имеют большое значение и в современных отношениях России и Хорватии. Отметим, что этапы всемирной пандемии COVID-19 и Специальной военной операции (далее – СВО) явились беспрецедентными не только в отношениях России с Хорватией, но и со всеми европейскими странами. Как никогда значимую роль играет фактор «внешних сил», который сегодня характеризуется нахождением Республики Хорватия в составе Европейского союза (далее – ЕС) и Североатлантического альянса (далее – НАТО). Россия же, отказавшись от признания себя в качестве части пост-Западного мира, обнаружила себя во всестороннем противостоянии с государствами коллективного пост-Запада – и следовательно, Хорватией.

Тем не менее авторы данного исследования находят вполне возможным восстановление отношений России и Хорватии даже в среднесрочной перспективе (5–7 лет). Окончание военного конфликта в Восточной Европе будет означать новый вызов для отношений России и Хорватии, которые могут оказаться в граничащих друг с другом макроэкономических регионах.

История отношений России и Хорватии

Хорватский народ на протяжении многих веков не имел реальных возможностей и стремления для установления контактов с Россией и для изучения русской культуры. Несмотря на то, что возможность отношений с Хорватией привлекала внимание русских ученых и мыслителей – в частности, Н.Я. Данилевского, отца российской геополитики и идеолога панславизма – существовало мало возможностей для реализации российского курса в хорватско-далматских землях. Однако на протяжении истории появлялись отдельные персоналии и организации, которым удавалось познакомить Россию с хорватской культурой и наоборот, Хорватию – с русской культурой.

Отношения между двумя славянскими народами, один из которых – католический, другой – православный, проходили различные этапы в зависимости от исторического и государственного развития. Однако важно отметить, что центральноевропейская культурная идентичность и самобытность хорватов никогда не подвергались сомнению со стороны России.

Неотъемлемой частью и хорватского и, хотя и в меньшей степени, русского культурного наследия является глаголица. И в Европе, и в России до сих пор обнаруживается множество записей и документов, выполненных на глаголице. П. Зоранич (1508-1569 гг.), написавший первый роман на хорватском языке «Горы» («Planine»), назвал хорватскую культуру (в частности, глаголицу) «рассеянной башчиной», что в переводе с хорватского языка означает «раздробленная Родина».

Лучше всего сохранились экземпляры глаголического хорватского письма из коллекции И. Берчича (1824-1870 гг.), хорватского лингвиста, семиотика и филолога-слависта. Собрание Берчича сразу после его смерти было приобретено Императорской публичной библиотекой Санкт-Петербурга (в настоящее время – Российская национальная библиотека), где хранится по настоящее время. Нужно отметить, что Российская национальная библиотека обладает самой богатой коллекцией печатных хорватских глаголических книг в мире: всего 43 наименования в 101 экземпляре [1].

В XV в. хорватский доминиканский монах Вениамин был первым хорватским священником, приехавшим в Россию. Он прибыл в Новгород по приглашению архиепископа Новгородского Геннадия. Вениамин перевел ряд книг Ветхого Завета с латыни на церковнославянский язык.

Хорватский богослов, философ, писатель, лингвист и историк Ю. Крижанич (ок. 1618-1683 гг.) является одним из самых известных хорватов, живших в России (1659-1676 гг.). Крижанич развивал идеи панславизма и освобождения философии от церковных канонов и идеалов. В Тобольске Крижанич написал несколько известных трудов, в том числе «Грамматическое изыскание о русском языке (идея всеславянского языка)». Крижанич считал, что государственное, религиозное и культурное единство должно быть дополнено единством языковым. Мечтая об установлении единства между всеми славянскими народами, Крижа-

нич задумал создать для них и единый славянский язык, в котором преобладали бы элементы русского, сербского и хорватского языков [2]. Грамматика Крижанича представляет первый опыт сравнительного изучения славянских языков. Исследователь О.М. Бодянский называет Крижанича отцом сравнительной славянской филологии [3, с. 13].

Итак, можно утверждать, что в XV-XVIII вв. именно культурно-религиозные отношения обеспечивали взаимные контакты между Хорватией и Россией. Этот период можно считать периодом знакомства двух рассматриваемых историко-политических регионов и обмена культурными ценностями между ними.

В XIX столетии начало зарождаться политическое сотрудничество между Хорватией, находившейся в составе Австро-Венгерской империи, и Россией. Хорватия переживала процесс народного возрождения. Самыми влиятельными политическими фигурами Хорватии того времени были епископ, доктор философии Й.Ю. Штросмайер (1815-1905 гг.); историк, член-корреспондент Петербургской Императорской Академии наук Ф. Рачки (1828-1894 гг.), политик и публицист А. Старчевич (1823-1896 гг.), адвокат и политик Е. Кватерник (1825-1871 гг.). Они возлагали свои надежды на достижение независимости Хорватии от Габсбургской Монархии и на сближение Хорватии с Россией. Это было время более значительных, чем ранее, контактов хорватской политической элиты с российскими политическими кругами. «Закручивание гаек» на территориях проживания балканских народов империей Габсбургов усилило идеи панславизма и хорватской эмансипации со взглядом на Россию как на сильную опору [4].

Необходимо отметить выдающегося русского гуманиста и религиозного философа В.С. Соловьева, который в 1886 г. посетил Загреб и поддерживал постоянный контакт с Й.Ю. Штросмайером. В том же 1886 г. в Загребе Соловьев опубликовал свою книгу «История и будущность теократии», первый том задуманного (но так и не завершенного) трехтомного труда.

Культурные связи России и Хорватии также продолжали развиваться. Так, в 1896 г. в Россию на коронацию императора Николая II приехала оперная певица М. Тернина (1863-1941 гг.), уроженка гор. Крижа, драматическое сопрано, имевшая очень высокую репутацию в европейских и американских оперных театрах. Певица выступила перед Николаем II, его семьей и гостями.

Большой политический интерес к Российскому государству и впоследствии к Социалистической России проявлял Степан Радич (1871-1928 гг.), выдающийся хорватский политик начала XX века, на политической науке которого основывалась нынешняя независимая Республика Хорватия. С. Радич переписывался с российскими политиками, несколько раз ездил в Россию, хорошо владел русским языком. Он был основателем Хорватской республиканской крестьянской партии и публично высказывал свои симпатии советским идеям. В 1924 г. партия под руководством С. Радича присоединилась к Крестьянскому интернационалу, неразрывно связанному с Коммунистическим интернационалом на V съезде Коминтерна в Москве.

Активным участником Гражданской войны в России был О. Дундич (1897-1920 гг.), единственный хорват, награжденный одним из высших орденов СССР – Орденом Красного Знамени. Дундич воевал под руководством С.М. Буденного, был участником обороны Царицына (ныне – гор. Волгоград). *«Это был лев с сердцем милого ребенка»* (К.Е. Ворошилов) [5, с. 127]. В 1958 г. в его честь был снят фильм совместного югославско-советского производства «Олеко Дундич».

После Октябрьской революции 1917 г. русская эмиграция внесла значительный вклад в развитие культуры, образования и науки Хорватии. С 1920 г. в Загребе и других хорватских городах поселилось около полутора тысяч русских, среди которых было свыше ста офицеров высоких чинов и сотни инженеров, учителей, врачей, преподавателей университетов. Русские специалисты были очень востребованы [6]. В период между двумя мировыми войнами в Хорватии работало около пятидесяти известных русских деятелей культуры. Это художник А.В. Ганзен (1876-1937 гг.), актер Ю.Э. Озаровский (1854-1922 гг.), певица О.П. Янчевецкая (1890-1978 гг.) и многие другие. В опере, балете, режиссуре российские артисты ввели новые высокие стандарты. Кроме того, они внесли значительный вклад в развитие киноискусства, живописи и литературной критики.

Хорватская и российская наука были «объединены» деятельностью в СССР Р. Бартини (1897-1974 гг.), уроженца Фиуме (ныне гор. Риека, Хорватия), гениального итальянского авиаинженера, автора свыше 60 проектов летательных аппаратов. Бартини по праву считается одним из отцов «советской космической эры»: *«Мы все обязаны Бартини очень и очень многим, без Бартини не было бы спутника»* (С.П. Королев) [7].

После Второй мировой войны начали развиваться экономические связи между Хорватией и Россией. Хорватия стала одной из ведущих республик социалистической Югославии в экономическом отношении. В частности, несмотря на переход Югославии в лагерь Движения неприсоединения в 1961 г., именно по инициативе хорватских руководителей КПЮ развивались активные экономические отношения с СССР. Своего пика эти отношения достигли в середине 1980-х гг., когда хорватско-советский экспорт превысил импорт и

Хорватия, находясь в составе Югославской федерации, продала СССР товаров на сумму 1,5 миллиарда долларов.

Период 1950-х – 1980-х гг. ознаменовался расширением сферы сотрудничества России в составе Советского Союза и Хорватии в составе социалистической Югославии. Об этом свидетельствуют подписанные соглашения, такие как:

- Соглашение о научно-техническом сотрудничестве (1955 г.);
- Соглашение между Правительством Югославии и Правительством СССР о фондовом кредите (1956 г.);
- Соглашение о предоставлении кредита Югославии Советским союзом (1956 г.);
- Договор между Югославией и СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (1962 г.);
- Соглашение о культурном, научном и школьном сотрудничестве между Югославией и Советским Союзом (1974 г.);
- Соглашение между Правительством Югославии и Правительством Советского Союза о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных вопросах (1977г.) [8].

В этот период сотрудничество получило широкое развитие в экономической, научной, технической, правовой и культурной сфере. Такие тесные взаимные отношения двух больших социалистических государств и в их составе России и Хорватии поддерживались до кризиса коммунистической парадигмы и распада социалистического лагеря.

Таким образом, на протяжении XV-XIX вв. Россия и Хорватия поддерживали отношения только в тех сферах, в которых для этого были реальные возможности и желания. На протяжении пяти веков, и российская, и хорватская общественность вполне видели свое существование друг без друга. До XX в. их сплачивала, по сути, лишь потребность в духовном контакте с близким по происхождению славянским народом. В XX в. политическое и экономическое сотрудничество России и Хорватии получило развитие, но все же имело ограниченный характер.

Хорватия видела свое будущее в политической и религиозной независимости. Хорваты, конечно, видели свое освобождение сначала от османского влияния, а затем от «сербского империализма» во взаимодействии с Россией. Однако Хорватия не желала становиться протекторатом или сферой влияния России/СССР. Кроме того, хорваты позиционировали себя достаточно отстраненно из-за того, что были единственным католическим народом на Балканах. Россия же была крупнейшей православной державой.

Характер отношений России и Хорватии после приобретения Хорватией независимости

Российско-хорватские отношения официально начались 25 мая 1992 г. после дипломатического Россией Хорватии в качестве независимого государства. Отделение Хорватии от союзного центра Югославской Федерации было встречено горячей поддержкой российского руководства, что выглядело вполне логично на фоне предыдущих мероприятий команды Б.Н. Ельцина и Е.Т. Гайдара. Так, в июне 1990 г. был провозглашен суверенитет РСФСР в составе СССР, а в декабре 1991 г. подписанием Соглашения о создании Содружества Независимых Государств был положен конец существованию крупнейшей социалистической державы. Уже поэтому отход сербского центра на позиции национал-коммунизма – с одной стороны, с целью вполне обоснованной реинтеграции Сербской Крайны, с другой стороны, в сомнительном стремлении к возрождению «сербского империализма» – не мог не вызывать раздражения российских правящих элит 1990-х гг. В октябре 1991 г. состоялся визит первого президента независимой Хорватской республики Ф. Туджмана в Москву. В ходе встречи президент РСФСР Ельцин заявил о «полном политическом взаимопонимании» и гарантиях «поддержки безопасности хорватского единства» со стороны РСФСР.

Действительно, руководство Российской Федерации (далее – РФ) с первых месяцев сербско-хорватского конфликта оказывало поддержку Хорватии. Прежде всего, стоит выделить тот факт, что в октябре 1991 г. президент СССР М.С. Горбачев не допустил бомбардировок Загреба силами Югославской национальной армии [9]. Это качественно изменило отношение хорватской общественности к Советскому Союзу и впоследствии России. Помимо этого, в период 1992–1995 гг. вооруженные силы отделившейся Хорватии в обход эмбарго ООН получили от России значительные объемы вооружения: кроме 1500 единиц живой силы – самолеты МиГ-21, боевые вертолеты Ми-24, зенитные и противотанковые системы [2]. Можно с уверенностью говорить о том, что победа хорватских ВС в противостоянии с федеративным руководством Югославии во многом была обеспечена российским вооружением, с помощью которого хорватские ВВС получили господство в небе над территорией конфликта и оказали поддержку наземным войскам (хотя российские военные специалисты не участвовали напрямую в конфликте, а только удерживали линии разъединения враждующих сторон) [10, с. 71-78].

Экономическое сотрудничество также лежало в основе взаимодействия России и Хорватии с первых лет их суверенитета. Быстро придя к политическому взаимопониманию, стороны перешли к заключению соглашений по основным экономическим вопросам. Среди них особо стоит выделить Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватия о торговле и экономическом сотрудничестве (август 1992 г.). В нем, по сути, были отражены основы международного сотрудничества в рамках новой системы глобального капитализма. Устанавливался обоюдный режим наибольшего благоприятствования, который отныне не распространялся на страны бывшего СССР и бывшей СФРЮ. В качестве ориентира во взаимной торговле Россия и Хорватия впервые в своей истории устанавливали среднемировые цены на аналоги предмета торговли [11].

Другим важнейшим актом стало Соглашение между Правительством Республики Хорватия и Правительством Российской Федерации о поставках природного газа из Российской Федерации в Республику Хорватия (ноябрь 1992 г.). Хорватия, ставшая важным энергетическим узлом в Югославии еще в 1970-е гг. при реализации советско-итальянского трубопровода, закрепила свое положение газового хаба Адриатики [12] и получила значительные преференции как в отношении поставляемого объема газа, так и в отношении прав на дальнейшее распоряжение этим газом (таких прав, к примеру, не получила Словения) [13]. Принятие этого соглашения являлось очень важным решением для укрепления отношений – на фоне энергетического кризиса, начавшегося в Хорватии еще в 1985 г. по причине инфляционной неплатежеспособности Союзной исполнительный скупчины СФРЮ в области энергетики [14, с. 744-745].

Таким образом, к моменту завершения этапа сербско-хорватского конфликта Югославской войны в 1995 г. Россия и Хорватия образовали прочный тандем на основе политического, военного и экономического сотрудничества. Таких прочных отношений и так быстро, как с Хорватией, России в 1990-е гг. не удалось сформировать ни с одним другим государством Западного мира. Достижение такого широкого партнерства было оценено обоими государствами, и на протяжении 1990-х – 2000-х гг. быстрыми темпами продолжалось развитие сотрудничества во многих областях. Так, в политической сфере шло взаимодействие по «построению демократических обществ», урегулированию региональных конфликтов (Югославские войны и конфликты на Северном Кавказе) и проведению политических консультаций по международным проблемам. В сфере экономики развивалась кооперация прежде всего в кораблестроении, фармацевтике и аграрном секторе.

В 1998 г. в ходе визита президента Туджмана в Москву был подписан целый ряд документов, сформировавших стратегическое партнерство России и Хорватии. Среди них - Меморандум о всесторонней либерализации торговли между Россией и Хорватией, а также Протокол о поставках нефти из РФ в Хорватию, соглашения о сотрудничестве между Дипломатическими академиями МИД государств, о военно-техническом сотрудничестве и о взаимной защите инвестиций, Соглашение по туризму и ряд других документов [15].

В результате стратегического партнерства, начатого в 1998 г.:

- в разные годы от 3 до 10 тыс. компаний были активны на российско-хорватском рынке.
- Хорватия приобрела 200-300 единиц российской боевой техники, на регулярной основе проводился обмен военно-техническими специалистами.
- Было построено новое ответвление нефте- и газопровода «Дружба – Адрия», что позволило создать дополнительный экспортный маршрут транспортировки нефти на мировые рынки, включая североамериканский.
- Россия инвестировала в Хорватию свыше 500 миллионов долларов (в десять раз больше, чем в США).
- Развитие получил российский кредитный капитал в Хорватии – так, на развитие только сельскохозяйственного сектора российские банки выдали кредитов на несколько миллиардов долларов.
- ежегодно число российских туристов, посещающих Хорватию, росло минимум на 5%, а хорватских туристов, посещающих Россию – минимум на 2% (1998-2010 гг.) [16].

Однако расширение НАТО на Восток, «цветные революции» и политика «Восточного партнерства» в ближнем зарубежье, грузинский и украинский кризисы регулярно повышали градус напряженности в отношениях России и Запада. Это неизбежно сказывалось на российско-хорватском взаимодействии.

Кроме того, период 2009-2013 гг. стал временем вступления Хорватии в НАТО и в ЕС. Эти процессы привели к замедлению темпов сотрудничества и интенсивности контактов между Хорватией и Россией: политические и экономические решения в основном принимались не хорватской властью Загреба, а наднациональной властью Брюсселя. Хорватия, будучи малым государством и дисциплинированным членом НАТО и ЕС, неизменно придерживалась солидарности с большинством членов этих организаций (вне зависимости от того, что в НАТО решения принимаются по принципу консенсуса, а в большинстве органах ЕС

– по принципу большинства). В известной степени это накладывало отпечаток на отношения России и Хорватии.

В результате началось сворачивание российско-хорватского сотрудничества – в первую очередь, в сфере экономики. Хорватия заблокировала Соглашение по проекту «Дружба – Адрия», принятое в 2002 г., а также договоренности о возведении на территории Хорватии ответвления газопровода «Южный поток», достигнутые в 2010 г. в Москве. Компания «INA», в которой были заинтересованы российские инвесторы, была приобретена венгерской компанией «MOL», что привело к ухудшению показателей рентабельности и доходности предприятий «INA». Хорватские власти изыскивают пути продажи акций компании российским предпринимателям. «РосНефти» и «ГазпромНефти» в свою очередь было отказано в подписании соглашений о нефтяных концессиях [17]. Проект же «Южного газового коридора» уже много лет находится на стадии планирования. Экспорт Хорватии в Россию сокращался по мере сближения Загреба с ЕС. Часть хорватских поставщиков была вынуждена перенаправить свои товары через Сербию, имеющей с Россией соглашение о беспошлинной торговле по ряду артикулов [9].

Постепенно сошли на нет политические контакты на высшем уровне. Хорватия начала транслировать идеи и высказывания ЕС и НАТО, которые стремятся «вытеснить» российское влияние с Балканского полуострова. С учетом того, что российского военного присутствия на Балканах практически нет (за исключением Сербии, но и здесь речь идет лишь о военной технике), подразумевается экономическое и политическое влияние России. Президент Хорватии Колинда Грабар-Китарович (занимала пост руководителя государства в 2015-2020 гг.) придерживалась больше общеевропейской, чем хорватской национальной позиции. В период своего президентства она делала акцент на развитии внешней политики Хорватии под эгидой евроатлантических организаций [18].

Весьма показательно, что с 2010 г. не состоялось ни одного пленарного заседания двусторонней Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Также накануне присоединения к ЕС Хорватия была вынуждена отменить упрощенный визовый режим для россиян.

Под давлением НАТО практически полностью оказалось свернуто военно-техническое сотрудничество. Хорватия стала первым членом альянса, от которого потребовали полного отказа от российского вооружения. Стоит, однако, отметить, что прекращены были только закупки вооружений, а хорватская армия по имеющимся на июнь 2022 г. данным обладает советскими и российскими бронемашинами, ПТР и ЗРК, не списанными и не замененными на западные образцы [19, p. 72-74].

При этом стоит заметить, что десятилетия доминирования ЕС в экономической сфере Хорватии не предотвратили промышленного спада, закрытия крупных производств (особенно тех, что были в состоянии конкурировать с европейскими мега-предприятиями), падения уровня жизни населения, глобальную утечку рабочей силы в экономически более развитые страны Евросоюза.

2017 г. можно назвать годом «дипломатического рывка» в отношениях России и Хорватии – после периода «прохладных отношений», начавшегося по причинам евроинтеграции Хорватии и вхождения Крымского полуострова в состав РФ. Причины «дипломатического рывка», инициированного в первую очередь хорватской стороной, были разнохарактерными:

- С 2012 г. Хорватия покупала итальянский, американский и арабский СПГ по краткосрочным контрактам, однако этот опыт был неудачным – невыгодным было соотношение «цена – эффективность». В начале 2017 г. эксперты рабочей группы Хорватского агентства по регулированию энергетики пришли к выводу, что достойной альтернативы российскому газу нет [20, p. 162].
- Хорватская компания «Agrokor» обанкротилась и задолжала российским банкам с государственным участием «Сбербанк» и «ВТБ» 1,3 млрд долларов. Помимо проблемы гигантского долга перед российскими банками, следует отметить, что крупнейший агроконцерн Хорватии не имел других источников финансирования и в то же время не мог быть национализирован [17].
- В 2017 г. премьер-министр Хорватии А. Пленкович предложил опыт Хорватии по мирной реинтеграции ранее оккупированных хорватских территорий под государственное управление. Правительству Украины были предоставлены рекомендации о том, как они могут мирно реинтегрировать оккупированные территории в свою конституционную и правовую систему. Действия Пленковича подверглись критике хорватских аналитиков и оппозиционеров, которые обвинили его в нанесении ущерба отношениям с «главным партнером» – Россией [21].
- Личные амбиции К. Грабар-Китарович, ставшей в 2015 г. президентом Хорватии, лежали в плоскости укрепления дипломатических отношений с «мировыми гигантами»: Россией, США, Китаем – на высшем уровне. Грабар-Китарович избрала политику сохранения разумного баланса в отношениях с крупнейшими игроками международной арены.

- А.С. Азимов в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в Республике Хорватия сыграл личную роль в инициировании потепления отношений между Москвой и Загребом. Были налажены не только политическое сотрудничество, но и торгово-экономические взаимодействие – и особенно культурные связи (было подписано около десятка соглашений в этой области).

Активизация сотрудничества России и Хорватии в 2017 г. произошла по всем направлениям: политика, военная безопасность, реальная экономика и финансы. В подтверждение этого можно привести следующие факты:

- 18 февраля 2017 г. в период Мюнхенской конференции по безопасности состоялась беседа министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с К. Грабар-Китарович и министром иностранных и европейских дел Хорватии Д. Штиром. В ходе встречи стороны пришли к взаимопониманию в вопросах необходимой реакции на возникающие региональные и международные проблемы.
- В июне 2017 г. Петербургский международный экономический форум посетили 67 представителей хорватского бизнес-сообщества, с каждым годом – до ПМЭФ 2022 г. – число хорватских гостей Форума росло.
- В июле 2017 г. Россию посетила делегация комитета Хорватского сабора (парламента) по внешней политике во главе с его председателем М. Ковачем. 7 июля 2018 года в Сочи состоялась встреча председателя правительства Д.А. Медведева с президентом Грабар-Китарович перед матчем чемпионата мира по футболу между сборными командами России и Хорватии.
- 18-20 октября 2017 г. президент Хорватии посетила Россию с официальным государственным визитом, где была принята президентом В.В. Путиным, председателем правительства Д.А. Медведевым и председателем Совета Федерации В.И. Матвиенко.
- В октябре 2017 г. около 150 хорватских бизнесменов приняли участие в бизнес-форуме в Москве, посвященном сотрудничеству между Россией и Хорватией [22].
- В период 2017–2021 гг. участились консультации на уровне заместителей министров иностранных дел, руководителей подразделений МИД России и Хорватии.
- Товарооборот России с Хорватией в 2017 г. по сравнению с 2016 г. увеличился на 31% и составил немногим более 1 миллиарда долларов, в том числе российский экспорт – 796 миллионов долларов и импорт – 263 миллиона долларов.

Большое внимание уделялось сотрудничеству в культурной сфере. Было установлено несколько памятников: например, С.А. Есенину (в Загребе), Ю.А. Гагарину (в Загребе, Риеке и Пуле), А.С. Пушкину (в Загребе). Впервые в Хорватию были приглашены артисты Большого театра, Мариинского театра, была проведена выставка «Екатерина Великая», на которой были представлены экспонаты из собрания Эрмитажа. Выставку посетили высшие руководители РФ и Республики Хорватия. Также каждое лето в пансионате «Красный крест» на побережье Адриатического моря бесплатно отдыхали школьники из Беслана. Все расходы брал на себя мэр Загреба М. Бандич [23].

В 2019 г., т.е. в последний год перед началом пандемии COVID-19, товарооборот России с Хорватией составил 1,7 миллиарда долларов, увеличившись на 16% по сравнению с 2018 г. Экспорт России в Хорватию вырос на 20%, а импорт России из Хорватии уменьшился всего на 7% [24]. Это говорит о том, что в конце периода, который имел реальное статическое значение для взаимоотношений этих двух стран, Хорватия больше дорожила отношениями с Россией.

В ноябре 2021 г. общий объем российских инвестиций в Хорватию превысил отметку в 600 миллионов долларов, а хорватских инвестиций в экономику России — 200 миллионов долларов.

Итак, можно сделать вывод о том, что российско-хорватские отношения приобрели качественно новый характер в период становления Российской Федерации и приобретения независимости Хорватской Республикой. Если экономические отношения вышли на новый уровень, то политические создавались впервые. Важно отметить, что Россия в 1990-е гг. отказалась от одностороннего решения «балканского вопроса» в свою пользу и не пыталась сделать Хорватию сферой только своего влияния. Отношения России и Хорватии основывались на взаимном интересе, даже с учетом препятствующих внешних факторов.

Характер отношений России и Хорватии на современном этапе

Отношения России и Хорватии на современном этапе (начало – 2022 г.) можно охарактеризовать как «близкие к нулю». В настоящий момент между Россией и Хорватией полностью свернуто политическое сотрудничество. Экономическое взаимодействие медленно восстанавливается по инициативе хорватской стороны: товарооборот между Россией и Хорватией в июле 2022 г. вырос на 28%, в сентябре 2022 г. – на 45% по сравнению с показателями марта (самыми низкими в XXI в.). Кроме того, поставки газа в Европу, в т.ч. в Хорватию, по «Турецкому потоку» находятся в стадии согласования. В ноябре Европейская комиссия приняла решение о невведении потолка цен на российские энергоносители в случае экспорта их через тре-

тьи страны. Кроме того, сомнительной выглядит возможность отказа Хорватии от поставок ямальского СПГ в терминал на хорватском острове Крк.

Сотрудничество в сфере туризма сохранится, поскольку российские граждане имеют возможность въезжать в Хорватию в обход границ России и ЕС через другие страны, как это сделали тысячи россиян летом 2022 г. [25].

Кроме того, многочисленные объекты недвижимости на территории Хорватии по-прежнему принадлежат гражданам России. Многие российские инвесторы приняли решение о вложении капитала в крупнейшую хорватскую гостинично-торговую компанию «Ядранка». Сегодня 48% акций компании «Ядранка» управляется российскими инвесторами.

Культурное сотрудничество также полностью не прекращено. Сохраняется обоюдный академический и студенческий обмен. Загреб и Санкт-Петербург, например, являются городами побратимами. Об этом свидетельствует большое взаимное культурное сотрудничество, в которое входят Санкт-Петербургская школа (Невская школа №691) и Загребская ассоциация «Полиглот». Один из авторов статьи – Л. Вишканич – является почетным членом этой ассоциации.

Дипломатические отношения не разорваны, несмотря на обоюдную высылку 18 дипломатов и закрытие консульского отдела в Посольстве РФ в Загребе в апреле 2022 г. [26]. В связи с этим тезис директора 4-го европейского департамента МИД РФ Ю. Пилипсона о «достижении точки замерзания в отношениях с Хорватией» является неоднозначным [27].

Следует признать, что Хорватия вынуждена будет и дальше идти в фарватере политики ЕС, а точнее евроатлантизма. По этой причине Хорватия ограничена в самостоятельном принятии решений, особенно когда речь идет о внешней политике в отношении России. У Хорватии было мало возможностей для выбора иного политического курса. Чтобы влиять на решения, принимаемые Европарламентом, «малые государства» должны выступать в нем единым фронтом, чего не происходит, поскольку они обладают ограниченными интересами. Эти интересы, как правило, концентрируются на обеспечении своего существования в мире «великих держав».

С другой стороны, блок «Европейский альянс за свободу и демократию» был создан представителями «малых государств» – Хорватии и Австрии. Член Альянса, независимый депутат М. Колакушич в мае 2022 г. заявил, что «санкции необходимо вводить против главных разрушителей мировой системы – США и Саудовской Аравии», и призвал немедленно отменить санкции против России [28]. Кроме того, Хорватия была последним государством в ЕС, которая ввела рестрикции против России и выслала российских дипломатов. Президент Хорватии З. Миланович анонсировал отказ от задействования хорватских войск в случае конфликта по линии Россия – НАТО. Таким образом, Хорватия не желает напрямую участвовать в военном конфликте и не станет по собственной инициативе развивать в дальнейшем санкционный режим.

Отношения между Россией и Хорватией будут подлежать полному восстановлению только с окончанием СВО вооруженных сил РФ. Будет ожидаться возобновление политического диалога России со странами ЕС. Реакция Хорватии на окончание СВО может отличаться от реакции более крупных стран ЕС, если основываться на примере поведения государств «периферии» ЕС после снижения остроты Крымской проблематики в 2017-2019 гг.

В Хорватии существуют опасения по поводу того, что после окончания СВО возрастет роль фактора российско-сербских отношений. Россия активно поставляет вооружение в Сербию, хотя в 2022 г. «новая политическая география» препятствует этому. Российский экспорт вооружений в Сербию, по мнению хорватских властей, может привести к возрождению идеи «великой Сербии» и создать потенциал военного конфликта в будущем. С учетом хороших постоянных отношений между Сербией и Россией, Хорватия может выражать скептицизм по поводу восстановления хорватско-российских отношений.

Итак, «новая нормальность» российско-хорватских отношений – это скорее экономическое сосуществование двух государств в условии меняющегося геополитического контекста в Восточной Европе. Можно предположить, что вхождение некоторых украинских территорий в состав РФ будет продолжаться, против чего Хорватия будет выражать протест. В случае развития военных действий на территории Николаевской и Одесской областей и в результате их возможного вхождения в состав территории России на основании демократических референдумов может быть поставлен вопрос о сфере российского влияния в Европе. В случае урегулирования в пользу России молдавского кризиса, инициированного пост-Западными государствами на почве сближения Молдавии с Россией в 2017-2021 гг., граница между государствами, поддерживающими Россию и вводящими санкции против нее, может пройти по сербско-хорватской границе (по линии Батина – Строшинци). Военная инициатива со стороны России, вероятнее всего, будет прекращена. При таком раскладе наиболее выгодным решением и для России, и для Хорватии будет решение о продолжении сотрудничества и выстраивании новых транспортных коридоров в новой геоэкономической реальности.

Литература

1. Žubrinić D. Hrvatski glagoljički rukopisi izvan domovine // Croation History, Art and Culture Journal. Zagreb, 2001. URL: http://www.croatianhistory.net/etf/novih.html

2. Krnić D. Hrvatsko-ruski odnosi kroz povijest: Od dominikanca Benjamina, preko Križanića, Strossmayera, do Tuđmana i Putina // MaxPortal, 17.06.2018. URL: https://www.maxportal.hr/premium-sadrzaj/hrvatsko-ruski-odnosi-kroz-povijest-od-dominikanca-benjamina-preko-krizanica-strossmayera-do-tudmana-i-putina/

3. Голенкова З.Т. Славянские идеи Юрия Крижанича // Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН). Серия: Социология. 2014. № 3. С. 7 – 22.

4. Žubrinić D. Croatia – Russia: Historical and cultural relations // Croation World Network. 06/27/2008. URL: http://www.croatia.org/crown/articles/9573/1/Croatia---Russia-historical-and-cultural-relations.html

5. Дунаевский А.М. Олеко Дундич. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1960. 144 с.

6. Тодорцева-Хлача К. Русская эмиграция в Хорватии // Летопись: Журнал российских соотечественников в Хорватии / Glasilo ruske nacionalne manjine u Republici Hrvatskoj. 24 июня 2015 г. URL: https://ruskaljetopis.hr/info.phtml?c=11&id=258

7. Скоморохов Р. Человек, опередивший свое время. К 120-летию со дня рождения Роберта Бартини // Военное обозрение. 16 мая 2017. URL: https://topwar.ru/115668-chelovek-operedivshiy-svoe-vremya-k-120-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-roberta-bartini.html

8. Republika Hrvatska. Zbirka međunarodnih ugovora: pregled bilateralnih međunarodnih ugovora Jugoslavije – Republike Hrvatske i SSSR – Rusije. Službena stranica Veleposlanstva Republike Hrvatske u Ruskoj Federaciji. URL: https://mvep.gov.hr/vanjska-politika/bilateralni-odnosi/pregled-dvostranih-medjunarodnih-ugovora-republike-hrvatske-po-drzavama/21905?country=111

9. Азимов А.С. Россия и Хорватия – 25 лет дипломатических отношений // Международная жизнь, 13.06.2017. URL: https://interaffairs.ru/news/show/17808

10. Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: Навона, 2009. 231 с.

11. Российская Федерация. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватии о торговле и экономическом сотрудничестве: офиц. текст. Москва: 06.08.1992.

12. Подымов А., Чичкин А. Русские трубы Хорватии // Военное обозрение. 7 июля 2020. URL: https://topwar.ru/172703-russkie-truby-horvatii.html

13. Российская Федерация. Постановление Правительства Российской Федерации №846 о проведении переговоров между Российской Федерацией и республиками бывшей Югославии по заключению соглашений о поставках природного газа в Хорватию и Словению: офиц. текст. Москва: 3 ноября 1992 г.

14. Никифоров К.В. «Карделевская Югославия» (1974-1990) // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред.: К.В. Никифоров. М.: «Индрик», 2011. С. 735 – 765.

15. Сысоев Г. Туджман наконец увидит Ельцина – и предложит ему сменить ориентацию // Коммерсантъ, 18.12.1998. URL: https://www.kommersant.ru/doc/210740

16. Российско-хорватские экономические отношения: досье (1993-2017 гг.) // ТАСС-Статистика. 27 октября 2017. URL: https://tass.ru/old-statistika

17. Šunjerga M. Rusi ušli u Hrvatsku: Tržište osvajaju tiho i paze na političke odnose // Vecernji list, 19. siječnja 2019. URL: https://www.vecernji.hr/vijesti/rusi-usli-u-hrvatsku-trziste-osvajaju-tiho-i-paze-na-politicke-odnose-1295481

18. Логинов В., Матюненко Ю. Лавров отмахнулся от Балкан: Между Россией и Хорватией возник спор о российской угрозе на Балканах // Газета.ru, 13 декабря 2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/12/13_a_10424873.shtml

19. Republika Hrvatska. Ministarstvo obrane Republike Hrvatske. Dugoročni plan razvojaoružanih snaga republike hrvatske. 2015-2024. 138 p.

20. Republic of Croatia. Croatian Energy Regulatory Agency. Annual Report 2017: official text. Zagreb, June 2018. 192 p.

21. Blažević I. 25 years of diplomatic relations between Croatia and Russia // Croatian-Russian Relations: Materials of the weekly Croatian external relations briefing, October 2018, Budapest / Budapest, China-SEE Institute. November 2018. Vol. 11. № 4 (HR). URL: https://china-cee.eu/2018/11/19/croatia-external-relations-briefing-croatian-russian-relations/

22. Samorukov M. Croatia: Moscow's New Ally, or a Brief Fling? // Carnegie Endowment for International Peace *(иностранный агент)*. 27.10.2017. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/73562

23. Азимов А.С. Политика СССР и России на Балканах // Материалы лекции Азимова А.С. 15 февраля 2022, Фонд им. Горчакова (Москва). М.: Материалы Студенческого научного общества кафедры теории и истории международных отношений РУДН. 30 марта 2022. URL: https://vk.com/@nso_mezhdunarodnik-politika-sssr-i-rossii-na-balkanah

24. Внешняя торговля России / Торговля между Россией и Хорватией. URL: https://russian-trade.com/

25. Федеральное агентство по туризму Российской Федерации: Ограничения въезда в Хорватию россиянам-туристам // РИА Новости регионов России. 12.09.2022. URL: https://regioninformburo.ru/12-09-2022-ogranicheniya-vezda-v-horvatiyu-rossiyanam-turistam-poslednie-novosti/

26. Посольство Российской Федерации в Республике Хорватия. О закрытии консульского отдела: текст офиц. заявления. Загреб, 15 апреля 2022 г. URL: https://croatia.mid.ru/ru/press-centre/news/o_zakrytii_konsulskogo_otdela/

27. МИД заявил о «точке замерзания» в отношениях с Хорватией и Словенией // РБК, 23 июн 2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/06/2022/62b407c19a79477a0f6ceede

28. В Европарламенте предложили ввести санкции против США // РИА Новости. 22.05.2022. URL: https://ria.ru/20220522/sanktsii-1790051180.html

References

1. Žubrinić D. Hrvatski glagoljički rukopisi izvan domovine. Croation History, Art and Culture Journal. Zagreb, 2001. URL: http://www.croatianhistory.net/etf/novih.html

2. Krnić D. Hrvatsko-ruski odnosi kroz povijest: Od dominikanca Benjamina, preko Križanića, Strossmayera, do Tuđmana i Putina. MaxPortal, 17.06.2018. URL: https://www.maxportal.hr/premium-sadrzaj/hrvatsko-ruski-odnosi-kroz-povijest-od-dominikanca-benjamina-preko-krizanica-strossmayera-do-tudmana-i-putina/

3. Golenkova Z.T. Slavjanskie idei Jurija Krizhanicha. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov (RUDN). Serija: Sociologija. 2014. № 3. S. 7 – 22.

4. Žubrinić D. Croatia – Russia: Historical and cultural relations. Croation World Network. 06/27/2008. URL: http://www.croatia.org/crown/articles/9573/1/Croatia---Russia-historical-and-cultural-relations.html

5. Dunaevskij A.M. Oleko Dundich. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony Sojuza SSR, 1960. 144 s.

6. Todorceva-Hlacha K. Russkaja jemigracija v Horvatii. Letopis': Zhurnal rossijskih sootechestvennikov v Horvatii. Glasilo ruske nacionalne manjine u Republici Hrvatskoj. 24 ijunja 2015 g. URL: https://ruskaljetopis.hr/info.phtml?c=11&id=258

7. Skomorohov R. Chelovek, operedivshij svoe vremja. K 120-letiju so dnja rozhdenija Roberta Bartini. Voennoe obozrenie. 16 maja 2017. URL: https://topwar.ru/115668-chelovek-operedivshiy-svoe-vremya-k-120-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-roberta-bartini.html

8. Republika Hrvatska. Zbirka međunarodnih ugovora: pregled bilateralnih međunarodnih ugovora Jugoslavije – Republike Hrvatske i SSSR – Rusije. Službena stranica Veleposlanstva Republike Hrvatske u Ruskoj Federaciji. URL: https://mvep.gov.hr/vanjska-politika/bilateralni-odnosi/pregled-dvostranih-medjunarodnih-ugovora-republike-hrvatske-po-drzavama/21905?country=111

9. Azimov A.S. Rossija i Horvatija – 25 let diplomaticheskih otnoshenij. Mezhdunarodnaja zhizn', 13.06.2017. URL: https://interaffairs.ru/news/show/17808

10. Nikitin A.I. Konflikty, terrorizm, mirotvorchestvo. M.: Navona, 2009. 231 s.

11. Rossijskaja Federacija. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravi-tel'stvom Respubliki Horvatii o torgovle i jekonomicheskom sotrudnichestve: ofic. tekst. Moskva: 06.08.1992.

12. Podymov A., Chichkin A. Russkie truby Horvatii. Voennoe obozrenie. 7 ijulja 2020. URL: https://topwar.ru/172703-russkie-truby-horvatii.html

13. Rossijskaja Federacija. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii №846 o provedenii peregovorov mezhdu Rossijskoj Federaciej i respublikami byvshej Jugoslavii po zakljucheniju soglashenij o postavkah prirodnogo gaza v Horvatiju i Sloveniju: ofic. tekst. Moskva: 3 nojabrja 1992 g.

14. Nikiforov K.V. «Kardelevskaja Jugoslavija» (1974-1990). Jugoslavija v HH veke: Ocherki politicheskoj istorii. Otv. red.: K.V. Nikiforov. M.: «Indrik», 2011. S. 735 – 765.

15. Sysoev G. Tudzhman nakonec uvidit El'cina – i predlozhit emu smenit' orientaciju. Kommersant#, 18.12.1998. URL: https://www.kommersant.ru/doc/210740

16. Rossijsko-horvatskie jekonomicheskie otnoshenija: dos'e (1993-2017 gg.). TASS-Statistika. 27 oktjabrja 2017. URL: https://tass.ru/old-statistika

17. Šunjerga M. Rusi ušli u Hrvatsku: Tržište osvajaju tiho i paze na političke odnose. Vecernji list, 19. siječnja 2019. URL: https://www.vecernji.hr/vijesti/rusi-usli-u-hrvatsku-trziste-osvajaju-tiho-i-paze-na-politicke-odnose-1295481

18. Loginov V., Matjunenko Ju. Lavrov otmahnulsja ot Balkan: Mezhdu Rossiej i Horvatiej voznik spor o rossijskoj ugroze na Balkanah. Gazeta.ru, 13 dekabrja 2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/12/13_a_10424873.shtml

19. Republika Hrvatska. Ministarstvo obrane Republike Hrvatske. Dugoročni plan razvojaoružanih snaga republike hrvatske. 2015-2024. 138 p.

20. Republic of Croatia. Croatian Energy Regulatory Agency. Annual Report 2017: official text. Zagreb, June 2018. 192 p.

21. Blažević I. 25 years of diplomatic relations between Croatia and Russia. Croatian-Russian Relations: Materials of the weekly Croatian external relations briefing, October 2018, Budapest. Budapest, China-SEE Institute. November 2018. Vol. 11. № 4 (HR). URL: https://china-cee.eu/2018/11/19/croatia-external-relations-briefing-croatian-russian-relations/

22. Samorukov M. Croatia: Moscow's New Ally, or a Brief Fling? Carnegie Endowment for Interna-tional Peace (inostrannyj agent). 27.10.2017. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/73562

23. Azimov A.S. Politika SSSR i Rossii na Balkanah. Materialy lekcii Azimova A.S. 15 fev-ralja 2022, Fond im. Gorchakova (Moskva). M.: Materialy Studencheskogo nauchnogo obshhestva kafedry teorii i istorii mezhdunarodnyh otnoshenij RUDN. 30 marta 2022. URL: https://vk.com/@nso_mezhdunarodnik-politika-sssr-i-rossii-na-balkanah

24. Vneshnjaja torgovlja Rossii. Torgovlja mezhdu Rossiej i Horvatiej. URL: https://russian-trade.com/

25. Federal'noe agentstvo po turizmu Rossijskoj Federacii: Ogranichenija v#ezda v Horvatiju rossijanam-turistam. RIA Novosti regionov Rossii. 12.09.2022. URL: https://regioninformburo.ru/12-09-2022-ogranicheniya-vezda-v-horvatiyu-rossiyanam-turistam-poslednie-novosti/

26. Posol'stvo Rossijskoj Federacii v Respublike Horvatija. O zakrytii konsul'skogo otdela: tekst ofic. zajavlenija. Zagreb, 15 aprelja 2022 g. URL: https://croatia.mid.ru/ru/press-centre/news/o_zakrytii_konsulskogo_otdela/

27. MID zajavil o «tochke zamerzanija» v otnoshenijah s Horvatiej i Sloveniej. RBK, 23 ijun 2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/06/2022/62b407c19a79477a0f6ceede

28. V Evroparlamente predlozhili vvesti sankcii protiv SShA. RIA Novosti. 22.05.2022. URL: https://ria.ru/20220522/sanktsii-1790051180.html

СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, ПРИВЛЕКАЕМОГО ДЛЯ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ ПО ДЕЛУ О СОУЧАСТНИКАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Герасимова Л.А., аспирант,
Институт прав и управления,
Московский городской педагогический университет

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению дискуссионного вопроса, который непосредственно связан с процессуальным статусом гражданина, сотрудничающего со следствием. В частности, речь идет о субъекте, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство и который привлекается для дачи показаний по уголовному делу в отношении иных соучастников преступного деяния. Изучаются особенности правового регулирования статуса данного лица, исторический экскурс развития норм, которые регламентируют данную сферу. В результате проведенного анализа автор формулирует вывод о том, что введение в уголовно-процессуальный закон ст. 56.1 УПК противоречит решению Конституционного Суда РФ по данному вопросу, так как Суд не усматривал целесообразности в указанных дополнениях, что также подчеркивается и в юридической литературе по этой теме. Вносятся предложения, направленные на разрешение существующей проблемы. В частности, отмечается, что решением этой проблемы будет предложение о совместном предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела обо всех соучастниках преступления, в том числе об обвиняемом, сотрудничающем со следствием, что оптимизирует эту сферу и устранит дискуссионность данного вопроса.*

Ключевые слова: *«особый свидетель», процессуальный статус, показания, ответственность*

STATUS OF THE PERSON AGAINST WHICH CRIMINAL CASE SELECTED IN SEPARATE PROCEEDINGS IN CONNECTION WITH THE CONCLUSION WITH HIM OF A PRE-JUDICIAL COOPERATION AGREEMENT INVOLVED TO GIVE TESTIMONIES IN THE CASE OF PARTNERS IN A CRIME

Gerasimova L.A., Postgraduate,
Institute of Law and Management,
Moscow City Pedagogical University

Abstract: *the article is devoted to the consideration of a debatable issue that is directly related to the procedural status of a citizen cooperating with the investigation. In particular, we are talking about a subject in respect of which the criminal case has been separated into a separate proceeding and who is involved in testifying in a criminal case against other accomplices of a criminal act. The features of the legal regulation of the status of this person, the historical excursion into the development of the norms that regulate this area are studied. As a result of the analysis, the author formulates the conclusion that the introduction of Art. 56.1 of the Code of Criminal Procedure contradicts the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue, since the Court did not see the expediency in these additions, which is also emphasized in the legal literature on this topic. Proposals are made to resolve the existing problem. In particular, it is noted that the solution to this problem will be a proposal for a joint preliminary investigation and trial of a criminal case on all accomplices of the crime, including the accused, cooperating with the investigation, which will optimize this area and eliminate the debatability of this issue.*

Keywords*: "special witness", procedural status, testimony, responsibility*

Известно, что совокупность вопросов, непосредственно связанных с определением процессуального статуса такого лица, в отношении которого уголовное дело было выделено в отдельное производство в связи с тем, что с ним было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в том числе, по поводу остальных соучастников преступления, достаточно длительный период времени вызывает интерес научного сообщества. Дискуссия приобрела острый характер о том, в качестве кого это лицо дает показания в отношении соучастников преступления по так называемому основному делу, с момента введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) главы 40.1, в которой регламентируются правила и особенности особого порядка принятия судебного решения в той ситуации, в которой с лицом было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Рассматривая данный вопрос, отметим, что многие ученые говорили о том, что лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо рассматривать через призму так называемого «особого свидетеля», проходящего по основному делу. В связи с этим, такое лицо должно быть предупреждено о возможной ответственности не только за дачу заведомо ложных показаний, но и за его отказ дать таковые [1, с. 14-15]. Однако с ними не соглашается вторая группа исследователей, указывающая, что такое лицо представляет собой «особое обвиняемое», принявшего на себя обязательства в сфере принятия участия в следственных и процессуальных действиях по данному основному делу. Данные исследователи утверждают, что выделение в отношении данного лица уголовного дела в отдельное производство, не будет изменять правового статуса данного лица, а также его роли в том преступлении, которое было совершено в соучастии [9, с. 42-44].

Вопросы в указанной сфере неоднократно становились предметом для рассмотрения Конституционного Суда РФ. Рассматривая одну из таких жалоб Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что объективной необходимостью является на процессуальном уровне закрепить правовой статус обвиняемого лица, включая такое лицо, в отношении которого дело было выделено в отдельное производство, так как с ним заключено данное соглашение (о сотрудничестве). Суд указал, что такой статус стоит присваивать данному лицу в судебном разбирательстве по основному делу. Как следствие, было обращено внимание законодателя на то, что в УПК РФ стоит внести ряд дополнений правовую регламентацию процессуального статуса этого лица. Кроме того, было отмечено, что обвиняемый в данном случае не будет выступать в качестве обвиняемого по основному делу, но в прямой зависимости от своего процессуального статуса, он едва ли может быть и свидетелем по основному делу. Также было обращено внимание на то, что в связи с тем, что обязанность данного лица дать показания в отношении соучастников преступления прямо следует не из процессуального статуса свидетеля, а во многом предопределена наличием досудебного соглашения, оно не будет выступать в качестве надлежащего субъекта преступлений, указанных в ст. 307 и 308 УК РФ [13].

Во исполнение п. 3 Постановления КС РФ от 20 июля 2016 г. №17-П, Федеральным законом от 30.10.2018 г. №376-ФЗ в УПК РФ были внесены те изменения, которые непосредственно затрагивают данные вопросы. Так, в УПК РФ добавили нового участника уголовного судопроизводства, а именно, лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ) [14]. Одновременно с этим, несмотря на то, что с формальной точки зрения указ КС РФ исполнен, вопрос относительно процессуального статуса данного лица не потерял своей актуальности и дискуссионности.

Так, одна группа исследователей сходится во мнении о том, что ст. 56.1 УПК РФ, которая была добавлена на этом фоне в УПК РФ, никоим образом не решила возникающие вопросы, непосредственно связанные с участием этого лица по основному уголовному делу [10, с. 47-54; 11, с. 37-41.]. Рассматривая указанную позицию более детально, полагаем, что для разрешения дискуссии стоит обратиться к истории данного вопроса. Так, известно, что до 1864 года на территории нашей страны применялась так называемая теория «формальных доказательств», ранее возникшая в Англии и Франции. Суть данной теории в том, что все доказательства делятся на определенные разновидности, а именно, совершенные и несовершенные соответственно, а также более или менее полные, скорее более полные, чем нет и так далее. Также согласно указанной теории, несколько доказательств, являющихся неполными, могли образовать одно полное доказательство, что является не характерным для современной теории доказательственного права [2, с. 181-182, 267; 3, с. 200]. Примечательным является тот факт, что ранее также определили силу того или иного доказательства, равно как условия его оценки и толкования. Отметим, что к такой разновидности доказательств, как «совершенное» доказательство, относили «собственное признание» подсудимого, по мнению Екатерины II именно признание выступало в качестве лучшего и наиболее явного свидетельства вины лица [12, с. 210-221]. В свою очередь, такие доказательства, которые не исключали наличие возможностей для показания невиновности подсудимого, были признаны несовершенными, что следовало из ст. 307 Свода. К таким доказательствам относили оговор, так как он едва ли являлся полноценным доказательством, однако данные, которые в нем содержались, выступали в качестве основания для того, чтобы подозревать лицо в совершении им преступления [4, с. 415].

Интерес также представляет то, что так называемое «совершенное доказательство», к числу которого относили признание вины, не было таким безусловно, так как для его принятия требовали соблюдения 4 обязательных условий: в частности, лицо должно было признаться в совершении того или иного преступления исключительно добровольно и отразить это в судебном листе. Кроме того, признание должно соответствовать тому преступлению, в совершении которого лицо признается, а также быть изложено так, чтобы не было каких-либо сомнений в его достоверности. Недействительным считали признание, которое было сделано не в суде, но наполовину действительным оно было в том случае, если при признании присут-

ствовали два свидетеля. Однако в данном аспекте учитывали, какие именно свидетели находились в момент совершения признания. В частности, были ли они благонадежными и заслуживали ли они доверия. Особое внимание обращали на то, не имеет ли свидетель прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела [12, с. 210-221].

В момент подготовки Устава 1864 года, комиссия, которая работала над созданием данного документа, предложила, что в его состав стоит внести «Инструкцию по силе доказательств», но системный анализ законодательства того времени показывает, что сделано этого так и не было. Отметим, что в этой Инструкции содержалось указание на то, что личное признание подсудимого гражданина будет приниматься «в уважение», если такое лицо не соглашается с обстоятельствами дела и когда признание было вынужденным, совершенным на фоне обещаний или ухищрений [5, с. 131-132].

И.Я. Фойницкий отмечал, что особенно внимательно стоит относиться к оговору. Так, он не исключал ситуации, при которой лицо, которое само себя оговорило, имело заинтересованность в принятии данного оговора для получения личной выгоды или смягчения своего наказания, равно как для того, чтобы обвинить другое лицо в совершении тех или иных действий. В то же время, им не было поддержано предложение, в соответствии с которым, необходимо исключить оговор из числа доказательственной базы. Он отмечал, что, исключать оговор полностью нецелесообразно, однако его необходимо поддерживать иными доказательствами и обстоятельствами дела [2, с. 269-270]. Стоит отметить, что именно И.Я. Фойницкий ввел такое понятие, как «подозрительные доказательства», к которым он относил такие доказательства, как показания. Например, показания свидетелей, имеющих заинтересованность в конечном исходе дела [2, с. 254].

Уже в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года начали прослеживаться некоторые черты современного досудебного соглашения о сотрудничестве. В частности прослеживалось совмещение существенно противоречивых друг другу обязанностей свидетеля и обвиняемого, идущее вразрез общепризнанному положению о недопустимости наделения одного и того же лица разными процессуальными статусами по одному уголовному делу.

Вопросы определения процессуального статуса неоднократно разъяснял Сенат: «если дело прекращено за отсутствием улик ... или имеются такие соучастники, о которых уже состоялся неподлежащий обжалованию приговор ..., то они допрашиваются в качестве свидетелей, но во всяком случае без присяги... Но, кроме того, по отношению к ним должно быть особенно рекомендовано точное соблюдение ст. 722 УУС, и их следует предупреждать о праве не отвечать на вопросы, уличающие их самих в каком-либо преступлении» [2, с. 724].

В советский же период ученые в основном придерживались мнения о том, что в случае необходимости его участия в производстве по делу в отношении соучастника, такое лицо допрашивается по правилам, которые установлены для допроса обвиняемого лица. Как справедливо отмечал Р. Д. Рахунов, «допрос в данном случае должен производиться без какого-либо предупреждения относительно ответственности за ложные показания или за отказ от дачи таковых» [6, с. 45]. Данное мнение разделяет другой ученый М.Л. Якуб, отмечая, что такие лица не являются свидетелями и их показания не являются свидетельскими, следовательно, такие лица о последствиях предупреждаться не должны. [7, с. 79].

Также в рамках настоящего исследования интерес представляют позиции ЕСПЧ по данному вопросу. Примером является Постановление ЕСПЧ по делу «Владимир Романов против РФ» (жалоба №41461/02) от 24.07.2008 года. Так, в данном документе было акцентировано внимание на том, что в рамках дачи ложных показаний положение сообщников является отличным от положения свидетелей. Во многом это обусловлено тем, что они не дают каких-либо показаний под присягой, а достоверность сведений, которые они сообщают, не подкреплена какими-либо гарантиями. В связи с этим, их нельзя привлечь к ответственности за дачу ложных показаний, совершенную с умышленной формой вины [16]. В свою очередь, в Постановлении ЕСПЧ по делу «Карпенко против Российской Федерации» от 13.03.2012 года, был сформулирован вывод, что в основу обвинительного приговора не могут быть заложены показания лиц, которые по данному делу также являются обвиняемыми [15].

Вполне естественно, что вопрос относительно правового статуса лица, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, обусловлен требованиями, которые содержатся в п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ в области выделения уголовного дела в отношении указанного лица в отдельное производство. Одновременно с этим, выделение такого уголовного дела в отдельное производство в данном случае бессмысленно, о чем неоднократно говорили в юридической литературе. Более того, практики показывает, что все потенциальные соучастники преступления, а также те лица, которые сотрудничают со следствием, весьма хорошо известны как соучастникам преступления, так и родственникам таковых.

В части 2 ст. 154 УПК РФ отмечается невозможность выделения дела, если это окажет непосредственное влияние на объективность, а также на всесторонность расследования и последующего разрешения уголовного дела. Как следствие, как и предварительное следствие, так и разбирательство дела в суде в рамках единого расследования и одномоментного рассмотрения дела, позволят в полной мере установить роль каждого из соучастников в преступлении, которое было им совершено, более точно и емко, чем в рамках выделения данного дела в отдельное производство. Более того, выделение подобного рода нередко порождает определенные сложности и трудности.

Председатель суда Ямало-Ненецкого автономного округа А.В. Пиюк отмечает, что на современном этапе развития планомерно формируется позиция ВС РФ, состоящая в производстве рассмотрения выделенных в порядке п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ уголовных дел лишь после того, как будут рассмотрены все основные дела. Отмечается, что данная мера едва ли принесет какие-то кардинальные изменения, равно как обеспечит достоверность показаний тех субъектов, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [8, с. 56-58].

В контексте указанного предложения следует отметить, что в случае начала рассмотрения основного и выделенного уголовных дел в одно и то же время, выделенное уголовное дело будет рассмотрено быстрее – без исследования доказательств. В случае рассмотрения этого уголовного дела после основного дела, с большой долей вероятности может быть нарушен принцип осуществления судопроизводства в разумный срок, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ. К примеру, судебное разбирательство основного и сложного дела, включающего в себя несколько эпизодов, может занять несколько лет, на протяжении которых обвиняемый по выделенному уголовному делу будет находиться в крайне ограниченном и неопределенном положении.

Таким образом, реального механизма реализации указаний, даваемых судьям высшим судебным органом, пока не существует.

В заключение стоит отметить, что ни при каких обстоятельствах лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не может восприниматься как свидетель, пусть и «особый», независимо от очередности судебного разбирательства по выделенному и основному уголовному делу.

Дополнение уголовно-процессуального закона статьей 56.1 осуществлено законодателем вопреки решению Конституционного Суда РФ по вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Представляется, что возможным решением этой проблемы будет предложение о совместном предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела обо всех соучастниках преступления, в том числе об обвиняемом, сотрудничающем со следствием. В указанном случае вопрос относительно процессуального статуса лица, который сотрудничает со следствием, утратит свою актуальность. В частности, его статус на этапе предварительного следствия – «обвиняемый», а на этапе разбирательства дела в суде – «подсудимый».

Литература

1. Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис… канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 24 с.

2. Фойницкий И.Я. Курс Уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.

3. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Типография А.П. Поплавского, 1910. 448 с.

4. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское Книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. XVI. 680 с.

5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.

6. Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. 164 с.

7. Якуб М.Л. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. М., 1963. 80 с.

8. Пиюк А.В. О процессуальном статусе лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве со следствием // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 56 – 58.

9. Авдеев В. Н., Воскобойник И. О. Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 42 – 44.

10. Победкин А.В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание "сущего без нужды" // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 47 – 54.

11. Васильев О. Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 37 – 41.

12. Соловьева Н.А. Историко-правовой анализ института признания вины в отечественном уголовном судопроизводстве // Проблемы уголовного законодательства. 2011. № 1 (14). С. 210 – 221.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко» // Российская газета. 2016. 4 августа

14. Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 2 ноября.

15. Постановление ЕСПЧ от 13.03.2012. Дело «Карпенко (Karpenko) против Российской Федерации» (жалоба № 5605/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2013. № 4.

16. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2008. Дело «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 41461/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 3.

References

1. Kubrikova M.E. Aktual'nye voprosy instituta dosudebnogo soglashenija o sotrudnichestve: avtoref. dis… kand. jurid. nauk. Cheljabinsk, 2013. 24 s.

2. Fojnickij I.Ja. Kurs Ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb.: Al'fa, 1996. T. 2. 607 s.

3. Duhovskoj M.V. Russkij ugolovnyj process. M.: Tipografija A.P. Poplavskogo, 1910. 448 s.

4. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb.: Russkoe Knizhnoe tovarishhestvo «Dejatel'», 1912. T. XVI. 680 s.

5. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugolovnyh dokazatel'stvah. Tula: Avtograf, 2000. 464 s.

6. Rahunov R.D. Svidetel'skie pokazanija v sovetskom ugolovnom processe. M., 1955. 164 s.

7. Jakub M.L. Pokazanija obvinjaemogo kak istochnik dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe. M., 1963. 80 s.

8. Pijuk A.V. O processual'nom statuse lic, zakljuchivshih dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve so sledstviem. Ugolovnaja justicija. 2015. № 1 (5). S. 56 – 58.

9. Avdeev V. N., Voskobojnik I. O. Nekotorye razmyshlenija otnositel'no reglamentacii v st. 56.1 UPK RF processual'nogo statusa novogo uchastnika ugolovnogo processa. Rossijskaja justicija. 2019. № 2. S. 42 – 44.

10. Pobedkin A.V. Ni obvinjaemyj, ni svidetel': sozdanie "sushhego bez nuzhdy". Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 4 (82). S. 47 – 54.

11. Vasil'ev O. L. Novyj uchastnik ugolovnogo processa ili vidimost' sovershenstvovanija Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF? Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2019. № 1. S. 37 – 41.

12. Solov'eva N.A. Istoriko-pravovoj analiz instituta priznanija viny v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve. Problemy ugolovnogo zakonodatel'stva. 2011. № 1 (14). S. 210 – 221.

13. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20.07.2016 № 17-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chastej vtoroj i vos'moj st. 56, ch. 2 st. 278 i gl. 40.1 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanina D. V. Usenko». Rossijskaja gazeta. 2016. 4 avgusta

14. Federal'nyj zakon ot 30.10.2018 № 376-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii». Rossijskaja gazeta. 2018. 2 nojabrja.

15. Postanovlenie ESPCh ot 13.03.2012. Delo «Karpenko (Karpenko) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 5605/04). Bjulleten' Evropejskogo Suda po pravam cheloveka, 2013. № 4.

16. Postanovlenie ESPCh ot 24.07.2008. Delo «Vladimir Romanov (Vladimir Romanov) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 41461/02). Bjulleten' Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2009. № 3.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ РЕЖИМЫ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Магомедова Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Денисов И.М.,
Воробьева М.О.,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: *в статье предпринята попытка исследовать специальные налоговые режимы в контексте их влияния на развитие малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. В начале статьи констатируется, что вопросы функций налогов в отечественной доктрине права носят дискуссионный характер. Вместе с тем авторы в рамках исследования делают акцент именно на регулирующую функцию налогов, реализация которой и создала предпосылки формирования специальных налоговых режимов. Заявленная тема статьи предполагает исследование таких налоговых режимов, как налог на профессиональный доход, упрощённая и автоматизированная упрощённая системы налогообложения, патентная система налогообложения. Авторами акцентируется внимание на том, что именно эти специальные налоговые режимы позитивно влияют на развитие малого и среднего бизнеса в современной России. Характеризуя данные режимы, авторы обращаются к анализу действующего законодательства и раскрывают сущность функционирования тех правовых средств, которые использовал законодатель для стимулирования развития рыночных механизмов в России. Авторами признается негативным факт отсутствия законодательного закрепления дефиниции «специальный налоговый режим». Однако данная ситуация в системе правовой регламентации специальных налоговых режимов в принципе позволяет им динамично развиваться, а информатизация сферы налогообложения создает предпосылки для их дальнейшего совершенствования и активного использования субъектами малого и среднего бизнеса.*

Ключевые слова: *специальные налоговые режимы, налоги, малый и средний бизнес, предпринимательство, функции налогов, информатизация сферы налогообложения, эксперимент*

SPECIAL TAX REGIMES AS A PLATFORM FOR THE SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Magomedova E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Denisov I.M.,
Vorobyova M.O.,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: *the article attempts to investigate special tax regimes in the context of their impact on the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. At the beginning of the article it is stated that the issues of the functions of taxes in the domestic doctrine of law are of a debatable nature. At the same time, the authors of the study focus on the regulatory function of taxes, the implementation of which created the prerequisites for the formation of special tax regimes. The stated topic of the article involves the study of such tax regimes as the professional income tax, simplified and automated simplified taxation systems, patent taxation system. The authors emphasize that it is these special tax regimes that positively affect the development of small and medium-sized businesses in modern Russia. Characterizing these regimes, the authors turn to the analysis of the current legislation and reveal the essence of the functioning of those legal means that the legislator used to stimulate the development of market mechanisms in Russia. The authors recognize as negative the fact that there is no legislative consolidation of the definition of "special tax regime". However, this situation in the system of legal regulation of special tax regimes, in principle, allows them to develop dynamically, and the informatization of the taxation sphere creates prerequisites for their further improvement and active use by small and medium-sized businesses.*

Keywords*: special tax regimes, taxes, small and medium-sized businesses, entrepreneurship, tax functions, tax informatization, experiment*

Современный этап развития отечественной юридической науки в целом и отраслевых наук в частности характеризуется наличием определенной дискуссионности даже при характеристике базовых, ключевых, основополагающих правовых феноменов. Наука налогового права, которая, по нашему мнению, является составляющей финансово-правовой науки, не является в этом плане исключением. Если обратиться к вопросу функций налогов, при помощи которых они осуществляют свою социально-экономическую роль, то необходимо констатировать, что в доктрине права на этот счет существуют различные точки зрения. Все ученые без исключения признают фискальную функцию налогов, а вот в отношении регулирующей (стимулирующей, дестимулирующей), а также контрольной функций имеет место довольно напряженная дискуссия. По нашему мнению, при безусловном доминировании фискальной функции налогов, формирование благоприятного климата для успешного развития малого и среднего бизнеса невозможно представить без реализации регулирующей функции налогов. Целесообразно отметить, что довольно конструктивной формой воплощения регулирующей функции налогов являются специальные налоговые режимы. В этом плане следует согласиться с О.А. Ногиной, которая считает, что «появление в системе налогового права такого явления, как специальные налоговые режимы, было вызвано объективной необходимостью государства наиболее эффективно организовать свое взаимодействие с многочисленными налогоплательщиками в сфере малого предпринимательства, обеспечивая наиболее простые способы осуществления налоговых изъятий как для себя, так и для налогоплательщиков» [5, с. 68].

По нашему мнению, предприятия малого и среднего бизнеса в текущей, осложнённой различными факторами экономической ситуации нуждаются в специализированной государственной поддержке. Публичная власть предлагает значительный комплекс мер для развития таких предприятий. Одной из таких мер является возможность применения субъектами малого и среднего предпринимательства специальных налоговых режимов, то есть особого порядка исчисления и уплаты налогов и сборов. В формате правового закрепления этих режимов необходимо обратиться к статье 18 Налогового кодекса Российской Федерации, которая закрепляет список из шести специальных налоговых режимов:

1) система налогообложения для сельскохозяйственных производителей (единый сельскохозяйственный налог);

2) упрощенная система налогообложения;

3) система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции;

4) патентная система налогообложения;

5) налог на профессиональный доход (в порядке эксперимента);

6) автоматизированная упрощённая система налогообложения (в порядке эксперимента) [1].

Для субъектов малого и среднего предпринимательства характерно применение следующих специальных налоговых режимов: налога на профессиональный доход, упрощённой и автоматизированной упрощённой систем, патентной системы налогообложения. Общей чертой этих режимов является их ориентированность на использование для конечного потребителя: государство чётко устанавливает порядок использования каждого из них, все вышеперечисленные режимы предполагают более льготные условия начисления и оплаты налогов и сборов, чем традиционная система налогообложения.

Справедливо будет отметить, что предприятия малого и среднего бизнеса – основные пользователи специальных налоговых режимов в Российской Федерации, что обусловлено снижением на них налоговой нагрузки по сравнению с классической системой налогообложения. Кроме того, важным фактором эксплуатации данных налоговых режимов субъектами малого и среднего предпринимательства является простота процесса перехода на использование данных режимов для уплаты налогов и сборов. Это особенно выражено в наиболее современных, экспериментальных режимах (таких, как налог на профессиональный доход и упрощенная система налогообложения).

Специальные налоговые режимы выступают рычагом развития легального бизнеса в Российской Федерации, поскольку предусмотренный ими значительный пакет льгот позволяет бизнесу чувствовать себя защищенным даже в кризисный период для экономики, в связи с чем ранее не зарегистрированные предприятия переходят в легальный правовой режим. Простота процедуры регистрации предприятия также положительно влияет на рост количества предприятий малого и среднего бизнеса, поскольку снижается количество препятствий, которые необходимо преодолеть предпринимателю.

Из ныне действующих специальных налоговых режимов исторически первой появилась упрощённая система налогообложения (далее – УСН), которая была введена в 2002 году. УСН подразумевает замену налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций, а также налога на доходы физических лиц и налога на имущество физических лиц для индивидуальных предпринимателей, а также налога на добавленную стоимость (далее – НДС) (за исключением НДС на товары, ввозимые на территорию РФ) на единый налог, который рассчитывается в зависимости от объекта налогообложения:

- при выборе доходов как объекта налогообложения, налогом облагается доход организации за налоговый период и ставка составляет 6% (может быть снижена до 1% законами субъектов Российской Федерации);

- при выборе системы расчёта «доходы минус расходы» налогом облагается разница доходов и расходов, ставка составляет 15% (может быть снижена до 5% в соответствии с законами субъектов РФ).

Условиями применения данного режима являются количество сотрудников предприятия до 130 человек, доход не более 200 млн. рублей в год. Положительными аспектами является простота учёта, низкие налоговые ставки, возможность выбора режима «доходы минус расходы» при больших расходах предприятия. Однако необходимо учитывать, что при режиме «доходы» платить налог придется и в случае убыточности предприятия, а перечень расходов в режиме «доходы минус расходы» ограничен: например не учитываются расходы на штрафы поставщикам и другие. При этом предприятие обязано вести налоговый контроль, подавая налоговые декларации, а также обязано исчислять, удерживать и перечислять налог на доходы физических лиц с заработной платы сотрудников предприятия.

Эволюцией данного режима стало введение на территории четырёх субъектов Российской Федерации в экспериментальном порядке автоматизированной упрощённой системы налогообложения. Данный режим, появившийся только в 2022 году, освобождает УСН от значительной части его недостатков: происходит значительное упрощение и автоматизация отчетности (более нет необходимости предоставления декларации, справки о доходах физического лица и других отчётных документов), доходы и расходы определяются автоматически по установленным кассовым аппаратам, налог рассчитывает сам налоговый орган в автоматическом порядке, а функции налогового агента по налогу на доходы физических лиц с заработных плат сотрудников предприятия передаются банкам. Система расчетов налога от объекта («доходы» или «доходы минус расходы») сохранена, однако налоговые ставки незначительно увеличены: до 8% и 20% соответственно. Автоматизация имевшегося ранее налогового режима (УСН) в целом отражает общие тенденции информатизации и цифровизации налогового пространства Российской Федерации.

Еще одним специальным налоговым режимом, актуальным для субъектов малого и среднего предпринимательства, является патентная система налогообложения. Она предполагает получение от налогового органа специализированного документа – патента, который приобретается на срок от 1 до 12 месяцев и фактически заменяет уплату налогов и сборов (таких, как налог на доходы физических лиц, налог на имущество физических лиц и НДС (за исключением НДС на ввоз продукции на территорию РФ)) единовременным платежом, рассчитываемым в соответствии с видом осуществляемой деятельности и сроком действия патента. Законодательство разрешает выдачу патентов только индивидуальным предпринимателям, с ограничением количества нанятого персонала (не более 15 человек) и ограничением суммы возможного получаемого дохода – не более 60 млн. рублей за календарный год, в котором ведется предпринимательская деятельность. Список видов деятельности, на которых может использоваться данная система, установлен федеральным законодательством и может расширяться законами субъектов Российской Федерации. Несмотря на значительное количество достоинств, таких, как возможность самостоятельного определения срока действия патента (и возможность вернуть уплаченные средства за неиспользованный период при отказе от данной системы налогообложения), отсутствие необходимости подавать налоговые декларации в ФНС России; фиксированной цены патента, данная система, на наш взгляд, имеет и недостатки: ограниченный круг субъектов и количество нанимаемого персонала, ограниченный список видов деятельности.

Наиболее либеральным и простым для использования конечным потребителем является налог на профессиональный доход, введённый в экспериментальном порядке. Данный специальный налоговый режим используется категорией граждан, определенной в законодательстве как самозанятые, которыми могут быть как индивидуальные предприниматели, так и физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. В отличие от других режимов, налог на профессиональный доход рассчитывается автоматически, налогоплательщику необходимо лишь встать на налоговый учет в специальном приложении «Мой налог», которое позволяет формировать чеки и автоматически формирует необходимую отчетность и рассчитывает налог к уплате. Ставка налога – 4% при расчетах с физическими лицами, 6% при расчётах с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Данный режим практически полностью позволяет избавиться от налоговой отчетности, ее формирование, как и начисление самого налога, автоматизированно. При этом предпринимателю нет необходимости делать большие вложения: кассовым аппаратом может выступать любой смартфон, а налоговые ставки минимальны.

При этом анализ Федерального закона от 27.11.2018 №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» позволяет сделать вывод, что данный режим имеет и очень существенные ограничения:

- сумма дохода по итогам года не должна превышать 2,4 млн. рублей;

- круг предпринимательских интересов законодательно ограничен. В утвержденный законом перечень входят такие работы как: оказание юридических услуг, оказание косметических услуг, сдача помещений в аренду, ведение мероприятий и другие [2].

Обращаясь к правовой основе специальных налоговых режимов, следует отметить, что в действующем налоговом законодательстве не закреплено определение понятия «специальный налоговый режим». Получается, что законодатель не идет по пути формулирования единого определения данного правового феномена. Представляется, что такая ситуация имеет место в силу различной, характерной только для каждого конкретного режима, его экономической и правовой природы. Вместе с тем необходимо обозначить, что конструктивное использование такого правового инструмента, как специальные налоговые режимы, оказало весьма позитивное влияние на развитие малого и среднего бизнеса в современной России. В частности, это позволило в значительной степени стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, поскольку специальные налоговые режимы предполагают не только сниженные ставки налогов (что также является стимулирующим фактором), но и упрощенный характер ведения деятельности: снижен налоговый контроль, некоторые режимы предполагают минимальную отчетность, упрощен процесс регистрации, что позволяет открыть свое дело и уплачивать необходимые налоги и сборы без помощи юристов и бухгалтеров.

Кроме того, введение этих режимов ускорило темпы роста количества предприятий малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Так, по состоянию на 30.09.2022 в качестве самозанятых было зарегистрировано более 5000000 граждан Российской Федерации [6]. Растет и количество новых предпринимателей, применяющих патентную и упрощенную системы налогообложения [4]. Введение данных режимов позволило также обеспечить «выход бизнеса из теневой зоны», поскольку произошёл переход ранее скрывавшихся от налогового контроля предпринимателей, фактически работавших нелегально, к законному режиму работы с использованием специальных режимов [3, с. 6].

Подводя итог проводимому в рамках данной статьи исследованию, следует констатировать, что наметившиеся тенденции активного использования малым и средним бизнесом специальных налоговых режимов позволяют говорить о происходящих позитивных изменениях в сфере развития рыночных механизмов в России. Все больше малых и средних предприятий используют данные режимы в процессе налогообложения. Кроме того, сформированные ранее законодателем специальные налоговые режимы совершенствуются с учетом интеграции в сферу налогообложения процессов информатизации и цифровизации. Именно такой подход позволяет сделать эти налоговые режимы, с одной стороны, более совершенными, а с другой стороны – более простыми и понятными для конечного потребителя. Обращаясь к вопросам правового прогнозирования, можно обозначить, что нарастающая тенденция цифровизации и информатизации данной сферы приведет к замене упрощенной системы налогообложения на автоматизированную систему налогообложения на всей территории Российской Федерации после окончания проведения эксперимента по его внедрению, а также замену или преобразование патентной системы (либо объединение ее с налогом на профессиональный доход).

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.11.2022)

2. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.11.2022)

3. Волков Д.Е. Отрицательные и положительные стороны специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Colloquium-journal. 2020. № 2 (54). С. 5 – 7.

4. Муниципалитетам Прикамья предложили досрочно отказаться от налога на вмененные доходы // Экономика и бизнес (Электронный ресурс) URL: https://www.newsko.ru/news/newsko/newsko/19/06/2019/munitsipalitetam-prikamya-predlozhili-dosrochno-otkazatsya.html

5. Ногина О.А. О понятии и признаках специального налогового режима // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11. С. 68 – 73.

6. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС России (Электронный ресурс). URL: https://ofd.nalog.ru/statistics-npd.xlsx

References

1. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 31.07.1998 № 146-FZ (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus» (data obrashhenija: 11.11.2022)

2. Federal'nyj zakon ot 27.11.2018 № 422-FZ «O provedenii jeksperimenta po ustanovleniju special'nogo nalogovogo rezhima «Nalog na professional'nyj dohod» (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus» (data obrashhenija: 11.11.2022)

3. Volkov D.E. Otricatel'nye i polozhitel'nye storony special'nogo nalogovogo rezhima «Nalog na professional'nyj dohod». Colloquium-journal. 2020. № 2 (54). S. 5 – 7.

4. Municipalitetam Prikam'ja predlozhili dosrochno otkazat'sja ot naloga na vmenennye dohody. Jekonomika i biznes (Jelektronnyj resurs) URL: https://www.newsko.ru/news/newsko/newsko/19/06/2019/munitsipalitetam-prikamya-predlozhili-dosrochno-otkazatsya.html

5. Nogina O.A. O ponjatii i priznakah special'nogo nalogovogo rezhima. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 11. S. 68 – 73.

6. Statistika dlja nacional'nogo proekta «Maloe i srednee predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noj predprinimatel'skoj iniciativy». Edinyj reestr sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva FNS Rossii (Jelektronnyj resurs). URL: https://ofd.nalog.ru/statistics-npd.xlsx

ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО. БДИТЕЛЬНОСТЬ – ЗАЛОГ ЗАЩИЩЕННОСТИ

Худяков В.В.,
Черкасов Р.И.,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация: *в настоящее время, борьбе со всеми видами мошенничества, на уровне правительства РФ, а так же на уровне руководителей следственных органов и полиции, уделяется большое количество внимания. Это обусловлено тем, что старые виды мошенничества уходят в прошлое, вместо них появляются новые виды мошенничества с использованием современных компьютерных средств, а так же с применением средств телефонной связи. В рамках данных видов мошенничеств, преступники действуют группами, в составе группы, в которых распределены роли. Одни преступники занимаются поиском сим-карт, зарегистрированных на третьи лица, другие составляют планы и схемы по введению в заблуждение потерпевшего, третьи занимаются обналичиванием полученных денежных средств. Невероятный всплеск количества телефонных звонков с предупреждением о хищении денежных средств со счета в банке, который поступает якобы от службы безопасности банка, а также с предложением спасти денежные средства путем их перевода на посторонний «защищенный» от мошенников счет – всё это есть вишинг, один из видов мошенничества с использованием телефона. Преступник с помощью социальной инженерии вишингом, подчиняет себе разум жертвы и, повелевая им, достигает желаемого, как правило – денег. Что делать? Как с этим бороться? В настоящее время, не удалось сформировать рабочий механизм, который позволил бы обезопасить доверчивых граждан, от совершения подобных мошеннических действий, не смотря на предпринимаемые усилия со стороны банков, операторов сотовой связи, а так же, не смотря на ту работу, которую ведут правоохранительные органы, в том числе и проводя профилактическую работу с гражданами, публикуя информацию о необходимости соблюдать меры предосторожности, в средствах массовой информации. В предложенной статье рассматриваются примеры из жизни и возможные пути решения данной проблемы.*

Ключевые слова: *телефонное мошенничество, вишинг, манипуляция по телефону, жертва телефонного мошенничества, обман по телефону*

TELEPHONE FRAUD. VIGILANCE – THE KEY TO SAFETY

Khudyakov V.V.,
Cherkasov R.I.,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Abstract: *at present, a lot of attention is paid to the fight against all types of fraud at the level of the government of the Russian Federation, as well as at the level of heads of investigative bodies and the police. This is due to the fact that the old types of fraud are becoming a thing of the past, instead of them new types of fraud appear using modern computer tools, as well as using telephone communications. Within the framework of these types of fraud, criminals operate in groups, as part of groups in which roles are assigned. Some criminals are looking for SIM cards registered to third parties, others draw up plans and schemes to mislead the victim, and others are engaged in cashing out the funds received. An incredible surge in the number of phone calls with a warning about the theft of funds from a bank account, which allegedly comes from the bank's security service, as well as with an offer to save funds by transferring them to an outside "protected" account from fraudsters – all this is vishing, one of types of phone scams. With the help of social engineering vishing, the criminal subjugates the mind of the victim and, commanding them, achieves what he wants, as a rule – money. What to do? How to deal with it? At present, it has not been possible to form a working mechanism that would protect gullible citizens from committing such fraudulent actions, despite the efforts made by banks, mobile operators, and also, despite the work that law enforcement agencies are doing , including carrying out preventive work with citizens, publishing information about the need to take precautions in the media. The proposed article discusses examples from life and possible solutions to this problem.*

Keywords*: telephone fraud, viching, telephone manipulation, victim of telephone fraud, telephone fraud*

Снова звонок телефона. На этот раз, номер звонящего, вам не знаком. Вы отвечаете на полученный вызов. В телефонной трубке слышите голос незнакомого человека, который с первых слов начала вашей беседы старается вас в чём-то очень серьёзно убедить или предупредить. Основной замысел звонящего – завладеть вашим вниманием, тем самым не позволить прервать разговор и разорвать соединение.

Звонок незнакомца становится еще более убедительным в случае, когда собеседник обращается к вам по имени и отчеству, тем самым давая понять, что этот вызов не является ошибочным, а адресуется именно вам. И вот с этого самого момента все внимание сосредоточено на голос звонящего и информацию, которую он вам доводит.

Вам приходилось сталкиваться с подобной ситуацией?

Число звонков, в которых мошенники пытаются заполучить у своей жертвы интересующую информацию: персональные данные, сведения о банковских счетах и пластиковых картах, а также разрешить за деньги все внезапно возникшие вопросы, значительно увеличилось. Такой вид мошенничества называется «Вишинг». Как правило, Виширы в ходе телефонного разговора со своей жертвой очень убедительно передают свои угрозы и возможные последствия, которые неминуемо осуществятся в случае невыполнения изложенных требований. Умело манипулируя на человеческих чувствах, таких как: забота о близких, страх, жадность, любопытство, честолюбие и другие, мошенники достигают намеченной цели.

По данным уполномоченных организаций число телефонных мошенничеств по всему миру с начала 2022 года значительно увеличилось. Truecaller Insights – разработчик глобального менеджера звонков для мобильных устройств сообщает, что за последние 12 месяцев жертвами телефонных мошенничеств в Америке стали 68,4 млн. человек, было потеряно ошеломляющих 39,5 миллиардов долларов США [1]. Газета «Коммерсантъ» о состоянии телефонного мошенничества в России указывает на значительный рост звонков – с 9,5% в феврале 2022 года, от общей численности пользователей в стране, до 12,5% – в мае. У клиентов российских банков таким образом за первый квартал текущего года было похищено 3,3 млрд. рублей [2]. По анонимизированным данным пользователей программного приложения «Kaspersky Who Calls» установлен пик активности злоумышленников, который пришелся на середину июня текущего года и составил 28,5%.

Конечной целью злоумышленников, как правило, является получение денежных средств жертвы. Заглушая бдительность своего собеседника, преступник добивается желаемого различными способами, мошеннические схемы регулярно меняются на новые, как только перестают «работать» предыдущие.

Наиболее распространённая схема мошенничества, где злоумышленник, представляясь сотрудником правоохранительных органов, обещает разрешить проблемную ситуацию, в которой близкий для жертвы человек в силу различных обстоятельств стал нарушителем закона, и для его освобождения из-под следствия и дальнейшего освобождения из-под стражи требуется значительная сумма денег. В последующем сообщник мошенника, заранее оговоренным способом, забирает у жертвы затребованную сумму денег после этого мошенническая схема считается завершенной.

Другая схема вишинга получила особенную популярность на территории Российской Федерации с начала проведения специальной военной операции на Украине. Её легенда заключается в обзвоне якобы службой безопасности банков, с предупреждением о возможных мошеннических действиях в отношении финансовых средств на банковских счетах и пластиковых картах клиентов банка. Указанную схему предлагаю рассмотреть подробнее, так как она получила особую популярность.

На телефонный номер гражданина поступает звонок, в котором роботизированный голос сообщает о неправомерных или подозрительных действиях в отношении личного онлайн кабинета клиента банка и попытки совершения в нём финансовых операций. На следующем этапе в разговор включается сотрудник безопасности банка и предлагает провести процедуру входа в онлайн банк с целью проверки, при этом вынуждая жертву сообщить необходимые данные для входа в сервис с другого рабочего места, что позволяет злоумышленнику обеспечить себе вход в систему и воспользоваться ситуацией для получения денежных средств.

Другой оттенок описанной схемы характеризуется тем, что лжесотрудник службы безопасности банка хочет помочь «спасти» сбережения клиента банка, путем их перевода на «безопасный» счет банка. Ситуация еще больше усугубляется тем, что жертва поддается на убеждения мошенника, получает в онлайн банке кредит и переводит эти деньги на «безопасный» счет.

На первый взгляд может сложиться уверенность в том, что предложенные схемы слишком примитивны, чтобы оказаться реальностью, и любой из нас смог бы раскрыть план злоумышленника. Однако, следует учитывать, что преступник не останавливается после первого звонка. За свою рабочую смену, а здесь очевидно рассматривается организованная преступная группа лиц, представляющая собой call-центр, совершает десятки звонков на различные телефонные номера всех имеющихся операторов связи в нашей стране,

оттачивается профессионализм, ведения переговоров с жертвами, как бы цинично это не звучало. Также необходимо отметить, что преступник не звонит по номерам телефонов, представляющие собой случайный набор цифр, а пользуется данными, которые оказались в открытом доступе вследствие хакерских атак на различные организации.

По материалам публикаций компьютерного вестника «BleepingComputer» от 19 октября 2022 года [3] стало известно, что вследствие конфигурационных ошибок в настройке серверного оборудования корпорации Microsoft стала возможной утечка данных клиентов. Из материалов отчета компании SOCRadar следует, что на серверах Microsoft, были подвергнуты несанкционированному доступу до 2,4 ТБ данных, в том числе: сведения, содержащие конфиденциальную информацию, с более чем 335 000 электронных писем, 133 000 проектов и 548 000 незащищенных учетных данных пользователей. Потеря конфиденциальной информации затронула около 65 000 организаций из 111 стран мира, хранимые данные датированы периодом времени с 2017 по август 2022 года.

Другой пример утечки данных 1 марта 2022 признал сервис доставки «Яндекс. Еда» [4]. По данным мониторингового сервиса даркнета, данные с серверов «Яндекс. Еда» в свободном доступе были обнаружены 27 февраля и представляли собой архив с тремя SQL-данными с общим количеством на 6 882 230 уникальных номеров телефонов клиентов сервиса из России и Казахстана и 206 725 – Беларуси, актуальность данных не вызывала сомнений, так как даты совершенных заказов о доставке еды соответствовали периоду с19.06.2021 по 04.02.2022.

Решающую роль в проведении мошеннических действий вишингом играет способность злоумышленника в ходе беседы со своей жертвой убедить её в том, что именно сейчас решается вопрос благополучного исхода негативных событий с близким человеком или сохранение на банковском счете денежных сбережений. Обладая навыками социальной инженерии и умело манипулируя чувствами потенциальной жертвы (любовь, переживание, страх, жадность и т.д.) злоумышленник способен добиться желаемого, затуманить рассудок жертвы, принуждать к выполнению различных указаний, в том числе и к совершению противоправных деяний.

По мнению многих людей кажется невероятным, заставить здорового человека совершать немыслимые и тем более противоправные деяния, давая при этом указания для их совершения по телефону. Однако, когда в городе Москве 28 августа 2022 года патрульный наряд полиции прибыл на место происшествия, по факту поджога во дворе дома личного автомобиля одного из граждан, им открылась картина, где женщина в возрасте 65-лет, подозреваемая в совершении поджога, продолжает говорить по сотовому телефону со злоумышленником, который обманным путем вынудил её совершить данное правонарушение [5] и в последующем выкрикивать проукраинские лозунги.

Но что же нам всем делать в этой непростой ситуации? Какие шаги предпринять для того, чтобы не стать жертвой мошенников? Предлагаю к этому вопросу подойти несколько детальнее.

Во-первых, считаю необходимым обозначить всю серьёзность ситуации, которая складывается на политическом и экономическом поле между нашей страной и государствами западного Мира. Накал межгосударственных взаимоотношений не способствует эффективной борьбе с мошенничеством в международном пространстве, более этого необходимо отметить на открытое противостояние некоторых стран против России в киберпространстве. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на заседании Совета Безопасности 20 мая 2022 года указал, «… по сути, против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве …» [6].

Во-вторых, хотелось бы отметить совместную интенсивную работу регуляторов в сфере пресечения и профилактики совершения киберпреступлений, создание законодательных преград для их зарождения и реализации. Предложены инициативы, которые позволят обеспечить защищенность граждан страны в киберпространстве в целом и от телефонных мошенников в частности.

МВД России поддерживает инициативу Банка России, которая предусматривает возможность для граждан самостоятельно определить в своих мобильных приложениях онлайн-банка ограничения, связанные с регулированием кредитования. Другими словами, каждый пользователь мобильного приложения онлайн-банка может самостоятельно регулировать величину возможного кредита в рамках лимитов, предоставленных банком, либо отказаться от онлайн кредитования путем блокирования данной опции. Это не позволит клиенту банка, при самых неблагоприятных обстоятельствах заботами мошенников, потерять больше денежных средств, чем у него есть в наличии. Дополнительно Банк России предоставляет МВД России необходимую информацию в случае подозрительной активности на счетах клиентов банка без их ведома, а также сведения о подставных счетах-однодневках и их владельцах. Законодательные нормы по указанным направлениям находятся на завершающем этапе.

Необходимо отметить и значительное количество вишинговых схем с использованием услуги – подмена номера вызывающего абонента. Данная услуга пользуется у мошенников особой популярностью, так как позволяет оставаться в «тени», скрывая истинные о себе сведения (код региона и номер абонента). Особенно обидно то, что попытка обратного дозвона со стороны обманутого абонента положительного результата не даст, преступник остаётся в недосягаемости. Одновременно с этим свою выгоду получают и операторы сотовой связи, взымая за предоставленную услугу стабильную оплату пользователей.

Ирония возникновения данной услуги заключается в том, что звонящий во время вызова может указать номер того же региона, в который совершает звонок не зависимо, где он находится, тем самым расположить абонента к доверительному общению с целью оказания помощи и поддержки, но…, всё получается не так, как задумывалось – «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Данная услуга не является безвозмездной и применяется на законных основаниях. Однако, в настоящее время ведется работа по внесению изменений в Федеральный закон «О связи», которые сокрытие или подмену номеров вызывающего абонента исключат из числа разрешенных услуг.

Что касается технической защиты от звонков мошенников с включенной опцией сокрытия и подмены номеров звонящего, то на этот счет решение уже найдено и проходит тестовые испытания. Заместитель директора Центра мониторинга и управления сетью связи общего пользования Денис Глазунов сообщает, что с начала 2023 года предложенная система блокировок звонков с подменными номерами «Антифрод» будет развернута в одном из регионов Российской Федерации при участии операторов сотовой связи, в дальнейшем масштабирована на всей территории страны, завершение работ планируется в 2024 году [7]. В общих чертах «Антифрод» состоит из: системы обнаружения мошенничества, системы предотвращения мошенничества и системы анализа. Выявление мошенников осуществляется на основе анализа данных цифрового портрета звонящего, поведенческих особенностей, региона исходящего звонка и т.д.

Принимаемые меры в противостоянии с вишингом будут несущественными, если вызываемый абонент не будет проявлять должную бдительность и внимание. Наверняка приходилось сталкиваться с таким понятием – кибергигиена. Это соблюдение ряда элементарных правил при работе с компьютером и путешествия в сети Интернет. Что-то подобное необходимо выполнять и для противостояния вишинг-мошенникам.

При поступлении звонка на телефон или СМС-уведомление, необходимо обратить внимание, на номер телефона, включён ли он в записную книгу знакомых и родных. Если телефон не знаком, то стоит слегка насторожиться, во время беседы оставаться вежливым и спокойным, в случае поступления различного рода угроз предупреждений и требований, запросить у звонящего его номер телефона для совершения обратного вызова. В случае грубого и хамского ведения разговора его следует прекратить.

Тот самый момент, когда преступник завладевает вниманием потенциальной жертвы, он получает над ним власть, в последующем манипулирует своей жертвой, полностью подчиняя его волю, добивается желаемого. В беседе мошенники держатся уверенно, голос твердый и настойчивый, с первых слов беседы стараются шокировать жертву внезапной новостью, в последующем вести разговор в русле своей темы.

Одним из основных требований, защиты от вишинга – не поддаваться эмоциям, оставаться рассудительным и внимательным в разговоре с собеседником. Задавать вопросы, отстранённые от навязанной темы разговора, которые позволят получить подробные сведения о звонящем.

Также необходимо помнить, что если о факте мошенничества не сообщить в полицию, то вероятнее всего это преступление никогда не будет раскрыто. В идеальном варианте, если к заявлению о преступлении будут приложены дополнительные свидетельства, например запись телефонного разговора, то в последующем это может помочь изобличить преступника по результатам фоноскопической судебной экспертизы.

Литература

1. Truecaller Insights 2022 U.S. Spam & Scam Report. 2022. URL: https://www.truecaller.com/blog/insights/truecaller-insights-2022-us-spam-scam-report (дата обращения: 2022-11-03)

2. Мошенники перезвонили. Активность злоумышленников снова выросла: «Коммерсантъ». 2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5423301?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 2022-11-03)

3. Microsoft data breach exposes customers' contact info, emails. 2022. URL: https://www.bleepingcomputer.com/news/security/microsoft-data-breach-exposes-customers-contact-info-emails/ (дата обращения: 2022-11-03)

4. Служба безопасности Яндекс Еды сообщила об утечке информации emails. 2022. URL: https://yandex.ru/company/services_news/2022/01-03-2022 (дата обращения: 2022-11-03)

5. «Могут квалифицировать как теракт»: юрист рассказала о последствиях поджога машины замначальника Генштаба ВС РФ. 2022. URL: https://msk1.ru/text/incidents/2022/08/29/71610086/ (дата обращения: 2022-11-03)

6. Заседание Совета Безопасности Российской Федерации от 20 мая 2022 года. 2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/security-council/68451 (дата обращения 2022-11-03)

7. Система блокировки звонков с подменных номеров заработает в регионах РФ в 2024 году. ТАСС. 2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/16161731 (дата обращения: 2022-11-03)

References

1. Truecaller Insights 2022 U.S. Spam & Scam Report. 2022. URL: https://www.truecaller.com/blog/insights/truecaller-insights-2022-us-spam-scam-report (data obrashhenija: 2022-11-03)

2. Moshenniki perezvonili. Aktivnost' zloumyshlennikov snova vyrosla: «Kommersant#». 2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5423301?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obra-shhenija: 2022-11-03)

3. Microsoft data breach exposes customers' contact info, emails. 2022. URL: https://www.bleepingcomputer.com/news/security/microsoft-data-breach-exposes-customers-contact-info-emails/ (data obrashhenija: 2022-11-03)

4. Sluzhba bezopasnosti Jandeks Edy soobshhila ob utechke informacii emails. 2022. URL: https://yandex.ru/company/services_news/2022/01-03-2022 (data obrashhenija: 2022-11-03)

5. «Mogut kvalificirovat' kak terakt»: jurist rasskazala o posledstvijah podzhoga mashiny zamnachal'nika Genshtaba VS RF. 2022. URL: https://msk1.ru/text/incidents/2022/08/29/71610086/ (data ob-rashhenija: 2022-11-03)

6. Zasedanie Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii ot 20 maja 2022 goda. 2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/security-council/68451 (data obrashhenija 2022-11-03)

7. Sistema blokirovki zvonkov s podmennyh nomerov zarabotaet v regionah RF v 2024 godu. TASS. 2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/16161731 (data obrashhenija: 2022-11-03)

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Чумакова О.В., кандидат юридических наук,
Московский государственный строительный университет

Аннотация: *исследование регулирования отношений в сфере капитального строительства невозможно без анализа исторического опыта в становлении строительной деятельности с одновременным выделением его основных периодов, в течение которых происходили изменения в общественных отношениях. Влияние исторических аспектов на становление важнейших функций государственного управления определяет дальнейшие направления контроля деятельности в сфере капитального строительства, а также заключается в реализации государственной градостроительной политики, базируется на историческом прошлом и менталитете населения. Цель статьи состоит в определении исторических аспектов в становлении отношений в сфере капитального строительства на отечественных просторах. Чтобы найти оптимальный путь развития правоотношений в сфере капитального строительства, нужно изучить нормативно-правовые акты с историческим прошлым в нормативно-правовой плоскости.*

Ключевые слова: *строительство, правоотношения, дореволюционная Россия*

THE ORIGIN OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF CAPITAL CONSTRUCTION IN RUSSIA: PRE - REVOLUTIONARY PERIOD

Chumakova O.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Moscow State University of Civil Engineering

Abstract: *the study of the regulation of relations in the field of capital construction is impossible without analyzing the historical experience in the formation of construction activity, while highlighting its main periods during which changes in public relations took place. The influence of historical aspects on the formation of the most important functions of public administration determines the further directions of control of activities in the field of capital construction, and also consists in the implementation of state urban planning policy, based on the historical past and the mentality of the population. The purpose of the article is to determine the historical aspects in the formation of relations in the field of capital construction in the domestic expanses. In order to find the optimal way to develop legal relations in the field of capital construction, it is necessary to study normative legal acts with a historical past in the regulatory and legal plane.*

Keywords: *construction, legal relations, pre-revolutionary Russia*

Правоотношения в сфере капитального строительства возникли в период трансформации общества и поиска новых путей его развития. Влияние исторических аспектов на становление важнейших функций государственного управления определяет дальнейшие направления контроля деятельности в сфере капитального строительства, а также заключается в реализации государственной градостроительной политики, базируется на историческом прошлом и менталитете населения.

Чтобы найти оптимальный путь развития правоотношений в сфере капитального строительства, нужно изучить нормативно-правовые акты с историческим прошлым в нормативно-правовой плоскости.

Следует выделить определенные этапы становления регулирования отношений в сфере капитального строительства, что составит основу для нашего дальнейшего исследования, а именно:

1) кодификация строительных упражнений во времена Киевской Руси. В 11 веке в Киевской Руси начата кодификация строительного законодательства Ярослава Мудрого.

Именно в этот период был принят «строительный устав», который был кодифицированным документом, определявшим требования к выполнению строительных работ.

Этот период характеризуется появлением цеховой организации строительного дела и формированием правил строительства, которые отображаются в «Строительном уставе» и «Русской правде» Ярослава Мудрого (1020 г.) [1].

Однако в этот период строительная деятельность подпадала под направления военной, судебной и финансовой деятельности. В правовых памятниках Киевской Руси были определены направления стандартизации, планирования и разработки технических программ, направленных на строительство

угодий, каналов, водохранилищ, храмов, однако эта строительная деятельность имела оборонное значение [6].

2) строительное законодательство во времена крепостного права, тесно связанное с деятельностью русского монарха Петра Первого. Письменные свидетельства отмечают, что строительный подряд относится к 1574 г. и касается частных периодов.

Нормативное закрепление отношений строительного подряда происходит царским указом «О заготовлении материалов для строения Смоленской крепости» (1595 г.), что закрепили специальные нормы о договорных обязательствах строительного подряда с активным вмешательством дер-государственных органов власти в процессы градостроительства;

3) Началом Дореволюционного периода регулирования в сфере строительства можно считать 1837 год, что обозначается принятием «Строительного устава», который стал частью полного собрания кодифицированного нормативно-правового акта – Свода законов, который осуществлял регулирование строительства зданий и сооружений на то время. «Строительный устав» состоял из семи разделов и двадцати одной главы, в которых были изложены общие положения для управления строительством; определялись типы казенных домов, церковных домов, общественных зданий; устанавливались правила застройки городов и поселков. Градостроительную политику реализовывало строительное управление.

Именно в эти времена появляется институт привлечения к ответственности, который регулировал порядок привлечения к таковой за правонарушения в случае несоблюдения особых правил по сохранению и ремонту древних сооружений. Контроль за соблюдением законодательства в сфере градостроительства был возложен на губернатора и местную полицию. К тому же застройщик должен был получить разрешение на строительство, обязанность предоставления которого возложена на императорскую геологическую комиссию и Императорскую Академию Искусств по реставрации монументальных памятников древности.

Принятие проектов общественных сооружений осуществлялось губернским строительным начальником и городским управления. Определение технических и строительных условий осуществлялось Строительным комитетом Министерства внутренних дел, который в своею очередь определял порядок разработки чертежей и расчет стоимости строительства, а также перечень документации, которую должно подавать физическое лицо для получения разрешения на строительство от городской думы [6].

4) регулирование строительной деятельности в советское время. Этот этап можно поделить на два периода. Первый характеризуется значительным количеством ведомственных норм, технических условий, которые были мало согласованы друг с другом и на практике имели частные рекомендации. Это повлекло определенный хаос в градостроительной документации и в производстве проектов. Второй период характеризуется ростом строительства и разработкой унифицированных стандартов, нормативно-правовых документов, которые определяли строительные нормы и правила, в частности к ним относились строительные материалы, детали и конструкции; строительное проектирование; правила проведения, приемки строительных работ; смета;

5) Период становления и реформирования строительного законодательства в России. Этот период характеризуется закреплением понятия и требования к градостроительной деятельности, определяет основные направления государственного регулирования. Составляющими градостроительной деятельности стали следующие: прогнозирование развития населенных пунктов; планирование; застройка; проектирование; строительство объектов градостроительства; строительства других объектов; реконструкция; реставрация и имитация объектов культурного наследия; инженерная и транспортная инфраструктура [1].

Считаем целесообразным выделить определенные этапы и присущие им особенности, характеризующие становление охраны культурного наследия.

Для первого этапа (1830-1916) характерно установление защиты охраны культурного наследия, однако не был четко определен правовой статус этого направления деятельности.

Для второго этапа (1917-1921) важным моментом е установление основных направлений охраны культурного наследия и определены основные пути государственной поддержки.

Чтобы найти тенденцию правового развития происхождения и становления правоотношений по капитальному строительству именно в дореволюционный период, задача состояла в нормативно-правового массива, который существовал в прошлом юридическом опыте.

Периодизация строительного законодательства (градостроительного законодательства) начинается еще во времена первоначального строя (на уровне строительства жилья).

К такому выводу позволяют прийти исторические исследования Бискупинского городища (середина I тысячелетия до н.э.), а именно «вся внутренняя территория городища была разрезана параллельными

улицами, а между ними, вплотную примыкая друг к другу торцовыми сторонами, стояли жилые дома, перекрытые общей двускатной крышей» Правильном планировки и примерное равенство домов (10х9 метров) указывают на наличие сильной управляющей власти, которой, очевидно, обладал глава родовой общины» [1, с. 150].

Наличие трактата Витрувия (I тысячелетия до н.э.) [2], который в историческим памятником и определял характер и направление развития искусства и творчества времен Возрождения, также в подтверждением существования определенной регламентации планирования и строительства.

Однако начало кодификации строительного законодательства связывают с Ярославом Мудрым, так как именно в XI ст. впервые в истории Киевской Руси было принято «Строительный устав» – первый кодифицированный документ, регламентирующий требования к осуществлению строительного процесса. Развитие строительного законодательства характеризуется познанием куль-туры античного мира и средневековой культуры Византии в результате принятия христианства и отказа от языческих Богов.

В этот период вы возникающих зародыши цеховой организации мастеров строительного дела, производятся правила строительства, которые находят свор отражение в «Строительном уставе» и в «Русской Правде» Ярослава Мудрого (1020 г.).

Правовое регулирование строительной деятельности тех времен характеризуется проблемами «регулярности» планирование столицы, финансированием строительства, художественной регламентацией; противопожарными мероприятиями, узкой «географической направленностью», ведь большинство нормативно-правовых актов имели ограниченное действие в пространстве (только Санкт-Петербургом).

В дальнейшем регулирование капитального строительства происходило на уровне указов, так, Екатерина II в 1763 г. издала указ «О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов, по каждой губернии особо», в соответствии с которым в стране начались работы по перепланировке городов на регулярной основе. Во второй половине XVIII в. отмечены две сферы применения типизации-частно-жилищное и казенное строительство. Применялись типовые проекты, или так называемые «образцовые проекты», которые утверждались Сенатом одновременно с планами городов.

XIX века относят к периоду реформирования строительного законодательства. Так, в 1811 г. были приняты «Урочные реестры по части гражданского строительства и по военным работам» (содержали требования относительно затрат рабочей силы и количества материалов на строительство). В 1832 г. был издан общий нормативный сборник «Урочное положение на все общие работы, производящиеся при крепостях, государственных зданиях и гидротехнических сооружениях», который в 1869 г. было утверждено правительством.

Впрочем, как целостное, комплексное явление строительное право появляется довольно поздно, когда в этом возникает насущная общественная потребность.

Для Российской империи такая потребность заметно затянулась во времени, что и не удивительно. Мемориальный музей на Куреневке (за несколько сотен метров от исторического центра) является образцом архитектуры» губернского города России середины XIX века. Не лучшим было состояние строительного дела и в других городах империи.

Вот что писал о состоянии городского строительства в Российской империи в XIX веке. известный дореволюционный историк А.А. Корнилов (1862-1925): «По статистическим таблицам, составленным в 1825 году, оказывается, что из 42 губернских городов, в том числе и городов, бывших отдельными единицами, равными в административном отношении губерниям, как Одесса, – только в двух, Одессе и Вильне, – надо заметить, что оба эти города были окраинными, почти не русскими – каменные постройки преобладали над деревянными, – в Одессе собственно потому, что камень там гораздо дешевле дерева. В Петербурге в это время деревянных построек было в два раза, а в Москве в 2 12 раза больше, чем каменных. В остальных губернских городах отношение было гораздо хуже: один к пяти – в одном городе, один к семи – в двух, к восьми - в трех, к десяти – в двух и, наконец, в Самаре на одну каменную постройку приходилось 784 деревянных! Вот каково было положение в этом отношении.

Почти через тридцать лет, в 1852-ом году, когда появились новые статистические данные, они давали ту же картину, повторяют в этом отношении и данные 1867-го года. И в законодательстве остался резкий след того положения – именно в ХП-м томе свода законов, где помещен строительный устав, указано, что в целом ряде городов допускается, в виде исключения, крыть дома соломой с раствором глины и навоза, и это настолько являлось потребностью, что целый ряд губернских начальств хлопотал о распространении этого разрешения и на их города.

Вот какова была бедность и некультурность городских поселен в это время» [2, с. 52].

Нам эта обширная цитата нужна для понимания того состояния строительной дела, в котором находилась страна, которая небезосновательно претендовала на ведущие роли в цивилизованном мире,

каких-то полторы сотни лет назад. Понятно, что модернизация, начатая т. н. Великими реформами 1860-х гг., не могла не затронуть эту отрасль культуры (архитектуру) и подотрасль права – право строительное.

Знакомство с российским уголовно-административным кодексом – Уложением о наказании уголовные и исправительные 1366 г. К выявляет целый ряд деяний, наказуемых по закону, в строительном деле.

Глава МПИ кодекса «О нарушении устава строительного» содержит всего 13 статей, с 1058-й по 1075-ю. Статьи с 1059 по 1065 сгруппированы в блок «О нарушении общих правил для производства зданий» (Первое отделение). Второе отделение «О нарушении особых правил для построения церквей православного и д других христианских вероисповеданий» содержит Статьи с 1066 по 1067. Третье отделение «О нарушении особых правил для построения сооружений казенных» объединяет статьи с 1068 по 1072. Наконец, статьи с 1073 по 1075 сгруппированы в блок «Нарушение особых правил для постройки зданий общественных» (четвертое отделение).

К главе УШ примыкает Глава IX» о нарушении правил предосторожности от пожаров», которая содержит всего две статьи (1076 и 1077). Для нас интерес представляет статья 1078 «о нарушении правил предосторожности при пожаре», которая касается норм и правил построения пожарно-опасных объектов.

Поскольку монография Н. С. Таганцева давно стала библиографической редкостью, позволим себе процитировать статьи оригинального документа и отметить те изменения, которые в него вносились до выхода в свет труда Н. Таганцева [14].

Итак, статья 1058: «За совершенное в третий раз нарушение предписанных уставами строительными технических или других построения правил, установленных на предостережения личной безопасности, виновному в том архитектору, архитекторскому помощнику или ином технику-строителю, или же подрядчику, который взял на себя по контракту построение группой (понимая под этим производства и окончания всей работы по его распоряжению, а не только саму поставку необходимых для нее материалов) запрещается осуществлять застройку и вступать в строительные подряды оптом и в течение определенного судом времени от одного года до двух лет, с объявлением об этом в ведомостях обеих столиц (С.-Петербурга и Москвы) и в местных губернских.

Все неправильно устроенное исправляется или перерабатывается за счет виновных».

В комментариях Н. Таганцева видим, что впервые указанная норма появилась в российском законодательстве в 1340 г., а впоследствии корректировалась в 1865 г.

Статья 1059: если сооруженное здание или иное строение разрушится, или часть его или какое-либо из украшений (декоративных элементов) упадет вследствие неправильного построения или от обихода материалов недостаточного качества и ненадлежащих размеров, или от непрочности самой работы.

Следует отметить, что становление правоотношений по капитальному строительству строительного законодательства проходило соответствующие этапы, которые конечно условно делятся на определенные периоды в связи с тем, что в качестве такого критерия периодизации стоит исторических очерков и нормативно-правовых актов. Так, развитие отношений в сфере капитального строительства в дореволюционном периоде характеризуется следующими этапами:

- кодификация строительных правил во времена Киевской Руси;
- строительное законодательство во времена крепостного права;
- дореволюционный период регулирования сферы строительства.

Литература

1. Verordnung uber das Erbbaurecht, ErbbauVO [Положение Германии от 15 января 1919 г. «О наследственном праве застройки»] // Erste Beilage zum Deutschen Reichanzeiger und Preussischen Staatsanzeiger. 1919. № 26. P. 1.

2. [Закон Австрии от 26 апреля 1912 г. о праве застройки (Baurechtsgesetz – BauRG)]. URL: http://www.jusline.at/Bau-rechtsgesetz_(BauRG). html

3. Закон РСФСР от 23 июня 1912 г. «О праве застройки» // Собрание узаконений. 1912. № 130. Ст. 1147.

4. Бибиков А.И. Римская правовая модель права застройки и ее восприятие в отечественной доктрине и законодательстве // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 1. С. 41 – 50.

5. Покровский И.А. История римского права. М.: Статут, 2004. 540 с.

6. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.

7. Корф С.А. Административная юстиция в России: в 2 т. Т. 2. Кн. II-III. Очерк действующего законодательства. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. 507 с.

8. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. СПб., 1913. 68 с.

9. Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд. М.: Леман и Сахаров, 1917. 294 с.

10. Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Техникъ, 1912. 258 с.

11. Шульженко Ю.Л. Отечественная наука государственного права (1905 г. – октябрь 1917 г.). М.: ИГР РАН, 2012. 509 с.

12. Ивановский В.В. Учебник государственного права. 4-е изд. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1913. 501 с.

13. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву: в 2 т. СПб.: Слово, 1908. Т. I. 509 с.

14. Таганцева Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая, книга I, выпуск III. Спб., 1880. Соч. Дм. Тальберга Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). С.-Петербург, 1880 г. Соч. Н.Д. Сергеевского О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880 г. Соч. Кр. Малышева, Курс общего гражданского права России. Особое приложение. Гражданские законы и обычное право России. Том 1. Спб. 1880.

References

1. Verordnung uber das Erbbaurecht, ErbbauVO [Polozhenie Germanii ot 15 janvarja 1919 g. «O nasledstvennom prave zastrojki»]. Erste Beilage zum Deutschen Reichanzeiger und Preussischen Staatsanzeiger. 1919. № 26. P. 1.

2. [Zakon Avstrii ot 26 aprelja 1912 g. o prave zastrojki (Baurechtsgesetz – BauRG)]. URL: http://www.jusline.at/Bau-rechtsgesetz_(BauRG). html

3. Zakon RSFSR ot 23 ijunja 1912 g. «O prave zastrojki». Sobranie uzakonenij. 1912. № 130. St. 1147.

4. Bibikov A.I. Rimskaja pravovaja model' prava zastrojki i ee vosprijatie v otechestvennoj doktrine i zakonodatel'stve. Lex Russica (Russkij zakon). 2015. № 1. S. 41 – 50.

5. Pokrovskij I.A. Istorija rimskogo prava. M.: Statut, 2004. 540 s.

6. Sinajskij V.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. M.: Statut, 2002. 638 s.

7. Korf S.A. Administrativnaja justicija v Rossii: v 2 t. T. 2. Kn. II-III. Ocherk dejstvujushhego zakonodatel'stva. SPb.: Tip. Trenke i Fjusno, 1910. 507 s.

8. Gessen V.M. Teorija pravovogo gosudarstva. Politicheskij stroj sovremennyh gosudarstv. SPb., 1913. 68 s.

9. Elistratov A.I. Osnovnye nachala administrativnogo prava. 2-e izd. M.: Leman i Saharov, 1917. 294 s.

10. Gribovskij V.M. Gosudarstvennoe ustrojstvo i upravlenie Rossijskoj Imperii (iz lekcij po russkomu gosudarstvennomu i administrativnomu pravu). Odessa: Tehnik#, 1912. 258 s.

11. Shul'zhenko Ju.L. Otechestvennaja nauka gosudarstvennogo prava (1905 g. – oktjabr' 1917 g.). M.: IGR RAN, 2012. 509 s.

12. Ivanovskij V.V. Uchebnik gosudarstvennogo prava. 4-e izd. Kazan': Tip. Imperatorskogo un-ta, 1913. 501 s.

13. Lazarevskij N.I. Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu: v 2 t. SPb.: Slovo, 1908. T. I. 509 s.

14. Taganceva N.S. Kurs russkogo ugolovnogo prava. Chast' obshhaja, kniga I, vypusk III. Spb., 1880. Soch. Dm. Tal'berga Nasil'stvennoe pohishhenie imushhestva po russkomu pravu (razboj i grabezh). S.-Peterburg, 1880 g. Soch. N.D. Sergeevskogo O znachenii prichinnoj svjazi v ugolovnom prave. Jaro-slavl', 1880 g. Soch. Kr. Malysheva, Kurs obshhego grazhdanskogo prava Rossii. Osoboe prilozhenie. Grazhdanskie zakony i obychnoe pravo Rossii. Tom 1. Spb. 1880.

К ВОПРОСУ О НАДЕЛЕНИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СТАТУСОМ ОРГАНА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

Батова О.С., кандидат юридических наук, доцент,
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний,
Шалыгина И.С., кандидат юридических наук, старший преподаватель,
помощник депутата Законодательного Собрания Вологодской области,
Северо-западный институт, филиал Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация*: в статье раскрываются особенности наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в области опеки и попечительства, проводится анализ норм, регулирующих данную сферу, определяются формы наделения органов местного самоуправления полномочиями, проблемы осуществления органами местного самоуправления государственных полномочий. Авторами приводятся примеры судебной практики по данной проблеме. В статье рассмотрены модели формирования органов опеки и попечительства в России на современном этапе: муниципальная, региональная и смешанная. На основе проведенного анализа федерального законодательства, законодательства субъектов Российской Федерации, регулирующих вопросы наделения органов местного самоуправления данными полномочиями, обоснована необходимость законодательного реформирования данного правового института.*

Ключевые слова: *органы опеки и попечительства, местное самоуправление, делегированные полномочия, законодательство, государственные полномочия, модели формирования*

TO THE QUESTION OF DELEGATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES WITH SEPARATE STATE POWERS IN GUARDIANSHIP AND PATRONAGE SPHERE

Batova O.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
Shalygina I.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Deputy Assistant of the Legislative Assembly of the Vologda region,
Northwest Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract: *this article is devoted to the features of conferring some state powers to local governments in guardianship and patronage sphere, analyzes the norms governing this area, the forms of empowering local self-government bodies with powers. The author analyzes the materials of judicial practice, provides several examples that represent this problem. This article considers models of developing custody and guardianship authorities in Russia: municipal, regional and mixed models. Based on the analysis of the federal legislation and the legislation of the constituent entities of the Russian Federation governing the issues of empowering local governments with these powers the necessity of legislative optimization of the studied legal institution is substantiated.*

Keywords: *guardianship authorities, local government, delegated authority, legislation, state powers, models of development*

В 2006 году в статью 34 Гражданского кодекса РФ и соответствующие статьи Семейного кодекса РФ были внесены изменения, которые установили, что с 1 января 2008 года органы опеки и попечительства – это органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Законодатель изменил всего шесть слов, но это была не редакционная поправка, а начало системной реформы органов опеки и попечительства, о которой длительное время говорили специалисты, ученые на страницах журналов, и с трибун конференций, круглых столов [1], и которая в итоге оказалась половинчатой.

Сначала определим, как исторически сложилась система органов опеки и попечительства в советский период. Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года закреплял, что «органами опеки и попечительства являются исполнительные комитеты районных, городских, районных в городах, поселковых или сельских Советов народных депутатов» [2]. Это были органы государственной власти, которые осуществляли государственные полномочия за счет государственных средств.

До 1 января 2008 года устанавливалось, что органы опеки и попечительства – это органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов (так называемые муниципальные образования

второго уровня). Следует отметить, что данное положение перекочевало из законодательства РСФСР, и не соответствовало новой структуре публичной власти, установленной в Российской Федерации. Органы опеки и попечительства отнесли к органам местного самоуправления в силу устоявшейся традиции, привычки, отсутствия желания менять сформировавшуюся систему управления. Органы опеки и попечительства в современной России стали частью системы органов местного самоуправления, которая финансировалась за счет местных бюджетов, но при этом продолжали выполнять государственные полномочия.

По вопросу природы полномочий органов опеки и попечительства в науке присутствуют разные точки зрения, но большинство авторов указывают их публично-правовую природу [3], участие в обеспечении конституционных прав граждан [4], осуществление ими функций общефедерального и регионального значения [5].

После принятия Федерального закона от 29.12.2006 №258-ФЗ [6] все субъекты Российской Федерации разделились на две группы, причем численный состав групп оказался неравномерным.

Первые немногочисленные регионы приняли эту концепцию (которая была на тот момент и единственно легальной) и стали строить систему органов опеки и попечительства на уровне субъекта Российской Федерации.

Например, в Хабаровском крае создано управления опеки и попечительства, защиты прав и интересов детей в структуре министерства образования и науки края, которое имеет территориальные структурных подразделений, расположенные в муниципальных районах и городских округах [7], в Тюменской области осуществление полномочий органа по опеке и попечительству возложено на департамент социального развития и его территориальные органы [8], в Ивановской области – это управление по опеке и попечительству Департамента социальной защиты населения [9].

Но большинство субъектов Российской Федерации пошло по пути наименьшего сопротивления – оставить все как есть, для этого были приняты региональные законы, наделяющие органы местного самоуправления полномочиями в сфере опеки и попечительства (наименования нормативных актов могли несущественно отличаться) [10].

Ряд региональных законов о наделении полномочиями в сфере опеки и попечительства стали предметом рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации. В ходе судебного разбирательства законодательство субъектов Российской Федерации полностью или в части было признано не соответствующим федеральному, а следовательно, недействующим по таким основаниям:

1. Для правового регулирования субъектов Российской Федерации установлена жесткая компетенция в соответствии с требованиями федерального закона от 24.04.2008 №48-ФЗ [11], так как вопросы гражданского законодательства – это исключительное ведение Российской Федерации, а опека и попечительство – это в первую очередь институт гражданского права;

2. Федеральное законодательство не определило основания и процедуру передачи государственных полномочий по решению вопросов опеки и попечительства с уровня субъекта РФ на уровень муниципальных образований [12].

3. Недопустимым является закреплять иное правовое регулирование на уровне субъекта РФ, отличное от установленного в федеральном законодательстве, в части определения статуса органа опеки и попечительства как органа местного самоуправления, в то время как федеральное законодательство прямо устанавливает государственную модель управления для данной сферы деятельности [13] и др.

Помимо нарушения базовых принципов правового регулирования делегированных полномочий региональное законодательство 2006-2008 годов, не соответствовало формальным требованиям ст. 19 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»:

1. В законе Вологодской области от 17.12.2007 №1720-ОЗ [14] отсутствовало перечисление конкретных полномочий, которыми наделялись органы местного самоуправления, все сводилось к указанию сферы «по опеке и попечительству». Такой подход в передаче государственных полномочий является недопустимым, так как субвенция должна рассчитываться по методике исходя из затрат, которые орган МСУ затрачивает на осуществление делегированных вопросов. А в данном случае как в сказке: «иди туда, не зная куда, и сделай все как надо, но что конкретно, еще непонятно».

2. Закон Республики Саха (Якутия) от 31.01.2008 года №552-З № 1119-III [15] не определял источник финансирования государственных полномочий по опеке и попечительству, переданных на уровень муниципальных районов и городских округов.

3. Закон Новосибирской области от 15 декабря 2007 года №176-03 [16] не был введен в действие законом области об областном бюджете на 2008 год, но при этом применялся на практике.

В 2008 году был принят закон «Об опеке и попечительстве» [17], в котором в первоначальной редакции была закреплена единственная модель (государственного управления) для формирования органов опеки и

попечительства, несмотря на уже бурную деятельность регионов по передаче полномочий в сфере опеки и попечительства на уровень муниципальных образований. Так по информации Минфина России по мониторингу местных бюджетов за 2011 год данное полномочие передавалось в 77 субъектах Российской Федерации [18].

Стоит отметить, что в 2008 году в заключении Комитета по делам женщин, семьи и детей на проект федерального закона №184675-4 «Об опеке и попечительстве» прямо указывалось, что «представленный законопроект исходит из недопустимости делегирования полномочий органов опеки и попечительства» [19].

Но уже в 2013 году при рассмотрении проекта федерального закона №229781-6 [20] группой депутатов ГД ФС РФ и членов СФ ФС РФ после принятия в первом чтении, были подготовлены поправки, предусматривающие, что органы опеки и попечительства могут быть и органами местного самоуправления, при выполнении условия – надлежащая передача полномочий субъектом РФ. Круг реформы замкнулся.

Поправки 2013 года, предусмотревшие установление второй модели формирования органов опеки и попечительства в Российской Федерации, по сути, де-юре признали ситуацию, которая сложилась в большинстве регионов страны.

Таким образом, исходя из практики формирования системы органов опеки и попечительства в России можно сделать следующий вывод, что всего было использовано три модели управления в этой сфере:

Первая модель – муниципальная, в настоящее время не действующая модель, применялась до 1 января 2008 года.

Вторая модель – региональная, как единственно возможная на бумаге существовала с 2008 до 2013 годы.

Третья модель – смешанная, в настоящее время закреплена в российском законодательстве.

Самое трудное в передаче полномочий по опеке и попечительству – это определить их содержание, так как компетенция этих органов распространяется как на несовершеннолетних до 18 лет, так и на недееспособных, и ограниченно дееспособных граждан, а нормы регулирующие этот правовой институт находятся в большом количестве федеральных и региональных нормативных правовых актов.

Если анализировать количественный показатель, то в региональных законах содержится разное количество передаваемых полномочий в сфере опеки и попечительств, например, в Вологодской области – 54 [21], Новосибирской области – 53 [22], Ставропольском крае – 33 [23], а ряд субъектов РФ определяют только отдельные полномочия, переданные органам местного самоуправления, например, в Костромской области [24].

Но при этом в письме Минобрнауки РФ [25] сформулировано положение, что возможность разделения полномочий по опеке и попечительству между исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления Федеральным законом № 48-ФЗ не предусмотрена.

Следует согласиться с тезисом вышеуказанного акта, хотя он касается только опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних, но основания для исключения дробления полномочий в сфере опеки и попечительства кроются в статусе этих органов, не может быть несколько органов опеки и попечительства в одном муниципальном образовании, где по одним вопросам гражданину надо обращаться в региональный орган, а по другим – в местную администрацию. Поэтому исходя из требований закона «Об опеке и попечительстве», в случае применения смешанной модели управления, законом субъекта РФ не просто должна быть передана вся масса полномочий, которые еще имеют свойство постоянно корректироваться, а именно определен статус органов опеки и попечительства как органов местного самоуправления.

В качестве вывода, хочется отметить, что авторы статьи являются сторонниками региональной модели управления в сфере опеки и попечительства, но если, как показывает практика, нельзя применить ее на всей территории РФ, то обязательно нужно навести порядок в правовом регулировании данного вопроса на региональном уровне, и выработать модельный акт по наделению органов местного самоуправления статусом органа опеки и попечительства совместно Министерством просвещения РФ и Министерством труда и социальной защиты РФ.

Литература

1. Михеева Л.Ю. Опека и попечительство: теория и практика. М., 2004. С. 23 – 25; Михеева Л.Ю. Опека (попечительство) как вид социальной заботы. М., 2002. С. 68 – 70; Батова О.С. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей: дис. … на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 118 – 124.

2. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.06.1969 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086 (утратил силу).

3. Тресцова Е.В. Роль органа опеки и попечительства в механизме охраны и защиты жилищных прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 1. С. 18 – 22.

4. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния». М., 2012. С. 345 – 367.

5. В соответствии со ст. 72 Конституции РФ вопросы защиты семьи, детства и социальной защиты относятся к ведению РФ и субъектов РФ.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий: федеральный закон от 29.12.2006 № 258-ФЗ (ред. от 01.12.2007) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 21.

7. Положение об управлении опеки и попечительства, защиты прав и интересов детей министерства образования и науки Хабаровского края от 13.11.2019 № 1546. URL: https://opeka.khabkrai.ru/contents/pages/95 (дата обращения: 23.09.2022)

8. Положение о департаменте социального развития Тюменской области, утвержденное постановлением Правительства Тюменской области от 28.12.2010 № 385-п. URL: https://soc.admtyumen.ru/OIGV/dsrto/about/regulations.htm (дата обращения: 24.09.2022)

9. Положение об отделе по опеке и попечительству управления по опеке и попечительству Департамента социальной защиты населения Ивановской области. http://szn.ivanovoobl.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/09/Polozhenie_otd_opeka.pdf (дата обращения: 25.09.2022)

10. См.: О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов государственным полномочием по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству над несовершеннолетними: закон Забайкальского края от 26.09.2008 года № 57-ЗЗК; О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству во Владимирской области: закон Владимирской области от 24.12.2007 года № 185-ОЗ; О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями в сфере образования и опеки (попечительства): закон Сахалинской области от 29.03.2006 № 20-30; О наделении органов местного самоуправления в Новосибирской области отдельными государственными полномочиями Новосибирской области по организации осуществлению деятельности по опеке и попечительству: закон Новосибирской области от 15.12.2007 года № 176-03 и др.

11. Определение Верховного Суда РФ от 24.09.2008 № 58-Г08-16.

12. Определение Верховного Суда РФ от 02.09.2009 № 72-Г09-5.

13. Определение Верховного Суда РФ от 24.06.2009 № 64-Г09-7.

14. О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по опеке и попечительству: закон Вологодской области от 17.12.2007 № 1720-ОЗ // Красный Север. 2007. 18 дек.

15. Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в Республике Саха (Якутия) и о наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов отдельными государственными полномочиями по осуществлению деятельности по опеке и попечительству: закон Республики Саха (Якутия) от 31.01.2008 года 552-З № 1119-III // Якутские ведомости. 2008. 5 марта.

16. О наделении органов местного самоуправления в Новосибирской области отдельными государственными полномочиями Новосибирской области по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству: закон Новосибирской области от 15 декабря 2007 года № 176-03 // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. 2007. № 62.

17. Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.

18. Каюров Е.А. Некоторые аспекты повышения эффективности системы разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти в России // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С.23.

19. Законопроект № 184675-4. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/184675-4 (дата обращения: 22.09.2022).

20. Законопроект № 22981-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/229781-6 (дата обращения: 22.08.2022).

21. О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству и по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (за исключением детей, обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях), лиц из числа детей указанных категорий: закон Вологодской области от 17.12.2007 № 1720-ОЗ (в ред. от 17.12.2020) // Красный Север. 2007. 18 дек.

22. О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Новосибирской области отдельными государственными полномочиями Новосибирской области по организации и осуществлению деятельности по опеке и социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: закон Новосибирской области от 10.12.2013 № 411-ОЗ (в ред. от 07.04.2022). URL: https://bagan.nso.ru/sites/bagan.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2017/05/7._zakon_nso_no_411-oz.pdf (дата обращения: 23.09.2022)

23. О наделении органов местного самоуправления муниципальных округов и городских округов в Ставропольском крае отдельными государственными полномочиями Ставропольского края по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству: закон от 28.02.2008 № 10-кз (в ред. от 25.12.2020) // Ставропольская правда. 2008. 04 марта.

24. О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Костромской области по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству: закон Костромской области от 19.02.2018 № 346-6-ЗКО (в ред. от 26.04.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.09.2022).

25. О применении законодательства по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних: письмо Минобрнауки РФ от 31.08.2010 № 06-364 // Вестник образования. 2010. № 19.

References

1. Miheeva L.Ju. Opeka i popechitel'stvo: teorija i praktika. M., 2004. S. 23 – 25; Miheeva L.Ju. Opeka (popechitel'stvo) kak vid social'noj zaboty. M., 2002. S. 68 – 70; Batova O.S. Processual'nye osobennosti rassmotrenija sporov, svjazannyh s vospitaniem detej: dis. … na soisk. uchen. step. kand. jurid. nauk. Moskva, 2007. S. 118 – 124.

2. Kodeks o brake i sem'e RSFSR ot 30.06.1969. Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1969. № 32. St. 1086 (utratil silu).

3. Trescova E.V. Rol' organa opeki i popechitel'stva v mehanizme ohrany i zashhity zhilishhnyh prav nesovershennoletnih, ostavshihsja bez popechenija roditelej. Voprosy juvenal'noj justicii. 2014. № 1. S. 18 – 22.

4. Postatejnyj kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii, Federal'nomu zakonu «Ob opeke i popechitel'stve» i Federal'nomu zakonu «Ob aktah grazhdanskogo sostojanija». M., 2012. S. 345 – 367.

5. V sootvetstvii so st. 72 Konstitucii RF voprosy zashhity sem'i, detstva i social'noj zashhity otnosjatsja k vedeniju RF i sub#ektov RF.

6. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s so-vershenstvovaniem razgranichenija polnomochij: federal'nyj zakon ot 29.12.2006 № 258-FZ (red. ot 01.12.2007). Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2007. № 1 (ch. 1). St. 21.

7. Polozhenie ob upravlenii opeki i popechitel'stva, zashhity prav i interesov detej ministerstva obrazovanija i nauki Habarovskogo kraja ot 13.11.2019 № 1546. URL: https://opeka.khabkrai.ru/contents/pages/95 (data obrashhenija: 23.09.2022)

8. Polozhenie o departamente social'nogo razvitija Tjumenskoj oblasti, utverzhdennoe postanovleniem Pravitel'stva Tjumenskoj oblasti ot 28.12.2010 № 385-p. URL: https://soc.admtyumen.ru/OIGV/dsrto/about/regulations.htm (data obrashhenija: 24.09.2022)

9. Polozhenie ob otdele po opeke i popechitel'stvu upravlenija po opeke i popechitel'stvu Departamenta social'noj zashhity naselenija Ivanovskoj oblasti. http://szn.ivanovoobl.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/09/Polozhenie_otd_opeka.pdf (data obrashhenija: 25.09.2022)

10. Sm.: O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija municipal'nyh rajonov i gorodskih okrugov gosudarstvennym polnomochiem po organizacii i osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu nad nesovershennoletnimi: zakon Zabajkal'skogo kraja ot 26.09.2008 goda № 57-ZZK; O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija gosudarstvennymi polnomochijami po organizacii i osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu vo Vladimirskoj oblasti: zakon Vladimir-skoj oblasti ot 24.12.2007 goda № 185-OZ; O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija gosudar-stvennymi polnomochijami v sfere obrazovanija i opeki (popechitel'stva): zakon Sahalinskoj oblasti ot 29.03.2006 № 20-30; O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija v Novosibirskoj oblasti ot-del'nymi gosudarstvennymi polnomochijami Novosibirskoj oblasti po organizacii osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu: zakon Novosibirskoj oblasti ot 15.12.2007 goda № 176-03 i dr.

11. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 24.09.2008 № 58-G08-16.

12. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 02.09.2009 № 72-G09-5.

13. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 24.06.2009 № 64-G09-7.

14. O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami po opeke i popechitel'stvu: zakon Vologodskoj oblasti ot 17.12.2007 № 1720-OZ. Krasnyj Sever. 2007. 18 dek.

15. Ob organizacii i osushhestvlenii dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu v Respublike Saha (Jakutija) i o nadelenii organov mestnogo samoupravlenija municipal'nyh rajonov i gorodskih okrugov otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami po osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu: zakon Respubliki Saha (Jakutija) ot 31.01.2008 goda 552-Z № 1119-III. Jakutskie vedomosti. 2008. 5 marta.

16. O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija v Novosibirskoj oblasti otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami Novosibirskoj oblasti po organizacii i osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu: zakon Novosibirskoj oblasti ot 15 dekabrja 2007 goda № 176-03. Vedomosti Novosibirskogo oblastnogo Soveta deputatov. 2007. № 62.

17. Ob opeke i popechitel'stve: federal'nyj zakon ot 24.04.2008 № 48-FZ (red. ot 30.04.2021). Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2008. № 17. St. 1755.

18. Kajurov E.A. Nekotorye aspekty povyshenija jeffektivnosti sistemy razgranichenija predmetov vedenija i polnomochij mezhdu urovnjami publichnoj vlasti v Rossii. Zakonodatel'stvo i jekonomika. 2013. № 6. S.23.

19. Zakonoproekt № 184675-4. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/184675-4 (data obrashhenija: 22.09.2022).

20. Zakonoproekt № 22981-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/229781-6 (data obrashhenija: 22.08.2022).

21. O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami po organizacii i osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu i po social'noj podderzhke detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej (za iskljucheniem detej, obuchajushhihsja v federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh organizacijah), lic iz chisla detej ukazannyh kate-gorij: zakon Vologodskoj oblasti ot 17.12.2007 № 1720-OZ (v red. ot 17.12.2020). Krasnyj Sever. 2007. 18 dek.

22. O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija municipal'nyh obrazovanij Novosibirskoj oblasti otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami Novosibirskoj oblasti po organizacii i osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i social'noj podderzhke detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej: zakon Novosibirskoj oblasti ot 10.12.2013 № 411-OZ (v red. ot 07.04.2022). URL: https://bagan.nso.ru/sites/bagan.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2017/05/7._zakon_nso_no_411-oz.pdf (data obrashhenija: 23.09.2022)

23. O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija municipal'nyh okrugov i gorodskih okrugov v Stavropol'skom krae otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami Stavropol'skogo kraja po organizacii i osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu: zakon ot 28.02.2008 № 10-kz (v red. ot 25.12.2020). Stavropol'skaja pravda. 2008. 04 marta.

24. O nadelenii organov mestnogo samoupravlenija otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochijami Kostromskoj oblasti po organizacii i osushhestvleniju dejatel'nosti po opeke i popechitel'stvu: zakon Kostromskoj oblasti ot 19.02.2018 № 346-6-ZKO (v red. ot 26.04.2022). Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru (data obrashhenija: 23.09.2022).

25. O primenenii zakonodatel'stva po opeke i popechitel'stvu v otnoshenii nesovershennoletnih: pis'mo Minobrnauki RF ot 31.08.2010 № 06-364. Vestnik obrazovanija. 2010. № 19.

СОВЕТ ЕВРОПЫ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Гибадуллин Т.Д., ассистент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: *целью настоящей научной статьи является выработка научного представления о деятельности Совета Европы в сфере охраны культурного наследия. Автор анализирует данные вопросы в разрезе организационной структуры данной международной организации, а также ряда положений её Устава. Отмечается, что, хотя работа в сфере охраны культурного наследия ведётся Советом Европы в рамках достижения его более широкой цели (заключающейся в охране и развитии прав человека, демократии и верховенства права), это направление играет важную роль в деятельности обсуждаемой международной организации. Уже ст. 1 Устава Совета Европы говорит о принятии соглашений и осуществлении совместных действий в том числе в области культуры, а целый ряд элементов организационной структуры данной международной организации, в том числе её уставные органы, имеют широкие полномочия в области охраны культурного наследия (в частности его международно-правовой охраны), которые они активно реализуют на практике. Практическая значимость настоящей научной статьи выражается в возможности применения её положений и выводов в деятельности заинтересованных международных межправительственных и неправительственных организаций.*

Ключевые слова: *Совет Европы, Комитет министров, ЕСПЧ, культурное наследие, культурные ценности, культурное достояние*

COUNCIL OF EUROPE AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE

Gibadullin T.D., Assistant Professor,
Kazan (Volga region) Federal University

Abstract: *the aim of this scientific article is to develop a scientific understanding of the activities of the Council of Europe in the field of cultural heritage protection. The author analyzes these issues in the context of the organizational structure of this international organization, as well as of a number of provisions of its Statute. It is noted that, although the work in the field of cultural heritage protection is carried out by the Council of Europe in the framework of achieving its broader goal (which consists of preserving and promoting human rights, democracy and the rule of law), this area plays an important role in the activities of the international organization under discussion. Art. 1 of the Statute of the Council of Europe speaks of agreements and common action inter alia in the field of culture, and a number of the organizational structure's elements of this international organization, including its statutory organs, have broad powers in the field of protection of cultural heritage (in particular, its international legal protection), which they actively implement in practice. The practical significance of this scientific article is expressed in the possibility of applying its provisions and conclusions in the activities of interested international intergovernmental and non-governmental organizations.*

Keywords: *Council of Europe, Committee of Ministers, ECHR, cultural heritage, cultural property, cultural patrimony*

В наши дни огромное значение культурного наследия осознаётся международным сообществом как никогда раньше. Необходимость охраны всех его проявлений, будь то памятники архитектуры, движимые произведения искусства, устные традиции или обычаи, сегодня не вызывает сомнений.

В данном контексте велика роль международных организаций, в частности ЮНЕСКО. Однако в науке зачастую незаслуженно обходят стороной вклад, который вносят в сфере охраны культурного наследия региональные международные организации.

Среди последних особого выделения заслуживает Совет Европы. Это объясняет хотя бы тот факт, что под эгидой данной международной организации принято более чем в два раза больше международных договоров, касающихся культурного наследия, чем под эгидой ЮНЕСКО. В литературе справедливо указывается, что на европейском уровне именно Совет Европы является одним из двух международных объединений, играющих главную роль в сфере охраны культурного наследия (другим таким международным объединением считается Европейский Союз) [11, p. 908].

Совет Европы был создан 5 мая 1949 г. и на данный момент объединяет 46 государств-членов. Кроме того, при данной международной организации существуют пять наблюдателей – Канада, Мексика, Святой

Престол, США и Япония. Помимо этого, отдельный статус наблюдателя при Парламентской ассамблее Совета Европы имеет парламент Израиля, а также парламенты Канады и Мексики.

Как известно, в 2022 г. Российская Федерация перестала быть членом данной международной организации. Несмотря на это, Российская Федерация продолжает участвовать в ряде важных международных договоров Совета Европы, касающихся культурного наследия – в частности в Европейской культурной конвенции 1954 г. [3], Конвенции об охране архитектурного наследия Европы 1985 г. [6], Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) 1992 г. [2].

Остановимся далее на проблеме взаимосвязи вопросов культурного наследия и цели Совета Европы. В соответствии с п. a ст. 1 его Устава [7] целью Совета Европы является достижение большего единства между государствами-членами ради осуществления и защиты принципов и идеалов, составляющих их общее достояние, а также способствование их социальному и экономическому прогрессу.

Примечательно, что в англоязычном тексте Устава слова «общее достояние» звучат как «common *heritage*», что также может быть переведено как «общее наследие». Ввиду этого можно согласиться с мнением К. Одендаль о том, что Совет Европы основывается на идее о существовании общего европейского наследия [12, p. 750]. Более того, хотя в п. a ст. 1 упоминаются только принципы и идеалы как его часть, это не исключает существования у данного общего наследия и иных элементов [12, p. 750].

Рассмотренная цель Совета Европы согласно п. b ст. 1 Устава будет достигаться путём рассмотрения вопросов, которые представляют общий интерес, принятия соглашений и осуществления совместных действий в том числе в культурной сфере. Следовательно, Устав Совета Европы прямо предусматривает наличие у данной международной организации культурной компетенции, в рамках которой она осуществляет деятельность в том числе в сфере охраны культурного наследия.

В продолжение рассмотрения вопросов цели Совета Европы, следует отметить, что в 2005 г. в п. 1 Варшавской Декларации [1], принятой по итогам третьей Встречи глав государств и правительств Совета Европы, в качестве основополагающей цели рассматриваемой международной организации были провозглашены охрана и развитие прав человека, демократии и верховенства права. Причём в этом же пункте также было указано, что вся деятельность Совета Европы должна способствовать достижению данной цели.

Представляется, что из трёх её элементов (охрана и развитие прав человека; охрана и развитие демократии; охрана и развитие верховенства права) наиболее связанной с деятельностью данной международной организации в сфере культурного наследия является вторая упомянутая составная часть. Этому можно найти подтверждение, в частности, в том, как распределены полномочия внутри Секретариата Совета Европы. В его рамках существует Генеральный директорат по вопросам демократии, частью которого, в свою очередь, является Директорат по вопросам демократического участия [12, p. 754]. В компетенцию последнего входит в том числе область культурного наследия [10; 12, p. 754].

Если говорить о *международно-правовой* охране культурного наследия, то главную роль здесь играет Комитет министров – один из уставных органов рассматриваемой международной организации (ст. 10 Устава Совета Европы). Он, кроме того, представляет собой в целом главный политический и принимающий решения орган данной международной организации, состоящий из министров иностранных дел или их представителей из каждого государства-члена (ст. 14) [11, p. 911]. Комитет министров одобряет международные договоры Совета Европы до их открытия для подписания (п. a ст. 15), а также принимает такие акты «мягкого права», как рекомендации (п. b ст. 15) и декларации [11, p. 911]. Большое количество упомянутых международно-правовых актов касаются вопросов культурного наследия.

Другим уставным органом данной международной организации является Парламентская ассамблея (ст. 10 Устава Совета Европы). Она является совещательным и консультативным механизмом Совета Европы, обеспечивающим форум для демократических дебатов между членами парламентов государств-членов и в форме рекомендаций передающим свои заключения Комитету министров (ст. 22), предлагая различные направления будущей деятельности [11, p. 911]. Множество таких рекомендаций Парламентской ассамблеи посвящены охране культурного наследия.

Определённую роль в деятельности по охране культурного наследия в рамках Совета Европы также играет Конгресс местных и региональных властей. Он был учреждён Уставной резолюцией Комитета министров (94) 3 о создании Конгресса местных и региональных властей Европы [8] и, по словам Й. Полакевича, может считаться *de facto* уставным органом Совета Европы [13, para. 29]. Конгресс является консультативным органом, состоящим из представителей местных и региональных властей [9, Appendix, Art. 1], и некоторые рекомендации, принятые им, касаются вопросов культурного наследия [12, p. 755].

В соответствии со ст. 17 Устава Совета Европы Комитет министров для достижения конкретных целей может учреждать комиссии и комитеты технического или консультативного характера. Одним из них явля-

ется созданный в 2012 году межправительственный Руководящий комитет по культуре, наследию и ландшафту.

Он контролирует межправительственную работу Совета Европы в сфере культуры, наследия и ландшафтов; консультирует Комитет министров по всем вопросам из сферы своей компетенции и руководит имплементацией отраслевой правовой базы; предоставляет государствам-участникам Европейской культурной конвенции 1954 г. и иных релевантных международных договоров стратегии, стандарты и передовую практику по устойчивому управлению культурными и ландшафтными ресурсами, а также наследием [15]. Также можно выделить, например, такое направление деятельности Руководящего комитета, как содействие по просьбе государств-членов предоставлению правовой и технической помощи, экспертных обзоров, консультаций по вопросам политики, инициатив по укреплению потенциала и сотрудничеству в соответствующих сферах [15].

Членами Руководящего комитета являются назначаемые правительствами государств-участников Европейской культурной конвенции 1954 г. представители, которые должны удовлетворять критериям высокопоставленности и наличия у них высоких обязанностей по разработке и проведению в жизнь политики в сфере культуры, культурного наследия и ландшафтов [15].

Примечательно, что, помимо членов Руководящего комитета, на его заседаниях без права голоса могут присутствовать «участники» (к ним относятся в основном межправительственные структуры) и «наблюдатели» (среди них перечисляются по большей части международные неправительственные структуры) [15]. Таким образом, как отмечает Р. Крофурд Смит, Совет Европы способен содействовать как горизонтальному, так и вертикальному сотрудничеству между государственными и негосударственными субъектами [11, p. 912].

Говоря о последних, нельзя не упомянуть такой институт рассматриваемой международной организации, как Конференция международных неправительственных организаций Совета Европы. Она способствует участию в работе данной международной организации организованного гражданского общества, предоставляет последнему возможность взаимодействовать с Советом Европы в деле достижения его целей [14, Preamble]. С точки зрения охраны культурного наследия деятельность Конференции международных неправительственных организаций Совета Европы имеет значение в том числе ввиду того, что некоторые из являющихся её членами международных неправительственных организаций занимаются как раз данными вопросами.

Как ещё один элемент организационной структуры Совета Европы, который в своей работе касается вопросов охраны культурного наследия, можно выделить Европейский суд по правам человека. М.Л. Энтин отмечает, что Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [5] и созданную на её основе европейскую систему защиты прав человека, частью которой является указанное судебное учреждение, обоснованно называют наибольшим достижением Совета Европы [4, с. 357]. Также нужно заметить, что упомянутая Конвенция не закрепляет каких-либо культурных прав, ввиду чего практика Европейского суда по правам человека затрагивает проблемы охраны культурного наследия весьма опосредованно.

Итак, хотя работа в области охраны культурного наследия осуществляется Советом Европы в рамках достижения более широкой цели охраны и развития прав человека, демократии и верховенства права, рассматриваемое направление занимает важное место в деятельности данной международной организации. Уже в ст. 1 Устава Совета Европы говорится о принятии соглашений и осуществлении совместных действий в том числе в культурной сфере, а многие элементы организационной структуры данной международной организации, включая её уставные органы, обладают широкими полномочиями в сфере охраны культурного наследия (в числе прочего его международно-правовой охраны), которые активно реализуются на практике.

Литература

1. Варшавская Декларация глав государств и правительств Совета Европы (17 мая 2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/t/dcr/summit/20050517_decl_varsovie_ru.asp (дата обращения: 30.04.2022).

2. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (16 января 1992 г.). Серия европейских договоров № 143.

3. Европейская культурная конвенция (19 декабря 1954 г.) // Бюллетень международных договоров. 1 января 2000 г. № 1.

4. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтин. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 960 с.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 8 января 2001 г. № 2. Ст. 163.

6. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (3 октября 1985 г.). Серия европейских договоров № 121.

7. Устав Совета Европы (5 мая 1949 г.) // Бюллетень международных договоров. 1 мая 1997 г. № 5.

8. Committee of Ministers Statutory Resolution (94) 3 relating to the setting up of the Congress of Local and Regional Authorities of Europe (14 January 1994) [Electronic resource]. URL: https://rm.coe.int/09000016804efe6c (date of access: 01.05.2022).

9. Committee of Ministers Statutory Resolution CM/Res(2020)1 relating to the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe and the revised Charter appended thereto (15 January 2020) [Electronic resource]. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168099817d (date of access: 01.05.2022).

10. Council of Europe. Directorate of Democratic Participation [Electronic resource]. URL: https://www.coe.int/en/web/democracy/directorate-of-democratic-citizenship-and-participation (date of access: 30.04.2022).

11. Craufurd Smith R. Europe // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law / ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 908–930.

12. Odendahl K. Securing and Enhancing the Common Cultural Heritage // The Council of Europe: Its Law and Policies / ed. by S. Schmahl, M. Breuer. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 749–768.

13. Polakiewicz J. Council of Europe (CoE) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law [Electronic resource]. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e607 (date of access: 01.05.2022)

14. Rules of Procedure of the Conference of INGOs adopted by the Conference of INGOs on 16 December 2020 [Electronic resource]. URL: https://rm.coe.int/rules-of-procedure-reglement-adopted-161220-en-fr/1680a0cf32 (date of access: 03.05.2022).

15. Terms of reference of the Steering Committee for Culture, Heritage and Landscape 2022/2025 [Electronic resource]. CoE Doc. CM(2021)131-addfinal. URL: https://rm.coe.int/cdcpp-terms-of-reference-2022-2025/1680a5527c (date of access: 02.05.2022)

References

1. Varshavskaja Deklaracija glav gosudarstv i pravitel'stv Soveta Evropy (17 maja 2005 g.) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.coe.int/t/dcr/summit/20050517_decl_varsovie_ru.asp (data obrashhenija: 30.04.2022).

2. Evropejskaja konvencija ob ohrane arheologicheskogo nasledija (peresmotrennaja) (16 janvarja 1992 g.). Serija evropejskih dogovorov № 143.

3. Evropejskaja kul'turnaja konvencija (19 dekabrja 1954 g.). Bjulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 1 janvarja 2000 g. № 1.

4. Evropejskoe pravo. Pravo Evropejskogo Sojuza i pravovoe obespechenie zashhity prav cheloveka: Uchebnik dlja vuzov. Ruk. avt. koll. i otv. red. d.ju.n., prof. L.M. Jentin. 2-e izd., peresmotr. i dop. M.: Norma, 2007. 960 s.

5. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod (4 nojabrja 1950 g.). Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 8 janvarja 2001 g. № 2. St. 163.

6. Konvencija ob ohrane arhitekturnogo nasledija Evropy (3 oktjabrja 1985 g.). Serija evropejskih dogovorov № 121.

7. Ustav Soveta Evropy (5 maja 1949 g.). Bjulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 1 maja 1997 g. № 5.

8. Committee of Ministers Statutory Resolution (94) 3 relating to the setting up of the Congress of Local and Regional Authorities of Europe (14 January 1994) [Electronic resource]. URL: https://rm.coe.int/09000016804efe6c (date of access: 01.05.2022).

9. Committee of Ministers Statutory Resolution CM/Res(2020)1 relating to the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe and the revised Charter appended thereto (15 January 2020) [Electronic resource]. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168099817d (date of access: 01.05.2022).

10. Council of Europe. Directorate of Democratic Participation [Electronic resource]. URL: https://www.coe.int/en/web/democracy/directorate-of-democratic-citizenship-and-participation (date of access: 30.04.2022).

11. Craufurd Smith R. Europe. The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law. ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 908–930.

12. Odendahl K. Securing and Enhancing the Common Cultural Heritage. The Council of Europe: Its Law and Policies / ed. by S. Schmahl, M. Breuer. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 749–768.

13. Polakiewicz J. Council of Europe (CoE). Max Planck Encyclopedia of Public International Law [Electronic resource]. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e607 (date of access: 01.05.2022)

14. Rules of Procedure of the Conference of INGOs adopted by the Conference of INGOs on 16 December 2020 [Electronic resource]. URL: https://rm.coe.int/rules-of-procedure-reglement-adopted-161220-en-fr/1680a0cf32 (date of access: 03.05.2022).

15. Terms of reference of the Steering Committee for Culture, Heritage and Landscape 2022/2025 [Electronic resource]. CoE Doc. CM(2021)131-addfinal. URL: https://rm.coe.int/cdcpp-terms-of-reference-2022-2025/1680a5527c (date of access: 02.05.2022)

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Одинцова Е.В., старший преподаватель,
Российский государственный университет правосудия

Аннотация: *цифровизация современного исполнительного производства является актуально темой, требующей детального исследования. Актуальность данной темы подтверждается тем, что в настоящее время набирает все большие обороты процесс цифровизации взаимодействия государственных органов с обществом, в том числе и в сфере деятельности Федеральной службы судебных приставов РФ. Внедрение цифровых технологий в исполнительное производство имеет свои особенности, выявление и анализ которых будет способствовать эффективной его организации и устранения имеющих ошибок, как при его правовой регламентации, так и при практическом применении.*

Целью исследования является анализ особенностей цифровизации процедуры ведения и осуществления исполнительного производства, исходя из правового значения введения цифровой трансформации и выявления проблем с этим связанных.

В качестве задач исследования можно определить: проведение анализа взаимодействия между государством, в лице Федеральной службы судебных приставов РФ, и обществом при осуществлении принудительного исполнения решений судебных органов, с использованием современных цифровых технологий; охарактеризовать правовую регламентацию процесса цифровизации исполнительного производства; определить правовые последствия внедрения цифровых технологий в деятельность, осуществляемую в сфере исполнительного производства.

Методологическую основу исследования составляет комплекс методов научного познания. В основу исследования положен метод диалектической логики. В процессе исследования применялись сравнительно-правовой, историко-правовой, социологический и системный методы.

При проведении исследования были получены следующие выводы. Цифровизация деятельности в сфере исполнительного производства, несмотря на массовое развитие и внедрение цифровых технологий в разные сферы жизнедеятельности общества и государства, является частичной, так как продолжает превалировать документооборот, осуществляемый в бумажной форме. Основной особенностью цифровизации современного исполнительного производства является продвижение удаленного взаимодействия Федеральной службы судебных приставов и участников исполнительного производства. Также в качестве еще одной особенности цифровизации современного исполнительного производства является постоянно вносимые изменения в нормы действующего законодательства, регулирующего данную сферу.

Ключевые слова: *исполнительное производство, цифровые технологии, цифровизация, правовой аспект, принудительное исполнение, правовые последствия*

FEATURES OF DIGITALIZATION OF MODERN ENFORCEMENT PROCEEDINGS: LEGAL ASPECT

Odintsova E.V., Senior Lecturer,
Russian State University of Justice

Abstract: *digitalization of modern executive production is an actual topic that requires detailed research. The relevance of this topic is confirmed by the fact that the process of digitalization of interaction between state bodies and society is currently gaining momentum, including in the field of activity of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation. The introduction of digital technologies into enforcement proceedings has its own characteristics, the identification and analysis of which will contribute to its effective organization and elimination of errors, both in its legal regulation and in practical application.*

The purpose of the study is to analyze the features of digitalization of the procedure for conducting and implementing enforcement proceedings, based on the legal significance of the introduction of digital transformation and the identification of problems associated with it.

The objectives of the study can be defined as: analyzing the interaction between the state, represented by the Federal Bailiff Service of the Russian Federation, and society in the enforcement of judicial decisions using modern digital technologies; to characterize the legal regulation of the digitalization process of enforcement proceedings; to determine the legal consequences of the introduction of digital technologies in the activities carried out in the field of enforcement proceedings.

The methodological basis of the research is a set of methods of scientific cognition. The research is based on the method of dialectical logic. Comparative-legal, historical-legal, sociological and systemic methods were used in the research process.

During the study, the following conclusions were obtained. Digitalization of activities in the field of enforcement proceedings, despite the massive development and introduction of digital technologies in various spheres of life of society and the state, is partial, as the document flow carried out in paper form continues to prevail. The main feature of the digitalization of modern enforcement proceedings is the promotion of remote interaction between the Federal Bailiff Service and participants in enforcement proceedings. Also, as another feature of the digitalization of modern enforcement proceedings, there are constantly making changes to the norms of the current legislation regulating this area.

Keywords: *enforcement proceedings, digital technologies, digitalization, legal aspect, enforcement, legal consequences*

Развитие исполнительного производства осуществляется наравне и параллельно формированию и совершенствованию правовой системы российского государства. При этом необходимо отметить влияние, которое оказывает развитие и внедрение в жизнедеятельность общества передовых цифровых технологий, которые также включаются и в процесс исполнительного производства.

Развитие законодательства, регламентирующего осуществление деятельности в сфере исполнительного производства, поэтапно осуществляется и по настоящее время. А в связи с активным введением государством в последнее время цифровых технологий в жизнедеятельность общества, что является прямым результатом разработки и развития в научном мире разнообразных технологий, в нормы, содержащиеся в действующих нормативных правовых актов, регулирующих сферу исполнительного производства, вносятся в большом количестве изменения.

В качестве первоначальной правовой основы, указывающей на актуальность внедрения в исполнительное производство цифровых технологий, явилось принятие таких нормативных правовых актов, как:

– Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года №312 [1], утверждение которого позволило практически внедрить государственную программу «Юстиция». Основной задачей указанной программы стало повышение эффективности принудительного исполнения судебных актов за счет модернизации исполнительного производства.

– Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. №203, утвердившего Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы [2]. Основными задачами указанной Стратегии определено повсеместное внедрение цифровых коммуникационных технологий в государственной сфере и управлении, цифровизация экономики.

Практическое разъяснение принятых норм приведено в положениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года №57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [3].

Массовый характер исполнительного производства предполагает увеличение документооборота, что автоматически влечет возрастание нагрузки на судебных приставов-исполнителей Федеральной службы судебных приставов РФ, при неизменной количественной характеристике штатной численности данной службы, что требует обязательного внедрения цифровых технологий в рассматриваемую сферу деятельности. Это позволит:

1. обеспечить своевременное принятие правильных процессуальных решений в рамках исполнительных производств;

2. организовать межведомственное взаимодействие, что позволит сократить сроки исполнения важных информационных запросов;

3. своевременное предоставление информации о ходе исполнительного производства;

4. обеспечить эффективную организацию системы исполнительного производства, что позволит соблюсти и восстановить права взыскателей.

Эффективность цифровизации исполнительного производства возможно достичь только при детальном правовом регулировании данной сферы.

Вышеуказанными доводами объясняется актуальность темы исследования.

Основными причинами широкомасштабного введения цифровых технологий в деятельность Федеральной службы судебных приставов РФ являлось:

1) необходимость организации деятельности в сфере исполнительного производства в новых условиях, обусловленных распространением коронавирусной инфекции COVID-19, требующих удаленного сотрудничества с участниками и субъектами производства;

2) разработка и последовательная реализация федерального проекта «Цифровое государственное управление» в 2019 году [4]. Положения указанного федерального проекта были использованы для разработки национальной программы «Цифровая экономика» [5]. Федеральная служба судебных приставов РФ совместно с Минцифры России на базе указанного федерального проекта и национальной программы разработали Концепцию суперсервиса «Цифровое исполнительное производство». Кроме того, была утверждена ведомственная программа цифровой трансформации Федеральной службы судебных приставов на период 2021–2023 годов [6]. Целью разработки указанного проекта, программ и подпрограмм явилось повышение деятельности в сфере принудительного исполнения актов исполнительного производства.

Результатами введения цифровых технологий в сферу исполнительного производства как деятельности Федеральной службы судебных приставов РФ и реализации указанных проектов и программ являются:

1. Все участники исполнительного производства могут общаться удаленно, включая получение необходимых сведений, в том числе расширенного характера.

2. Удаленное получение сведений о ходе исполнительного производства.

3. Удаленное вручение извещений, а также решений, принимаемых в рамках конкретного исполнительного производства.

4. В значительном объеме сокращено время передачи и обмена информацией. Автоматизация указанного процесса позволяет сократить его до нескольких секунд, исключая при этом личное взаимодействие.

5. В целях обеспечения прав участников исполнительного производства автоматизирована процедура подачи в рамках исполнительного производства различных письменных обращений, к примеру, жалоб, ходатайств, заявлений, с использованием также удаленного доступа и сети Интернет. Это стало возможным посредством внедрения Единого портала государственных услуг.

6. Использована и практически применена функция удаленного погашения задолженности, которая возможна ка до возбуждения исполнительного производства, так и после.

Внедрение удаленного доступа в исполнительное производство потребовало нормативной корректировки уведомительного порядка его участников. Кроме того, необходимо было нормативно определить то, с какого момента участника исполнительного производства можно считать надлежаще уведомленным, а акты, создаваемые и принимаемые в процессе его осуществления, официально и законным способом врученными.

В связи с чем 30 декабря 2020 года было введено в действие Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2020 года №1943 [7]. Введение в действие указанного нормативного правового акта позволило внести изменения в уже действующие Правила направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, которые ранее были утверждены Постановлением Правительства РФ от 29 июня 2016 года [8].

Тем самым было определено и введено в практическую деятельность нормативное правило, определяющее момент, с которого можно считать участника исполнительного производства надлежащим образом и законно извещенным, то есть официально уведомленным о процессуально значимом решении, принятом в рамках рассматриваемого вида производства.

С указанного момента у участника исполнительного производства на законном основании возникают дополнительные права и обязанности ли вступают в действие различные ограничения.

Согласно ранее действовавшим нормативным правилам от пользователя портала Госуслуг, являющегося участником исполнительного производства, требовалось получение личного согласия на доставку в электронной форме удаленным доступом уведомлений и копий документов от различных государственных органов, в том числе Федеральной службы судебных приставов РФ. при этом участник исполнительного производства считался надлежаще извещенным, а необходимый процессуальный документ или его копия врученными, при завершении отправки, совершаемой в формате online. Было достаточно завершенной корректной доставки, то есть чтобы отправляемый документ или уведомление были в полном объеме загружены в соответствующий раздел личного кабинета портала Госуслуг. Однако, не учитывался факт того ознакомился ли участник исполнительного производства с пересланным ему документом.

В настоящее время в связи с внесенными изменениями получения согласия на вручение извещений и процессуальных документов посредством портала Госуслуг от участника исполнительного производства не требуется. Пользователь личного кабинета портала Госуслуг вправе, при нежелании получать информацию от государственных органов, включая копии процессуальных документов, отключить указанную функцию.

В соответствии с внесенными изменениями в правила электронного документооборота посредством портала Госуслуг, участник исполнительного будет считаться надлежаще уведомленным при корректной доставки электронного документа в соответствующий раздел его личного кабинета, если в течении пятнадцати дней, с момента доставки такого документа он войдет под своей индивидуальной записью в личный кабинет. При этом к учету не принимается то, ознакомился ли пользователь с доставленным документом или уведомлением, или нет.

В том случае, если в течение пятнадцати дней с момента доставки электронного документа или уведомления участник исполнительного производства не пользовался своим личным кабинетом, он будет считаться ненадлежаще уведомленным. В данном случае судебный пристав-исполнитель обязан направить уведомление или копию документа участнику исполнительного производства иным способом.

Аналогично судебный пристав-исполнитель должен поступить в том случае, если участник исполнительного производства отключит в своем личном кабинете на портале Госуслуг функцию получения уведомлений от государственных органов.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Цифровизация деятельности в сфере современного исполнительного производства, исходя из его общего объема, частична. Это объясняется тем, что до настоящего времени, несмотря на многочисленные предпринимаемые меры по цифровизации исполнительного производства, приоритет остается за документооборотом, осуществляемом при помощи бумажных носителей. Доля бумажного документооборота в исполнительном производстве в значительной степени превышает электронный документооборот.

Тем самым, можно говорить о затянутости и недостаточной эффективности процесса цифровизации деятельности в сфере исполнительного производства.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 (ред. от 16.12.2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.05.2014 г. № 18 (часть II). Ст. 2158.

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017 г. № 20. Ст. 2901.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Апрель, 2018 г. № 4.

4. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»: утвержден президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс». URL: https://base.garant.ru/72302270/ (дата обращения: 14.11.2022)

5. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04 июня 2019 г. № 7 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс». URL: https://base.garant.ru/72190282/ (дата обращения: 14.11.2022)

6. Приказ ФССП России от 02 декабря 2020 г. № 810 (ред. от 30.12.2021 г.) «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы судебных приставов на 2021-2023 годы» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс». URL: https://base.garant.ru/404559924/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 14.11.2022)

7. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2020 г. № 1943 «О внесении изменений в Правила направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, при соблюдении которых лицо, участвующее в исполнительном производстве, считается извещенным» // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.12.2020 г. № 49. Ст. 7917.

8. Постановление Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 606 (ред. от 26.11.2020 г.) «О порядке направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб» // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.07.2016 г. № 28. Ст. 4732.

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelja 2014 g. № 312 (red. ot 16.12.2021 g.) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Justicija». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 05.05.2014 g. № 18 (chast' II). St. 2158.

2. Ukaz Prezidenta RF ot 9 maja 2017 g. № 203 «O Strategii razvitija informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 gody». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 15.05.2017 g. № 20. St. 2901.

3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26 dekabrja 2017 g. № 57 «O nekotoryh voprosah primenenija zakonodatel'stva, regulirujushhego ispol'zovanie dokumentov v jelektronnom vide v dejatel'nosti sudov obshhej jurisdikcii i arbitrazhnyh sudov». Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. Aprel', 2018 g. № 4.

4. Pasport federal'nogo proekta «Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie»: utverzhden prezidiumom Pravitel'stvennoj komissii po cifrovomu razvitiju, ispol'zovaniju informacionnyh tehno-logij dlja uluchshenija kachestva zhizni i uslovij vedenija predprinimatel'skoj dejatel'nosti, proto-kol ot 28 maja 2019 g. № 9. Spravochno-poiskovaja sistema «Konsul'tantPljus». URL: https://base.garant.ru/72302270/ (data obrashhenija: 14.11.2022)

5. Pasport nacional'nogo proekta «Nacional'naja programma «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii»: utverzhden prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam, protokol ot 04 ijunja 2019 g. № 7. Spravochno-poiskovaja sistema «Konsul'tantPljus». URL: https://base.garant.ru/72190282/ (data obrashhenija: 14.11.2022)

6. Prikaz FSSP Rossii ot 02 dekabrja 2020 g. № 810 (red. ot 30.12.2021 g.) «Ob utverzhdenii vedomstvennoj programmy cifrovoj transformacii Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov na 2021-2023 gody». Spravochno-poiskovaja sistema «Konsul'tantPljus». URL: https://base.garant.ru/404559924/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (data obrashhenija: 14.11.2022)

7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 nojabrja 2020 g. № 1943 «O vnesenii izmenenij v Pravila napravlenija s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej izveshhenija v forme jelektronnogo dokumenta, podpisannogo sudebnym pristavom-ispolnitelem usilennoj kvalificiro-vannoj jelektronnoj podpis'ju, pri sobljudenii kotoryh lico, uchastvujushhee v ispolnitel'nom pro-izvodstve, schitaetsja izveshhennym». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 07.12.2020 g. № 49. St. 7917.

8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 ijunja 2016 g. № 606 (red. ot 26.11.2020 g.) «O porjadke napravlenija s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej izveshhenija v forme jelektronnogo dokumenta, podpisannogo sudebnym pristavom-ispolnitelem usilennoj kvalificiro-vannoj jelektronnoj podpis'ju, i ob ispol'zovanii federal'noj gosudarstvennoj informacionnoj sistemy «Edinyj portal gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (funkcij)» dlja podachi hoda-tajstv, ob#jasnenij, otvodov i zhalob». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 11.07.2016 g. № 28. St. 4732.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Васенёв М.И., аспирант,
Любенко Ю.В., соискатель,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления

Аннотация: *в статье проанализированы особенности понятия интеллектуальной собственности, видов прав в законодательстве Соединённых Штатов Америки. В современном мире интеллектуальная собственность выходит на первый план, возникает все большее количество видом и элементов творческого труда человека. Без надлежащего анализа понятия интеллектуальности собственности невозможно представить дальнейшее развитие этой отрасли права. Интеллектуальная собственность – это широкое понятие, которое охватывает несколько различаемых законом типов прав, происходящих от разных видов творческой работы и, так или иначе, связанных с идеями. Идеи плохо защищены от кражи и плагиата, попадая в общественное пространство, каждый может заимствовать и использовать результат творческого труда правообладателей, тем самым нарушая их права. Законодательство США по вопросам защиты прав автора непрерывно развивается и занимает жесткую позицию в борьбе с "пиратством".*

При этом возникает также вопрос, что является объектом защиты, какие идеи обладают ценностью и должны быть законодательно защищены. Не всякий результат творческого труда, идея обладает признаками понятия интеллектуальная собственность и может выступать объектом правоотношений. Преобладает оценочный подход к идеям, экономическая ценность наделяет результат творческого труда признаками охраноспособности. Тем самым анализ понятия интеллектуальной собственности носит актуальный характер. При этом ориентирование понятия интеллектуальной собственности только на экономической ценности результата творческой деятельности, многие ученные ставят под сомнение, предлагая отказаться от понятия «интеллектуальная собственность». Определение результатов творческого труда т.е. нематериальных благ, через институт права собственности часто ограничивает права правообладателей и вызывает неоднозначное толкование.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, товарный знак, защита интеллектуальной собственности*

CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE LAW OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Vasenyov M.I., Postgraduate,
Lyubenko Yu.V., Applicant,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Management

Abstract: *the article analyzes the features of the concept of intellectual property, types of rights in the legislation of the United States of America. In today's world intellectual property comes to the fore, there is an increasing number of types and elements of creative work of man. Without a proper analysis of the notion of intellectual property, it is impossible to imagine further development of this branch of law. Intellectual property is a broad concept that encompasses several legally distinct types of rights derived from different types of creative work and, in one way or another, from ideas. Ideas are poorly protected against theft and plagiarism, entering the public space, everyone can borrow and use the creative work of rights holders, thereby violating their rights. United States legislation on the protection of the author's rights is constantly evolving and takes a firm stand against "piracy".*

It also raises the question of what is protected, which ideas have value and should be protected by law. Not every result of creative work, an idea has the features of the concept of intellectual property and can be the object of legal relations. An evaluative approach to ideas prevails, economic value gives the result of creative work signs of security. Thus the analysis of the concept of intellectual property is relevant. In this case, orientation of the concept of intellectual property only on the economic value of the result of creative activity, many scholars question, suggesting to abandon the concept of «intellectual property». The determination of the results of creative work, i.e. intangible goods, through the institution of property law often limits the rights of rights holders and causes ambiguity.

Keywords: *intellectual property, copyright, patent law, trademark, intellectual property protection*

Введение

Интеллектуальная собственность относится к творческим произведениям (например, литературные произведения, произведения искусства, рисунки, символы и т.д.), созданным автором с использованием своего интеллекта. С другой стороны, права интеллектуальной собственности – это права, предоставляемые физическим лицам на их интеллектуальные изобретения. Права на интеллектуальную собственность обычно предоставляются автору на определённый срок. Эти права предоставляют автору исключительные права на его изобретение. Интеллектуальная собственность охватывает широкий спектр деятельности и является неотъемлемой частью культурной и экономической жизни. Различные законы, защищающие права интеллектуальной собственности, признают эту связь.

Авторское право – это произведение творчества и исключительное право в пользу автора оригинального произведения. Существуют различные категории работ, которые могут быть зарегистрированы в соответствии с законом. По этой причине тема защиты права авторства является актуальной. Цель статьи – определить понятие авторства и особенности защиты права авторства.

Предметом исследования в работе выступает интеллектуальная собственность.

Объектом исследования в работе выступил рынок объектов интеллектуальной собственности США.

Методы исследования – анализ, синтез.

Права интеллектуальной собственности уже давно признаны в нескольких правовых системах. Например, патенты, защищающие изобретения, выдавались в Венеции уже в 15 веке, и были первыми современными попытками защитить интеллектуальную собственность с помощью международного права. Статья 27 Всеобщей декларации прав человека также касается защиты прав интеллектуальной собственности [4].

Развитие и благополучие человечества зависит от способности генерировать новые идеи и изобретения. Технологический рост требует создания и внедрения новых изобретений, а динамичные культуры постоянно ищут новые способы самовыражения. В этом постоянно меняющемся современном мире права интеллектуальной собственности имеют огромное значение. Они также важны, поскольку изобретатели, художники, ученые и компании тратят значительное время, деньги, энергию и усилия на разработку идей и продуктов и должны иметь возможность получить разумную прибыль на свои инвестиции, чтобы мотивировать их.

Обсуждение

Авторское право даёт исключительные права лицам, создающим оригинальные авторские произведения, включая литературные, драматические, музыкальные, художественные и другие интеллектуальные произведения.

Авторское право удостоверяется эксклюзивные права на лиц, которые создают оригинальные авторские работы, в том числе литературных, драматических, музыкальных, художественных и некоторых других интеллектуальных и творческих работ. Будучи формой закона об интеллектуальной собственности, он применяется как к опубликованным, так и к неопубликованным произведениям.

Авторское право предоставляет правообладателю исключительное право:

- Воспроизвести произведение в копиях;
- Подготовить имитационные работы на основе оригинальной работы;
- Распространять копии произведения;
- Выполнять произведение публично, если это литературное, музыкальное, драматическое или хореографическое произведение;
- Выставлять произведение публично, если это живописное, графическое, аудиовизуальное или скульптурное произведение. Это право также распространяется на неподвижные изображения из кинофильмов или других аудиовизуальных произведений;
- Публично транслировать произведение с помощью цифровой аудиопередачи, если произведение является звукозаписью.

Рассмотрим различные виды объектов авторского права и виды работ:

1. Литературные произведения.

Литературные произведения – это произведения, кроме аудиовизуальных произведений, выраженные словами, числами или другими словесными или числовыми символами или знаками. Это произведения, называемые «литературой», например романы, стихи, рассказы, очерки и т.д.

Письменные работы, такие как каталоги, справочники и базы данных, также применимы для защиты авторских прав. В Интернете это определение литературного произведения включает электронные письма, сообщения в блогах, сообщения на форумах и даже компьютерные программы и компьютерное программное обеспечение.

2. Музыкальные произведения.

Музыкальные произведения защищает музыкальные композиции, которые включают в себя инструментальную составляющую произведения, а также любые сопровождающие Музыкальные произведения должны иметь «принудительное лицензирование» после того, как они были выпущены для публики. Эти обязательные лицензии позволяют любому музыканту исполнять или записывать свою собственную версию песни без разрешения автора оригинальной песни.

3. Драматические произведения.

Любое действие со словами или музыкой или без них, которое может быть исполнено перед аудиторией, подпадает под категорию «драматических произведений». К драматическим произведениям относятся пьесы, сценарии, сценарии, хореографические записи, хореографические шоу и сценарии к фильму (но не к самому фильму). Любая работа, которая предназначена для драматического исполнения и была записана в той или иной форме, подлежит защите авторских прав. Владельцы авторских прав на драматические произведения имеют право воспроизводить, публиковать, публично исполнять, передавать или адаптировать свои произведения.

4. Художественные работы.

Художественные работы обычно включают в себя живописные, графические и скульптурные произведения. Некоторые примеры, представленные в этом разделе, включают картины и рисунки, скульптуры, поделки, архитектурные планы и здания; и фотографии; карты и планы. Цифровые иллюстрации также подпадают под эту категорию.

5. Кинофильмы и другие аудиовизуальные произведения.

Аудиовизуальная работа включает в себя все, что объединяет как изображения (визуальные), так и записанные звуковые (аудио). В категорию «аудиовизуальные произведения» входят не только фильмы. Все, от фильмов до слайд-шоу и видеоподкастов - все, что предназначено для визуального представления (будь то на проекторе, телевизоре или экране компьютера), состоящее из записанного звука и изображений.

6. Звукозаписи.

В отличие от авторского права на музыкальные произведения, которое защищает музыкальные ноты, составляющие песню, фактическая запись исполняемой нотации защищается как звукозапись. То есть фактическая запись песни на физический носитель (компакт-диск, кассета, mp3-файл и т. Д.) Считается звукозаписью. Звуки также могут включать речи, звуковые эффекты и аудиокниги.

7. Архитектурные работы.

Категория архитектурных работ защищает дизайн здания в архитектурных чертежах, архитектурных чертежах и даже сами здания. В случае архитектурных работ авторское право может защитить общую форму произведения, а также расположение и композицию пространств и элементов в дизайне. Здания соответствуют общим требованиям по защите авторских прав, если они не просто функциональны, но имеют достаточно оригинальный дизайн.

Чтобы произведение было защищено законом об авторском праве в России, оно должно соответствовать следующим требованиям:

1) оригинальность: произведение должно быть результатом интеллектуальной деятельности его автора;

2) творчество: произведение должно быть произведено в результате творческого труда человека;

3) фиксация на материальном носителе выражения.

Кроме того, онлайн-индустрия сделала шаг в сторону саморегулирования в сфере противодействия пиратству. Соответственно, российские ассоциации по защите прав владельцев и лицензиатов, крупные российские медиахолдинги и телекомпании, а также российские поисковые системы и крупные российские платформы, на которых размещается видеоконтент, подписали меморандум о сотрудничестве по защите исключительных прав на цифровые технологии. Этот меморандум направлен на более эффективную борьбу с нелегальным контентом в Интернете.

Поэтому учителям и администраторам необходимо иметь базовое понимание закона об авторском праве, чтобы избежать несанкционированного использования материалов, защищённых авторским правом.

Например, каждый раз, когда кто-то записывает защищённое авторским правом произведение на диск, применяется право на воспроизведение. Сканирование, оцифровка, загрузка и передача файлов – все это подразумевает права на воспроизведение. Если выставка или спектакль передаются в цифровом виде по сети, на компьютере, через который проходит материал, создается временная RAM-копия. Произведение должно быть оригинальным произведением, записанным на материальном носителе выражения.

В Соединённых Штатах действует система "первым изобрёл". В этом заключается основное отличие патентного законодательства США от патентного законодательства многих других промышленно развитых стран, согласно которому, если человек изобретает что-то первым, он или она имеет право на приоритет в

случае нарушения патента. В странах, где принят принцип первого изобретения, не имеет значения, кто первым изобрёл известный уровень техники, а важно, кто первым подал заявку в патентное ведомство.

Для того чтобы изобретение было признано патентоспособным Ведомством по патентам и товарным знакам США, необходимо выполнить несколько требований. Заявитель должен сначала сдать экзамен в соответствии с разделом 101 раздела 35. Это конкретное положение говорит о полезности изобретения. Идеи, природные объекты и научные принципы не патентуются, так же как идеи не патентуются по закону об авторском праве.

В разделе 102 главы 35 рассматривается новизна. В этом разделе говорится, что никто не может получить патент, если не соблюдён ряд требований. Изобретение является новым в том смысле, что оно не известно и не используется другими в этой стране [3].

Существует два основания для регистрации торговой марки в Ведомстве по патентам и товарным знакам США.

Товарный знак может быть основан на его использовании в течение определённого периода времени в торговом обороте или на добросовестном намерении использовать. Преимущество регистрации товарного знака, который в настоящее время находится в торговом обороте, заключается в том, что нарушенный товарный знак может быть немедленно принудительно защищён. Если на основании намерения использовать торговую марку, у нарушителя есть возможность использовать нарушающую торговую марку до тех пор, пока вся документация, относящаяся к торговой марке, не будет представлена в Бюро по патентам и товарным знакам США и одобрена им.

Преимущество регистрации торговой марки заключается в том, что после пяти лет непрерывного использования знак считается свободным от оппозиции.

Существует два типа маркировки. Вы также можете иметь свой собственный знак с напечатанным после него знаком ™, даже если он не зарегистрирован в Бюро по патентам и товарным знакам США.

Самым важным является неразглашение сведений о творчестве. В отношении всех других форм ИС владелец ИС должен предоставить копию изобретения или произведения искусства в указанное федеральное ведомство и, в случае патентов, объяснить, как патент может быть восстановлен лицом, обладающим соответствующей квалификацией в данной области. В рамках коммерческой тайны владелец не обязан раскрывать эту информацию.

Важно учитывать влияние закона и политики об авторском праве на доступ к цифровому контенту и, следовательно, на доступ к знаниям и обучению. Предполагается, что закон должен содержательно реагировать на технологические изменения. Отсюда следует, что там, где закон об авторском праве развивается для борьбы с цифровым пиратством, также предполагается, что закон должен развиваться таким образом, чтобы облегчить законное использование. Закон об авторском праве служит как частным, так и общественным интересам. Частный интерес к закону об авторском праве — это исключительное право автора пользоваться плодами своих творческих усилий. Общественный интерес в законе об авторском праве заключается в распространении и использовании произведений общественностью. Стоит понимать, насколько частные права в цифровой сфере сбалансированы с общественными интересами, в данном случае правом на доступ к знаниям и учебным материалам.

Философские подходы учёных-юристов подчёркивают основные характеристики парадигмы цифрового авторского права. Эти школы мысли варьируются от полной отмены защиты авторских прав на произведения до умеренного подхода, который охватывает баланс прав между государством и частным сектором. Крайние минималисты утверждают, что закон об авторском праве мёртв. Эта школа мысли предлагает отменить закон об авторском праве для цифровых произведений, поскольку он не соответствует текущим реалиям. Неоклассики утверждают, что власть, находящаяся в настоящее время в руках правообладателей, должна сдерживаться общественными интересами. Постмодернисты придерживаются субъективного взгляда на цифровое авторское право, основанного на совместной концепции взаимодействия с текстом. Постмодернисты были первооткрывателями идеи произведений, создаваемых пользователями. Сторонники умеренного подхода подчёркивают важность применения исключений и ограничений к авторским произведениям в цифровой форме. Мы поддерживаем умеренный подход, так как он выступает за сбалансированный подход. Мы считаем, что необходим сбалансированный и технологически нейтральный подход к закону об авторском праве. С одной стороны, закон об авторском праве может стать неуместным и неработоспособным, если к цифровым произведениям будут применяться несоответствующие принципы авторского права. Верно и обратное - принципы авторского права, разработанные для решения цифровых проблем, неприменимы в аналоговом мире. Речь идёт об исключении временного воспроизведения. Без этого исключения мы не сможем выходить в Интернет, поскольку (временная) копия создаётся, когда человек просматри-

вает веб-страницу в веб-браузере. Исключение временного копирования жизненно важно для цифрового мира, но совершенно неприменимо к традиционным произведениям.

Существует несколько способов защиты интеллектуальной собственности. Традиционно существует три основных направления защиты нематериальных творений: патентное право, авторское право и законодательство о товарных знаках. Они регулируются патентным правом (Раздел 35 Свода законов США), авторским правом (Раздел 17 Свода законов США) и законом о товарных знаках (Раздел 15 Свода законов США, Глава 22), соответственно [6].

Такая широкая защита прав интеллектуальной собственности имеет множество преимуществ. Как уже упоминалось выше, интеллектуальная собственность является довольно важным источником дохода для США. Кроме того, США считаются одним из мировых лидеров в области фундаментальных и прикладных исследований [4]. Преимуществом такой защиты является то, что правительства, венчурные капиталисты готовы вкладывать значительные средства и инвестировать в новые проекты. В результате учёные и изобретатели в США имеют доступ к творческим возможностям, недоступным в других странах. Именно поэтому в США так много желающих инвестировать в новые перспективные проекты. Поэтому ещё одним преимуществом является приток в США инвесторов, учёных и высококвалифицированных сотрудников. Несмотря на неприятие за рубежом распространённости такой защиты ПИС, можно сделать вывод, что США получают большую выгоду от этой политики, которая оказывает влияние на этот вид деятельности, творчество и научное процветание.

Однако глобальное распространение правил ИС, особенно в США, сталкивается с проблемой сопротивления со стороны других стран. США широко используют торговые и экономические рычаги для защиты своей национальной ИС за рубежом. Критики утверждают, что США, пытаясь привести свои правила в области ИС в соответствие с торговыми соглашениями, способствуют формированию несправедливой, предвзятой и даже дисфункциональной правовой культуры в этой области [1].

Возможно, именно из-за такого обобщения правил интеллектуальной собственности и усиления защиты авторских прав США сталкиваются с такими проблемами, как злоупотребление правом подавать в суд за предполагаемое нарушение патента. Ещё одной проблемой, возникающей, в связи с этим, является неконтролируемый рост судебных издержек и судебных издержек. В США стороны традиционно несут свои собственные судебные издержки в случае судебного разбирательства, независимо от его исхода.

Наиболее актуальным вопросом является защита прав интеллектуальной собственности в интернете. Развитие Интернета сделало эту проблему особенно актуальной. В прошлом эффективная защита была возможна, если была разработана надёжная система защиты. Сегодня проблемы обхода технических средств защиты материалов, защищённых авторским правом, и нарушения целостности информации об управлении авторскими правами являются более серьёзными. Решением этой проблемы могут стать законодательные положения о мерах технической защиты, например, санкции за использование хакерских средств.

США заняли жёсткую позицию в борьбе с "пиратством". Актуальная проблема "пиратского" контента побудила законодателей многих стран ввести новые инструменты для защиты защищённых авторским правом материалов в Интернете. Антипиратские меры необходимы для того, чтобы уменьшить приток рекламы на сайты, которые продают товары и услуги нелегально или незаконно. Для решения этой проблемы в США такие интернет-компании, как Google, Microsoft и Yahoo, подписали с Белым домом добровольный кодекс поведения для создания антипиратской системы. Правообладатели должны фиксировать случаи нарушения авторских прав и кражи интеллектуальной собственности и направлять жалобы в интернет-компании [2]. Это выгодно как компаниям, так и правительствам, поскольку основано на добровольном сотрудничестве и является лучшим вариантом борьбы с пиратством. Он также позволяет избежать принудительного удаления незаконного контента, что равносильно цензуре, которая привела к отклонению таких законопроектов, как SOPA и PIPA, и вызвала много критики и дебатов.

Ещё одной проблемой защиты ПИС является сложность обеспечения соблюдения законов о ПИС. Основным препятствием является сложность поиска доказательств нарушения авторских прав. Скриншоты считаются самым простым способом документирования нарушения. Однако самым большим недостатком является то, что скриншоты не могут быть приняты в суде. Более серьёзным методом является нотариальное заверение содержания веб-сайта. Однако этот метод требует, во-первых, достаточных финансовых затрат. Во-вторых, эта услуга предоставляется не всеми нотариусами и может быть недоступна в небольших городах. На мой взгляд, наиболее эффективным способом предоставления доказательств нарушения прав интеллектуальной собственности автора является создание веб-хранилища с размещёнными на нем контролируемыми копиями электронных документов. Однако этот метод больше применим к крупным веб-сайтам и интернет-компаниям.

Все вышеперечисленные проблемы, связанные с защитой интеллектуальной собственности в США, могут быть устранены, поскольку правительство США уже предпринимает шаги для их решения. Основными мерами по защите ИС должны стать активный сбор информации о нарушениях ИС, ежегодные опросы для оценки поведения американских пользователей в интернете, создание прецедентов судебного преследования пиратских ресурсов за деньги и выявление пользователей, незаконно использующих интеллектуальную собственность. В этой области также должно быть введено новое законодательство для предотвращения нарушений. Ещё одной важной мерой является применение санкций, отключение и блокировка пиратских доменов. Поскольку интернет-пиратство является уголовным преступлением, необходимо установить правила уголовной ответственности за интернет-пиратство и обеспечить их полное и неукоснительное соблюдение.

В дополнение к традиционным областям защиты интеллектуальной собственности в США необходимо продвигать защиту прав в Интернете. Все хотят защитить свою интеллектуальную собственность.

В качестве примера сравним особенности авторского права в США и Южноафриканской республике. США подписали Декларацию авторских прав в 1996 году. В 1998 году США приняли «Закон об авторском праве в цифровую эпоху» (Закон ВОИС по авторскому праву, исполнениям и фонограммам от 1998 года (DMCA), чтобы обуздать цифровое пиратство). DMCA соответствует обязательствам, установленным для стран-участниц ДАП. Закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху» (DMCA) предусматривает, что владельцы авторских прав могут применять ТРМ для защиты своих авторских прав от несанкционированного копирования и несанкционированного доступа к ним. Владельцы авторских прав также могут встраивать информацию об управлении правами в свои произведения, чтобы помочь управлять своими правами в цифровой сфере.

Положения «противодействия обходу» запрещают третьим сторонам обходить ТРМ и информацию об управлении правами посредством применения методов и устройств обхода. Некоторые авторы отмечают, что DMCA запрещает как использование технологий дешифрования (акт обхода цензуры), так и доступ к технологиям дешифрования (торговля инструментами и технологиями обхода цензуры). Торговля инструментами и технологиями обхода не вызывает возражений, если такие инструменты или технологии имеют коммерческое значение, отличное от возможности обхода.

Закон США об авторском праве перечисляет неисчерпывающие факторы, которые суды должны учитывать при анализе требований добросовестного использования, а именно цель использования; характер работы; размер и значение скопированной части; и влияние использования на стоимость или потенциальный рынок для этой работы. Например, два судебных дела, которые касались добросовестного использования произведений, охраняемых авторским правом, в цифровой сфере, касались доступа к произведениям, знаниям и обучению. В одном случае речь шла о огромной библиотеке отсканированных книг, созданных Google, а во втором - о добросовестном использовании электронных пакетов курсов.

В 2013 году правительство Южной Африки приступило к пересмотру закона Южной Африки об авторском праве, Закона об авторском праве № 98 от 1978 года. Закон о поправках к авторскому праву 2015 года был опубликован для общественного обсуждения в июле 2015 года. Впоследствии был опубликован Закон о поправках к авторскому праву 2017 года. Законопроект о внесении поправок в авторское право 2015 г. представил долгожданную реализацию ДАП и ДИФ. Закон о внесении поправок 2017 г. основывается на этой первой попытке реализовать Интернет-договоры в южноафриканском законодательстве об авторском праве. В нем также рассматриваются обширные поправки к закону об авторском праве в Южной Африке, предусматривающие принятие положений о добросовестном использовании, а также о справедливых условиях для образовательной деятельности. Последняя версия Закона об авторских правах была опубликована 16 ноября 2018 г.

Некоторые из наиболее спорных предложений, которые могут привести к злоупотреблениям, включают положение о том, что воспроизведение всех учебников допустимо, если учебник не продаётся в Южной Африке или не может быть получен по цене, разумно сопоставимой с той, которая обычно взимается в Южной Африке за сопоставимые работает. Неясно, как следует определять цену на сопоставимые работы.

Защита авторских прав не является абсолютной, и закон об авторском праве предусматривает исключения и ограничения. Общепризнано, что пользователи имеют законный интерес в возможности использовать произведение, защищённое авторским правом, без разрешения его правообладателя. Добросовестность в целом позволяет пользователю авторских прав воспроизводить произведение в целях частного изучения

Предлагается, чтобы обоснование защиты авторских прав в развивающихся странах было адаптировано к их экономическим и социальным реалиям. Законодательный орган Южной Африки должен принять умеренные исключения и ограничения на использование произведения, исходя из обоснованных целей политики. Подход, принятый в законопроекте о внесении поправок в авторское право, поддерживает радикаль-

ный подход. Более предпочтительным является умеренный подход, который обеспечивает регулируемый доступ к обходу для добросовестного использования или честных сделок, как это предусмотрено в Новой Зеландии.

Как правило, работник как автор владеет личными неимущественными правами в отношении произведения, созданного в рамках его трудовых обязанностей.

Произведение может быть защищено авторским правом и одновременно зарегистрировано как товарный знак. Как правило, товарные знаки не защищены авторским правом, за исключением случаев, когда работа имеет характеристики оригинальности. В этих случаях возникает проблема различения. Чтобы предотвратить проблемы, вызванные этим различием, лицо, подающее заявку на регистрацию товарного знака, должно получить письменное согласие от правообладателя на использование произведения в качестве охраняемого товарного знака. Этот документ также должен предусматривать отказ от личных прав в отношении работы, защищённой авторским правом.

Что касается дизайнерского решения, то у автора есть возможность защитить своё произведение как промышленный образец в соответствии с патентным законодательством, так и как проектное произведение в соответствии с нормами авторского права. В целом, патентная форма защиты дизайна шире и полнее, чем защита авторским правом, поскольку она подчёркивает наиболее ценные особенности произведения.

Заключение

Для достижения поставленной цели в статье использованы такие методы исследования, как теоретический анализ юридической литературы по теме исследования; анализ и обобщение передового опыта и юридической практики в сфере права авторства и защиты права авторства; социологические методы исследования; метод экспертной оценки, самооценка; проведение анализа нормативных актов; статистическая обработка результатов анализа правоприменительной практики.

В Соединенных Штатах действует система "первым изобрел". В этом заключается основное отличие патентного законодательства США от патентного законодательства многих других промышленно развитых стран, согласно которому, если человек изобретает что-то первым, он или она имеет право на приоритет в случае нарушения патента. В странах, где принят принцип первого изобретения, не имеет значения, кто первым изобрел известный уровень техники, а важно, кто первым подал заявку в патентное ведомство.

Закон США об авторском праве перечисляет неисчерпывающие факторы, которые суды должны учитывать при анализе требований добросовестного использования, а именно цель использования; характер работы; размер и значение скопированной части; и влияние использования на стоимость или потенциальный рынок для этой работы. Например, два судебных дела, которые касались добросовестного использования произведений, охраняемых авторским правом, в цифровой сфере, касались доступа к произведениям, знаниям и обучению. В одном случае речь шла о огромной библиотеке отсканированных книг, созданных Google, а во втором – о добросовестном использовании электронных пакетов курсов.

США заняли жесткую позицию в борьбе с "пиратством". Актуальная проблема "пиратского" контента побудила законодателей многих стран ввести новые инструменты для защиты защищенных авторским правом материалов в Интернете. Антипиратские меры необходимы для того, чтобы уменьшить приток рекламы на сайты, которые продают товары и услуги нелегально или незаконно. Для решения этой проблемы в США такие интернет-компании, как Google, Microsoft и Yahoo, подписали с Белым домом добровольный кодекс поведения для создания антипиратской системы. Правообладатели должны фиксировать случаи нарушения авторских прав и кражи интеллектуальной собственности и направлять жалобы в интернет-компании.

Выделены основные характеристики защиты права авторства: практико-ориентированный характер, личностная значимость и интерес, проблемный характер, метапредметный характер.

Новизна и теоретическое значение статьи заключается в том, что расширены имеющиеся теоретические представления о необходимости и возможности регулирования защиты права авторства; уточнена дефиниция понятия «право авторства»; рассмотрены и классифицированы некоторые виды защиты права авторства.

Практическая значимость статьи состоит в том, что разработаны методические рекомендации правоприменительной практики в сфере защиты права авторства; предложены направления совершенствования законодательства по защите права авторства.

Литература

1. Патентный закон США. С. 10.
2. Закон об авторском праве США. С. 21.

3. Авторское право: Нормативные акты. Национальное законодательство и международные конвенции / Сост., авт. вступ. ст. И. Силонов. М.: Элит-Клуб; Юридическая книга, 2017. С. 82 – 90.

4. Авторское право и смежные права. Законы, конвенции, договоры и соглашения: Сборник материалов / Под ред. С.А. Сударикова. Мн.: Пейто, 2017. С. 70.

5. Авторское право и смежные права / Автор аналитического текста и составитель И.В. Попова; Под ред. В.Ф. Чигира. Мн.: Амалфея, 2018. С. 202.

6. Азбука авторского права. М.: Юридическая литература, 2017. С. 645

7. Богуславский М.М. Вопросы авторского права в международных отношениях. М.: Наука, 2017. С. 640.

8. Вессийе-Ресси М. Ремесло творца // Бюллетень по авторскому праву. М.: Международные отношения. 2018. № 4. С. 25.

9. Вишневецкий Л.М., Иванов Б.И., Левин Л.Г. Формула приоритета. Возникновение и развитие авторского и патентного права. Л.: Наука, 2017. С. 556.

10. Глоссарий издательских и полиграфических терминов. International Book Development Ltd., London, 1998. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 120.

11. Гришаев С.П. Основные положения авторского права США: дис. … к. ю. н. М., 2017. С. 35.

12. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. М.: 2016. 132 с

13. Защита программного обеспечения: пер с англ.: Д. Гроувер, Р. Сатер, Дж. Фипс и др. / Под ред. Д. Гроувера. М.: Мир, 2016. С. 223.

14. Кондрин А.С. Как зарегистрировать авторское право на российское периодическое издание в США? // Законодательство и практика средств массовой информации. 2017. № 6. С. 324.

15. Кондрин А. С. Регистрация звукозаписей в США // Юридический консультант. 2017. № 7. С. 17.

16. Кузнецов М.Н. Охрана авторских прав в международном частном праве. М.: 2017. С. 29.

17. Матвеев Ю.Г. Международная охрана авторских прав. М.: Юридическая литература. 2017. С. 56.

18. Международные конвенции об авторском праве. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Комментарий К. Мазуйе. М.: Прогресс, 2016. С. 44.

19. Права интеллектуальной собственности в Соединённых Штатах Америки. Документы, комментарии специалистов, справочные материалы / Сост. Эрик Джонсон. М.: 2017. С. 34.

20. Пронина О. Развитие канадского авторского права в первой половине XX века // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 6. С. 120.

References

1. Patentnyj zakon SShA. S. 10.

2. Zakon ob avtorskom prave SShA. S. 21.

3. Avtorskoe pravo: Normativnye akty. Nacional'noe zakonodatel'stvo i mezhdunarodnye konvencii. Sost., avt. vstup. st. I. Silonov. M.: Jelit-Klub; Juridicheskaja kniga, 2017. S. 82 – 90.

4. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. Zakony, konvencii, dogovory i soglashenija: Sbornik materialov. Pod red. S.A. Sudarikova. Mn.: Pejto, 2017. S. 70.

5. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. Avtor analiticheskogo teksta i sostavitel' I.V. Popova; Pod red. V.F. Chigira. Mn.: Amalfeja, 2018. S. 202.

6. Azbuka avtorskogo prava. M.: Juridicheskaja literatura, 2017. S. 645

7. Boguslavskij M.M. Voprosy avtorskogo prava v mezhdunarodnyh otnoshenijah. M.: Nauka, 2017. S. 640.

8. Vessije-Ressi M. Remeslo tvorca. Bjulleten' po avtorskomu pravu. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2018. № 4. S. 25.

9. Vishneveckij L.M., Ivanov B.I., Levin L.G. Formula prioriteta. Vozniknovenie i razvitie avtorskogo i patentnogo prava. L.: Nauka, 2017. S. 556.

10. Glossarij izdatel'skih i poligraficheskih terminov. International Book Development Ltd., London, 1998. M.: Aspekt Press, 2016. S. 120.

11. Grishaev S.P. Osnovnye polozhenija avtorskogo prava SShA: dis. … k. ju. n. M., 2017. S. 35.

12. Djuma R. Literaturnaja i hudozhestvennaja sobstvennost'. M.: 2016. 132 s

13. Zashhita programmnogo obespechenija: per s angl.: D. Grouver, R. Sater, Dzh. Fips i dr. Pod red. D. Grouvera. M.: Mir, 2016. S. 223.

14. Kondrin A.S. Kak zaregistrirovat' avtorskoe pravo na rossijskoe periodicheskoe izdanie v SShA? Zakonodatel'stvo i praktika sredstv massovoj informacii. 2017. № 6. S. 324.

15. Kondrin A. S. Registracija zvukozapisej v SShA. Juridicheskij konsul'tant. 2017. № 7. S. 17.

16. Kuznecov M.N. Ohrana avtorskih prav v mezhdunarodnom chastnom prave. M.: 2017. S. 29.

17. Matveev Ju.G. Mezhdunarodnaja ohrana avtorskih prav. M.: Juridicheskaja literatura. 2017. S. 56.
18. Mezhdunarodnye konvencii ob avtorskom prave. Bernskaja konvencija ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij. Kommentarij K. Mazuje. M.: Progress, 2016. S. 44.
19. Prava intellektual'noj sobstvennosti v Soedinjonnyh Shtatah Ameriki. Dokumenty, kommentarii specialistov, spravochnye materialy. Sost. Jerik Dzhonson. M.: 2017. S. 34.
20. Pronina O. Razvitie kanadskogo avtorskogo prava v pervoj polovine XX veka. IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2017. № 6. S. 120.